

А.С.МАКАРЕНКО

СОЧИНЕНИЯ

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР
ИНСТИТУТ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПЕДАГОГИКИ

А.С.МАКАРЕНКО

СОЧИНЕНИЯ

Редакционная коллегия:

И. А. Каиров (главный редактор)

Г. С. Макаренко

Е. Н. Медынский

Москва · 1950

А.С. МАКАРЕНКО

~ ~ ~
СОЧИНЕНИЯ

ТОМ ВТОРОЙ

МАРШ 30 ГОДА

ПОВЕСТЬ

•
ФД-1

ПОВЕСТЬ

•
МАЖОР

ПЬЕСА

•
*Издательство
Академии педагогических наук
РСФСР*

Подготовили к печати:
В. Е. Гмурман, Г. С. Макаренко
и А. Г. Тер-Гевондян.

ОТ РЕДАКЦИИ

Во второй том вошли произведения, относящиеся к периоду педагогической деятельности А. С. Макаренко в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. На протяжении восьми лет (1928—1935 гг.) выдающийся советский педагог руководил коммуной и создал образцовое учреждение нового типа, какого еще не знала история педагогики.

Высокий уровень большевистского политического воспитания, воспитания в духе великих идей Ленина и Сталина, научно обоснованная методика воспитательной и образовательной работы, соединение школьного обучения с производительным трудом на советском индустриальном производстве давали возможность успешно решать в коммуне самые трудные педагогические задачи.

Художественные произведения, которые входят в данный том, повести: «Марш 30 года» и «ФД-1», пьеса «Мажор» отражают жизнь и опыт коммуны им. Ф. Э. Дзержинского с 1928 по 1933 г. и написаны в эти же годы. Хронологически более позднее произведение — повесть «Флаги на башнях», посвященное последним годам работы А. С. Макаренко в коммуне, публикуется в третьем томе Сочинений.

«Марш 30 года», «ФД-1» и «Мажор» написаны на фактическом материале коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. Однако, описывая подлинные события и характеры живых людей, автор не ограничивается простым воспроизведением фактов. Он воссоздает их творчески, обращается к ним для утверждения идей советской педагогики, идей коммунизма.

В этой идейной насыщенности и политической целеустремленности — особая ценность произведений педагога-марксиста.

Повесть «Марш 30 года» и пьеса «Мажор» были изданы небольшими тиражами при жизни писателя. В настоящее время эти книги представляют библиографическую редкость.

В основу принятого в данном томе текста повести «Марш 30 года» положено издание 1932 г. (Государственное издательство художественной литературы); пьеса «Мажор» печатается по тексту издания 1935 г. (то же издательство); «ФД-1» публикуется по авторской рукописи.

Кроме художественных произведений, в приложениях к настоящему тому публикуются произведения, написанные А. С. Макаренко к пятилетию коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. К ним относятся статья «Педагогижимают плечами», хроника «Перевернутые страницы», обзор «Один день коммуны», статья «Конституция страны ФЭД». Эти работы А. С. Макаренко имеют большое педагогическое значение.

В приложениях также печатаются принадлежащие перу А. С. Макаренко «Характеристики выпускников». В конце тома помещены комментарии, примечания и предметный указатель. Отдельным приложением к тому публикуются 30 фотоснимков «Жизнь коммуны им. Ф. Э. Дзержинского в фотоиллюстрациях».

МАРШ 30 ГОДА

ПОВЕСТЬ

Памятник Феликсу Дзержинскому

Вступление

Харьковская окраина. Опушка леса, красивый темно-серый дом, цветники, фруктовый сад, площадки для тенниса, волейбола и крокета, открытое поле, запахи чебреца, васильков, полыни...

Здесь расположена самая молодая детская коммуна на Украине — коммуна им. Феликса Дзержинского, открытая 29 декабря 1927 г. Сто пятьдесят коммунаров (сто двадцать мальчиков и тридцать девочек) живут в великолепном доме, выстроенном специально для них.

Многие товарищи упрекали коммунаров-дзержинцев в «дворцовой жизни» и даже в барстве. Подумайте, живут в таком роскошном доме! Дом с паркетными полами, с великолепной уборной, с холодными и горячими душами, с расписными потолками...

— Разве это воспитание? Привыкнув ребята к такому дому, и душам, и паркетам, а потом выйдут в жизнь, где ничего этого нет, и будут страдать. Надо воспитывать применительно к жизненной обстановке.

Говорили еще и так:

— Рабочему человеку все это не нужно. Рабочему нужно, что поздоровее и попроще, а эти финтифлюшки ни к чему.

Коммунары, впрочем, не особенно прислушивались к этой болтовне. Они не сомневались в том, что душ — вещь хорошая, да и паркет — тоже неплохо.

В первые дни коммунары только восторгались всем этим, но вскоре оказалось, что паркет нужно беречь, что

с душем нужно обращаться умеючи, что с расписных потолков нужно ежедневно стирать пыль. Сохранение этого дома — памятника Дзержинскому, содержание его в чистоте стало делом всех коммунаров.

Наш дом достаточно велик, несмотря на то, что по фасаду он большим не кажется. Это двухэтажный темно-серый дом, без каких бы то ни было архитектурных вычуров. Только сетка вывески с золотыми буквами над фронтоном, да два флагштока над нею украшают здание. В центре — парадная дверь. От главного корпуса протягиваются вглубь три крыла, так что все здание имеет форму буквы Ш. В первый год существования нашей коммуны других зданий у нас не было, если не считать нескольких стареньких дач, в которых кое-как расположился обслуживающий персонал. На втором году коммуна построила одноэтажный длинный флигель. Теперь здесь — квартиры работников коммуны и мастерские.

Войдя в дом и пройдя небольшой вестибюль, вы остановитесь перед парадной лестницей. Она довольно широка, освещена верхним окном в крыше, стены и потолок расписаны.

Нижний этаж симметричен. Направо и налево тянется светлый коридор. С каждой стороны лестницы расположено по одной комнате управления, по одному классу и по одному залу. Левый зал у нас называется «громкий» клуб. Там — сцена и киноустановка. Правый зал — столовая. Рядом с ним кухня. И в классах и в залах большие окна. В «громком» клубе собрано все то великолепие — гардины, портреты, расписные потолки и т. д., — тлетворным влиянием которого нас попрекали. В зале рояль и хорошие венские стулья, изготовленные в нашей мастерской. В столовой пятнадцать столов, накрытых клеенкой, у каждого стола по десять венских стульев. Портреты Ленина, Сталина и Дзержинского. И больше ничего. Стена-окно отделяет столовую от кухни. В кухне — в белом колпаке Карпо Филиппович.

В классах нет парт, — двухместные дубовые столики и двухместные дубовые легкие диванчики.

Подыдемся по парадной лестнице на второй этаж.

На первой площадке лестницы, под портретом Дзержинского, имеется две двери: одна из них ведет в «тихий» клуб, вторая — в спальню девочек.

У этой спальни есть своя длинная и бурная история.

Окна выходят на север, пол не паркетный, и, главное — комната очень велика. Наши ребята против больших спален.

Первыми здесь поселились ребята одиннадцатого отряда, все — малыши и новенькие. Постоянное отставание этого отряда во всех решительно областях, неряшливый, некоммунарский вид Петьки Романова, Гришки Соколова, Мизяка, Котляра, Леньки и других «пацанов», вечные разговоры на общих собраниях и в совете командиров о том, что одиннадцатый отряд надо подтянуть, различные мероприятия вплоть до лишения малышей права выборов командира, — все это достаточно всем надоело. Летнее избирательное собрание 1929 г. назначило в одиннадцатый отряд командира из старших, комсомольца, но он скоро, не справившись с заданием, категорически заявил на собрании, что лучше будет целый год чистить уборные, чем командовать «этой братвой». Начались бурные собрания, одно за другим, на которых заведующий крыл комсомольцев за то, что забросили «пацанов», а коммунар Алексеенко требовал жестких законов для них. Пацаны тоже выступали на собрании и доказывали, что никто не виноват, если штаны быстро рвутся, если руки и шеи не отмываются, если постели неизвестно кем разбрасываются, если стрелы попадают не в дерево, а в окно, если полотенце почему-то оказывается не на своем месте. Но в конце концов было принято твердое решение: расформировать одиннадцатый отряд и разделить малышей между остальными десятью отрядами, состоявшими из более взрослых ребят. Совету командиров было поручено привести это решение в исполнение. Целый день продумали командиры, и, как ни вертели, все выходило, что придется девочкам покинуть свои прекрасные две спальни наверху и переселиться в одну, на место одиннадцатого отряда. В совете командиров было восемь командиров, из них только две девочки: командиры пятого и шестого отрядов. Девочки протестовали и ехидно указывали:

— Конечно, нас только двое, так вы можете что угодно постановить.

В конце концов предложили девочкам компенсацию, на которую они согласились. Купили девочкам гардины,

поставили посреди спальни большой хороший дубовый стол и дюжину стульев, на пол положили пеньковую дорожку с зелеными кантами. Обещали еще дать им трюмо, да этого обещания не исполнили по финансовым соображениям. Правда, девочки и не настаивали.

Вот почему сейчас у девочек так хорошо обставлена спальня.

В «тихом» клубе альфрейные потолки и великолепная мебель: четыре восьмигранных дубовых стола, окруженных светлыми венскими стульями. Особенно заботливо обставлены уголки Дзержинского и Ленина. «Тихим» клуб называется потому, что в нем нельзя громко разговаривать. Здесь можно читать, играть в шахматы, шашки, домино и другие настольные игры.

За клубом — комната для книг. У дзержинцев до шести тысяч томов в библиотеке.

Верхний этаж занят спальнями. Их одиннадцать, и почти все они одинаковы: на двенадцать-шестнадцать человек каждая. В широком коридоре и во всех спальнях — паркетные полы. Все кровати — на сетках и покрашены под слоновую кость. Комнаты все очень высокие, много воздуха и солнца.

В том же здании, внизу — мастерские, о которых еще много придется говорить, а на втором этаже — больничка-амбулатория и две-три кровати на всякий случай. Но коммунары редко болеют, и эти кровати стоят пустыми. Наш лекпом поэтому занимается больше медицинскими разговорами и воспоминаниями о своей прежней медицинской деятельности, когда он был подручным у какого-то светила и затмевал это светило благодаря своему таланту и удачливости. Ребята лекпому не верят и смеются.

Как мы начали

Обычно детские дома, колонии, городки помещаются в старых монастырях или в бывших помещичьих гнездах. За время революции многие из этих ветхих построек обратились в развалины. Прежде чем размещать в них детей, приходилось восстанавливать разрушенное. Окрестные плотники и жестяники, производившие ремонт, хо-

дили по имениям со своим нехитрым инструментом, украшая строения свежими сосновыми заплатами и доморощенными пузатыми печами. По уютным когда-то комнатам размещались объекты социального воспитания. Для них расставлялись шаткие проволочные кровати, и на вбитых в стены четырехдюймовых гвоздях развешивались грязные полотенца. Те же плотники в честном порыве втиснули в расшатавшийся паркет новые сосновые ингредиенты, и под бдительным оком санкомов заходили по паркету половые тряпки, обильно смачиваемые грязной водой. Крылечки, предназначенные для нежных ножек тургеневских женщин, и перильца, на которые должны были опираться нежные ручки, не могли выдержать физкультурных упражнений неорганизованной молодежи, и зимою их обломки дослуживали последнюю службу человечеству: с аппетитом пожирал сухое дерево разложенный в печах огонь. Удобные для размещения ампирных диванчиков и различных пуфов небольшие комнатки не соответствовали новым требованиям. Многочисленные переборки и простенки были серьезным недостатком общежитий. Они были зачастую столь стары, что из них вываливались гвозди, и домашние штукатурки напрасно прибавляли к их толщине два-три вершка глины. Они стояли до поры до времени, эти бугристые изнемогавшие стены. «Клифтами», штанами, рукавами и плечами вытирался мел, которым ребята белили стены. Обваливалась глина. Наступал момент, когда явственно обнажался древесный скелет. Последний часто использовался ребятами как топливо.

В монастырях — та же история и те же картины. Только стены в монастырях гораздо массивнее, только запахи в бывших кельях гораздо живучее: с большим трудом вытесняется приторный запах ладана. Но переборки и стены здесь разрушались скорее, крылечки в самом непродолжительном времени заменялись приставленной доской.

В монастыре детский дом прежде всего с великим увлечением приспособлял под клуб церковь. Десятисажженные высоты и храмовые просторы страшно увлекали наших педагогов, которым представлялось: вот в этих дворцах забурлит клубная работа, вот здесь разрешатся все проблемы нового воспитания. Перестройка этих церк-

вей стоила очень дорого, а результаты получались, просто говоря, неудовлетворительные. Летом ребят не загонишь в полутемный гулкий и неуютный зал, а зимою ничем клубный воздух не отличается от свежего зимнего. Все — потому, что когда перестраивали храм, то, оказывается, не сообразили: никакими печами и никакими тоннами топлива помещенне не обогреешь.

Полуподвальная трапезная со стенами и подоконниками шириною в полторы сажени, с нависшими сводами, обставленная древними столами длиною в четверть километра, конечно, обращалась в столовую. Она трижды в день наполнялась шумливой и нетерпеливой толпой, и поэтому никогда не находилось времени убрать столовую, как следует. Пыльные окна скоро становились целыми государствами пауков, кое-как прикрытые масляные спасители, богородицы и чудотворцы начинали одним глазом подсматривать за ребятами, а потом доходили до такой смелости, что и бороды их и благословляющие персты безбоязненно окружали ребячью толпу.

И в именьях и в монастырях очень много построек — домов, домиков, флигелей, складов. Как посмотрит, бывало, организатор на эти хоромы и на эти коридоры, так и себя не помнит. Но жадные на помещение педагоги просчитываются на этом обилии. Сотни детей через месяц уже сидят на всех подоконниках. Оказывается, что разместились не совсем удобно, что это нужно перестроить, а это построить наново, а это перенести. Целое лето энергичный организатор торгуется с плотниками и печниками. На осень разместятся по-иному. Но зимою в колонию приходит новый организатор, у которого новые вкусы. Начинаются стройки и перестройки. Действительно, все это богатство представляет просторное поле для деятельности. И так бесконечно перестраивается колония, но самого главного в ней всегда нехватка: теплых уборных нет, водопровода нет, электричества нет, и канализации нет, и нет никакого органического единства и никакой гармонии. Игра вкусов на протяжении пяти-десяти лет настолько запутывает, что в последнем счете — все по-прежнему неудобно и неуютно. В течение целого дня сотни ребят бродят из дома в дом, ибо в одном доме столовая, в другом — школа, в третьем — мастерские, в чет-

вергом — клуб, в пятом — спальни, а в шестом — управление, и ни в одном из этих домов нет вешалки, а если и есть, то никто эту вешалку не охраняет. Никому не хочется остаться без пальто, без фуражки, и бродят ребята по колонии, не раздеваясь в течение всего дня. Надворные уборные в самый короткий срок делаются непригодными для прямого своего назначения, и зимой используют их все для того же отопления. В наскоро приспособленных умывальных всегда налито, напачкано, — не лучше, чем в уборных. Так, несмотря на все ремонты и перестройки, отнимающие огромные средства, все это старье все-таки постепенно разрушается, осыпается и обваливается, пока, наконец, спасительный пожар не уничтожает последние остатки старого мира и пока, следовательно, детский дом не переводится в другое место.

Наш дом выстроили чекисты Украины за счет отчислений из своей заработной платы. Чекисты создали памятник великому Дзержинскому. Они обнаружили ясность и четкость в понимании задачи, последовательность и решительность в ее выполнении.

В конце декабря 1927 г. наш дом был готов и оборудован. Были расставлены кровати, в клубах повешены гардины и закончены художниками уголки. В библиотеке на полках стояло до трех тысяч книг, в столовой и на кухне все было приготовлено, и сам Карпо Филиппович был на месте. Кладовые были наполнены всем необходимым. И только когда все это было готово, в коммуны приехали первые коммунары.

По этому поводу многие товарищи говорили: не по правилам сделано, ни на что не похоже, педагогической наукой и не пахнет.

Мы и раньше не раз слышали такие проповеди:

— Не нужно ребятам давать все в готовом виде. Не нужно им все до конца строить и оборудовать. Пусть детский коллектив собственными руками сделает себе мебель, украсит свой дом, вообще пусть он станет на путь самоорганизации, самообслуживания, самооборудования, — только тогда у нас воспитается настоящий инициативный человек-творец.

Как прекрасно звучат все эти слова!

Но ведь дело не только в словах.

Мы не против самоорганизации и самооборудования, пусть никто не обвинит нас в педагогическом оппортунизме.

Изготовить, скажем, мебель, столы, скамьи или даже стулья — это, конечно, очень хорошо. Но для этого нужно уметь это изготовить.

Если ты не умеешь сделать стол, то ты его и не делаешь, а если сделаешь, то дрянной, и уйдет на это больше времени и больше средств, чем на покупку стола в магазине. И еще: не сделает этого стола не только ребенок, но и сам хитроумный организатор, который придумал именно такой порядок самооборудования. При таком мучительном способе самооборудования как раз никаких воспитательных достижений не получится. Наоборот, можно сказать с уверенностью, что самые талантливые ребята через месяц возненавидят вас за то, что их заставили спать на полу и обедать на подоконнике, что заставили их делать то, чего они не умеют делать.

Но доказать эти простые вещи не так уж легко. Многим педагогам очень приятно показать посетителям рукой на все окружающее и сказать:

— Это дети сами сделали.

— В самом деле? Ах, какая прелесть! Действительно, как интересно!.. Как же вы этого добились?

...и тогда изложить свои восхитительные приемы:

— Очень просто, знаете... Когда дети сюда прибыли, мы им ничего не дали, мы им сказали: сделайте себе все своими силами!

Мы хотели бы таким педагогам посоветовать:

— Почему бы вам самим на себе не испытать всю прелесть этого метода? Ведь если это вообще полезно, то полезно будет и для вас: может быть, и у вас прибавится инициативы и творческого опыта. Попробуйте вместе с вашими восторгающимися посетителями поселиться в пустых комнатах и самооборудуйтесь — сделайте себе столы и табуретки, сшейте одежду и т. п.

Дзержинцы вошли в готовый и оборудованный дом. Им предоставлено было все то, что нужно для мальчика и девочки: забота, чистота, красивые вещи, уют — все то, чего они давно были лишены и что должны по праву иметь все дети. Никто не захотел производить над ними неумных, жестоких и ожесточающих опытов.

Первые дзержинцы

Мы решили, что не стоит сразу впускать в дом толпу с улицы и потом смотреть, как будет разрушаться общежитие. Первые отряды дзержинцев были организованы из ребят, живших в колонии имени М. Горького. Это не значит, что мы выбрали из числа горьковцев самых лучших и организованных ребят и оставили колонию в руках новичков и социально запущенных. Отряды первых дзержинцев заключали в себе и сильных, и слабых ребят и даже ребят, довольно сомнительных в смысле пригодности их для роли организаторов нового дела. Но все они уже были связаны общей горьковской спайкой.

Из состава горьковской колонии было выбрано для колонизации Нового Харькова шестьдесят колонистов, в том числе пятнадцать девочек. Уже за три недели до переезда эти ребята были выделены советом командиров горьковской колонии и приняли участие в подготовке своего переезда. В мастерских горьковской колонии была изготовлена новая одежда, и 26 декабря все шестьдесят человек, нарядившись в новые костюмы и попрощавшись с колонистами, в снежный зимний день тронулись на встречу новой жизни.

Вошли они в новый дом все запущенные снегом, пухлые и толстенькие, какими не привыкли у нас видеть беспризорных. Бобриковые пальто еще больше толстили их.

Большинство первых дзержинцев были в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет, но попадались между ними и старые горьковцы, представители первых полтавских поколений этого прекрасного племени.

Здесь были:

Виктор Крестовоздвиженский — мастер и работать, и командовать, и веселиться, человек, преданный самой идее детской коммуны, обладавший исключительными способностями организатора: прекрасной памятью, способностью схватывать сразу множество вещей, привычкой к волевому напряжению. К тому же Виктор был очень искренним и благородным человеком. Единственным его недостатком, унаследованным от первых времен беспризорщины, было пренебрежение к школе. Он всегда презрительно относился к стремлению многих ребят попасть

на рабфак и в глубине души считал рабфаковцев «панычами».

Митя Чевелий — «корешок» Виктора — многим отличался от него, но был его постоянным спутником на жизненном пути. Это был идеальный горьковец, подтянутый, стройный и немногословный. Дмитрий был крепко убежден в ценности и колонии и коммуны. Он видел очень много детских домов, принимал даже участие в реорганизации некоторых разваленных колоний. Он был очень хорош собою, но никогда не козырял этим и к девушкам стносился чрезвычайно сдержанно.

И Виктору и Дмитрию было лет по семнадцати.

Третьим нужно назвать Кирилла Крупова, тоже «старика-полтавца». Кирилл всегда был очень способным и в настоящее время учится в одном из вузов Харькова. Неизменно активный, он был в комсомольской ячейке одним из самых видных членов. Правда, на него иногда нападало легкомысленное настроение. Он очень любил начать вдруг возню. Его желание встряхнуться после работы выражалось в диких прыжках и сумасшедшей беготне, причем ему далеко не всегда удавалось избежать столкновения с вещами и с людьми. Бывали у него минуты, когда на него «находило». Вдруг он становился забывчивым и недисциплинированным. После ему приходилось отдуваться на общих собраниях наравне с малышами. Но в общем это был хороший товарищ и прекрасный коммунар.

Павлуша Перцовский, любимец всех коммунаров, человек удивительно добрый, но с твердыми убеждениями. Такие люди, как он, сильны прежде всего тем, что умеют от чего угодно отказаться и с чем угодно примириться, если это касается материальных условий.

Вот Николай Веренин — это совсем другой человек. Пришел он к нам жадненьким и весьма нечистым на руку. Между словами «купить», «выменять», «отнять», «украсть» он не видел никакой качественной разницы и избирал всегда тот способ, который был наиболее удобным. Жизнь в горьковском коллективе, чрезвычайно настойчивом и не боявшемся никаких конфликтов, подействовала на Веренина только в том смысле, что заставила его быть гораздо осторожнее. Веренин был парень очень неглупый. Уже в колонии Горького он был в старшей

группе и считался одним из самых образованных коммунаров. Он умел объединить нескольких невыдержанных товарищей, чтобы вместе с ними начать игру в карты, проникнуть в кладовку, организовать наблюдение за тем, что плохо лежит, и т. д. Новичков Веренин в первый же день брал на свое попечение и эксплуатировал их, как только было возможно. Использовал он и кое-кого из ребят постарше, тех, кто поглупее. В числе таких был Охотников, которого ребята называли «удивительная балда». Однако политика Веренина еще в колонии Горького начала срываться. Его выкинули из комсомола и стали смотреть на него, как на последнего человека.

В самый день переезда новых дзержинцев из Куряжа в Новый Харьков Веренин был назначен сопровождать воз с ботинками. И, конечно, пара ботинок исчезла неизвестно куда. Веренин был не один, — с ним был Соков, спокойный и стройный мальчик, самым своим видом внушавший к себе доверие. Веренин указывал на то, что с ними был конюх, и им нужно было отлучаться от подводы по делам. В первый же день в коммуне Дзержинского пришлось разбирать такое грязное дело.

Свою жизнь в новом доме мы начали с организации самоуправления.

Как только коммунары разделись и наскоро ознакомились со зданием коммуны, Крестовоздвиженский взялся за сигнальную трубу, предусмотрительно купленную накануне. Впервые в нашем дворце зазвенели звуки старого сигнала, так всем хорошо знакомого, такого зовущего и такого непреклонного:

«Спеши, спеши, скорей!»

Оживленные, радостные ребята, восхищенные и домом и новизной своих костюмов, сбежались в зал «громкого» клуба. Витька, вытирая ладонью мундштук сигналки, засмеялся:

— Хорошо! Проиграл один раз — и все на месте.

Действительно, в колонии Горького, чтобы собрать общее собрание, да еще такое экстренное, пришлось бы с трубой в руках обходить все корпуса и закоулки.

В «громком» клубе на новых диванах киевской работы расселись шестьдесят новых коммунаров.

На собрании мы занялись подсчетом: для слесарной нужно две смены, для столярной две смены, для швейной

две смены,— вот уже шесть отрядов. Еще сапожная мастерская — тоже выходит два отряда, но относительно нее были сомнения.

— Тут такие мастерские и машины, что никто не захочет итти в сапожную,— говорили ребята.

Наметили и еще один отряд — хозяйственный. По горьковскому плану в этот отряд входили ключники, завхозы, кладовщики, секретарь совета командиров и вообще все должностные лица колонии или ребята, имеющие индивидуальную работу.

Решили на собрании, что каждый коммунар сейчас же напишет на клочке бумаги, в какой мастерской он желает работать, а совет командиров немедленно соберется и рассмотрит все эти записки. Совет командиров выбрали тут же на собрании и поручили ему распределить по отрядам командиров. Выбрали и секретаря совета — Митю Чевелия. Первыми нашими командирами были: Крестовоздвиженский, Нарский, Соков, Перцовский, Шура Сторчак и Нина Ледак.

Только тронулись все из «громкого» клуба, а Витька уже затрубил «сбор командиров».

Коммунары разошлись по коммуне, главным образом, по мастерским, где их ожидали новенькие станки — токарные, сверлильные, шепинги, фрезерные, долбежные.

А в комнате совета Митя Чевелий оглядел всех шестерых своими черными глазами и сказал ломающимся баском:

— Совет командиров трудовой коммуны имени Дзержинского считаю открытым.

Михайло Нарский, самым видом своим противоречащий всякому представлению о торжественности, сказал, весело шепелявя:

— Хиба ж это совет командиров? Шесть каких-то человек! От, понимаешь, даже смешно! Вот в колонии хиба ж так?

Но Митя сердито оборвал его:

— Если тебе смешно, так выйди в коридор и посмейся.

Нарский смущенно наклонил голову и сказал:

— Та я шо ж? Я ж ничего... Так только...

Долго пришлось просидеть за столом совету командиров, распределяя коммунаров по отрядам, учитывая все личные особенности и желания, считаясь и с требованиями

заведующего производством. Особенно трудно было с сапожной мастерской: никто не хотел посвятить свою жизнь сапожному делу. Пришлось в скором времени мастерскую закрыть.

Занялись и Верениным. Недолго бузил Николай, повинился в грехе, и сказал ему Митька:

— Ото ж, щоб було в останній раз, бо не знаю, що тобі зроблю!

И удивительно! — как священный завет принял Веренин слова Митьки: сегодняшней случай с Николаем действительно оказался последним.

Первый отряд

В коммуне теперь двенадцать отрядов.

Первичным коллективом на производстве в коммуне всегда был отряд коммунаров, а не класс или спальня.

По нашей системе, вся группа коммунаров, работающая в той или другой мастерской в одну из смен, составляет отряд.

Таким образом, у нас получилось:

Первый отряд — токарно-слесарный цех первой смены.

Второй отряд — тот же цех второй смены.

Третий отряд — столяры первой смены.

Четвертый отряд — столяры второй смены.

Пятый отряд — швейная мастерская первой смены.

Шестой отряд — швейная мастерская второй смены.

Седьмой отряд — литейный цех первой смены.

Восьмой отряд — литейный цех второй смены.

Одиннадцатый отряд — никелировщики первой смены.

Двенадцатый отряд — никелировщики второй смены.

Только десятый отряд соединяет в себе «шишельников» обеих смен, так как разбивать их было нецелесообразно, — слишком маленькие получились бы отряды.

Девятый отряд — запасный: он посылает помощь остальным отрядам, если кто-нибудь заболит или командирован на работу на сторону. Обычно в девятый отряд входят те коммунары, которые еще не определили своих симпатий в производственном отношении, или новенькие. Новеньким дают возможность присмотреться и попробовать себя на работе.

Некоторые из отрядов сложились уже в крепкие коллективы; другие, напротив, никак не подберут постоянного состава. Сейчас первые шесть отрядов состоят из ребят, давно живущих в коммуне.

По сменам коммунары распределились в зависимости от принадлежности к школьной группе. В коммуне в последнем учебном году было шесть групп семилетки: одна третья, две четвертых, две пятых и одна шестая.

Самый заслуженный и лучший отряд в коммуне — это первый. За восемь месяцев междуотрядного соцсоревнования три месяца победителем был этот отряд.

В первом отряде подобрались знающие ребята, лучшие наши металлисты, старые коммунары. Из четырнадцати человек в отряде семеро уже проходили командирский стаж, некоторые — по нескольку раз. Многие занимают теперь более ответственные посты — заместителя заведующего, членов санкомов (а в санком всегда выбирается самый подтянутый и чистоплотный коммунары). Первый отряд носит почетное звание комсомольского, так как он составлен исключительно из комсомольцев.

Командует отрядом Фомичев. Он избирается на командирский пост уже не первый раз.

Фомичев — веселый и неглупый парень, бесспорный кандидат на рабфак, способный производственник. Только недавно он вместе с Волчком перешел на токарный станок — и вот теперь уже Фомичев и Волчок идут первыми по токарному отделению и перегнали даже самого заслуженного нашего токаря, Воленка. И Волчок и Воленко — оба в первом отряде. У них несколько странные отношения. Они по ряду причин не любят друг друга, но стараются не показать этого в коммуне. Воленко изрядно завидует успехам Волчка в токарном цехе, завидует его исключительному положению в коммуне.

Волчок — общий любимец и общепризнанный авторитет. Этот семнадцатилетний мальчик уже давно в комсомоле, всегда он расположен ко всем, всегда улыбается и в то же время подтянут и по-коммунарски подобран. Он — старый командир оркестра и умеет держать его в руках, несмотря на то, что в оркестре подобрался народ, имеющий большой вес в коммуне. Коммунары в восторге от музыкальных талантов Волчка. Действительно, он — незаурядный музыкант. Он ведет партию первого кор-

нета, освобожден педагогическим советом от занятий в нашей школе и ежедневно посещает Музыкальный институт, готовится к серьезной работе по классу духового оркестра. Коммунары давно привыкли к своему оркестру, тем не менее они всегда собираются послушать, как выводит Волчок свои замечательные трели. За такое мастерство коммунары могут простить много грехов. Волчок умеет руководить, не потрафляя никаким слабостям товарищей и не вызывая к себе неприязненного чувства. Вот почему, когда Волчок командовал отрядом, отряд так легко захватил коммунарское знамя, удерживал его три месяца и сдал пятому отряду с боем.

Сейчас Волчок подчиняется Фомичеву как командиру отряда, но Фомичев играет на баритоне в оркестре и подчиняется Волчку как командиру оркестра. И если Волчок в отряде безупречен, то нельзя того же сказать о Фомичеве в оркестре. Опоздать на сыгровку, потерять мундштук, нотную тетрадь, иногда побузить во время игры — для Фомичева не редкость. Наш капельмейстер Тимофей Викторович раз даже просил его уйти из оркестра.

Волчку не раз приходилось призывать Фомичева к порядку, иногда даже представлять в рапорте вниманию высших органов коммуны.

Но у Фомичева мягкий характер. Он всегда добродушен, никогда не обижается на Волчка и вечно обещает ему, что «этого больше не будет». Трудно ему пересилить свою легкомысленную и немного дурашливую природу. Но он так же любит Волчка, как и все коммунары, и сколько Волчок ни отказывался, Фомичев все же настоял в совете командиров, чтобы Волчка назначили его помощником по отряду.

Недавно первый отряд должен был поливать клумбы перед зданием коммуны. Командир не сумел это дело организовать, как следует: не распределил работы между коммунарами, не успел согласовать ее с другими работами отряда, не учел отпускных расчетов по отряду в день отдыха, не получил во-время леек, не наладил брандспойтов и вообще запутал дело так, что хоть зови следователя. Вышло все это не потому, что нехватало у него сообразительности, а просто по его халатности и забывчивости.

Получился полный беспорядок. Коммунары здорово обиделись на своего командира.

Волчок, с улыбкой наблюдая неразбериху в работе отряда, говорит Фомичёву:

— Чудак же ты! Как же ты назначаешь парня к брандспойту на шесть часов вечера, если он с пяти стоит на дневальстве в лагерях.

Командир сердится и кричит:

— Вы все только разговариваете, а я должен каждого просить! Боярчук на дневальстве? Хорошо. А почему Скребнев не мог взять кишку? Ты их защищаешь, а они радуются.

Волчок снова, спокойно:

— Вот чудак! Ну, как тебе не стыдно? Разве Скребнев справится с брандспойтом? Он его и не подымет. Ты сообрази.

Фомичев в таких случаях именно сообразить и не может. Он «парится» и кричит, хватая первого встречного, уже и без того злого:

— Боярчук, иди на клумбу!

Хитрый и смешливый рыжий Боярчук поворачивает к командиру свою веснушчатую физиономию и, дурашливо уставившись на него, говорит ехидно:

— На клумбу итти? А ты ж сказал, чтобы я бочки прикатил...

Все начинают смеяться.

Тогда, в полной запарке, Фомичев приказывает:

— Нечего долго разговаривать! Бери ты, Волчок, брандспойт.

Волчок заливается смехом:

— Вот чудак, все я да я: и вчера я и позавчера я! Чего ты все на меня?.. Ну, хорошо, что с тобой делать?

И до поздней ночи возится Волчок с клумбой, наполняет бочки водой, расстилает для просушки мокрый брандспойт и убирает в вестибюле, через который приходится протягивать кишку от домового крана.

Рядом с ним напряженно работает сам командир, но работой командует уже не он. Три-четыре коммунара из отряда, приведенные в порядок веселым умным Волчком, деятельно носятся с поливалками.

Сложную и хитрую политику ведет Воленко. Это — мальчик серьезный, немного обозленный, немного недоверчивый.

Он чрезвычайно активен и вполне заслуженно носит

сейчас звание дежурного заместителя. Но, занимая и этот пост, стоя наиболее близко к управлению в коммуне,— он всегда склонен подозревать всякие несправедливости, всегда готов стать на защиту кажущегося угнетенным. А так как угнетенных в коммуне нет, то Воленко часто поддерживает отдельных бузотеров и неудачников. Поддерживает он и Фомичева. Часто это приводит к конфликтам с Волчком. В голубой повязке дежурного заместителя Воленко неуязвим, его решения не подлежат обсуждению, и он этим пользуется в своей молчаливой борьбе с авторитетом Волчка.

Один раз Волчок поставил вопрос о Фомичеве перед общим собранием.

Играл наш оркестр в городе в каком-то клубе. Началась торжественная часть, весь оркестр в яме, а Фомичев пропал. Послали его искать, нашли в буфете. Говорят:

— Иди.

А он:

— Что, мне уже и отдохнуть нельзя?

— Да от чего ты будешь отдыхать? Ведь еще и не играли.

— А дорога?

Пришлось самому Волчку идти звать его. Вернувшись в оркестр, Фомичев заявил, что никак не может найти мундштука. А мундштук был в кармане пальто. Так и играли торжественную часть только с одним баритоном, а в антракте даже вызывали дежурного члена клуба, искали мундштук.

Коммунары возмутились ужасно.

Припомнили все прежние проступки Фомичева. Редько из четвертого отряда прямо предложил:

— Из-за него только позоримся всегда. Выкинуть его из оркестра, вот и все!

Фомичев хмуро стоял посреди зала и только огрызался:

— Ну что ж, и выкинь.

Волчок знал, что выкинуть нельзя, не скоро приготовишь нового баритониста, но и он пугал:

— Да и придется.

И вот тут Воленко, когда прения закончились, нанес свой удар:

— Замечание в приказе!

Волчок, чуть не плача:

— Да что ты, Воленко, замечание! Сколько уже замечаний было!

— А ты как считаешь? — спросил Воленко с подчеркнутой серьезностью.

— Как считаю?

Волчок, улыбаясь, оглянулся и снова сердито показал на своего командира:

— Вот, смотрите: стоит — как с гуся вода. Ему десяток нарядов закатить нужно, чтоб помнил.

В собрании сочувствующий гул. Но Воленко настаивал:

— Что ж тут такого? Забыл, вот и все. Не нарочно он сделал.

Председатель собрания, наконец, прекратил этот поединок. Фомичеву объявили замечание в приказе. Однако легче ему не стало. Когда отряд пришел в спальню, все напали и на Фомичева и на Воленко. Последний снял уже голубую повязку, и, следовательно, с ним спорить было можно. Да он и сам, наконец, понял, что поступил с Фомичевым слишком милостиво.

Если сравнить Фомичева, каким он был два года назад, с Фомичевым теперешним, — нельзя не поразиться такой переменной.

Он был в высшей степени ленив, неаккуратен, рассеян и груб. Несколько раз общее собрание приходило в отчаяние: выходило так, что хоть выгоняй Фомичева из коммуны.

Этого Фомичева мы воспитали и сделали из него образцового коммунара. Теперь, если напомнить ему о прошлом, он улыбнется во весь рот и скажет: «А ведь и в самом деле!» Теперь, хоть и порядочно еще недостатков у Фомичева, все же недаром его на второй срок выбрали командиром лучшего отряда. Может он многое забыть и многое перепутать, но нет лучше его в цехе: умеет он и с мастером поговорить о разных неполадках, и всем коммунарам с ним весело и занятно. В комсомоле и разных комиссиях он, если захочет и не забудет, всякое дело делает добросовестно и даст вразумительный отчет. Нет такого вопроса в коммуне, на который бы он не отозвался.

И еще вот что хорошо: он не обидчив и каждому члену отряда он приятель.

Пацаны

На другом полюсе коммуны находится отряд пацанов.

В этом десятом отряде в настоящее время собраны не все пацаны. Года полтора тому назад они имели полную автономию и составляли довольно сильную общину, их было человек тридцать, занимали они отдельные спальни и выбирали себе своего командира. Я уже рассказывал, как они потеряли свою самостоятельность.

Собственно говоря, никаких преступлений и тогда пацаны не совершали. В то время их еще не пускали в производственные мастерские, а предоставляли им возможность работать в изокружке, в котором много они перепортили материалов и инструментов. В изокружке дела было очень много: модели аэропланов, паровая машина, выпилка, разные игры, в том числе знаменитая «военная игра». Малыши, постоянно нуждаясь в «импорте» таких материалов, как бамбук, резина и пр., вели деятельные внешние сношения. Бамбук они получали у коммунарской спорторганизации и потому всегда с нетерпением ожидали очередной лыжной аварии, сопровождавшейся зачастую поломкой палок. С резиной, необходимой для изготовления аэроплановых моторов, дело обстояло гораздо сложнее. Для этого поддерживались сношения с расположенным недалеко от нас авиазаводом. Скудные партии резины, достававшиеся через знакомых рабочих и комсомольцев, слабо покрывали нужду в этом материале. Однажды пацаны отправили делегацию к самому начальнику завода и с тех пор были этим необходимым сырьем обеспечены на сто процентов. Благодаря этому изокружковское дело стало поглощать у них очень много энергии, и ее не хватало для исполнения нарядов по коммуне. А без работы в коммуне никогда ни один коммунарс не оставался. В особенности часто не справлялись они с обязанностью отстаивать посты в сторожевом отряде. Главный пост этого временного (недельного) сводного отряда — в вестибюле. Дневальный обязан смотреть, чтобы в коммуну не входили чужие, чтобы все вытирали ноги, чтобы пальто вешали на вешалки, а не бросали, как попало, на барьеры вестибюля. Главная же задача дневального — проверять ордера в спальню. Днем вход в спальню не разрешается без ордера дежурного по ком-

муне. В ордере пишется, на сколько минут разрешается коммунару войти в спальню и что можно из спальни вынести. Дневальный проверяет ордер и следит за тем, чтобы предписания дежурного по коммуне были выполнены. Другие коммунары, стоя на посту, умели все это делать как-то без хлопот и скандалов. У пацанов же всегда получалось не совсем ладно. То прозевает дневальный какого-нибудь нарушителя, заглядевшись на интересное зрелище во дворе или в здании коммуны, то, напротив, проявит излишнюю энергию: покажется ему, что слишком долго кто-нибудь задержался в спальне, и он спешит туда вместе со своей винтовкой,— возникает конфликт, а в это время уже дежурный по коммуне записывает в рапорт, что дневального на посту не было. В особенности много претерпевали пацаны оттого, что в сутках так мало помещается часов. Никогда нельзя успеть сделать всех дел, которые предусмотрены планом, не говоря уж о работе сверх плана. Не только ведь заниматься в изокружке,— нужно и в школе хорошо учиться, и поиграть, и в лес пойти, и выкупаться, и зайти в совет командиров узнать новости, и свести счеты с каким-нибудь противником, и поговорить, и на дневальстве постоять, и умыться, и почиститься. Ребята не успевали всего сделать. Особенно страдали те процессы, которые не могли непосредственно заинтересовать пацанов, например умывание, чистка ботинок и пр. К тому же в своей деятельности пацаны развивали предельные темпы, причем большинство так называемых механических препятствий преодолевали простейшим способом: перелезали через изгороди, лазили в окна, топтали цветники. Это, конечно, сказывалось и на их одежде. Выглядели они иногда возмутительно с точки зрения и дежурного по коммуне и дежурного члена санкома. В результате всего этого — неизбежный рапорт, и провинившегося выводили на середину на общем собрании. Коммунары в общем относились к ним ласково, однако, это не мешало требовать порядка. Совет командиров всегда считал, что виноваты в беспорядках сами наши командиры. Несколько раз предлагали малышам хороших командиров, но отряд гордо держал знамя независимости: «Зачем нам ваши командиры? У нас и своих ребят хватит». Кандидатов избирательных комиссий они отводили в особенности ретиво, и поэтому на избиратель-

ных собраниях всегда им удавалось проводить своих кандидатов.

Все это было давно.

Сейчас десятый отряд уже участвует в производстве. Он обязан представить в день тысячу четыреста «шишек».

Шишка — это сделанная из песка и воды куколка, которая при формовке вкладывается в форму, чтобы заплотить проектированную пустоту полой вещи. При литье место, занятое шишкой, медью не заполняется. Для изготовления шишек есть специальные шаблоны и формы: для кроватных углов, для масленок, для трубочек и т. п. Отряд Мизяка делится на две бригады. Каждая бригада должна приготовить в смену семьсот шишек. Приблизительной нормой на отдельного коммунара считается сто шишек за четырехчасовой рабочий день. Для шишек нужно готовить еще и проволоку, на концах которой она подвешивается внутри формы при отливке. За каждую шишку коммунар получает копейку.

Многие из членов десятого отряда теперь уже делают по двести шишек, и благодаря такой успешности у нас скоро предвидится сокращение десятого отряда и перевод старших в более серьезные цехи. Мечтают они все о томном цехе.

В десятом отряде много замечательных ребят. Пока что расскажем только о «старом» нашем коммунаре Петьке Романове.

У Петьки есть брат Алексей, старше его на полтора года и опытнее. Но Петька к старшему брату относится с некоторым высокомерием. Алексей моложе его по коммуне, и его имя чаще попадает в рапортах, потому что он человек излишне предприимчивый и с собственническими наклонностями.

Петьке только двенадцать лет. Родился он на Кубани. Давно уже судьба разбросала Петькину родню по свету. После небольшого беспризорного стажа попал Петька в коммуну. А через три месяца прислали из коллектора и Алексея. Петька и Алешка — низкорослые подростки, очень похожие друг на друга. Только Алешка веселее и не такой курносый. Петька же большею частью серьезен.

Как-то случилась с этими представителями фамилии Романовых с Кубани потешная история.

В тот самый день, когда привели Алешку из коллек-

тора, пришли в коммуну два мальчика, оба черные от паровозной копоти и угля, оба «небритые и невытые», оба лет по тринадцати. Заявили они, что работали в Донбассе и теперь хотят устроиться в детском доме. Совет командиров, экстренно собранный, отнесся к ним благожелательно. Коммунары накормили и переодели их в все-какое барахлишко, назвали их «шахтарями», но в коммуну принять отказались: шахтари были неграмотны, а у нас первой группы не было. Решили отвести их в коллектор и просить принять для отправки в какую-нибудь колонию.

Шахтари согласились. Им разрешили переночевать. Они ушли из совета командиров и заигрались где-то с ребятами.

На другой день я почему-то забыл о них. Только к вечеру вспомнил, что нужно привести в исполнение постановление совета командиров. Вызвал срочно Нарского, дал ему записку в коллектор и сказал:

— Отведешь этих шахтарей в коллектор. Вот тебе письмо совета командиров, а вот деньги на проезд.

Нарский, как всегда, с готовностью салютнул и, ответив: «Есть!» — бросился спешно исполнять поручение. Как всегда, через минуту возвратился:

— А какие это пацаны?

— Да вот те два, что вчера в совете командиров... Шахтари.

— А, знаю! — обрадовался Нарский. — Шахтари? Знаю... А где они?

— Там где-то, в саду. Разущи и доставь в коллектор, да смотри, чтобы приняли. Без того и не возвращайся.

— Есть! — повторил Нарский и исчез.

Часа через два кто-то из командиров увидел, что Петька сидит на парадной лестнице и плачет.

— Что с тобой? Чего ты плачешь?

Петька отвернулся и перестал плакать, но разговаривать не хотел.

Коммунары почти никогда не плачут, и все кругом были уверены, что с Петькой случилось что-то серьезное.

— Расскажи, чего ты реवेशь?

Петька поднялся со ступеньки, зацепился рукой за поручни и, наконец, сказал серьезно и решительно:

— Отправьте меня из коммуны.

- Почему?
- Не хочу здесь жить.
- Почему?
- Отправьте меня к брату.

Все удивились. Как будто никакого такого брата, к которому можно было бы отправить Петьку, у него не было.

- К какому брату?
- К какому! К старшему...
- А где он живет?
- Я не знаю... Я не знаю, куда вы его отправили.
- Мы отправили?.. Что ты мелешь? Ты здоров?
- Я ж видел... Нарский Мишка повел. Я ему говорю: «Куда ты его ведешь?» — А он говорит: «Не твое дело!» И повел.

- Нарский повел в город твоего брата? Одного?
- Нет, еще какого-то пацана.

Немедленно я выяснил потрясающие подробности. Нарский захватил и отвел в город одного из шахтарей и нового Романова — Алешку. Второй шахтарь продолжал играть в саду и чувствовал себя прекрасно.

Пришлось срочно организовать вторую экспедицию, отправлять второго шахтаря и возвращать Романова.

Сильно обрадовался Петька этому обороту дела. Когда экспедиция возвратилась, он долго оглядывал своего найденного вторично брата, помог ему искупаться и переодеться, начал знакомить с коммунной. Он упросил совет командиров назначить Алешку в свой отряд.

С тех пор как Алешка и сам сделался матерым коммунар, Петька лишил его своего покровительства. Он кроет брата на собраниях под улыбки всего зала и записывает в рапорт при всякой возможности.

Петька расхаживает по коммуне, всегда хлопотливый и занятый. Только одного он боится — экскурсий и делегаций. Боится с того времени, когда оскандалил коммуну и всю пионерскую организацию.

Приехал однажды в коммуну один из членов высокой партийной организации. Встретил в коридоре Петьку, задрал его остроносую морду вверх и спросил:

- Вот так коммунар! Ты грамотен?
- А как же! — сказал Петька.
- Может быть, ты и политграмоту знаешь?
- Ну да, знаю.

— А ты знаешь, кто такой Чемберлен?

— Знаю,— улыбнулся Петька.

— А ну, скажи!

— Председатель Харьковского исполкома.

Посетитель усмехнулся:

— Что ты говоришь? Ты, брат, ошибаешься.

Петька задумался и вдруг махнул рукой безнадежно, не видя возможности выйти из положения.

И убежал в сад.

С тех пор Петька, как только увидит экскурсию или делегацию, немедленно скрывается в лес.

Утро в коммуне

Ночь. Все в коммуне спят, только дневальный бодрствует. В вестибюле возле памятных мраморных досок стоит небольшой дубовый диванчик. Это место дневального.

В карауле бывают по очереди все, без исключения, коммунары. Каждый дневальный стоит на карауле два часа. Совет командиров назначает на две пятидневки разводящего, который освобождается от всех работ в коммуне и обязан следить за правильностью смен дневальных и за правильным исполнением ими своих обязанностей. Разводящий является начальником караула в коммуне и вечером сдает рапорт о состоянии сторожевого сводного отряда. Сторожевым отрядом считаются коммунары, дежурившие по караулу в течение дня.

Редко в этом рапорте отмечаются ошибки дневальных. Коммунары — народ дисциплинированный, и в коммуне, кажется, не было случая, чтобы дневальный не вовремя явился на пост или ушел с поста самовольно. Вот только с новенькими коммунарами бывают иногда скандалы. Заснет на дневальстве парень, а уж тогда ни один коммунар не откажется взять и унести винтовку.

Бедный страж просыпается и сразу сознает, что беда непоправима. Придется ему все утро провести в поисках винтовки, и хорошо, если удастся найти похитителя и уговорить его возратить винтовку. В большинстве же случаев бывает, что винтовка находится уже после того, как весть о позорном поведении дневального облетит всю

коммуну, и со всех сторон на сонливого стража посыплются вопросы:

— А где же твоя винтовка?

— Что же это ты оскандалился?

Однажды проезжая педагогическая комиссия пришла в ужас:

— Что это у вас за казарма? Зачем эти часовые?

Кое-как нам удалось убедить педагогов, что без часовых нам жить никак невозможно: и беспорядок будет в спальнях и грязь. Ведь в коммуну ходит много посторонних людей, которые считают, что если они принесут в коммуну каких-нибудь полкилограмма пыли и грязи, то это пустяк, о котором не стоит говорить.

Коммунары же хорошо знают, что принесенную на сапогах пыль завтра нужно убирать и щетками и тряпками, да и то, конечно, всю не уберешь,— много ее попадет в легкие.

Эти соображения немного убедили педагогов. Но тогда возник вопрос:

— А зачем ему винтовка? Стрелять-то ведь он не будет.

На этот вопрос ответить было уже труднее. И в самом деле, дневальный не будет стрелять, да и патронов у него нет. Но коммунары очень дорожат этой винтовкой в руках дневального. Это символ его значения, это знак того, что ему доверено коллективом очень много — охрана коллектива. Коммунар знает также, что его винтовка в руках — это прообраз будущей винтовки, которую ему нужно будет взять в руки для защиты своей рабочей страны и своей революции. И если теперь ему приходится за этой винтовкой ухаживать и за нее отвечать, то это облегчит ему усвоение будущих военных обязанностей.

К тому же винтовка в руках — это просто удобно и целесообразно. Каждому проходящему — и своему и постороннему — сразу ясно, что перед ним дневальный, которому нужно подчиняться без всяких споров.

Дневальный коммунары имеет право сидеть, он должен вставать только при появлении заведующего коммуной, дежурного по коммуне и командира сторожевого отряда. Мы таким образом превращаем дневальство в гимнастику внимания и зоркости, обостряем слух и глаз и приучаем

коммунара к тому молчаливому сосредоточению, которое необходимо часовому.

Та же педагогическая комиссия возмущалась:

— Ведь это же безобразие! Стоит мальчик, молчит и ничего не делает. Хоть книжку ему дайте, все-таки с пользой проведет время. Ведь так стоять страшно неинтересно.

Присутствовавший тут же представитель ГПУ, человек военный и не отравленный педагогическими «теориями», даже побледнел от удивления.

— Как вы говорите? Часовому читать книжку?.. Да разве это возможно!

Одним словом, мы совершаем это педагогическое преступление, и наш дневальный стоит с винтовкой.

Обыкновенно дневальные коммунары очень строги. В рапорте дневального отмечаются самые мельчайшие нарушения санитарной и общей дисциплины: «Баденко не закрыла за собою двери», «Котляр не вытер ноги», «У Орлова пальто без вешалки».

Сторожевой отряд имеет право всякое пальто без вешалки сдать в кладовую, и собственнику пальто после этого придется хлопотать у секретаря совета командиров — получать ордер на выдачу его пальто из кладовой.

Недавно дежуривший на дневальстве Петька Романов записал в рапорт самого заведующего производством, всеми уважаемого Соломона Борисовича Левенсона — за то, что на предложение вытереть ноги Соломон Борисович возразил: «Зачем же? У меня ноги чистые». Пришлось Соломону Борисовичу на общем собрании коммунаров извиняться и приводить объяснения: «Занят очень, много приходится бегать, иногда и забудешь».

Много дела днем нашему дневальному, но и ночью ему скучать не приходится. Ночью в здании коммуны не остается ни одного взрослого, так как квартиры сотрудников все в других домах, а дежурства воспитателей в коммуне нет. Дневальный запирает двери, как только сотрудники разойдутся, запирает кабинет заведующего и проверяет, все ли окна в доме закрыл дежурный отряд. У вечернего дневального карточка, на которой он записывает, кого нужно будить раньше других. Эта карточка передается следующим дневальным.

Раньше всех нужно будить старшую хозяйку. Эта должность возлагается чаще на мальчиков, но название ее сохраняет по традиции женский род. Ключ от кухни хранится у старшей хозяйки, и с ее приходом начинается кухонная жизнь.

После старшей хозяйки поднимается дежурный по коммуне или — сокращенно — ДК. Отличает его красная повязка. Всех дежурных по коммуне девять. Их коллегия избирается общим собранием вместе с советом командиров на три месяца, обычно из старших коммунаров. ДК организует весь рабочий день коммуны. ДК обходит коммуну, подписывает у старшей хозяйки ордера в кладовую, проверяет все помещения коммуны и получает у дневального ключ от кабинета заведующего. Без четверти шесть дневальный будит дежурного сигналиста. Сигналистов тоже девять. Каждый ДК имеет у себя постоянного, прикрепленного к нему трубача, с которым он сработался. Трубачом в коммуне быть — дело не простое. Сигналов очень много, все они более или менее сложны, поэтому почти все трубачи набираются из оркестра.

Ровно в шесть разливается по коммуне сигнал. Это веселый дробный мотив. К нему давно подобрали слова, как и к большинству сигналов:

Ночь прошла. Вставайте, братья!
Исчезают тень и лень.
Блещет день.
За мотор,
За станок и за топор!
Нам
Встать пора к трудам!

Притихшая в предутреннем сне коммуна вдруг наполняется шумом.

Коммунары немедленно приступают к уборке. Уборочных отрядов у коммунаров нет, мы не имеем возможности отрывать от производства лишнюю рабочую силу. У нас снимаются с производства только ДК, командир сторожевого и старшая хозяйка. Уборка же производится всеми коммунарами авральным способом. Наладить эту уборку было делом далеко не легким. Только в совете командиров пятого созыва порядок уборки был выработан окончательно. Каждое утро нужно убрать всю коммуну, то-есть вымыть полы там, где нет паркета, подмести,

вытереть пыль на стенах и на вещах, протереть окна, поручни лестниц, убрать в уборных, вычистить медные части, поправить гардины и занавесы. Это — огромная работа, и ее вполне хватит на сто пятьдесят человек коммунаров.

Самое распределение этой работы — разделение всей территории коммуны между уборщиками и в особенности распределение орудий уборки — оказалось в свое время сложнейшей задачей, требующей изобретательности и четкости. В настоящее время работа по уборке распределяется советом командиров в очередном заседании в девятый день каждой декады, на декаду вперед. Наряд дается на отряд. Работа по уборке в том или другом пункте определяется числом очков, например:

Убрать уборную	4 очка
Убрать пыль в классе	2 "
Подмести „громкий“ клуб	4 "
Вытереть пыль в „тихом“ клубе	4 "
Вытереть пыль с поручней лестниц	3 "
Вытереть пыль в кабинете	1 "
Подмести кабшет	1 "
и т. д.	

В общей сложности это составляет семьдесят пять очков, то-есть на каждом двух коммунаров приходится одно очко. В согласии с этим каждому отряду полагается известное количество очков, например: для десятого отряда четыре очка, потому что в отряде восемь коммунаров, а для первого отряда — семь очков, потому что здесь коммунаров четырнадцать. Секретарь совета командиров заранее заготавливает билетки. На одной стороне билетика написано название работы, а на другой обозначено только число очков. Все эти билетки раскладываются на столе номерами вверх, и каждый командир набирает себе столько очков, сколько полагается для отряда. Очередь отрядов по выниманию билетиков все время передвигается. Если в прошлую декаду начинали с первого отряда, то теперь начинают со второго, а в следующую будут начинать с третьего. Каждому отряду предоставляется право обменяться своим билетом с другим отрядом, если будет достигнуто соглашение. Когда все такие междуотрядные соглашения закончены, секретарь совета командиров записывает, что кому попало, и все

это объявляется в приказе вечером от имени совета командиров. Копия приказа выдается санитарной комиссией. Каждый отряд получает на декаду орудия уборки. Работа по уборке считается не произведенной, если она не сдана командиром или его помощником дежурному члену санитарной комиссии. Для этого ДЧСК обходит все помещения по приглашению отряда, внимательно проверяет, как подметен пол, как протерты стекла, как вытерта пыль. Когда все отряды уборку сдали, дежурный член санитарной комиссии подходит к ДК и рапортует ему:

— Уборка сдана.

Только после такого рапорта ДК может распорядиться о дальнейшем движении дня. Если же этого рапорта нет, день задерживается. Мы привыкли в таких случаях не «париться» и не волноваться.

Недавно третий отряд очень плохо убрал верхний коридор. Дежурный член санитарной комиссии отказался принять уборку. Третий отряд был того мнения, что уборка проведена хорошо, что пыль на батареях — дело не существенное и что ДЧСК просто придирается. Отряд сложил свои орудия производства и заявил, что уборку он повторять не будет.

ДК попробовал поговорить с отрядом по совести, но отряд заупрямился, и его командир, белобрысый парень Агеев Васька сказал:

— Чепуха какая — пыль на батареях! Это дело генеральной уборки. Смотри ты: засунул руку черт его знает куда! Хорошо, что она у него, как соломинка. А у нас и руки ни у кого такой нет.

Дежурный член санитарной, маленький юркий Скребнев сверкает белыми зубами.

— Смотрите, у них руки для уборки не годятся! Скоро скажете — полы не будем мыть, нагнуться никак нельзя, видите, животы какие нажили.

Швед, помощник командира, мягкий и ладный, серьезно обращается к своему командиру:

— Скажи, пускай уберут ребята. Можно послать на батареи Кольку, он просунет руку.

Агеев — руки в карманы и кивает на Скребнева:

— Записывай в рапорт! А я запишу, что ты придираешься, как бюрократ.

Сидим на диване у парадного входа, нас любопытно рассматривает умытое глазастое утреннее солнце.

Подходит ДК — маленький, подвижной и совсем юный Сопин. Он — старый коммунар и комсомолец. Он сам состоит в третьем отряде и не раз даже командовал им. Солин усаживается рядом со мной и подымает жмурящееся лицо к солнцу.

— Вы знаете, Антон Семенович, опаздываем уже на десять минут, а эти лодыри, третий отряд, до сих пор не сдали уборки.

Я, не выпуская изо рта папиросы, так же спокойно говорю:

— Что ж ты будешь делать? Ведь это твои корешки?

— Да вот и не знаю, что делать. Понимаете, с командиром тоже ссориться не хочется.

Агеев Васька хохочет.

Налетает сердитый взлохмаченный Фомичев и орет:

— Чего вы держите? Уже давно на поверку...

Сопин непривычно для него жестко заявляет:

— Сигнала не дам, пока не скажет ДЧСК. Мое дело маленькое.

Швед опять трогает за рукав Агеева:

— Пошли кого-нибудь, черт с ними! Я бы и сам пошел, да жду здесь Ваньку, он обещал сдать щетки.

Агеев отрицательно качает головой. Фомичев «парится на три атмосферы», как говорят ребята, и кричит:

— Через вас, смотри, уже четверть часа!

— Ну, хорошо,— говорит Агеев.— Уберем.

Через пять минут подходит к Сопину Скребнев и салютует:

— Уборка сдана.

Сопин кивает черной, как уголь, головой востроглазому Пашенку, и тот прикладывает сигналку ко рту. Звонят в сияющем утреннем воздухе раскатистые бодрые призывы: «Собирайтесь все!»

Вечером в этот день ДК отмечает в рапорте: «По дежурству в коммуне все благополучно. Утром задержан завтрак на пятнадцать минут по вине третьего отряда».

Председатель собрания смотрит на командира третьего. Агеев пробует улыбаться и нехотя вылезает на середину.

— Ну, что ты скажешь? — спрашивает председатель.

— Да что я скажу? — вытягивается командир.

По тону его и по тому, как он держится, чувствуется, что настроен он вяло, сказать ему нечего.

— Там эти батареи, так никак туда руку...

Он замолкает, потому что в зале смеются. Все очень хорошо знают, что тут не в руках дело. Сколько раз уже эти самые батареи проверялись санкомом!

— Больше никто по этому вопросу? — спрашивает председатель.

Все умолкают и ждут, что скажет дежурный заместитель.

ДЗ сегодня самый строгий. Это Сторчакова, секретарь комсомольской ячейки. Она всегда серьезна и неприветлива, и ничем ее разжалобить невозможно. Агеев, видно, утром забыл, кто сегодня ДЗ, иначе он был бы сговорчивее.

— Три часа ареста, — отчеканивает Сторчакова.

Агеев тянет руку к затылку.

— Садись, — говорит председатель.

После собрания Агеев подходит ко мне.

— Ну что, влопался? — спрашиваю его.

— Я завтра отсижу.

— Есть.

На другой день Агеев сидит у меня в кабинете. Читает книжку, заглядывает через окно во двор. Он арестован.

— Что, скучно? — спрашиваю я его.

— Ничего, — смеется он. — Еще час остался.

Такие оказии, впрочем, бывают чрезвычайно редко. Уборка обычно не вызывает осложнений в коллективе, настолько весь этот порядок въелся в наш быт. Вот разве только новенькие напутают. В прошлом году ДК так и не добился от новеньких уборки в вестибюле и с негодованием отметил в рапорте, что вестибюль не был убран. Оказалось потом, что ребята слово «вестибюль» поняли так, что им поручено «мести бюст», и действительно вылизали на славу бронзовый бюст Дзержинского в «громком» клубе.

Когда уборка кончена, трубач дает сигнал на поверку. По этому сигналу бегом собираются коммунары по спальням, потому что поверка не ждет, и неизвестно, с какой спальни она начинается.

Поверка это — ДЗ, ДК и ДЧСК.

При входе поверки каждый командир командует:

— Отряд, смирно!

Коммунары вытягиваются каждый возле своей кровати, и дежурный по коммуне приветствует отряд:

— Здравствуйте, товарищи!

Ему отвечают салютом и приветствием, и начинается самая работа поверки. Каждый коммунар должен доказать, что он оделся, как полагается, что он убрал постель, что у него чисто в ящике шкафа и что он не забыл почистить ботинки и помыть шею и уши. Разумеется, старших коммунаров только в шутку можно попросить:

— Повернись-ка, сынку!

Зато малышей и новеньких поверка действительно поворачивает во все стороны, заглядывает им в уши, поднимает одеяла и иногда даже просит показать, как надеты чулки и не грязны ли ноги.

Теперь в коммуне очень редко бывают в рапортах неожиданности по данным поверки. Только Котляра, одного из самых младших членов десятого отряда, приходится часто выводить на середину. Общее собрание уже привыкло к его страшной неаккуратности и почти потеряло надежду что-нибудь с ним сделать. Часто раздаются голоса:

— Да довольно с ним возиться! Пускай командир выходит на середину. Почему не смотрит за пацаном?

Мизяк не смотрит? Мизяк с этим Котляром возится больше любой матери. Но что тут поделаешь, если самая фигура нескладного, корявого Котляра просто не приспособлена для одежды.

До сих пор Котляр не умеет зашнуровать ботинок, а ведь живет в коммуне больше года. Штаны на нем всегда выпачканы и почему-то всегда изорваны, даром что меняют ему одежду постоянно.

Котляр на середине безучастно слушает негодующие речи и смотрит на председателя широкими рачьиими глазами.

И председатель и ДЗ машут на него руками:

— Садись уже, довольно стоять.

Последней поверяют спальню девочек. Там всегда идеально прибрано. Только Сторчакова иногда скажет самой младшей:

— Покажи, как шею вымыла.

Поверка окончена. Все спускаются вниз, и труба играет:

«Все в столовую!»

Завтрак.

В машинном цехе

После завтрака, в половине восьмого проиграли «на работу». Нечетные отряды идут в мастерские, четные — в школу.

В здании коммуны собираются воспитатели-учителя, к мастерским подходят рабочие и инструкторы. Через три минуты никого уже не видно в коридорах и во дворе. Только ДК в красной повязке что-то рассчитывает у дневного расписания, повешенного в коридоре внизу.

Шум затихает лишь на несколько минут. Скоро начинается новая симфония. Раньше всех закричит шипорез в машинном цехе деревообделочной мастерской. Он наполняет коммуну гулким ветровым шумом, перемежающимся с отчаянным визгом пожираемого машиной дерева. Каждый дубовый брусок начинает с громкого вскрика, потом вдруг орет благим матом и, наконец, испутив истошный последний вскрик, в стоне замирает. А вот на циркулярке дереву, видно, даже умирать приятно. Циркулярка в течение целого дня звенит веселым, торжествующим звоном, аккомпанируя острому дурашливому крику дерева. Фуговальный гудит кругло и по-стариковски ворчливо.

В машинном цехе утром работают восемь коммунаров из третьего отряда. Между ними ходит, поправляет и проверяет их высокий и худой инструктор Полищук, начавший с беспризорности, а кончивший приобретением большой квалификации и вступлением в партию. У него с коммунарами отношения приятельские.

Сейчас коммуна делает большое дело: оборудует мебелью новый Электротехнический институт в Харькове. Институт открывается осенью этого года.

Много коммунаров собирается поступить на рабфак института.

Мы делаем сотни дубовых столов, стульев, табуреток, чертежных столов и пр., всего на пятьдесят тысяч рублей. Все это нужно закончить к 15 августа, и поэтому в дерево-

обделочной мастерской «запарка».

Машинный цех буквально завален деревом, обрезками, деталями и полүфабрикатом, назначенным для сдачи в сборный цех. Целыми штабелями лежат под стенами и у машин ножи, царги, проножки, планки и прочая столярная благодать. Коммунары покрыты дубовой пылью, у них страшные и смешные запыленные очки.

Самый маленький здесь Топчий, приемыш коммуны. Как-то осенью, в темную и мокрую ночь его папаша, селянин с Шишковки, в состоянии непозволительно веселом напоролся на часового у пороховых погребов. На первый окрик отмахнулся пьяной рукой, на второй — выразился пренебрежительно, и снял его часового.

Черноволосый и круглоголовый Топчий — малый способный, напористый и рассудительный. Он с первых же дней, невзирая на свой рост и возраст, потребовал от совета командиров, чтобы ему дали настоящее дело. Командиры его посадили высокомерно:

— Молодой еще! Посмотрим, что из тебя выйдет.

Но уже через два месяца сказали командиры:

— Э, Топчий парень хороший.

Очень скоро назначили Топчия в третий отряд и дали ему долбежный станок. Теперь он, почти не отрываясь, разделявает на этом станке шиповые пазы и отверстия для креплений.

Самая тонкая работа в машинном цехе выпала на долю Шведа. Он — на ленточной. Швед — большой политик и оратор. Как только он прибыл в коммуны из коллектора, тотчас же обратился в совет командиров с письменным заявлением. Он писал, что хочет работать в коммунарском активе и просит дать ему такую именно работу. Это заявление возмутило и взволновало коммунаров:

— Как это, в активе? Что это, совет командиров будет актив назначать? Посмотрим, как он в мастерских поработает.

Вместе со Шведом пришел из коллектора его друг Кац.

Трудно объяснить, что могло связать Шведа и Каца. Швед умен, начитан, очень развит. Он, пожалуй, даже не в меру серьезен, только в его серьезности нет ничего напряженного и сухого. В его огромных черных глазах ка-

кая-то старая, недетская печаль. Он мягок и вдумчив. Коммунарский стиль чистоты и подтянутости он усвоил очень быстро.

Совсем другое дело — Кац. Только очень плохая семья могла воспитать и вытолкнуть в люди такого разболтанного, никчемного мальчика. Работать он не захотел. Он прямо заявил, что не собирается быть ни столяром, ни слесарем и вообще к деятельности этого рода он себя не готовит. Стыдно ему было оставаться в коммуне без работы, но в мастерских от него не было никакого толку. Зато он убивал много времени на поддержание каких-то невыясненных связей в городе: не было дня, чтобы его кто-то не вызывал по телефону, или чтобы он не просился в отпуск по самым срочным делам. Из отпуска он приходил всегда с опозданием, и ДК с утра ругался, что нужно искать замену и кого-то передвигать с места на место. Благодаря всему этому Кацу часто приходилось выходить на середину на общих собраниях. К разным рапортам и жалобам на Каца скоро прибавились и его жалобы на коммунаров: тот толкнул, тот придирался, тот что-то сказал. На поверку выходило, что никто не виноват. Каца начали ненавидеть. Не было дня, чтобы в совете командиров или на собрании кто-нибудь не заявлял: «Нам такие не нужны». Коммунаров доводило до остервенения высокомерие Каца и его неаккуратность: «Ленивый, грязный».

Швед очень мучительно переживал неудачи своего товарища, тем более, что к этим неудачам присоединились и его собственные. После его заявления о желании вступить в актив над ним посмеивались, и хотя он держался крепко и никогда не попадал в рапорт, общая оценка Шведа была в коммуне невысокой. Дело кончилось неожиданным взрывом.

Тимофей Денисович, заведующий нашей школой, подал в совет командиров заявление, в котором просил назначить Шведа его помощником. У нас помощники Тимофея Денисовича зимой освобождаются от другой работы. На них лежит много обязанностей: вести учет школьной работы и посещаемости, заведывать учебниками, учебными пособиями, наглядными пособиями и музеем школы. Фактически Швед, как и его предшественники, должен был стать руководителем командиров школьных групп.

Это очень почетная роль в коммуне, она требует знаний и умения деликатно обращаться с книгами, картами, банками, ретортами и т. д. В совете командиров неохотно пошли на назначение Шведа, предлагали других кандидатов. Но против старых квалифицированных и знающих коммунаров были возражения со стороны организаторов производства, которые отказывались снимать с работы настоящих мастеров. Ребятам помоложе было бы трудно вести сложную работу с школьными группами. Наконец, настаивал на своем Тимофей Денисович. Ему уступили, хоть и неохотно.

— Ничего в коммуне не сделал, походил по сводным отрядам две недели и уже в активе. Так нельзя! Просто «латается», не хочется работать в мастерской, да и все тут.

Швед подал заявление. В нем он писал, что в коммуне есть антисемитизм, что ребята преследуют его и Каца потому только, что они — евреи. Я просил указать лица и факты, но Швед сказал, что он боится назвать фамилии. Я передал его заявление общему собранию.

Собрание было оглушено и возмущено. Действительно, заявление было явно неосновательным. В коммуне много евреев, много евреев и среди рабочих, есть и евреи воспитатели. Никогда в коммуне не было национальной розни.

На собрании долго говорили о необоснованности заявления и выдвинули обвинение против Шведа и Каца в явно придиричивом и нетоварищеском отношении к коммунарам. Указывали, конечно, на плохую работу и нечистоплотность Каца, на неосторожное стремление Шведа в актив. Такие «радикалы», как Редько, высказывались прямо:

— Довольно заниматься чепухой! Они не могут указать фактов, нечего тут и разбирать. Не нравится им в коммуне, потому что здесь работать нужно, — пусть уходят, никто их не держит.

Большинство требовало, чтобы Швед назвал лиц, которых он обвиняет в антисемитизме, возмущалось его страхом.

— Что, у нас бандиты, что ли? Пусть кто-нибудь попробует здесь заниматься этим делом, — и вы увидите, чем это кончится! Вот в девятьсот двадцать восьмом году один такой нарвался из коллектора, так что долго с ним

церемонились? В два счета вылетел. А вы какое имете право бояться? Значит вы не настоящие коммунары, а какие-то гости.

Коммунары евреи были также очень поражены. Юдин, Каплуновский и другие обрушились на Шведа, обвиняли его в том, что он вносит раздор в среду коммунаров, утверждали, что по отношению к себе и к другим евреям они встречали только товарищеское отношение. Высказывались на собрании по этому вопросу только старшие коммунары; малыши притихли и держались выжидательно. А между тем именно с их стороны раньше раздавались голоса против Каца.

Кончилось дело тем, что выбрали комиссию для более подробного расследования. Комиссия ничего из заявления Шведа не подтвердила, и это дало основание совету командиров на ближайшем же заседании вновь поднять вопрос о преждевременности включения Шведа в коммунарский актив.

Для меня было совершенно очевидно, что в своей жизни Швед много пережил обид на почве национальной розни, и у него выработалось уже привычное ожидание новых обид и преследований. Поэтому, вероятно, он взял на себя и защиту Каца, который встречал неприязненное к себе отношение еще в коллекторе. К мальчику, подобному Кацу, в среде коммунаров всегда сложилось бы определенное отношение, независимо от того, к какой национальности он принадлежит.

Шведа сняли и назначили в столярную мастерскую. «Пусть поработает, тогда из него настоящий коммунарь выйдет». Я не возражал, так как на самом деле это было полезно для Шведа.

Швед был крайне подавлен всей этой историей. Его удивляло и обескураживало, что он так нечаянно и неожиданно оказался в противоречии со всем коллективом. Но в то же время видно было, что он признал правоту коллектива.

В дальнейшем Швед дал доказательства и большой воли и здравого ума. Неожиданно для всей коммуны, будучи дневальным, он занес в рапорт по сторожевому отряду Каца и на собрании напал на него искренно и горячо:

— С такими коммунарами, конечно, трудно жить.

Если ему говорят — покажи ордер, а он отвечает: «Ты уже заелся?», так это не коммунар, а шпана!

Собрание довольно холодно выслушало оправдания Каца. Кацом перестали интересоваться и давно уже перестали продергивать его на собраниях. Так всегда бывает, когда в глазах коммунаров кто-нибудь становится безнадежным, когда его уже не считают членом коллектива.

Кац это тоже понял. В тот же вечер он пришел ко мне и просил отправить его к родным в Киевский округ. Совет командиров, которому я представил заявление Каца, на экстренном заседании дал согласие на этот отъезд.

Швед все-таки провожал товарища до шоссе.

С тех пор на глазах стал расти Швед. Уже через месяц совет командиров согласился на просьбу Васьки Агеева назначить Шведа помощником командира третьего отряда. Почти в то же время Швед прошел в редколлегияу стенгазеты и скоро стал ее председателем. Наконец, его выбрали кандидатом в ДК, и он теперь часто носит красную повязку, выполняя ответственнойшую и труднейшую работу в коммуне. В третьем отряде, одном из лучших отрядов коммунаров, Швед сделался общим любимцем. Товарищи гордятся его развитием, его умением говорить, всегда выдвигают его в разные делегации. Он теперь чувствует себя в коллективе свободно и уверенно.

1 июня третий отряд, после долгой борьбы, занял первое место, главным образом, благодаря работе Шведа, на которого «старик» Агеев Васька (который, между прочим, по возрасту моложе Шведа) возложил почти все функции командования. Агеев не скрывал этого, и при торжественной передаче знамени отряду-победителю знамя принимал не сам Агеев, а Швед. Он в этот вечер был подчеркнута ладно одет, такими же подтянутыми явились и его ассистенты. Их лица выражали сдержанное торжество и готовность серьезно бороться за свое первенство.

Швед и сейчас работает в машинном цехе столярной мастерской. Это для него оказалось во всех отношениях полезным. Даже на способе выразаться это отразилось очень положительно. Швед оставил прежнюю манеру нязать одна на другую книжные фразы и щеголять утоми-

тельными, бесконечными периодами: его язык приобрел живость и простоту.

В машинном цехе Швед нашел и товарищей и самого себя. Он деятельно готовится в вуз и прекрасно понимает, что его производственная работа занимает выдающееся место в этой подготовке.

Сборный

В сборном цехе не так шумно, как в машинном.

Здесь с трудом пробираешься между верстаками. Кругом навалены табуретки, стулья, части столов, козелки и разные детали. И немудрено: один маленький Брачихин вырабатывает за свои четыре часа двести рамок для сидений.

Здесь собрался народ квалифицированный. Почти все ребята уже второй-третий год работают в столярной. За это время коммунары выпустили много продукции: оборудовали Харьковскую городскую станцию Южных дорог дорогами тысячерублевыми кассами-кабинками, представляющими собой целые квартиры для станционных кассиров, с барьерами, ящиками, полочками, окнами и стеклами; в новом прекрасном клубе союза строителей обставили дубовой мебелью зрительный зал, лекционный зал, вешалки, кабинеты; громадный новый Дворец культуры, выстроенный союзом химиков в Константиновке, полгода снабжали мебелью: в этом дворце две тысячи мест — только в одном театральном зале; студентам-харьковцам отправили в общежитие сотни тумбочек, табуреток и стульев. Работали и для Института патологии и гигиены труда, и для поликлиник, и для Харторга.

И, разумеется, в первую очередь отделали новые клубы для своих шефов: клуб ГПУ УССР имени Ильича и клуб Фельдьегерского корпуса.

В первое время, пока не умели коммунары работать, было много наемных рабочих. Добраться в коммуны трудно, и квартир в коммуне всегда нехватало; попадались нам рабочие плохие — летуны, рвачи и лодыри, которые никак не могли удержаться на производстве. Но уже в прошлом году коммунары потеряли терпение и потребовали от заведующего производством уменьшить постоянный приток чуждых коммуне людей. Скоро на-

чался спор о введении разделения труда, о работах по бригадам. Наши рабочие, главным образом, кустари, привыкли кое-как, неспеша, копаться у своего станка. В результате и работа тянулась мучительно долго, и заработок у них был плохой. Тогда они начинали «бузить», — расценки, мол, никуда не годятся. А когда им предложили ввести разделение труда, то помешали взаимное недоверие и подозрительность. Сколько ни бились с ними коммунары на общих собраниях и на производственных совещаниях — ничто не помогало. Наконец, коммунары приняли отчаянное решение. Сократили всех рабочих, за исключением тех, кто сжился с коммунарами, кто готов был идти по пути рационализации. Как раз в это время нужно было сдать заказ союзу строителей в Москве. Чтобы выполнить заказ к сроку, общее собрание ввело двойной рабочий день — по семь часов, — перебрало в столярный цех всех более или менее свободных слесарей и всех пацанов. Им дали работу по полировке мебели. Вместе с ними работали и все воспитатели.

Только благодаря этой ударной работе заказ выполнили к сроку, и пятого июня мы сидели уже в вагонах московского поезда, получив накануне от строителей четыре тысячи рублей.

В настоящее время в сборном цехе очень мало взрослых рабочих, да и те — рабочие самой низкой квалификации. Они выполняют самую простую работу: ножки чистят. Основная работа в цехе ведется исключительно старыми коммунарскими кадрами третьего и четвертого разрядов. Большею частью — это ребята пятнадцати-шестнадцати лет, есть и четырнадцатилетние.

У двух верстаков расположилась полубригада из трех коммунаров: Зорин, Водолазский и Ширявский.

Зорин совсем малыш, и ему поручили проверять шипы при помощи специального сусла. Он очень ловко перебрасывает в свое сусло и проверяет лучковой пилой до ста шипов в день; детали с проверенными шипами он передает Водолазскому, который покрывает шипы шоколадной жижицей клея и деревянным молотком сбивает рамку будущего стула.

Водолазский — высокий белокурый юноша. Ему шестнадцать лет, но выглядит он гораздо старше. Водолазский давно отбыл и командирский срок и побывал замес-

тителем заведующего. Работает он с точностью машины. Он, почти не глядя, отбрасывает случайный брак, сквозь зубы поругивая машинный цех. В сборном цехе часто придираются к машинистам и станковым, обвиняя их в халатности.

— Смотрите, опять шипы зарезали с параллельным уклоном. Вечно у них там... замечается кто-нибудь и портит!

Ширявский, с улыбкой в умных глазах, принимает от Водолазского рамку и завинчивает ее в пресс, стоящий перед ним на козлах. Пресс сжимает рамку со всех сторон. Ширявский еще постучит по ней молотком, и через четверть минуты он уже лежит в штабеле таких же рамок.

У этой полубригады дело идет весело.

Рядом с ней работает Никитин — самый авторитетный человек в коммуне, носитель и продолжатель старых традиций горьковской колонии. Никитин сейчас — «контроль коммуны». Его участие во всех проверочных и следственных комиссиях обязательно. На нем же лежит неприятная обязанность приводить в исполнение все постановления общего собрания, касающиеся отдельных коммунаров: ограничение в отпуске, лишение кино, иногда наряд на дополнительную работу. Никитин поэтому всегда носится с блокнотом.

Сейчас Никитин очень недоволен: что-то заело в машинном цехе, и для сборщика нехватает настоящей работы. Никитину дали чистить планки для спинок, — это такая «буза», которую может делать простой чернорабочий, а не шестиразрядник — ветеран коммуны Никитин.

Сегодня вечером попадет от него на производственном совещании и Полищуку, и главному столярному мастеру Попову, и коммунарам машинистам, и в особенности Соломону Борисовичу.

Первое: почему до сих пор не поставлена вторая циркулярка?

Второе: почему до сих пор не налажена маятниковая пила?

Третье: почему не исправлен штурвал у фрезера?

Четвертое: почему задерживается точка ленточных пил?

Главные удары на производственных совещаниях

всегда приходится по машинному цеху. Это не потому, что там плохо работают, а потому, что силы сборщиков у нас превышают возможности машинного цеха. Вот почему и возникла необходимость ставить дополнительные станки и усиливать пропускную способность имеющихся.

На дворе устроился Сопин с двумя товарищами. Сопин вообще не выносит комнатного воздуха, раньше всех он выбирается спать в сад. Он убедил Попова перенести туда же верстаки.

У Сопина всегда занято и весело. Даже распиливая косой шип, он ухитряется о чем-нибудь болтать и над чем-нибудь посмеиваться.

— А чего это у токарей сегодня такие кислые рожи? Ты не знаешь, Старченко?

Старченко, прилизанный, аккуратный юноша, оглядывается на маленького Сопина и продолжает размеренно постукивать молотком по стамеске.

— А ты знаешь?

— Конечно, знаю! Они насобачились на углах, а сегодня им масленки поднесли точить. Кравченко разогнал штук на шестьдесят в день, а у него не выходит.

Сопин знает все, что делается в коммуне. Это ему удается благодаря какой-то удивительной способности проникать всюду, отнюдь не пользуясь никакими особыми способами, а исключительно благодаря своей замечательной общительности и живости. На всякое событие в коммуне он должен отозваться.

Сопин прославился в коммуне зимой этого года, когда в пику вялой редколлегии «Дзержинца», еле-еле выпускающей два номера в месяц, он с небольшой компанией добровольцев вдруг бахнул по коммуне ежедневной «Шарошкой». «Шарошка» сначала вышла на небольшом картонном листе, но с каждым днем увеличивала и увеличивала размеры и, наконец, стала протягиваться длинной узкой полосой по всей стене коридора. Она была до отказа набита статьями, заметками, вырезками из газет, ехидными вопросами и смешными издевательскими телеграммами.

Коммуна зашевелилась, как разворошенный муравейник. Продернутые в «Шарошке» коммунары решительно запротестовали против самовольно организованного общественного мнения и требовали, чтобы «Шарошка»

сняла подзаголовок: «Орган коммунаров дзержинцев». Старая редколлегия «Дзержинца» указывала на отдельные промахи газеты и называла ее «Брежушкой». Но Сопин с компанией не отступали и с каждым днем увеличивали свою газету.

На общем собрании редколлегия «Дзержинца» обижено заявила, что она прекращает издание «Дзержинца», так как у нее нет материала: все перехватывает Сопин. Бюро комсомола еле помирило две редакции. Полномочия Сопина были подтверждены общим собранием, и только в одном ему пришлось уступить: отказаться от названия «Шарошка».

С тех пор «Дзержинец» выходит в формате «Шарошки», и хотя редколлегия отказалась от ежедневного выхода, но раз в пятидневку газета сменяется.

До половины двенадцатого кипит работа в мастерских, шумят станки, визжит пила и стонет дерево. Заказ нового Электротехнического института с каждым часом подвигается вперед.

Коммунары очень ценят этот заказ не только потому, что он приносит заработок и прибыль, а еще и потому, что мы связались с институтом. К нам часто приезжают в коммуну организаторы института, и многие коммунары уже считают себя будущими студентами. Осенью этого года тридцать три коммунара готовятся к поступлению на рабфак института.

Куда мы идем?

В наших цехах имеются производственные комиссии, часто собираются производственные совещания, есть штаб социалистического соревнования, но все решения этих институтов не могут иметь обязательной силы, если они не утверждены советом командиров. Получается как будто неладно: старшие, более опытные, да еще поддержанные участием взрослых, — вся эта настоящая сила, сосредоточенная в производственных органах, как будто уступает силе двенадцати командиров, народу более молодому и менее опытному в производстве. Но у нас очень дорожат именно таким соотношением сил.

Совет командиров представляет всю коммуну, а не один какой-нибудь цех, и ему часто приходится выступать

против цеховщины и даже цехового рвачества. И то обстоятельство, что командиры почти всегда «средняки» по возрасту, очень нравится большинству коммуны, потому что в коммуне восемьдесят процентов именно «средняков». Кроме того, на заседаниях совета командиров могут высказываться все коммунары, хотя в голосовании участвует только по одному человеку от отряда. Обычно бывает, что, если в совете командиров разбирается производственный вопрос, командир присылает в совет наиболее матерого специалиста по цеху, который и ведет свою линию в заседании от имени отряда, а командир в это время тихонько сидит в углу. Вообще говоря, в коммуне выработалась очень сложная и хитрая механика внутренних отношений. Механика и стиль наших отношений инстинктивно усваиваются каждым коммунаром. Благодаря этому нам удается избегать какого бы то ни было раскола коллектива, вражды, недовольства, зависти и сплетен. И вся мудрость этих отношений, в глазах коммунаров, концентрируется в переменности состава совета командиров, в котором уже побывала половина коммунаров и обязательно побывают остальные.

Производственные совещания и комиссии находятся под общим руководством комсомола. Производство, в котором работает сто пятьдесят ребят, средний возраст которых не превышает пятнадцати лет, — представляет очень сложный организм. Мы не можем ограничиться одним каким-нибудь производством, так как в таком случае наверняка не сумеем удовлетворить разнообразных вкусов и склонностей попадающих к нам ребят. Если мальчику, жившему в семье, нужно идти на фабрику, он может выбрать тот, который ему больше по душе или к которому у него есть определенные способности. Наш воспитанник принужден выбирать себе уже в коммуне работу и специальность, может быть, на всю жизнь. Наша обязанность — предоставить ему возможно больший выбор. В то же время мы принуждены держать у себя различные возрастные группы ребят, в основном — от тринадцати до семнадцати лет.

В деле организации наших мастерских мы все время были несколько стеснены. С самого начала коммуна им. Дзержинского не числилась на бюджете какого-нибудь учреждения. Она была выстроена и оборудована

обществом чекистов, но содержать сто пятьдесят детей, т. е. ежемесячно вносить в коммуну шесть-семь тысяч рублей чекистам было чрезвычайно тяжело, да и коммунары бы этого не захотели. Передать же коммуну на бюджет государственный или местный — значило бы для чекистов отказаться от руководящей роли в коммуне и, будем говорить прямо, подвергнуть коммуну всем испытаниям, выпадающим на долю детдомов.

Все это привело к тому, что и в правлении и в коммуне возникло стремление к самокупаемости. Нужно признаться, что в первый момент мы не вполне ясно представляли себе, в какие формы это может вылиться, и было много сомнений в педагогической ценности самого института самокупаемости.

И все же наше производство, у которого не было ни оборотного капитала, ни квалифицированной рабочей силы, было организовано.

Первый год принес нам радости не много. Мы оборудовали несколько клубов, выпустили немало мебели, но не только не пришли к самокупаемости, а еще получили убытки. Все это произошло исключительно благодаря нашей половинчатости. Мы боялись сразу оттолкнуться от сощвосовских берегов и не решались поставить воспитанника в те же условия, в которых находится рабочий, боялись вызвать и использовать личную заинтересованность коммунара, боялись строго стандартизированной механической работы, вообще прилипли к «сознанию» и к «сознательности» и боялись от них оторваться.

Но неудачи заставили нас отказаться от «педагогических» предрассудков и сжечь корабли.

В начале тридцатого года мы вложили в производство небольшой капитал и поставили несколько новых станков для стандартной работы.

Производство медной арматуры, в особенности кроватных углов, было механизировано до конца, было введено полное разделение труда, и коммунарам стала выплачиваться сдельная плата по тем же расценкам, как и взрослым рабочим. То же самое было сделано и в столлярной мастерской. В первый же месяц мы увидели результаты, которых и сами не ожидали: в апреле мастерские дали тысячу рублей прибыли. В последующие месяцы

прибыль эта стала расти в замечательной прогрессии: в мае — пять тысяч, в июне — одиннадцать тысяч, в июле — девятнадцать тысяч, в августе — двадцать две тысячи.

Если принять в расчет, что содержание коммунаров стоит в месяц только шесть тысяч, то очевидной делается головокружительность наших успехов. При этом нужно учесть еще одно чрезвычайно важное обстоятельство. Каждый коммунар вносит из своего месячного заработка на пополнение расходов по содержанию коммуны восемьдесят процентов (но не более тридцати пяти рублей). Всего внесено коммунарами в мае полторы тысячи, в июне — две тысячи четыреста и в июле — четыре тысячи. Таким образом, из прибылей производства приходилось брать лишь самую небольшую сумму, и мы имели даже возможность вкладывать большие суммы в расширение нашего производства, в постройку новых мастерских, мы смогли на эти деньги покупать новые машины.

Одним броском мы достигли полной самокупаемости. И когда в карманах у коммунаров зазвенели деньги, появились новые потребности. Нашему педагогическому совету стоило много напряжения все эти потребности заранее учесть, заранее принять меры к тому, чтобы отдельные новые явления в коллективе не стали бы в противоречие с интересами всего коллектива и интересами нашего воспитания.

Все обошлось благополучно.

Больше того. Как раз личная материальная заинтересованность сделала совершенно очевидной необходимость общих усилий для улучшения производства. Старая дисциплина и прекрасные отношения в коллективе пришлось как раз к стати и для нового дела, для организации работы в таком направлении, чтобы коммунар мог действительно работать, зарабатывать и был в этом заинтересован.

Уже на третьем месяце этот заработок как сумма полученных коммунаром рублей перестал быть новостью для них, и выросли новые формы коллективных устремлений: соцсоревнование и ударничество.

Вся система нашей коммуны и производства — производственные комиссии в каждом цехе, общекоммунарский штаб соцсоревнования, совет командиров, сами коман-

диры — все это сумело органически слиться в работе. Все фетиши соцвса, после того как мы их отбросили, никакими призраками не тревожили нас. Мы о них забыли на другой же день.

Мы сделали настоящим заводом. Но мы и больше завода, ибо мы теперь действительно коммуна: из заработка коммунаров мы организуем потребление и быт в тех совершенных формах, которые мы уже выработали раньше.

Таким образом, наш решительный разрыв с псевдоучеными и потребительскими уклонами детских домов действительно оздоровил и нашу производственную работу и наше воспитание.

Мы довольны всем этим. Но методисты из соцвса именно теперь считают нас «мытарями», променявшими высокие идеи «новейшей педагогики» на презренные чертежные столы для советских вузов и кровати углы.

С другой стороны, слышны разговоры о том, что наши мастерские не дадут квалифицированных рабочих. Но это — мура, как говорят наши коммунары. Разумеется, наши выученики не сумеют сделать вручную дубового великолепного резного буфета, хитроумных часов с кукушкой или с танцующими фигурками. Но это ведь никому и не нужно сейчас. Нам сейчас нужны станковые, сборщики, литейщики, формовщики, никелировщики. Как раз их и готовит коммуна. При этом наши ребята получают образование и коллективное воспитание. Это есть то, что называется новыми кадрами.

Дальше. За три года пребывания в коммуне коммунарь становится квалифицированным рабочим в нескольких областях труда. Вот сейчас Ленька Алексюк работает на шишках. Что и говорить, квалификация небольшая. В следующем году он перейдет на машинную формовку, а потом и на ручную. На третьем году он прекрасно изучит никелировочное дело — и пойдет в жизнь нужным советским трудовым человеком.

«Педагоги» нас критикуют. Но к нам приезжают рабочие с канатного завода и просят:

— Дайте нам ваших токарей. Нам вот такие токаря нужны дозарезу!

Этой оценки нам достаточно для хорошего самочувствия.

Хозяева

Нигде не собрано так много настоящих коммунаров, прошедших всю нашу школу, бодрых, веселых, трудолюбивых и удачливых, как в слесарно-токарном цехе. Подавляющее большинство здесь — комсомольцы. Здесь у каждого станка живет молодая, уверенная в себе рабочая мысль.

И в столярной мастерской, и в других мастерских и цехах есть и дисциплина, и подъем, и умение работать, и бодрость. Но только наши металлисты сумели в своих цехах сделаться самостоятельными хозяевами производства, задающими тон даже квалифицированным рабочим.

В токарно-слесарном цехе работают мастер Левченко, его помощник и несколько квалифицированных рабочих токарей и слесарей. Все это неплохие рабочие и хорошие люди. Коммунары в этот цех пришли недавно, так как всего полгода тому назад поставили у нас токарные станки.

Но во всем, на каждом шагу, в каждом кубическом сантиметре воздуха чувствуется здесь, что крепкий, непоколебимо уверенный в себе коллектив мальчиков стал во главе цеха — без всяких постановлений, без протоколов и почти без речей, исключительно благодаря своей сознательности и спайке.

В смену работают здесь четырнадцать коммунаров. У токарных станков стоят мальчики и обтачивают медные углы для кроватей или медные масленки для каких-то станков. Перед каждым на станине лежит несколько станов еще не обточенных углов и несколько станов уже готовых.

Работа спорится не у всех одинаково. У Волчка и у Фомичева, у Воленко, у Кравченко, у Грунского горки готовых медных частей больше, чем у других, менее квалифицированных. Невелика горка у маленького Панова, который у своего станка стоит на подставке.

На станинах взрослых рабочих — частей гораздо больше, и станки здесь вращаются быстрее. Взрослых рабочих человек семь.

Вот один из них отошел от своего станка, и, не отрываясь от работы, все коммунары повернули головы к нему. Может быть, там ничего особенного и не случилось, может

быть, и коммунары ничего особенного не подумали, но их совершенно инстинктивное внимание ко всему, что происходит в мастерской, заставляет всю мастерскую чутко реагировать на малейшее нарушение привычного ритма общей работы.

Где-то заест пас, где-то начнет болтаться конец трансмиссии, у кого-нибудь нехватит резцов, и тот поспешит за ними в кузницу, где-нибудь завяжется спор между механиком и рабочим, — никто не остановит работы, никто из коммунаров не скажет ни слова, но это вовсе не значит, что случай «проехал». Ничего не проехало. Если всего этого не заметил командир, и сегодня на общем собрании коммунаров будет благополучно в рапорте, то завтра на производственном совещании, или просто в кабинете завкоммуной, или даже в коридоре кто-нибудь обязательно постарается выяснить, в чем дело. И если один начнет говорить об этом, его немедленно поддержат тринадцать, а то еще придет помощь и из другой смены.

Недавно на производственном совещании один из рабочих обвинял механика в каких-то неправильных распоряжениях и, между прочим, сказал:

— Я, конечно, ему не подчинился. Я работаю токарем двадцать восемь лет, а он мне говорит: «Останови станки, я запрещаю вам работать». Как он мне может запрещать, если мне разрешил работать сам заведующий производством!

И он все-таки чуть не стал на меня кричать, чтобы я вышел из мастерской.

Все сочувственно кивали головами, все соглашались с оратором.

Но встал коммунар и сказал:

— А мы вот этого не понимаем. Вам приказал механик остановить станки, а вы ему не подчинились, да еще и хвалитесь здесь, говорите, что вы двадцать восемь лет работали. Где вы работали двадцать восемь лет? А мы считаем, что такого рабочего, как вы, нужно немедленно уволить.

Соломон Борисович, заведующий производством, человек старый, но юркий, замахал на коммунара руками и испуганно замигал глазами. Как это можно уволить такого квалифицированного рабочего? Соломон Борисович даже расстроился.

— Как это вы говорите — уволить? Это старый рабочий, а вы еще молодой человек.

Коммунары загудели кругом. Дело происходило в саду, на площадке оркестра.

— Так что же, что молодые?

Кто-то поднялся:

— Молодые мы или нет, а если с Островским еще такое повторится, так его нужно уволить, пусть он хоть тридцать восемь лет работал.

Слово берет Редько и медлительно, немного заикаясь, начинает говорить:

— В цехе три начальника, а четвертый — сам Соломон Борисович. Распоряжения отдаются часто через голову механика, квалифицированные рабочие «гонят», портят материал и покрывают брак, трансмиссии установлены наскоро, в цехе много суетни и мало толку...

Собрание не принимает никакого постановления и расходится.

Обиженный Островский уходит в одну сторону, обиженный механик — в другую, обиженный Соломон Борисович — в третью.

Коммунары не обижаются: они знают свою силу и уверены, что будет так, как они захотят.

Через день совет командиров назначает своего браковщика, тот начинает отшвыривать неправильно обработанные, грубо обработанные детали, и уже никому не приходит в голову протестовать против его браковки.

В том же совете командиров недвусмысленно требуют от Соломона Борисовича, чтобы в ближайшие дни был поставлен на фундамент шлифовальный станок. Соломон Борисович обещает поставить его в течение трех дней. Вася, секретарь совета, записывает в протокол это обещание и говорит с улыбкой:

— Записано: через три дня.

А после совета в частной беседе грозят Соломону Борисовичу:

— Смотрите, Соломон Борисович, ваша квартира недалеко — устроим демонстрацию против ваших окон, оркестр у нас свой. Когда-нибудь сядете чай пить, а тут — что такое? Смотрите в окно, а кругом красные флаги и плакаты: «Долой расхлябанность! Да здравствует дисциплина!»

Соломон Борисович отшучивается:

— Ну, вы окна бить не будете? Окна ж ваши, коммунарские.

Васька закатывается за своим столом.

— Окна, конечно, нельзя, так мы стаканы побьем. Милиции близко нету, не забывайте.

Смеется Соломон Борисович.

— Честное слово, хорошие вы ребята, только напрасно волнуетесь, все будет хорошо.

— Посмотрим! — говорят коммунары.

И они смотрят. И под их взглядами ежится всякий шкурник, рвач, растяпа. Соломону Борисовичу этот въедливый хозяйский взгляд помогает вскрыть все недостатки производства.

Все уверены, что первый и второй отряды наведут дисциплину в токарном цехе.

Недавно на общем собрании рыжий Боярчук, сдавая рапорт на командира первого отряда, сообщил:

— В цехе полчаса не было резцов.

Соломон Борисович при обсуждении рапорта заявил категорически:

— Это неправда. Резцы были. Просто поленились пойти к кладовщику получить.

Коммунары хорошо знают, что где угодно может быть неправда, только не в рапорте. Рапорт пишется пером, и ни один командир не напишет в рапорте неправды.

Коммунары засмеялись.

— А если правда, тогда что?

— Что хотите, — сказал Соломон Борисович.

Встал командир первого, Фомичев.

— Мне за неправильный рапорт было бы не меньше трех нарядов.

— Пускай мне будет три наряда, — выпалил сердито Соломон Борисович.

— Хорошо, — сказал Фомичев.

Тут же выбрали комиссию. На другой день она доложила:

— Резцов действительно не было.

На собрании поднялся смех:

— А где же Соломон Борисович?

Оглянулись, а Соломона Борисовича и след простыл.

На другой день пришел ко мне Соломон Борисович и сказал:

— Ну что ж, я им сделаю душ в саду. Это стоит трех нарядов.

Васька, секретарь совета командиров, подумал и сказал:

— Пожалуй, что и стоит.

Копейки и мальчики

В никелировочном цехе работают два отряда: одиннадцатый — до обеда и двенадцатый — после обеда. В каждом по десять человек. Командирами здесь старые коммунары — Крымский и Жмудский, но большинство членов этих отрядов — новички. Однако эти новички уже справляются со своим положением хозяев на производстве. Недавно они даже одержали крупную победу над Соломоном Борисовичем.

Никелировочная мастерская разделяется на два отделения: в одном стоят шлифовальные, полировочные станки и так называемые щетки. На всех этих приспособлениях медные части, вышедшие из токарного цеха, приготавливаются к никелировке: шлифуются и полируются. В другом отделении они опускаются в никелировочные ванны, но и перед ваннами проходят очень сложную процедуру промывок и очисток и бензином, и известью, и еще каким-то составом. Одним словом, в никелировочном цехе очень много отдельных процессов, и общий успех работы зависит от слаженности и согласованности.

Почему-то Соломон Борисович держал здесь двух мастеров: один заведывал шлифовальным отделением, второй — собственно никелировочным. Мастера эти отчаянно конкурировали друг с другом, подставляли один другому ножку, сплетничали и втягивали в эту глупую борьбу и рабочих, которых там человека четыре, и ребят.

Вообще никелировочный цех у нас один из самых неудачных: всегда в этом цехе что-нибудь ломается, оставливается. И Соломон Борисович, и мастер, и члены производственного совещания, и остальные коммунары на каждое заседание совета командиров приходят с взаимными претензиями. Начинается разговор в очень корректных выражениях, но кончается бурно. Раскрасне-

ются физиономии, размахаются руки, голоса повысятся на полоктавы. Голос секретаря совета командиров, называемого чаще ССК, переходит в фальцет, но тщетны все попытки сколько-нибудь охладить Соломона Борисовича. Соломон Борисович горячится ужасно.

— Что вы мне рассказываете? Кому вы рассказываете? Я работаю на производстве девятнадцать лет, а мне такой, понимаете, малыш говорит, что здесь число оборотов неправильное. Так разве я могу так работать? Я требую, чтобы со стороны коммунаров было ко мне другое отношение.

Тут Соломон Борисович сам доходит до такого числа оборотов, что уже не замечает, как начинает рассказывать своему соседу, политруководителю коммуны товарищу Варварову, о каких-то еще более возмутительных проявлениях неуважения к его производственному опыту. Варваров, молодой и кучерявый, что-то у него спрашивает. Соломон Борисович ерзает на стуле и роется в глубочайших карманах своего пиджака-халата, очевидно, разыскивая документальное доказательство.

ССК пищит:

— Соломон Борисович, а Соломон Борисович! Соломон Борисович, говорите всему совету. Чего вы шепчетесь?..

Соломон Борисович оглядывается на сердитого Ваську и расцветает в улыбке:

— Ну, вот видите?

Но, несмотря на все эти столкновения, Соломон Борисович любит ребят и часто приходит в неожиданный восторг от напористости коллектива.

Этот восторг он выражает на каждом шагу, но и на каждом шагу он с этим коллективом ссорится и устраивает конфликты. Коммунары платят ему таким же сложным букетом. С одной стороны, они видят его энергию и знания, но в то же время они не склонны слепо подчиняться его авторитету и прекрасно разбираются в отрицательных свойствах его как организатора: бывает, что Соломон Борисович погонится за дешевкой, любит сделать что-нибудь, как-нибудь, только бы держалось, из-за копейки часто не только поспорит, а и разволнуется.

Коммунары умеют собрать самые подробные сведения о какой-нибудь детали у мастеров и неожиданно ошеломляют своей эрудицией Соломона Борисовича.

— Вот в Киеве на производствах везде платят по полкопейки за такую-то деталь, а я вам даю три четверти.

— Э, и хитрый же вы, Соломон Борисович! Так в Киеве платят же только за формовку, а есть еще и черно-рабочие...

Соломон Борисович наливается кровью, размахивает руками и сердится:

— Откуда вы все это знаете? Я девятнадцать лет работаю на производстве, а он будет мне толковать о черно-рабочем!

Когда был поднят вопрос о ненужности двух мастеров в никелировочном, Соломон Борисович сначала попробовал обидеться, потом стал взывать к милосердию и, наконец, сообразил, что предложение производственной комиссии оставить одного мастера на два отделения — предложение дельное. Принужден он был согласиться и с другим предложением производкомиссии: платить коммунарам за работу на ванне не одну с четвертью копейки от стана, а две копейки. Но на совете командиров Соломон Борисович вдруг стал на дыбы:

— Пойдите, как же так? — Соломон Борисович даже вспотел. — Вы говорите, прибавить три четверти копейки с первого июня, а сейчас пятнадцатое. Я же не могу уволить второго мастера с первого июня, а могу только с пятнадцатого, значит и ваша прибавка, — он повернулся к членам производственной комиссии, — может быть только с пятнадцатого.

Председатель производственной комиссии — командир двенадцатого Жмудский, поддерживаемый внушительным урчанием половины всего своего отряда, расположившейся прямо на полу, — вероятно, в знак того, что они не имеют права голоса на совете командиров, — вытянул удивленную черномазую физиономию.

— Так причем же здесь мастер?

Маленький востроносый ССК Васька даже лег на стол, устремившись всем телом к расстроенному Соломону Борисовичу.

— Так поймите же, Соломон Борисович! Мастер-то относится к рационализации, а то совсем другое дело — расценки.

— Что вы мне, молодой человек, рассказываете? Кому вы это говорите?..

Полный, круглый, красный и клокочущий, завернутый в широчайший и длиннейший, покроя эпохи последних Романовых, пиджак, карманы которого всегда звенят ключами, метрами, отвертками, шайбами и т. п., — Соломон Борисович вскакивает со стула и вдруг набрасывается на меня, хотя я решительно ни в чем не виноват. Я мирно подсчитываю в это время, сколько метров сатину нужно купить на парадные трусики для коммунаров, принимая во внимание, что девчонкам трусиков не нужно, что в кладовой имеется сто одиннадцать метров и что...

— Вы, Антон Семенович, распустили ваших ребят. Они теперь уже думают, что это не я инженер, а они инженеры. Они будут мне читать лекции о рационализации... Я пойду в правление, я решительно протестую!

Соломон Борисович брызжет слюной и отчаянно машет руками.

— Да ведь они же правы, Соломон Борисович.

— Как правы? Как правы? Как правы? Я должен где-то брать деньги на никелировку? И мастеру платить, и три четверти копейки...

— Да причем же здесь мастер? — спрашивает Жмудский.

— Как причем? Как причем? Вы слышите, что они спрашивают? Причем мастер? А мастеру платить нужно за две недели? По-вашему, так можно выполнять промфинплан?

— А какое нам дело, что вы держали мастера, который не нужен? Вы и еще бы держали, если бы мы не придумали, а теперь вы хотите, чтоб за наш счет...

Соломон Борисович начинает чувствовать, что Жмудский не так уж далек от истины, и перестает вертеть руками, растерянно всматривается в лицо Жмудского:

— Как вы говорите?

Жмудский смущен неожиданным замешательством противника. Он даже подымается со своего стула и заикается:

— Мастер же, это был убыток. Мы вам посоветовали...

— Нам премию нужно выдать! — перебивает Жмудского кто-то из командиров сзади Соломона Борисовича.

Соломон Борисович резким движением поворачивается на сто восемьдесят градусов и... улыбается. На него смотрят

рят плутоватые глаза Скребнева, которому он очень симпатизирует. Соломон Борисович находит выход:

— Мастер, говорите, убыток? У Соломона Борисовича никогда не бывает убытка.

— Как это не бывает? А ведь был лишний мастер,— раздается со всех сторон.

— Эх, нет, товарищи!

Соломон Борисович вытаскивает из кармана платок, который кажется бесконечным, потому что до конца никогда не вытягивается, затем снова усаживается на своем стуле и забывает, что имел намерение вытереть трудовой пот на инженерском челе. Платок исчезает в кармане, и Соломон Борисович уже сияет и по-отечески, по-стариковски ласково и любовно говорит притихшим коммунарам:

— Двух мастеров нужно было иметь, пока вы учились работать. Вот теперь вы выучились, и двух мастеров не нужно, нужен только один. Если бы вы и не предложили, я его и сам бы снял. Пока вы учились, конечно, нужно было переплачивать на мастерах, поэтому и расценки были ниже. Вы работали не самостоятельно, а с мастером.

— Э-э-э, Соломон Борисович!.. Нет... Это что ж...

— Ишь, хитрый какой!

— Смотрите! Учились... А когда мы научились? Сегодня? Сегодня? Да?

На Соломона Борисовича один за другим сыплются вопросы, но чувствуется все же, что он нанес гениальный удар.

Когда шум немного стихает, серебряный дискант Скребнева вдруг звенит, как колокольчик председателя:

— Это вы сейчас придумали? Правда ж?

Весь совет заливается хохотом. Соломон Борисович снова наливается кровью и с достоинством подымается с места:

— Нет, товарищи, я так не могу работать...

Снова Соломон Борисович начинает кричать:

— Кончено! Довольно! Кто я здесь такой? Инженер? Или я буду у этих мальчишек учиться управлять производством?..

Коммунары в общем не обижаются даже за «мальчишек». Они улыбаются в уверенном ожидании моего ответа. И я улыбаюсь.

— Да ведь как же не согласиться? Тут ведь дело не в копейке, Соломон Борисович. Нельзя предъявлять коммунарам такую логику, нельзя так связывать эти два пункта.

Соломон Борисович опять выступает с достоинством, складывает бумаги в портфель и говорит:

— Хорошо. Значит дело это переносится в правление.

— В правление? — ССК тарашит глаза.

— Да, в правление, — обиженно угрожает Соломон Борисович.

— Посмотрим, что правление скажет, это интересно. Вот смотри ты, в правление! — удивляется ССК.

Соломон Борисович вылетает из кабинета, и еще виден в дверях его пиджак, а Васька уже вещает:

— Следующий вопрос — заявление Звягина о приеме в коммуну.

Из книги о культурной революции

Пока шумят мастерские, в главном доме коммуны тихо. Только во время перемен из класса высыпают ребята и спешат кто в спальню, кто в кабинет, кто в кружок. Многие просто прогуливаются у парадного хода по выложенному песчаником тротуару.

Школьная смена своим костюмом резко отличается от рабочей. В то время когда слесаря, токаря и в особенности кузнецы и формовщики с измазанными физиономиями щеголяют блестящими от масла пыльными спецовками и старыми картузами, на ребятах из школьной смены хорошо пригнанные юнгштурмовки, портупей, новенькие гамашы и начищенные ботинки, головы приведены в идеальный порядок, и даже такая всесоюзная растрепа, как Тетерятченко, по крайней мере до третьего урока ходит причесанным.

Кончив работу, первая рабочая смена должна переодеться и вымыться к обеду. Вторая надевает рабочие костюмы только после обеда. Вечером, после пяти часов все должны быть в чистых костюмах.

Добиться этого удалось далеко не сразу. Многие коммунары считали, что внешность истинного пролетария должна быть возможно более непривлекательной. Совет

командиров и санитарные комиссии долгое время безрезультатно боролись с этим взглядом.

— Двадцать раз в день переодеваться! — говорили коммунары. — Конечно, тогда ничего не сделаешь. Только и знаешь, что развязываешь да завязываешь ботинки!

Пришлось вводить строгие правила.

Удалось, наконец, добиться, чтобы, отправляясь в школу, ребята переодевались. Но уже к вечеру каждый ходил, как хотел.

Однако довольно скоро наступили перемены. Когда для клубов и столовых наша мастерская изготовила новую прекрасную мебель, заменившую тоненькие киевские диванчики, стало для всех очевидным, что эту мебель мы сможем привести в негодный вид в самый короткий срок. Наша санкомиссия очень легко провела на одном из общих собраний запрещение входить в клубы и в столовую в рабочей одежде. Энергичные ДЧСК стали настойчиво приводить в исполнение постановление общего собрания.

— Фомичев, выйди из столовой!

— Чего я буду выходить?

— Ты в спецовке.

— Не выйду.

ДЧСК берется за блокнот. Фомичев знает, что кончится рапортом и выходом на середину на общем собрании, но ему хочется показать, что он не боится этого.

— Пиши в рапорт, — говорит он. — Я все равно не выйду.

Тут приходит на помощь более решительный дежурный по коммуне:

— Не раздавать первому отряду, пока Фомичев не переоденется.

Этот ход сразу вызывает более выгодную для санкома перестановку сил. Первый отряд отходит на тыловые позиции.

— Почему из-за одного Фомичева мы должны сидеть за пустым столом?

— Я не буду спорить с каждым коммунаром, — настаивает ДК. — Что вы, маленькие?

С ДК ничего не поделаешь, без его ордера обеда из кухни отряду не отпустят. И члены первого отряда нападают уже на Фомичева:

— Вечно из-за тебя возня!

Фомичев отправляется переодеваться.

К общему удивлению, число таких конфликтов среди коммунаров было очень незначительным. Зато пришлось немало повозиться с рабочими.

В дверях нашего «громкого» клуба — дежурный отряд. Один из дежурящих вежливо заявляет:

— Товарищ, нужно переодеться.

Рабочий принимает все защитные позы и окраски и даже рад случаю повеличатся:

— Как это переодеться? Что ж тут — для господ у вас или для рабочих?

Ответ на удивление выразительный:

— Идите переоденьтесь и тогда приходите на киносеанс, — говорит дежурный.

Впрочем, за последнее время таких столкновений почти не бывает. Мы забыли об этих спорах, никому не приходит теперь в голову вступать в пререкания с коммунаром, украшенным какой-нибудь повязкой. Для всех стало законом, что нельзя в зале сидеть в шапке, и если кто-нибудь забудет ее снять, со всех сторон раздаются возгласы:

— Кто это там в шапке?

Разговоры у дневального обычно возникают лишь с посторонней публикой.

Недавно какой-то посетитель вошел в помещение с папирсой. В доме курить запрещено. Вошедшему предложили бросить папирсу. Он швырнул ее куда-то в угол вестибюля под вешалку. Дневальный потребовал:

— Поднимите.

Посетитель оскорблен ужасно. Он не хочет поднять окурок.

— Нет, поднимите!

В голосе дневального появляются нотки тревоги: а вдруг так-таки повернется и уйдет, не подняв окурка?

Чрезвычайно интересно, что такие тревожные нотки удивительно быстро улавливаются всей коммуной. Этот ребячий коллектив перевязан какими-то тончайшими нервами. Малейшее нарушение мельчайших интересов коллектива ощущается как требовательно-призывный пожарный сигнал.

Не успели оглянуться и посетитель и дневальный, как несколько человек окружили место скандала.

Малыши, если они одни, не оглядываются по сторонам, — они уверены, что через несколько секунд придут солидные подкрепления. Поэтому атака пацанов стремительна:

— Как это не поднимете?

Нарушитель закона что-то возражает. В это время где-то в конце коридора уже гремит тяжелая артиллерия — Волченко, или Фомичев, или Долинный, или Водолазский:

— Что там такое?

Посетитель спешит поднять окурки и растерянно ищет, куда бы его бросить.

— Правильно! А то никакого спасения от разных господ не будет.

— Какие ж тут господа?

— А вот такие! Вам говорят поднимите, значит поднимите. Без лакеев нужно обходиться.

В отношении к пьяным коммунары непоколебимы. Для них не существует разницы между человеком пьяным и даже чуть подвыпившим, только пахнущим водкой. Насчет спирта нюх коммунарского контроля настолько обострен, что малейший запах скрыть от них невозможно. Если возникло такое подозрение, посетителя выставляют из коммуны, хотя бы даже он и вел себя очень разумно и умеренно. Тут уж ничего нельзя сделать.

Коммунары — очень строгий народ. Я сам, заведующий коммуной, иногда с удивлением ловлю себя на мысли: «Хорошо ли я вытер ноги? Не получу ли я сейчас замечания от дневального, вот этого самого Петьки, которого я пробираю почти каждую пятитдневку за то, что у него не починены штаны?»

В коммуне живет до полсотни служащих и рабочих, и никогда у нас не бывает пьянства, ссор, драк. Когда недавно из Киева к нам прибыла целая группа рабочих, бывших кустарей, на третий же день к ним пришел отряд легкой кавалерии нашего комсомола и вежливо попросил:

— Отдайте нам карты. Вы играете на деньги.

Вы не застрахованы от того, что в вашу дверь вежливо постучат Роза Красная или Скребнев и спросят:

— Разрешите санкому коммунаров посмотреть, насколько у вас чисто в квартире.

Можно, конечно, и не разрешить, можно сказать — какое, дескать, вам дело, что у меня в комнате грязь!

— Если еще будет такая грязь, мы вас вызовем на общее собрание.

И если вам придет в голову, что вы сможете, не явившись на общее собрание, после этого на другой день продолжать жить в коммуналке, вы скоро убедитесь, что это была непростительная ошибка.

Наши служащие невольно подчиняются этому крепкому, убежденному, уверенному в себе ребячьему коллективу. Для них безразлично отношение к ним коммуналки, а многим просто нравятся эти вежливые и настойчивые дети. Благодаря этому все в общем проходит благополучно. Не только никто не будет протестовать против вторжения санкома в квартиру, но все заранее позаботится, чтобы всюду было чисто, чтобы не пришлось краснеть перед контролерами.

Моя мать — старая работница, проведшая всю жизнь в труде и в заботах, — радостно встречает молодых носителей новой культуры и, предупредительно показывая им свои чуланчики и уголки, наполненные старушечьим барахлишком, даже приглашает их:

— Нет, отчего ж, посмотрите, посмотрите... Может, чего мои старые глаза не увидели, так ваши молодые найдут.

„Делегации“

Нередко у нас бывают экскурсии из города. Но больше всего бывает иностранных делегаций. Поэтому в коммуналке всех посетителей называют «делегациями».

Зимой «делегаций» меньше, летом же почти не бывает дня, чтобы в коммуналку кто-нибудь не приехал. Это объясняется не только известностью коммуналки. Много значит и то, что коммуналка — единственное детское учреждение, расположенное в черте города.

Посетители всегда предупреждают коммуналку по телефону за день, за два. В первое время мы рассматривали каждое такое предупреждение как сигнал к специальным приготовлениям. Иногда было необходимо выстраивать коммуналку с оркестром и знаменем. Это — в дни памятных для коммуналки событий. К таким мы относим посещения коммуналки членами Коминтерна и КИМа.

Но бывало и так, что торжественные встречи ложились на нас своего рода бременем. Пока автомобили с «делегацией» кружат по горам и лесам в поисках сносной дороги в коммуну (а дорогу в коммуну отыскать не так-то легко), коммунары должны томиться в ожидании. Мало того: перед этим нужно бросить работу в мастерских, переодеться, нужно собирать оркестр и выносить знамя, а вынос знамени, по коммунарским традициям, является довольно сложной церемонией.

Очень многие делегации настаивают на созыве общего собрания коммунаров.

Понятно, что такие торжественные собрания, если они созываются ежедневно, делаются для коммунаров тягостными. Поэтому уже давно мы встали на путь решительной борьбы с разными церемониями, и теперь, несмотря на самые настойчивые требования, мы решительно в них отказываем. Мы уже потому не можем позволять себе роскоши излишних парадов, что от этого страдает наше производство.

Теперь гостей при входе в коммуну встречает дежурный, приветливо приглашает их в кабинет, если их немного, или в «громкий» клуб, если гостей больше трех-четырёх десятков. Дальнейшая судьба «делегации» зависит уже от того, из кого она состоит. Иностранцев обыкновенно провожает заведующий; на его обязанности лежит и прием больших рабочих экскурсий. Компании же поменьше выпадают на долю секретаря совета командиров или дежурного заместителя. С течением времени в коммуне образовалась небольшая группа специальных гидов, которые знают, что интересует гостей, что показывать, и держат в голове всю необходимую статистику. Коммунары в мастерских теперь не отрываются от станков, когда приходит делегация.

В столовой, если гости попадают к нам во время обеда, еще живет обыкновение при входе гостей всем вставать и салютовать. Но в этот обычай внесена небольшая поправка. Коммунары приветствуют гостей таким образом, если тот, кто водит гостей по коммуне, скажет, входя в столовую:

— Товарищи, у нас гости.

Большинство «делегаций» радуется нас, разнообразя нашу жизнь и в значительной мере помогая поддерживать

связь с внешним миром. Особенно приветливо встречаем харьковских рабочих, которые посещают нас большими компаниями, человек по сто и больше. Были в коммуне и негритянские и китайские делегации. Горячо приняли коммунары делегата союза фронтовиков. Его восторженно чествовали на торжественном собрании и выбрали даже почетным коммунаром с зачислением в восьмой отряд.

Иностранные «делегации», состоящие из выхоленных и прекрасно одетых богатых англичан или американцев, вызывают к себе тоже большой интерес, но это уже интерес особый.

Коммунары смеются:

— Хлопцы, живые буржуи в коммуне!

Вокруг «живых буржуев» всегда собирается толпа пацанов, которые, очевидно, никак не могут представить себе, что эти представители вымирающего подвида людей еще имеют возможность свободно передвигаться по земной коре, и никто их не ловит и не отправляет в заповедники. Малыши рассматривают этих туристов с таким видом, как будто и в самом деле рассчитывают увидеть оскаленные челюсти, хищные движения, испачканные кровью рабочих руки, раздувшиеся животы. И выражение лиц у некоторых пацанов такое, как будто вообще находиться рядом с такими гостями, даже и в нашей стране, не совсем безопасно.

Буржуи с пацанами разговаривают ласково и даже восхищаются некоторыми физиономиями. Нужно признать, что господа осматривают коммуну очень внимательно и на каждом шагу спрашивают:

— Так вот это и есть беспризорные?

Умытые, причесанные и очень интеллигентные коммунары, совершенно головокружительная вежливость их, умень коммунаров держаться с достоинством, чистота в здании, деловой тон в мастерских — противоречат представлениям буржуазного мира не только о наших беспризорных, но и вообще о всей нашей жизни. Отсюда и то недоверие, с каким относятся буржуи к коммуне.

Мы, правда, не отказываем себе в удовольствии поразить их. Коммунары с винтовками в вестибюле нарочно задирают повыше головы. На вопрос: — Неужели все это беспризорные? — мы отвечаем через переводчика: — Нет,

это не беспризорные,— это хозяева здесь. Все это принадлежит им: и спальни, и мастерские, и материалы.

Переводчик, улыбаясь, что-то растолковывает буржуям. Те преувеличенно вежливо кивают головами, но все же не могут скрыть небольшого смущения, тем более, что коммунары самым приветливым и самым ехидным образом посмеиваются.

Еще больше приходится смущаться буржуям, когда коммунары усаживают их в кружок в зале и начинают задавать очень недипломатические вопросы:

- Работают ли у вас дети на фабриках и заводах?
- Сколько часов в день?
- Сколько они получают?
- Помогает ли им государство?
- Есть ли у вас сироты, и куда они деваются?
- Помогает ли государство этим сиротам попасть в вуз?

После этих вопросов буржуи делаются и гораздо вежливее и гораздо суше. Они вынуждены отвечать довольно нечленораздельно.

— Да, конечно, у нас есть приюты... Приюты, понимаете? Там тоже мастерские, только, конечно, там дети учатся ремеслу и «приучаются не воровать»...

Рабочие делегации Запада никогда не спрашивают: «Неужели все это беспризорные?», никогда не становятся их тон сухим или чрезмерно вежливым. Они в восторге от нашей коммуны и от наших ребят, они в восторге и от того, что к ним так тепло относятся эти ребята, от того, что ребятам так хорошо живется в коммуне. Они искренно, часто волнуясь, рассказывают ребятам, как тяжело живется на Западе, как тяжок там детский труд, как тяжела детская сиротская доля. Коммунары слушают их, затаив дыхание.

Гости давно уже сидят в автомобилях, но еще продолжают расспросы, рукопожатия и шутки. Шоферы нетерпеливо оглядываются, заведующий производством волнуется, что прервали работу, но всем легко и весело. Наконец, автомобили трогаются. У передового на подножке стройная фигура коммунара, который должен показать самую прямую дорогу через лес.

Экскурсии советских рабочих в коммуне ведут себя по-хозяйски. Женщины заглядывают под одеяла, щупают

подушки, осматривают кухонную посуду. Мужчины в мастерских проверяют с циркулем в руках полуфабрикат и спрашивают, почему плохо работает вентиляция. Коммунары в разговоре с ними употребляют самые специальные термины. Только и слышишь: шкив, суппорт, трансмиссия.

Придирчивость гостей никого не обижает. Мы признаем, что подушки действительно нужно бы поднабить, что с вентиляцией дело в никелировочной неладно, что шкив болтается. Эти наши гости самым приятельским образом отплясывают гопака в нашем саду под музыку улыбающихся оркестрантов. Отцы пляшут, отчего же не улыбаться! И уж действительно становится весело, когда на поддержку добродушной неповоротливой толстухе из Нарпита вылетает наш юркий и красивый Ленька Нигалев и начинает заворачивать вокруг нее такие хитрые и умопомрачительные антраша, что сидящий на скамейке в ряду других гостей худой усатый рабочий сбивает фуражку на затылок и кричит:

— Ах, ты ж, сссукин сын! Это наш!..

Уходят рабочие из коммуны пешком, их провожают разговорившиеся, оживленные коммунары. Прощаются на меже у леса.

„Окружающее население“

На общие собрания коммунаров почти каждый раз приходят парни и девчата села Шишковки.

С Шишковкой коммуна начала устанавливать связь давно. Вначале из этого ничего хорошего не получалось. Первые наши культуртрегеры — комсомольцы Охотников, Веренин, Нарский — возвращались из деревни в ночную пору, не только ничего не сделав, но несколько навеселе, так как Шишковка славилась своим самогоном и любила угощать дорогих гостей. Кончились эти первые походы позорно: общее собрание запретило Охотникову посещать Шишковку.

Но скоро в коммуны стали приходиться девчата из деревни. Наш политрук от удовольствия только руки потирал. Девчата посещали все комсомольские собрания, постепенно приобщаясь к жизни нашей организации. Боль-

шое неудобство, правда, заключалось в том, что девчат нужно было после собрания провожать домой.

Очень скоро обнаружилось, во-первых, что Крупов страшно влюбился в какую-то Катю и возымел даже желание на ней жениться, во-вторых, что в ту же Катю влюбился и Митька, в-третьих, что Катя не порвала со старым бытом, хотя и вступила в комсомол. Она попрежнему торговала самогоном, так же, как и ее мать. Ребята явно подпали под ее влияние. Комсомольцы оказались виновными и «во-первых», и «во-вторых», и «в-третьих». Все было выяснено нашими пацанами на страницах стенной газеты, и после двух-трех бурных заседаний с этим было покончено. Но после такой истории ребята почему-то очень охладели к Шишковке.

В это именно время коммуна совершила несколько культурных походов в более далекое село Шевченки, главным образом, преследуя цели антирелигиозной пропаганды. Первое наше выступление было в пасхальную ночь. Несмотря на оркестр, мы собрали мало народу. Была исключительно молодежь, но и та, когда ударили к заутрене, предпочла не ссориться со стариками и отправилась в церковь в предвкушении приятного обжорства на другой день. Однако в Шевченках был уже небольшой актив, и наши комсомольцы сумели с ним связаться и постепенно продвинуться вперед на антирелигиозном фронте. На другой год мы уже были знакомы с половиной села и смогли устроить в пасхальную ночь настоящее торжество с концертом, фейерверком, кинопостановкой. Теперь уже многие решили разговляться не после заутрени, а после нашего представления. Это было немалым шагом вперед.

Но Шевченки — Шевченками, а Шишковка все же не давала покоя нашим политическим организациям. Подошли к Шишковке с другой стороны, и очень хитро подошли.

Наш клубник Перский давно толковал о том, что нужно привлечь в наш драмкружок артистов из Шишковки. В совете командиров долго возражали против этого плана, указывая на то, что Шишковка никогда артистическими силами не славилась, что шишковцы принесут в коммуну водку и будут спавать ребят. Больше всего командиры беспокоились, что новые артисты будут пле-

вать в здании, бросать окурки и обтирать стены. При помощи комсомола Перский своего все-таки добился. По вечерам в коммуне стали появляться новые лица. Их было человек десять, артистическими талантами они, правда, обладали небольшими, но были замечательно усердны и послушны. В сравнении с нашими актерами, не имеющими никогда времени прочесть роль, шишковцы оказались прямо золотом. Перский организовал что-то вроде театральной школы,— во всяком случае каждый вечер шишковцы с десятком коммунаров упражнялись в главном зале в дикции, ритме, позе и прочих театральных премудростях.

Работа эта оказалась своевременной и в другом отношении. У коммунаров всегда была неприязнь к театральной работе, они считали, что подготовка к спектаклю отнимает очень много сил, а получается всегда довольно слабо, что во всех отношениях кино в тысячу раз лучше театра, и, наконец, в нашем зале можно поместить, кроме коммунаров и служащих, не больше двадцати человек, так что играть не для кого.

Перский поставил несколько пьес.

Для коммунаров смотреть эти пьесы было истинным наслаждением. Действительно, шишковцы хоть и были на сцене довольно неповоротливы и комичны, но зато они прекрасно знали роли, и суфлер всегда отставал от артистов.

Главное было сделано: ребята близко и по-деловому познакомились с селянской молодежью. Скоро нашлись и другие общие дела у нас и у шишковцев: комсомол открыл в Шишковке школу ликвидации неграмотности и кружок молодежи, откуда черпал пополнения наш комсомол. Шишковцы не ограничились участием в драмкружке. Они близко подошли к жизни коммуны и сделались постоянными посетителями наших общих собраний. Правда, они не смогли освободиться от излишнего уважения не столько к нашим коммунарам, сколько к строгости и четкости нашей жизни, и коммунары всегда по-сматривали на них несколько покровительственно.

Взаимоотношения с селами укреплялись. После первых выпусков школы ликбеза возле коммуны сплотилась целая группа действительно новой молодежи. Наши комсомольцы снабдили село библиотекой. Большое значение

имели наши лекции перед каждым сеансом кино — о внешней и внутренней политике, о партийных съездах, о пятилетке. О пятилетке мы прочли около двух десятков лекций, очень подробно останавливаясь на отдельных отраслях хозяйства.

У нас установилась тесная связь с рабочими организациями. Наиболее близко мы стали к клубу металлистов, в особенности к рабочим ВЭКа. Металлисты несколько раз бывали в коммуне, мы всегда с особенной торжественностью и подъемом отправлялись к ним в клуб.

Наши экскурсии на завод были настоящим праздником для коммунаров. Скоро рабочие завода перезнакомились и подружились со всеми. Эта дружба особенно укрепилась после того, как шесть товарищей из коммуны поступили работать на ВЭК. С этих пор коммунары стали рассматривать ВЭК как «свой» завод. Если вэковцы что-нибудь организуют, они обязательно приглашают и коммуну. Если на заводе что-нибудь случится, об этом в коммуне не прекращаются разговоры.

Когда же засветился Тракторострой, когда нам было поручено изготовление дверей для Тракторостроя с обязательством выпускать ежедневно сто штук, — нашим восторгам не было конца.

Кабинет

«Кабинет» в коммуне имени Дзержинского — место, о котором необходимо поговорить серьезно, потому что эта небольшая комната имеет в коммуне огромное значение.

В кабинете стоят два стола — заведующего, то-есть мой, и секретаря совета командиров, три шкафа — мой, секретаря совета командиров и редколлегии стенгазеты, несколько дубовых стульев и два диванчика. Есть пишущая машинка.

Кабинет никогда не бывает пустым, — в нем всегда люди, и всегда шумно. Пока наше производство еще не развернулось, и было много свободных коммунаров, в кабинет назначался специальный дежурный. На его обязанности было держать кабинет в чистоте, исполнять обязанности курьера и, самое главное, время от времени освобождать кабинет от лишней публики. В настоящее время специальных дежурных для кабинета выделить не-

возможно, и поэтому удалять из кабинета лишнюю публику некому.

Откуда набирается в кабинет лишняя публика? Дело в том, что в нашем коллективе существует старая традиция — все коммунарские дела разрешать не на квартире у заведующего, как это принято в совхозовской практике, а только в кабинете. В полном согласии с этой традицией каждый коммунар имеет право в любое время зайти в кабинет, усесться на свободном стуле и слушать все, что ему выпадет на долю. Коммунар, понятно, не упустит случая зайти в кабинет. Он всегда найдет какое-нибудь дело, часто самое пустяковое: попросить отпуск, доложить, что возвратился из отпуска, попросить бумаги или конверт, спросить, нет ли для него писем, что-то сверить у ССК, наконец, принести забытую кем-то в саду тубетейку или пояс. Под такими благовидными предложениями, а иногда и без всяких предлогов коммунар задерживается в кабинете. Но, разумеется, коммунару тихонько сидеть на стуле даже и физически невозможно. Он вступает с кем-нибудь, таким же случайным гостем, в негромкую беседу в уголке. К ним присоединяется третий, и беседа разгорается.

Кроме того, в кабинет все время заходят и особы более дельные: забегает дежурный по коммуне с разными вопросами, ордерами, «запарками» и недоумениями, председатель столовой комиссии ругается по телефону с соседом-совхозом: утреннее молоко оказалось прокисшим, и председатель кричит, что есть мочи:

— Что у нас кони — казенные? «Отвезите!»... Давайте теперь ваших коней...

Иногда у стола собирается целый консилиум: девочки хотят сшить себе юбки «модерн» и демонстрируют покрой. Я с сомнением смотрю на узкую выгнутую юбочку и говорю:

— Мне кажется, мало подходит для коммунарки.

Инструктор швейной мастерской, маленькая худенькая добрая Александра Яковлевна виновато поглядывает на девчат, а девчата уступать и не собираются.

— Почему не подходит? Это вам все мальчишки говорили?

Присутствующие тут же мальчишки поднимают перчатку:

— Тогда и хлопцы начнут модничать. Вот нашьем себе дудочки...

— Разве мы модничаем? Какая ж тут особенная мода?

— Вы их балуете, Антон Семенович,— говорят мальчишки.— Сколько уже у них платьев?

— Сколько же у нас платьев? Ну, считай...

— Ну вот, смотри,— начинает откладывать пальцы «мальчишка».— Парусовое — раз?

— О, парусовое! Так это же парадное... Смотри ты какой!

— Парадное, не парадное, а — раз?

— Ну, раз.

— Дальше: синее суконное — два?

— Что ты! Смотри, так это ж парадное зимнее. Что ж, мы в нем ходим? Надеваем два раза в год.

— Все равно, хоть и десять раз в год. Два?

— Ну, два.

— Дальше: серенькое вот, которое такое, знаешь...

— Ну, знаем... это ж спецовка.

— Спецовка там или что, а — три?

— Ну, три.

— Потом с цветочками разными — четыре.

— А что ж мы будем в школу надевать, спецовку, что ли?

— Все равно — четыре. Потом синее, рябое, полосатое, клетчатое и вот то, что юбка в складку, а кофточка...

— Что вы все выдумываете? Разве это у всех такие платья? У одной такое, у другой такое.

— Рассказывайте — такое да такое! Вот пусть об этом совет командиров поговорит, а то для коммунаров и коммунарок одна одежная комиссия, а там девчата,— что хотят, то и делают.

Девочки побаиваются совета командиров — народ там всегда очень строгий. Но и у девочек есть чем допечь мальчишек.

— Смотри ты, какие франты! Сколько у них костюмов! Парусовый — раз.

— Да что ты, парусовый! Это ж летний парадный.

— Все равно — раз?

— Ну, раз.

— Суконный синий — два.

— Ну, еще будешь считать! Сколько же мы его раз надеваем в год? Разве что седьмого ноября.

— Все равно — два?

— Ну, два.

— Черный — три. Юнгштурм — четыре.

Мальчики начинают сердиться.

— Да ты что? А что ж нам в спецовках ходить в школу?..

Споры эти — настоящие детские споры. За ними всегда скрывается робкое чувство симпатии, боящееся: больше всего на свете, чтобы его никто не обнаружил.

Попробуй та же девочка показаться в клубе в слишком истрепанном платье, — со всех сторон подымается крик:

— Что это наши девочки ходят, как беспризорные. Что, им лень пошить себе новое платье?

Иногда у стола заведующего возникают дела посложнее.

Виновато разводит руками инструктор литейного цеха:

— Вчера не было току, это верно.

— А сегодня?

— А сегодня этот лодырь Топчий не привез нефти из города.

— Какое нам дело до вашего Топчия! Вы отвечаете за то, что литье начинается в восемь часов, когда выходят на работу коммунары.

Инструктор бессилён снять с себя ответственность. Коммунары лежачего не бьют, — только разве кто-нибудь вставит:

— Поменьше бы в карты играл у себя в общежитии.

Особый интерес возбуждают приезжие заказчики. Какой-нибудь технорук раскладывает на столе чертежи и торгуется с Соломоном Борисовичем, а из-за их плеч просовывают носы коммунары и нюхают, чем тут пахнет.

Вообще много интересного бывает в кабинете, и зайти в эту комнату всегда полезно.

В рабочие часы в кабинете почти никого нет, разве задержится больной или дежурный зайдет по делу.

Но как только затрубили на обед или «Кончай работу», так то и дело приоткрывается дверь, и чья-нибудь голова просовывается в кабинет, чтобы выяснить, есть смысл зайти или можно проходить мимо. Если я занят

Бумагами, ребята накапливаются в кабинете понемногу и начинают располагаться совсем по-домашнему. Вероятно, мой занятой вид импонирует им в высшей степени. Подымаю голову. Они не только расселись на всех стульях, но уже и в шахматы идет партия на столе ССК, а рядом — кто читает газеты, кто роется в каких-то обрезках стенных газет, кто оживленно беседует в углу. В кабинете становится шумно.

Иногда я начинаю сердиться:

— Ну, чего вы здесь собрались? Что это вам — клуб? Я у вас не играю на станках в шахматы?

Коммунары быстро скрываются и бросают недоконченную партию, но на меня никогда не обижаются.

Их можно выдворить и гораздо более легким способом:

— А ну, товарищи, вычищайтесь!

— Вычищаемся, Антон Семенович!

Но ровно через пятнадцать минут я отрываюсь от работы и вижу: другие уже набились в кабинет, опять шахматы, опять — чтение, опять — споры...

Бывают дни, когда я забываю о том, что они мне мешают. За десять лет моей работы я так привык к этому движению жизни, как привыкают люди, долго живущие у моря, к постоянному шуму волны. И поздно вечером, когда я остаюсь в кабинете один, в непривычно молчаливой обстановке работа у меня не спорится. Я нарочно иду в спальню или в лагери и отдыхаю в последних плесках ребячьего говора.

Но иногда от переутомления делаешься более нервным; тогда я дохожу даже до жалоб общему собранию:

— Это же ни на что не похоже! Как будто у меня в кабинете нет работы. Каждый заходит, когда ему вздумается, без всякого дела, разговаривает с товарищем, перебирает мои бумаги на столе, усаживается за машинку.

Все возмущены таким поведением коммунаров и заседают на ССК:

— А ты куда смотришь? Что, ты не знаешь, что нужно делать?

Два-три дня в кабинете непривычная тишина. Но уже на третий день появляется первая ласточка. Оглядываюсь, — под самой моей рукой сидит маленький шустрый Скрбнев и читает мой доклад правлению о необходимости

сти приобретения хорошего кабинета учебных пособий. Его локоть лежит на папке, которую мне нужно взять.

— Товарищ, потрудитесь поднять локоть, мне нужна эта папка,— говорю я с улыбкой.

Он виновато краснеет и быстро отдергивает локоть:

— Простите.

Я беру папку, а он усаживается в кресле уютнее, забрасывает ногу на ногу и отдается чтению важного доклада.

В двери просовывается чей-то нос. Его обладатель, конечно, сразу догадывается, что эпоха неприкосновенности кабинета пришла к концу. Он орет во всю глотку:

— Антон Семенович! Вы знаете, что сегодня случилось в совхозе?

Так как я занят, то он начинает рассказывать последние новости Скребневу и еще двум-трем коммунарам, уже проникшим в кабинет.

При всей бесцеремонности по отношению к моему кабинету коммунары прямо не могут перенести, если так же бесцеремонно в кабинет заходят новенькие. Тогда со всех сторон раздается крик:

— Чего ты здесь околачиваешься? Тебя просили сюда?

Новенький в панике скрывается, а коммунары говорят мне:

— Ох, этот же Тумаков и нахальный! Смотрите, он уже здесь, как дома.

Все поддерживают:

— Это верно. Сегодня ему говорю: «Чего ты стены подпираешь?» А он: «А тебе какое дело!»

— В столовой разлил суп, я говорю ему: «Это тебе не дома. Аккуратнее»,— так он спрашивает: «А ты что — легавый?»

Ребята хохочут.

Но через месяц, когда все раскусят новенького до конца, приучат не подпирать стены, не разливать суп и окончательно, раз навсегда забыть о том, что есть на свете «легавые»,—его присутствие в кабинете никого не удивит.

Коммунары, очевидно, считают кабинет своим центром, считают, что каждый настоящий коммунар вправе в нем присутствовать, но что для этого все-таки нужно сделаться настоящим коммунаром.

Когда в нашу кабинетную толпу входит посторонний человек с явно деловыми намерениями, ему вежливо дают дорогу, еще вежливее предлагают стул, каким-то особым способом уменьшают толпу в кабинете на три четверти нормальной и тихонько слушают, если интересно. А неинтересно, все гуртом «вычищаются» в коридор.

Совет командиров

В кабинете собирается и совет командиров. Очередные заседания совета бывают в девятый день декады, в половине шестого после первого ужина. Обыкновенно об этом совете объявляется в приказе, и коммунары заранее подают секретарю совета заявления: о переводе из отряда в отряд, о разрешении курить, о неправильных расценках, об отпуске, о выдаче разрешения на лечение зубов и пр.

Гораздо чаще совет командиров собирается в срочном порядке. Бывают такие вопросы в жизни коммуны, разрешение которых невозможно откладывать на десять дней.

Собрать совет командиров очень легко, нужно только сказать дежурному по коммуне:

— Будь добр, прикажи трубить сбор командиров.

Через четверть минуты раздается короткий сигнал. Я не помню случая, чтобы между сигналом и открытием заседания прошло больше трех минут.

Мы стараемся созывать совет командиров в нерабочее время, чтобы не раздражать Соломона Борисовича. Да и ребята не любят отрываться от работы.

По сигналу в кабинет набивается народу видимо-невидимо. Командиры приводят с собой влиятельных членов отряда, бывших командиров и старших комсомольцев, чтобы потом не пришлось «отдуваться» в отряде. Приходят и все любители коммунарской общественности, а таких в коммуне большинство. У нас давно привыкли на командира смотреть как на уполномоченного отряда, и поэтому никто не придирается, если вместо командира явился какой-нибудь другой коммунары из отряда.

Заседание начинается быстрой переключкой:

- Первый.
- Есть.
- Второй.

- Есть.
- Третий.
- Есть...

И так далее.

— Объявляю заседание совета коммунаров открытым,— заявляет ССК.— У нас такое экстренное дело. Пришло приглашение окружного отдела МОПРа провести с ними экскурсию в чугуевский лагерь. Условия предлагают такие...

Начинается самое подробное рассмотрение всех условий, предложенных МОПРом. Коммунары — все члены МОПРа и все гордятся своими мопровскими книжками, но это не мешает им с хозяйской недоверчивостью обсуждать каждую деталь предложения.

Черномазый Похожай,— добродушный и умный командир девятого отряда новеньких, уже комсомолец и общий любимец, хоть ему еще и пятнадцати не стукнуло,— сверкает глазами и басит:

— Знаем, чего это они к нам с приглашением. Наверное, у них оркестра нет. Вот они и просят: давайте ваших семьдесят коммунаров. А мое предложение такое: что нам делить коммуны? Если ехать, так всем ехать, а не ехать — так никому не ехать.

На полу под вешалкой сидит Ленька Алексюк из десятого отряда, политбеженец из Галиции, самый младший и смешливый коммунар. Его командир, Мизяк, долго соображает что-то по поводу предложения Похожая, а Ленька уже сообразил:

— Ишь, хитрые какие! Семьдесят человек... А если и мы хотим ехать?

Ленька — человек опытный и знает, что если дойдет дело до выбора, то ему скажут: «Успеешь еще, посиди в коммуне, заснешь там ночью...»

Командир третьего, Васька Агеев, о чем-то шепчется с неперменным своим спутником Шведом, и я слышу обрывки разговора:

— Ну, так что?

— В копейку влетит, если все...

Берет слово Волчок, помощник командира первого. Волчка Фомичев почти всегда посылает в совет в трудных случаях.

— Да что тут говорить? Конечно, всем ехать...

Васька, секретарь, обращается ко мне:

— А как у нас с деньгами?

— Слабо,— говорю я.

Васька оживляется.

— Ну, так что ж тут говорить! Значит, предложение будет такое, как тут высказывались: едет сто пятьдесят коммунаров, проезд на «их» счет, и чтобы был обед в Чу-гуеве. Голосую...

В таких случаях решение бывает единогласным.

Но иногда разгораются страсти, в прениях принимают участие и гости и даже вся толпа не успевших занять стулья или присесть на полу. Тогда Васька «парится» и кричит.

— А ты чего голосуешь? Ты командир?

— Наш командир в городе, я — за него.

— Ты за него, а почему голосует Колька?

— А это он за компанию.

— Голосуют только командиры! — разрывается секретарь, и Ленька Алексюк опускает руку. Он всегда голосует, хотя его руку давно уже привыкли не замечать под вешалкой.

В особенности часто разделяются голоса в тех случаях, когда затрагиваются вкусы. Недавно решали, что покупать на лето — фуражки или тюбетейки. Народ поменьше стоял за тюбетейки, старшие настаивали на фуражках; вышло поровну. В таком случае дает перевес голос председателя. И Васька начинает важничать: долго думает, морщит лоб и отмахивается от недовольных комсомольцев, которым тюбетейка почему-то кажется несимпатичной.

— Да ну же решай, чего там морщишься? Все равно никто носить не будет.

Васька сейчас же в «запарку», поддерживаемую большинством собрания:

— Как это не будешь? А если постановят? Ты мне такие разговоры не заводи, а то в бюро придется с тобой разговаривать!

Васька и сам комсомолец и член бюро, но ему только пятнадцать лет, поэтому ему мила тюбетейка. Теперь же, после угрозы не подчиниться постановлению, он решительно переходит на сторону золотой шапочки и подымает руку:

— За тубетейку!

Бывает часто, что и мне приходится оставаться в меньшинстве. В таких случаях я обычно подчиняюсь совету командиров, и тогда ребята торжествуют и «задаются»:

— Ваша не пляшет!

Но бывает и так, что я не могу уступить большинству совета. У меня тогда остается один путь — апеллировать к общему собранию коммунаров. На общем собрании меня обычно поддерживают все старшие коммунары, бывшие командиры и почти всегда — комсомольцы, способные более тонко разбираться в вопросе.

Благодаря такой конъюнктуре командиры очень не любят, когда я угрожаю перенести вопрос на общее собрание, и недовольно бурчат:

— Ну да, конечно, на общем собрании за вас потянут. А вы здесь должны решать, а не на общем собрании. Им что, поднять руку!

В прошлом году стоял вопрос о летней экскурсии. Совет командиров настаивал на Крыме, я предлагал Москву. В совете о Москве и слышать не хотели:

— В Крыму и покупаться и отдохнуть...

— У нас мало денег для Крыма, а в Москву дешевле, — возражал я.

— Мы и в Крыму проживем дешево.

— В Москве больше увидим, многому научимся, увидим столицу.

— А Харьков не столица разве?

Я все же не помирился с советом и перенес вопрос на общее собрание. Все командиры агитировали против меня, яркими красками рисовали прелести Крыма и отмахивались от моей поправки: «В этом году — в Москву, а в следующем — в Крым».

На общем собрании решение ехать в Москву было принято большинством трех голосов, и это дало основание в совете командиров поднять вопрос о пересмотре. При новом голосовании в совете я остался уже не в таком позорном одиночестве, а на новом общем собрании мне удалось собрать больше двух третей голосов благодаря единодушной поддержке комсомола. Только тогда оппозиция успокоилась.

Такие случаи объясняются тем, что в командирах ходят не обязательно самые авторитетные коммунары. Ко-

мандир командует отрядом три месяца и на второй срок избирается очень редко. С одной стороны, это очень хорошо, так как почти все коммунары таким образом проходят через командные посты, а с другой стороны, получается, что командиры сильно ограничены влиянием старших коммунаров. Последние, в особенности комсомольцы, умеют подчиняться своим командирам в текущем деле, на работе, в строю, но зато независимо держатся в общественной жизни и в особенности на общем собрании. Здесь коммунары вообще не склонны разбирать, кто командир, а кто нет.

Исключительное значение имеет в коммуне ячейка комсомола, объединяющая больше шестидесяти коммунаров. Она никогда не вмешивается в прямую работу совета командиров, но очень сильно влияет на общественное мнение в коммуне и через свою фракцию всегда имеет возможность получить любое большинство в совете. Поэтому в вопросах, имеющих принципиальное значение, совету командиров часто приходится только оформлять то, что уже разобрано и намечено в разных комиссиях, секторах, бюро ячейки и, наконец, в общем собрании комсомола.

Но зато в повседневной работе коммуны, во всех многообразных и важных мелочах производства совет командиров всегда был на высоте положения, несмотря на свой переменный состав. Здесь большое значение имеют традиция и опыт старших поколений, уже ушедших из коммуны. Вот мы сейчас собираемся уезжать, и в совете командиров все хорошо знают, что нужно подумать и о котлах, и о ведрах, и о сорных ящиках, о правилах поведения в вагонах, о характере работы столовой комиссии, о санитарном оборудовании похода. Во всех этих делах ребята не менее опытные, чем я, и быстрей меня ориентируются. Только поэтому мы могли в пять часов вечера окончить работу в мастерских, а в шесть выступить в московский поход.

Из особенностей работы совета необходимо указать на одну, самую важную: несмотря на все разногласия в совете командиров, раз постановление вынесено и объявлено в приказе, никому не может притти в голову его не исполнить, в том числе и мне. Может случиться, что я или старшие комсомольцы будем разными путями доби-

ваться его отмены, но мы совершенно не представляем себе даже разговоров о том, что оно может быть не выполнено.

В начале этого лета одно из постановлений совета прошло незначительным большинством и при этом наперекор общему настроению. Дело касалось охраны лагерей. Зимой сторожевой отряд освобождался от работы в мастерских — иначе было нельзя: коммунары занимались в школе, а из школы мы никогда ребят не снимали. Но когда настали каникулы, совет командиров возбудил вопрос об охране лагерей в порядке дополнительной нагрузки. Большинство в совете набралось очень незначительное — один или два голоса. Вся коммуна была недовольна. Еще бы: нужно вставать ночью и становиться на дневальство на два часа, и это приходится делать раз в пятидневку. Но другого выхода не было.

Дня два мы не решались объявить постановление в приказе, я даже побаивался: а вдруг не выполнят?

Наконец, решились с Васькой: чего там смотреть! Объявили в приказе давно известное всем решение.

И ни одного голоса не раздалось против, ни один человек не опоздал на дневальство и не проспал. Вопрос был исчерпан. И мы этому не удивились. Васька, подписывая приказ, недаром говорил:

— Кончено! Подписали!

Наши шефы

Правление, в которое Соломон Борисович грозил перенести вопрос о копейке, имеет огромное значение в жизни коммуны. В правлении — четыре товарища. По странному совпадению фамилии всех членов правления начинаются на одну букву Н.

Члены правления — чекисты. Они отнюдь не перегружены педагогической эрудицией и, вероятно, никогда не слышали о «доминанте». Но они создали нашу коммуны и блестяще руководят ею.

Все члены правления — люди очень занятые. Они могут нам уделять лишь немного времени по вечерам или в выходной день, да и то очень редко. Несмотря на это, ни одна деталь нашей жизни не проходит мимо них, они всегда полны инициативы.

Н. приезжает в коммуны без портфеля и в дверях весело здоровается с коммунарами. Коммунары, занятые своими делами, пробегают мимо него и наскоро салютуют. Они не чувствуют перед Н. ни страха, ни смущения. Н. направляется в кухню и в столовую. Старшая хозяйка расплывается в улыбке и спрашивает:

— Может, покушаете чего?

— Потом, потом...

Н. обходит спальни. Его сопровождает случайно прицепившийся коммунар, почему-либо свободный от работы. Из седьмой спальни Н. выносит кривой «дрючок» и с укоризненным видом опирается на него, пока Сопин, украшенный красной повязкой ДК, отдает рапорт:

— В коммуне все благополучно, коммунаров сто пятьдесят один.

— Все благополучно? А это зачем в спальне?

— Наверное, для чего-нибудь надо,— уклончиво отвечает Сопин.

— Надо!.. Для чего это может понадобиться? Собак гонять?

— Почему для собак? Наверное, для чего-нибудь нужно пацану,— может быть, какое-нибудь дерево особенное.

Сопин присматривается к «дрючку», стараясь найти в нем в самом деле что-нибудь особенное.

— Дерево...— говорит Н.— Вы это обсудите в санкоме, почему в спальнях разные палки.

— Конечно, если придирааться... А у вас в комнате ничего не бывает? Вот палку нашли...

— Да чудак ты! Зачем я в комнату принесу палку, такую кривую?

— Вам не нужна, а пацану, может, нужна для чего... Больше никаких замечаний нет?

Сопин оставляет Н. Через минуту врывается в кабинет с этой самой палкой в руках и гневно говорит Ваське ССК:

— И откуда, понимаешь, понатаскивают разной дряни! На поверке, понимаешь, ничего не было, а теперь палок разных...

Васька строго смотрит на палку.

— Что? Наверно, Н. приехал?

Но Н. уже входит в кабинет в сопровождении какого-

то пацана, рука его лежит у пацана на затылке, и пацан что-то лепечёт, задирая вверх голову.

Васька отставляет палку в угол и салютует.

— Вы опять его балуете? Ты чего без дела?

— У меня пас лопнул, зашивают,— шепчет пацан и немедленно удаляется.

Н. усаживается за стол ССК.

— Ну, как у вас дела?

— Дела скверные,— говорит Васька.— Дуба нет, в цехах тесно, холодно, станки старые, пасы рвутся, считай, каждую минуту: все старье.

— Постой, постой, это мы знаем...

— Ну, а так все хорошо.

— Вот, подожди немножко, поправимся, построим новые цехи, все будет. Ну, пойдем в цех.

К сигналу «Кончай работу!» они возвращаются в кабинет. С ними приходят другие коммунары и Соломон Борисович. Соломон Борисович недоволен:

— А деньги где? А фонды?

Мы не открываем заседания. Без председателя и протокола мы в течение получаса решаем вопрос о том, где достать леса, как отопить цех, какую спецовку выдать Леньке.

Между делом Н. говорит:

— Завтра в клубе интересный концерт. Пришлите тридцать коммунаров.

Наконец, подошли и к вопросу о копейке в никелировочном. О ней докладывает Васька и Соломон Борисович с диаметрально противоположными выводами. Н. хохочет и кивает Соломону Борисовичу:

— Придется платить.

— Вам хорошо говорить! — закипает покрасневший Соломон Борисович, но ему не дают кончить коммунары. Они тоже хохочут и теребят Соломона Борисовича за полы пиджака:

— Гóди! Теперь уже гóди!..¹

Приблизительно раз в месяц коммуна бывает в клубе ГПУ. Коммунары рассыпаются по залам клуба, занимают первые ряды в зрительном, толпятся у стоек буфета, угощаются чаем. Беседуют со знакомыми, догова-

---

¹ Укр.: достаточно.

риваются о каких-то делах — спортивных, литературных, комсомольских, смеются и шутят. Чекисты создали нашу коммуну, они знают в лицо многих коммунаров, для них коммуна Дзержинского — живое дело, созданное их коллективом и неуклонно развивающееся благодаря их заботе.

Сколько наговорено слов о связи детского дома с производством и с окружающим населением! Создана целая методика по этому вопросу. А оказывается, нужно просто сделать детский дом органической частью общества, создавшего его и за него ответственного. Только в таком случае создается тот необходимый фон, без которого советское воспитание невозможно.

Наши шефы — люди, занятые чрезмерно, занятые круглые сутки. Но все-таки они находят время подумать о коммунарах, и они умеют все делать, не выставляя на показ своей заслуги. Это естественно: наша коммуна — их коммуна, и забота о ней — забота о близком и дорогом деле, которое тем дороже, чем больше на него положено сил.

Коммунары-дзержинцы имеют все основания встречать свое начальство просто и без напряжения, потому что это приезжают свои люди, близкие.

И так же просто и естественно выходит, что товарищ Н. ночью, после целого дня напряженной работы, выезжает на вокзал встречать возвращающуюся из Москвы коммуна и заботливо спрашивает:

— Никто не потерялся? Все здоровы?

Дела комсомольские

Комсомольцев в коммуне шестьдесят пять. Все они очень молоды, самому старшему семнадцать лет. Наши коммунары — плохие ораторы. Коммунарская жизнь упорядочена и логична. На общих коммунарских собраниях всегда все так ясно, и все так единодушны, что разговарившегося оратора немедленно останавливают и председатель и все собрание: «Довольно, знаем!» Больше всего приходится говорить ребятам на производственных совещаниях, но там такой малый и в то же время четкий круг вопросов, что разговор принимает форму беглой беседы.

Ораторским способностям коммунаров негде развернуться.

Нужно сказать и еще одну правду: коммунарам зачастую бывает в высшей степени мучительно выслушивать заезжих докладчиков, способных в течение часа излагать то, что всем давно известно. Невысоко ценится в коммуне и тот кустарный пафос, которым умеет щегольнуть кто-то из приезжих «ораторов».

Но все же коммунары всегда болезненно переживали те неловкие минуты, когда в ответ на какое-нибудь цветистое и полное «измов» приветствие никто в коммуне не мог ответить. С приходом Шведа это больное место в нашем коллективе было как будто залечено. Комсомолы прямо назначили Шведа присяжным ответчиком и приветчиком во всех подходящих случаях.

А таких случаев бывает много в коммуне: посещение торжественных собраний в разных клубах, проведение в самой коммуне различных кампаний и т. д. Швед умеет смело выйти на трибуну и начать говорить, ни разу не сбиваясь. Коммунары с восхищением смотрят на самоуверенного трибуна Шведа, такого ласкового и мягкого в нашем коммунарском быту. Но иногда Швед уж слишком разойдется, и тогда его апломб вызывает возражения в коммуне:

— Что это такое: «Я надеюсь, что ГПУ исполнит свой долг?»

Неожиданно в коммуне обнаружился и второй оратор, четырнадцатилетний Васька Камардинов. По должности ССК ему часто приходится брать слово и произносить речи.

Васька никогда не употребляет книжных выражений, всегда умеет найти живые и непритязательные слова и подкрепить их смущенным жестом и смущенной улыбкой. Он никогда не мог бы произнести такие ответственные слова, на которые с легким сердцем решается Швед:

— Перевыборы нашего самоуправления, товарищи, происходят в весьма сложной обстановке: с одной стороны, буржуазия делает последние усилия, чтобы справиться с мировым кризисом и втянуть нас в войну, с другой стороны — Советский Союз строит свою пятилетку уже не в пять лет, а в четыре года.

Кроме этих двух присяжных ораторов, есть, правда,

в коммуне и другие, которые отваживаются даже при посторонних брать слово и пытаются что-нибудь высказать. Но наши доморощенные докладчики сначала весьма смущаются и лишь постепенно овладевают задачей более или менее удовлетворительно изложить на нашем русско-украинском языке (результат перехода из русской школы в украинскую и обратно) существо дела.

Но совсем другое дело на общих собраниях, в совете командиров, на производственных совещаниях, где коммунар не чувствует себя обязанным блеснуть ораторским искусством, всегда коммунары найдут там яркие и нужные экономящие слова, достаточно при этом остроумные, горячие и убедительные. Застрельщиками в таких выступлениях всегда бывают комсомольцы.

Комсомольской ячейке коммунаров работы по горло. Руководство ходом соревнования и ударничества лежит на плечах нашего комсомола.

Наш взрослый состав, к сожалению, не всегда удовлетворителен во многих отношениях. Например, один из рабочих, только что поступивший на производство, ночью пьянствовал на Шишковке, а на утро оказалось, что у других рабочих пропали вещи, что в цехе не хватает двух новых рубанков. В обеденный перерыв легкая кавалерия бросилась на Шишковку и ликвидировала целый самогонный завод, а вечером бюро до двенадцати ночи договаривалось с месткомом об увольнении рабочего.

В таких случаях местком обязательно проводит линию милосердия и прощения, а комсомольцы кроют:

— Какой он там рабочий?.. Разве это рабочий? Уволить — и все!

— Нельзя же, товарищи, так строго, — говорит один из воспитателей-месткомовцев.

— Почему нельзя так строго? — удивляется Сторчакова.

— Ну, все-таки в первый раз.

— Как это — в первый раз? Что ж, по-вашему, каждый по разу может украсть и пропить?

На производственных совещаниях и в комиссиях — а их в коммуне шесть — для комсомольцев самая тяжелая повседневная работа. Здесь по целым вечерам приходится биться над тонкостями сортирования материалов для отдельных частей стола, выпускаемых деревообде-

лочной мастерской, неправильностью проводки к никелировочной ванне, новыми приспособлениями у токарных зажимов, капризами расмусного станка, расхождением отделов токарного цеха, недостатками вентиляции в литейной. .

Мне их становится иногда жаль. На улице золотой радостный вечер, кто-то смеется и кто-то катается на велосипеде, а в «тихом» клубе наморщили лбы пять комсомольцев и выслушивают довольно путаные объяснения мастера, которому следовало бы в двух словах повиниться и признать, что вчера проспал и поэтому в цехе полчаса не было работы. В таких случаях я нажимаю и требую сокращения работы комиссий.

Раз в две пятидневки бывает общее комсомольское собрание. На собрание приходят обычно все коммунары, даже Ленька Алексюк заранее занимает место за передним столом.

Самое трудное дело для нашего комсомола, труднее всех производственных тонкостей — дела пионерские. Не налаживается у нас с пионерами. Пока не работали малыши в производстве, еще шли у них дела. Теперь же они возгордились.

Комсомольцы их и укоряют, и убеждают, и прикрепляют к ним все новых и новых работников, но пионеры неизменно отлынивают от пионерработы. Зато почти еженедельно они подают в комсомол заявления о приеме. В самом деле, как пацану работать в пионерах, если по квалификации он перегнал своего командира, если по школе он перегнал многих комсомольцев, если в политиграх он идет впереди, если газет он читает больше? Можно вступать в комсомол с четырнадцатью лет. «Ясно, что комсомол неправильно настаивает на пионерорганизации».

В пионерорганизации только одному Леньке Алексюку место, но и Ленька с удовольствием посещает комсомольские собрания и совет командиров.

Общее собрание

После второго ужина в коммуне наступает час, когда вся дневная программа считается законченной, все обязанности исполненными. Но кое-где еще бьется пульс дневного напряжения.

В столовой еще ужинают: дежурства, подавальцы, опоздавшие.

У парадного входа балагурят старшие в ожидании общего собрания. Здесь же собираются и инструкторы и рабочие, любители наших общих собраний. Образуются группы вокруг наиболее веселых и говорливых товарищей. Если сегодня была сыгровка оркестра, то веселее всего тем, кто толпится вокруг Тимофея Викторовича, нашего капельмейстера. Ему шестьдесят лет от роду, но в то же время он самый здоровый, энергичный и общественный человек в коммуне, никогда не устает ни от работы, ни от толпы. Он пользуется огромным авторитетом не только среди музыкантов, а решительно у всех коммунаров. Тимофей Викторович — человек полный, у него подстриженные усы и нос картошкой. Он был и на японской, и империалистической, и на гражданской войнах, побывал чуть не во всех частях света. Этот умный и жизнерадостный человек любит порассказать о своих приключениях и наблюдениях.

В кабинете яблоку упасть негде. Командиры готовят рапорта и передают дежурному по коммуне для подтвердительной визы. Любители кабинета в этот момент собраны в наибольшем количестве. Да и трудно не зайти в кабинет, когда здесь и Соломон Борисович с последними производственными новостями и планами, восторгами и обидами, здесь и наш клубник, оригинал и фантазер Перский, всегда занятый неким изобретением, подозрительно похожим на перпетуум-мобиле; возле Перского неперменный штаб, состоящий из самых недисциплинированных, самых дурашливых, предприимчивых и способных коммунаров, — Ряполова, Сучкевича, Боярчука, Швыдкова.

В этот час только и можно выпросить у меня денег на какие-нибудь приспособления для изокружка, у Соломона Борисовича — дикт и гвозди, у ССК — бумаги и резинок. На диване или на полу поспешно заканчивают шахматную партию наши маэстро. Среди них — физкультурник Карабанов, старый мой товарищ по горьковской колонии, когда-то вместе со мной закладывавший камень за камнем фундамент горьковского здания, до того — беспризорный и бандит, а теперь — один из самых влиятельных дзержинцев, попрежнему упорный и огневой,

наш чемпион в шахматах. Тут же и какой-нибудь заночевавший гость, чаще всего из учителей. Он не может постигнуть, каким образом в этом веселом оживлении решаются дела, пишутся бумаги, выдаются деньги, производятся расчеты и утверждаются акты.

В вестибюле в это время, то и дело поглядывая на циферблат наших главных часов, стоит дежурный сигналист.

Ровно в половине девятого сигналист поправляет рубашку и пояс и трубит сразу два сигнала — старая наша традиция — «сбор командиров» и «общее собрание». Как и все остальные сигналы, этот играется четыре раза: в вестибюле, на парадном крыльце и на двух углах здания. Когда до меня долетают последние звуки, я оставляю свой пост и выхожу из опустевшего кабинета. В конце коридора при входе в «громкий» клуб я вижу сбегающих по сигналу коммунаров.

В «громком» клубе чинно сидят коммунары, а поперек зала стройно вытянулись в две шеренги командиры. Против них, у самой сцены — дежурный по коммуне с красной повязкой. Когда шум постепенно стихает, раздается голос дежурного:

— К рапортам встать!

Начинается церемония рапортов. Каждый командир подходит к ДК, держа в руках рапорт. Командир вытягивается в салюте сегодняшнему старшему, за ним вытягивается и весь зал: коммунары салютуют командиру и в его лице всему отряду. В зале полная тишина, и все ясно слышат рапорт:

— В седьмом отряде все благополучно.

— В девятом отряде все благополучно. Заболел Васильев.

— В десятом отряде все благополучно. В цехе было три рабочих часа простоя.

— В пятом отряде все благополучно. Во время работы поссорились Лазарева и Пономаренко.

— В одиннадцатом отряде все благополучно. В командировке Богданов.

После командиров отдают рапорты дежурный член санитарной комиссии, старшая хозяйка и командир сторожевого отряда. У ДЧСК обычные замечания: за столом четвертого отряда было грязно, Романов не чистил утром

зубы. У старшей хозяйки тоже обычное: Тетерятченко разбил чашку. А у командира сторожевого: Семенов не вытер ноги, девочки не прикрывают двери, Уткина была в спальне без ордера.

Дежурный по коммуне в ответ на рапорт говорит:

— Есть.

Рапорты окончены, все опускаются на стулья, а на месте ДК появляется очередной председатель, назначенный вчерашним приказом, и секретарь.

— Объявляю общее собрание коммунаров открытым.

Председатель заглядывает в кучу рапортов с особыми замечаниями, специально отложенными ДК.

— Тетерятченко!

Тщедушный Тетерятченко выходит на середину зала. На блестящем паркетном полу под главным фонарем он становится в позу «смирно».

— В рапорте старшей хозяйки отмечено, что ты разбил чашку,— говорит председатель.

Наиболее распространенный ответ коммунаров на такое обвинение:

— Я ее не разбил. Она стояла, а я подошел к ней и хотел взять в руки, а она распалась.

Коммунары всегда помнят, что еще в прошлом году я предложил им отвечать так:

— Я посмотрел на чашку, а она распалась.

Чашек у нас уже нехватает. Многим в столовой приходится ожидать, пока освободятся чашки. Я умышленно не покупаю пополнения, и все ребята догадываются почему: бейте, значит,— посмотрим, чем это кончится. Неудобство от недостатка чашек огромное, но все знают, что меня лучше не трогать, потому что я скажу: «Чашки были пополнены три месяца назад. Денег на новое пополнение нет». Поэтому никто и не заикается о пополнении.

Волчок просит слова:

— Я думаю, что с чашками как-нибудь нужно что-то сделать. Каждый день бьют. Или не давать таким, как Тетерятченко,— он где ни повернется, так испортит что-нибудь. Надо греть таких раззяв.

Собрание склонно последовать этому совету, но у каждого на совести есть чашка или тарелка, поэтому прения не развиваются.

Я вношу предложение: придется купить алюминиие-

вые, эти не будут биться. В зале начинают сердиться. С места говорят:

— Ну, алюминиевые!

Председатель строго говорит Тетерятченке:

— Садись. Да смотри, в другой раз осторожнее поворачивайся вокруг посуды.

Тетерятченко, довольный, что дешево отделался, салютует председателю и отправляется на свое место.

Председатель снова заглядывает в рапорт.

— Лазарева и Пономаренко.

На середине две небольших девочки, однако, они умеют уже кокетливо жеманиться и демонстрируют сразу и смущенную застенчивость и пренебрежение к собранию. Они — новенькие, их только недавно прислала к нам комиссия по делам несовершеннолетних. Жили они еще совсем недавно в какой-то наробразовской колонии и своим «поведением» и решительным нежеланием подчиниться авторитету педагогов заслужили удаление из колонии.

Пономаренко — постарше, у нее выцветшие прямые волосы, чолка почти закрывает глаза. Она задирает голову и все время вертится.

С краев зала несколько голосов кричат:

— Стань смирно! Что ты танцуешь?

Пономаренко вихляет ногой и бурчит:

— А вам не все равно?

На сцене, где всегда заседают самые активные пацаны, кто-то не выдерживает и, не получив слова, приступает сразу к речи:

— До каких пор это будет продолжаться? Они даже на собрании вести себя не умеют.

Председатель строго осаживает горячего оратора:

— А ты чего кричишь? Тебе давали слово?

— Ну, так дай слово.

— Говори.

Со стула подымается небольшой кучерявый Гершанович и начинает говорить, жестикулируя правой рукой над головами сидящих впереди товарищей:

— Я думаю, что с Пономаренко нечего возиться. Сколько уже раз она давала слово, а все равно каждый день на середине, да еще выйдет и ломается, как будто она барышня какая. Надо отправить ее, откуда пришла.

Пономаренко, окинув Гершановича сердитым взглядом, намеренно резко говорит:

— Ну, и отправляйте! Что ж, подумаешь, нужно очень!

В зале подымается возмущенный шум. Со всех сторон раздается:

— А что ж, на твою чолку смотреть будем?

— Да, конечно, отправить ее в комиссию!

— Пацанов сколько в коллекторе ждет вакансии в коммуне, так тех не берем. Не видели ее ужимок!

— Пусть едет в Волчанск и там ужимается, сколько хочет!

Председатель с трудом наводит порядок в зале:

— Вот спросим, что ее командир скажет? Вехова, что сегодня случилось?

Вехова, румяная девочка лет шестнадцати, аккуратенькая и приветливая, как всегда склонив голову немного набок, подымается со стула.

— Да сегодня они с утра в мастерской все спорили из-за какой-то катушки. Их несколько раз и я останавливала, и Александра Яковлевна, и все девчата. Перестанут, а потом опять начинают. А сегодня после обеда, когда только что пришли на работу, они вцепились одна другой в волосы и такое подняли, что пришлось дежурного по коммуне вызывать.

В зале хохот. Сам председатель смеется. Из-под экрана кто-то из малышей старается всех перекричать:

— Их надо остричь, остричь надо, тогда не за что будет хвататься!

Слово берет Редько:

— Я думаю, что тут все девчата сами виноваты...

У девчат:

— О, придумал, уже мы виноваты!

— Да, виноваты! Как это можно не справиться с ними? Пусть у нас в цехе попробуют драться! А если у вас нет силы их примирить, так держите всегда под рукой ведро с водой или огнетушитель повесьте.

Взрыв смеха настолько заразителен, что и сами обвиняемые смеются. Редько раздражается:

— Вот смотрите, они еще смеются!

Председатель отмахивается от Редько рукой и дает слово Воленко.

Воленко всегда старается стать на сторону «униженных и оскорбленных».

— Чего все так напали на девчат? Чем они виноваты? Только недавно прибыли, никакой культуры не нюхали. Нужно было им разъяснить.

Из угла девочек возмущаются:

— Мало им разъясняли! И мы сколько раз, и здесь на общем собрании, и воспитатели сколько уже с ними разговаривали да уговаривали, и в комсомол их вызывали, да и сам Воленко брался.

— Надо все-таки и дальше продолжать, пока они не станут культурнее, а то они еще совсем, как дикари.

Пономаренко быстро оборачивается к Воленко:

— Сам ты дикарь! Нужны кому твои разговоры!

В зале опять смех.

— Садись, Воленко, пока цел.

Слово получает Сопин. Он сегодня серьезен:

— Довольно уже с ними возиться! Я считаю, что разговаривали довольно. Надо с ними поостороже. Нужно запретить им работу в мастерской — вот что, раз они там себе прически только портят. Не пускать их в мастерскую, пускай уборкой занимаются.

— Правильно! — кричат со всех сторон.

Председатель видит, что вопрос выяснен.

— Можно голосовать? — спрашивает он дежурного заместителя.

Наложить взыскание имеет право и сам ДЗ единолично, если проступок не представляет собой ничего необыкновенного, но всегда считается полезным передать карательные полномочия общему собранию. Для голосования наказания все-таки необходимо согласие ДЗ.

— Не возражаю.

Предложение Сопина принимается единогласно. Пономаренко и Лазарева направляются к своим местам, но председатель останавливает:

— А салют?

Они нехотя салютуют.

На другой день они убирают в саду и в коридорах, но уже к вечеру приходит ко мне Вехова и говорит:

— Там Пономаренко и Лазарева просят, чтобы их простили. Говорят, что никогда так не будут делать.

— Так я же не могу, ведь общее собрание постановило.

— И я им говорила, а они все-таки просят.

— Ну, вот сегодня на собрании поговорим.

Вехова уходит, а через пять минут в кабинет потихоньку просовываются Пономаренко и Лазарева и, увидев, что в кабинете никого нет, шепчут:

— Если вы нас не можете простить, так не нужно на общее собрание ставить вопрос.

— Почему?

— А ну их! Эти хлопцы опять смеяться будут.

— Ну, а в самом деле, разве не смешно, что вы в мастерской в драку вступаете, как петухи? Что же делать! Общему собранию трудно не покориться. Я советую вам все-таки сегодня как-нибудь помириться с собранием.

Они молча уходят.

На собрании я сообщаю, после выяснения всех очередных вопросов:

— Вчера мы довольно строго наказали двух девочек. Сегодня они хорошо работали на уборке и просили меня и командира шестого, чтобы с них наказание сняли. Больше драться они, конечно, не будут.

— Ну что ж, можно и амнистировать, — спокойно бает Похожай, командир девятого.

Волчок хлопает по плечу сидящую рядом с ним Пономаренко и говорит:

— Такая славная девочка, только бы на басу играть, а она — в прическу.

В зале улыбаются.

Председатель мирно спрашивает:

— Так что ж, может, и в самом деле на этот раз?..

Редько со смеющимся, всегда довольным лицом поворачивается во все стороны:

— Оно и не следовало б прощать, да так уже, для хорошего вечера...

— Возражений нет?

— Нет! — кричит весь зал.

Председатель обращается в ту сторону, где спрятались за спинами товарищей виновницы торжества:

— Ну, смотрите, собрание вас прощает. Ну, а если еще такие драки будут...

— Ладно, — говорит Пономаренко.

Редько серьезно поправляет:

— Не ладно, а есть.

— Ну, есть.

В зале смех.

Почти каждое общее собрание начинается с вызова бенефициантов на середину. Но большею частью их бывает очень немного и притом с пустяковыми провинностями. А бывает не раз, что командиры только быстро чеканят салюты:

— Все благополучно.

— Все благополучно.

— Все благополучно...

Я налагаю наказания очень редко. Чаще всего — по рапортам дежурных заместителей. Последние довольно строги, но возможности у них ограничены: «два наряда», «без киносеанса», «без отпуска». Попавшие «в наряд» записываются контролем коммуны в его блокнот и по требованию дежурного по коммуне посылаются на дополнительные работы: им приходится убирать в день отдыха здание, отправляться в командировку в город, подметать в саду.

Наиболее легко отделяются назначенные «без кино». Когда должен начаться киносеанс, и все коммунары собрались уже в зале и выслушивают очередной короткий политобзор, оставленные без кино вертятся у дверей и окон коридора и делают вид, будто они интересуются вечерним пейзажем. Это действует на меня или на того заместителя, который их наказал.

— Ты чего здесь вертишься? — спрашивает дежурный.

— Мы без кино.

— Ну, так и идите спать.

На это предложение угрюмо отмалчиваются.

Я кричу в дверь залы:

— Никитин, эгих пусти, пусть в последний раз посмотрят картину, все равно завтра снова попадутся!

— А может, и не попадемся!

После разбора рапортов каждый коммунары может поднять на собрании любой вопрос: о пище, об одежде, о производстве, о работе кружков, о распределении занятий, да и мало ли о чем. Главным толкачом здесь бывает всегда комсомол.

Половая проблема

Наши посетители, в особенности педагоги, часто спрашивают, как обстоит у нас дело с половой проблемой.

Что можно ответить такому педагогу? В самом деле, известно, что в детских домах было много случаев, когда создавалась нездоровая обстановка.

У нас, как в любой здоровой семье, живут вместе девочки и мальчики, и это не вызывает никаких осложнений. Всякое здоровое детское общество может прекрасно развиваться в этих условиях.

Если же это не так, значит данное общество детей недостаточно здорово, то-есть не спаяно в одну семью, не занято, не имеет перспективы, не развивается, не дисциплинировано, обкормлено или недокормлено, а во главе его стоят люди, которых дети не уважают.

Отношения между девочками и мальчиками у нас исключительно товарищеские.

Девочки-коммунарки выглядят гораздо подобраннее и аккуратнее мальчиков, но никогда не выделяются в особое общество. Года три назад мы еще замечали, что девочки несколько дичатся ребят, стараются держаться от них особняком. С другой стороны, и мальчики старались показать, что для них девочки совершенно не нужны, что можно было бы и без них обойтись, что вообще «девочки здесь лишние». Бывали и случаи проявления несколько грубоватого, но все же исключительного внимания к некоторым девочкам, принесшим с собою немного безобидной кокетливости. Но дальше этого дело не пошло.

Совет командиров, по моему настоянию, лишил отряды девочек права иметь отдельные столы в столовой. Это было сделано под тем предлогом, что во многих отрядах мальчики не умеют аккуратно есть. Чтобы научить их аккуратности, привлекли на помощь к командиру по две, по три девочки. Девочки сначала стеснялись и жеманились, но потом дело пошло, как по маслу. Хотя в отрядах и называли девочек «хозяйками», на самом деле никаких хозяйственных функций девочкам поручено не было. Но эта мера приблизила девочек к ребятам, приблизила в очень хорошей обстановке и в форме коллектив к коллективу. С тех пор всякая отчужденность между девочками и мальчиками исчезла.

Все это вовсе не значит, что в коммуне совершенно не заметно отличительных особенностей совместного воспитания. Не подлежит сомнению, что многим мальчикам и девочкам уже доводится переживать пробуждение каких-то особых симпатий. Но нам, педагогам, беспокоиться совершенно не приходится, хотя мы прекрасно понимаем, что стоит ослабить связующие скрепы коллектива, хотя бы в самой небольшой мере, и у нас сразу вырастет половая проблема, взаимное половое тяготение будет осознано отдельными парами, появится желание близости и т. д. Нужно сказать, что подчинение ребят законам коллектива — акт, отнюдь не бессознательный.

Ни для кого из коммунаров не тайна — сущность половых отношений. Но зато для всех является абсолютно непреложным наш закон — закон нашей коммуны: в нашей коммуне не может быть никаких половых отношений. Этот закон вытекает из ясного представления об интересах коммуны, из представления об интересах отдельной личности, из мыслей о доброй славе коммуны, и выражается этот закон в ощущении ответственности перед общим собранием, в ощущении настолько реальном, что одна мысль о возможности отвечать в этом вопросе перед собранием — страшнее всех прочих бед.

Наиболее строгими блюстителями этого закона являются пацаны. Общественное мнение, формирующееся среди этого народа, настолько требовательно и выразительно, что даже мысли о каком-нибудь споре быть не может.

Года два назад кто-то из пацанов на общем собрании поднял вопрос:

— А почему после сигнала «спать!» Иванов гуляет в саду с Николаевой?

Иванов, красный, как клюква, вышел на середину и объяснил собранию, что Николаева попросила его объяснить задачу. Но его перебили ехидными замечаниями:

— Видно, трудная задача, долго что-то объяснялся. Я уж ждал-ждал, заснул, проснулся, а они все объясняются... Ухаживать тут начинают...

Кто-то из старших пытался изменить настроение собрания:

— В самом деле, у нас нельзя поговорить с девочкой, сейчас же начинают...

Но пацаны крыли немилосердно:

— Бросьте там — поговорить! Мало вам разговаривать днем? Сколько хочешь разговаривай, никто за тобой не ходит и не слушает и даже внимания никто не обращает. А если уж в сад выбрались разговаривать, значит тут секреты. Мое мнение такое: запретить всякие такие прогулки в парочках после сигнала спать — и все!

Председатель проголосовал. Предложение было принято единогласно, потому что ни у кого рука не могла подняться против.

Иванов после этого долго отдувался, — было стыдно, что так основательно посадили пацаны на общем собрании. А спрос с них невелик.

В прошлом году прислали новую воспитанницу в коммуну, восемнадцатилетнюю Шуткину.

Шуткина развязна, хороша собой. С первых дней она показала себя. Когда она в воскресенье вернулась из отпуска, на общем собрании откуда-то из-под экрана спросили:

— А пускай Шуткина скажет, куда она ходит в отпуск, почему она гуляет с кавалерами, и почему у нее были губы покрашены?

Бывалая Шуткина — в контратаку:

— А ты видел? Ты много понимаешь — покрашены!

— А что ж тут не понимать? Я сам в художественном кружке... А почему с кавалером?

— А что ж, нельзя с человеком встретиться?

Я остановил ребят: нельзя, в самом деле, так придираться.

На другое воскресенье Шуткина снова ушла в отпуск. Часов в девять вечера меня позвали к телефону. Женский голос передал, что говорит подруга Шуткиной, что Шуткина не может возвратиться в коммуну, потому что у нее температура, она останется ночевать у подруги.

Я командировал в город двух ребят с поручением нанять извозчика, привезти Шуткину в коммуну, показать врачу и положить в больничку.

Ребята возвратились расстроенные: Шуткиной дома не застали, а квартирная хозяйка сказала, что обе подруги ушли гулять.

Еще через неделю Шуткину вызвали на середину и сказали:

— Опять с пижонами ходишь?

— С какими пижонами? Что вы все выдумываете!

Ей перечислили, с какими. Оказывается, осведомленность у ребят была исчерпывающая.

Пацаны выражались прямо:

— Если ты женатая, так переходи на производство, хоть и в коммуне. А чего ты в коммунарки пришла, да еще всех обманываешь, больной прикидываешься!

Шуткина послушалась совета и на другой день попросила меня отправить ее на производство.

Однако в коммуне умеют оценить настоящую любовь.

Весной двадцать девятого года зацепили пацаны на собрании Крупова — зачем ухаживает за Орловой. Крупов, кандидат на рабфак, густо покраснел и пробурчал:

— Да ничего такого нет... Ну, хорошо, больше не будет.

Но любовь, как известно, не картошка. Снова Крупов с Орловой глаз не сводит, а чуть вечер, так и усаживаются на скамейке в саду и уже никого не боятся.

На собрании — опять:

— Что ж это такое? То говорил, что больше такого не будет, а потом опять то же самое...

Кто-то из собрания — в голос:

— Так они влюблены! Все знают, ничего не поделаешь!

Я прекратил прения, сказав, что поговорю с ними потом.

У Крупова я прямо спросил:

— Влюблены?

Крупов опустил голову и руками развел.

— Да, в этом роде...

На следующем собрании я доложил:

— Действительно влюблены, ничего не поделаешь.

— Женить надо, — сказал кто-то.

Ничего как будто и не решали, но уже после этого никто не приставал к парочке, — напротив, все сочувственно на них поглядывали и через месяц отправили Крупова на рабфак, Орлова вышла на фабрику. Наняли для молодоженов квартиру, назначили приданое; специальная комиссия этим делом занималась: стол, стулья, кровати, белье, немного денег.

Этой весной пришла в коммуну Орлова, принесла по-

казать своего первенца. Новый человек возился в кружевных пеленках, и Петька Романов, внимательно разглядев его, сказал:

— О, какой буржуй!.. Кружево!

Клубработа

Как полагается в приличном детском доме, мы организовали кружки: драматический, литературный, художественный и т. д.

В детских домах вся клубная работа сосредоточивается обычно в драмкружке. Но регулярные киносеансы в коммуне лишили драматическую работу решительно всех стимулов. Как зрелище — кино для ребят и интереснее и проще. На постановку пьесы сколько-нибудь ценной приходится тратить столько сил, что в глазах ребят это ничем не оправдывается. Правда, сами участвующие получают некоторое удовлетворение, но для всех остальных ребят драматическая игра товарищей представляет мало интересного, к тому же репертуарный кризис ухудшает положение. У нас есть пьесы либо для взрослых, либо для детей; для юношества, собственно говоря, ничего нет. То, что есть, — совершенно не заслуживает ни разучивания, ни траты денег.

Работа литературных кружков у нас, как часто бывает, сбивалась на какой-то повторительный курс того, что проходится в школе, и увенчивалась, как то нередко случается, одним литературным судом и изданием одного номера журнала.

В художественном кружке писание натюрмортов и рисование кувшинов в разных положениях было гораздо менее интересным, чем работа на уроках рисования и черчения в школе, где ребята с увлечением рисовали или чертили детали машины, шкив, шестеренку, станину.

Одним словом, клубная работа не клеилась.

Пригласили мы в коммуну нашего Перского — человека, преданного клубной работе и великого мастера сих дел.

Это очень высокий и очень худой человек. С первого же взгляда на него становится ясно, что ничего, кроме работы, Перский не знает, и собственная персона для него

менее всего занимательна. Перский хорошо рисует, пишет стихи, умеет обращаться со всеми существующими инструментами, знает правила всех спортивных и неспортивных игр, знаком с устройством всех машин. Поражает эрудиция его во всех решительно отраслях знания. Но никогда Перский не выставляет напоказ своих познаний, всегда они у него обнаруживаются как бы случайно, поэтому ни у кого он не вызывает раздражения и никому не надоедает. И, наконец, главное достоинство Перского — он настоящий ребенок: во время самой несложной игры он может заиграться, забыв о жене, о детях, о самом себе; он может волноваться и размахивать руками, из-за пустяков заспорив с Петькой Романовым.

Теория клубной работы у Перского была самая простая:

— Никакой клубной работы, — говорит он. — Живут вот коммунары, сто пятьдесят человек или сколько там, и ты живи с ними, вот тебе и вся клубная работа.

Мы ему говорим:

— Ну, это все парадоксы! Мало ли чего — живут. Так ведь вот у них школа, вот мастерские, вот быт, и мы все-таки видим, что вот это — ни то, ни другое, ни третье, а что-то особенное: клубная работа. Здесь есть и отличительные признаки. Здесь обязательны элементы творчества, самоорганизации и т. д.

— Ну, вы вот, педагоги, свяжете человека по рукам и ногам и смотрите на него: отчего это у него активности нет? А вот в клубной работе его нужно развязать. Просто живет себе человек, и больше ничего.

Мы доказываем ему, что он сам педагог, раз он дает ребятам и темы, и планы, и методы. Но Перский всегда отрицает это с негодованием:

— Тоже все выдумали, шкрабы несчастные! Я только взрослый человек и больше видел, вот и вся разница. А ребята, хоть и моложе меня, да у них без меня хватает и тем, и планов, и методов.

Когда Перский начал свою работу, никакого плана, казалось, у него действительно не было. Сегодня он собирается ловить рыбу в озере в двух километрах, и вместе с ним собирается два десятка ребят; завтра, смотришь, Перский уже мастерит из разного древесного хлама какие-то поплавки, чтобы ездить на них по тому

же озеру, и вокруг этой затеи разворачивается деятельность целых отрядов. Кто-то из ребят сказал, что ночью в лесу видел волка,— и организуется целая экспедиция в поисках хищника, заготавливается провизия, выпрашиваются винтовки и охотничьи ружья. Целая рота отправляется на поиски волка, бродят двое суток и возвращаются голодные и довольные, хотя волка никакого и не видели. Не успеешь оглянуться — новая эпидемия: вся коммуна строит и чертит перпетуум-мобиле. Даже старые мастера-инструкторы носятся с самыми невероятными проектами, пристают к Перскому, потом ко мне и к заведующему производством. Перский серьезно разбирает каждый проект и доказывает:

— Вот в этом месте, пожалуй, остановится. А жалко, понимаете! Если бы не эта чертовинка, он бы крутился.

Обалдевший от умственного напряжения и, кажется, даже бессонных ночей, многосемейный слесарь Чеченко чешет «потылицу» и что-то долго соображает.

Я говорю Перскому:

— Для чего ты людям голову морочишь? Ведь знаешь же, что ничего не выйдет.

— Пусть поморочатся. Это не вредно. Это вы, шкрабы, привыкли все готовенькое зазубривать.

Но затем неожиданно добавляет:

— А вдруг кто-нибудь придумает... Вот будет история!

— Как это придумает? Что с тобой?

— Да всё, знаешь, может быть. А вдруг ученые чего не досмотрели...

Однажды ночью на заднем дворе загорелись какие-то костры. Ночной сторож протестует, завхоз жалуется, жители волнуются, а, оказывается, дело простое: Перский рассказывал сказки. Когда об этих сказках услышали в соцвесе, началось чуть ли не целое следствие: в явной опасности оказалась идеология, до сих пор якобы надежно охранявшаяся бдительным оком соцвеса. Перскому пришлось оправдываться. Это только название такое «сказки», а на самом деле это импровизация, нечто вроде научно-фантастического рассказа, к примеру, о будущей войне или о значении радиоактивности. Успокоились в соцвесе, но на будущее время Перскому запретили рассказывать сказки.

Давил на Перского и я. При всем моем уважении

к его талантам я все-таки не мог терпеть отсутствия учета. Последнее приводило к тому, что часть ребят в свободные часы оказывалась предоставленной самой себе, и никакими способами нельзя было установить, чем они занимаются. От Перского я решительно потребовал плана и учета. Это оказалось полезным и для дела и для самого Перского. С тех пор он сам получил у нас основательное воспитание, и теперь уже наша клубная работа представляет собой очень разветвленную систему, имеющую точный календарный план. Перскому все это было, впрочем, нетрудно организовать. Его постоянная изобретательность, огромная активность главных кадров его последователей-коммунаров превратили план и учет в целую симфонию разных работ и выдумок. Кружковая работа благодаря этим выдумкам стала у нас живым и веселым делом. Даже драмкружок зажил новой жизнью. Перский решительно восстал против разучивания готовых пьес, — только импровизацию он признавал театральным искусством.

Свои постановки Перский готовил в глубокой тайне с группой ребят человек в двадцать. Неожиданно появляются афиши, приглашающие коммунаров на спектакль. Пьеса идет в разных концах зала: белогвардейцы, партизаны, нэпманы и честные советские рабочие вылезают буквально из всех щелей и попадают в чрезвычайно сложные, часто безвыходные положения, так что и зрители вынуждены бывают приходить на помощь. Разрешается все это к общему благополучию при помощи неожиданного трюка или остроумной выдумки одного из персонажей. В этих спектаклях бывало много ошибок и несообразностей, но это делало представление только веселее и занимательнее. Одно и то же лицо в постановке именуется то генералом, то полковником, родственные связи часто запутываются до последней степени, но зато после спектакля никто не чувствует усталости, и по всей коммуне разносится хохот и оживленные споры.

Наиболее боевым органом Перского незаметно сделался так называемый изокружок. В коммуне признали его юридические права только после того, как он потребовал у совета командиров отдельную комнату. До тех пор он находил себе место в каком-нибудь закоулке главного здания.

В изокружке делают все, что угодно, для чего угодно и из чего угодно. В последнее время кружок «заимел» свои инструменты; с самого же начала он пробавлялся тем, что его членам удавалось притащить из мастерских. Материал и в последнее время, несмотря на то, что отпускаются изокружку и деньги и перевозочные средства, добывается контрабандным способом, потому что материала нужно много и притом самого разнообразного: дикт, сталь, листовое железо, медь, резина, материя, дуб, гвозди, клей, пух, вата. Одно время увлекались постройкой моделей аэроплана. После того как был поставлен рекорд и аэроплан Ряполова пролетел семьдесят метров, на моделях осталось немного народу. Часть занялась выпиловкой, кое-кто остановился на моделях паровой машины и двигателях внутреннего сгорания. Особенно много сил было положено на изобретение и производство военной игры. В настоящее время эта игра имеет несколько вариантов и представляет собой великой важности дело. Для нормальной игры требуется теперь несколько сот красных и синих металлических пехотинцев, две-три сотни кавалеристов на красивых лошадях, легкая артиллерия, тяжелая артиллерия, десятка три броневиков, санитарных автомобилей, несколько аэропланов, множество пулеметов, приспособления для удушливых газов и дымовых завес, зенитные орудия и многое другое. Игра производится на полу большого зала: на всем пространстве его расставляются леса, проводятся реки и перекидываются мосты, строятся города и прокладываются окопы. С каждой стороны участвуют огромные силы, так как под каждым пехотинцем нужно разуместь целую воинскую часть. Принимающие участие в игре коммунары получают высокие назначения: один командует кавалерийской дивизией, второй — артиллерийским полком и т. д. Противник уничтожается не условно, а с помощью пушек, пулеметов и броневиков. Правила игры в точности повторяют законы военных действий, победа возможна только при умелом соединении тактических, стратегических и механических средств. Обходы флангов, прорывы, разведка — все принято во внимание. Ребята иногда задерживаются за игрой на полу зала до позднего часа, и приходится принудительно прекращать побоище и требовать от судьбы немедленного решения, кто победил.

Родным братом изокружка является ребусник. Что такое ребусник — трудно даже определить. Во всяком случае это организация, насчитывающая в некоторые периоды до ста коммунаров. Когда начинается ребусник, каждый коммунар имеет право предложить для него любую задачу, но непременно оригинальную. Художественно оформленный ребусник вывешивается на общем листе, назначается число очков, которое полагается за каждое решение. Это число очков делится между всеми решившими, и такое же число засчитывается автору задачи. Задачи можно давать самые разнообразные — от простой арифметической до сложной производственной. Даются и шуточные задачи. Таких задач на ребусном листе появляется больше двухсот. Ребусник заканчивается после трех сигналов, а сигналы бывают приблизительно такие:

Первый: где-то в коммуне будет спрятана последняя задача; кто ее найдет — получает столько-то очков, а кто решит — столько-то.

Второй: в кармане у Соломона Борисовича окажется интересная, но совершенно лишняя вещь.

Третий: в один из дней в четыре часа Перский будет находиться на северо-запад от коммуны в расстоянии семи с половиной километров и будет ожидать товарища, который его найдет и сможет ему по секрету сказать, название какой реки имеет двенадцать букв, начинается на Г и оканчивается на р (Гвадалквивир).

После третьего сигнала ребусник снимается, и в дальнейшем ни задачи, ни решения не принимаются. Редколлегия ребусника подсчитывает заслуги авторов и решавших. Но это еще не все. Наибольшее число очков не дает еще права на первенство. Мало — уметь решать задачи. Нужно быть и физически развитым человеком. Дополнительно устраивается состязание в разных видах спорта, требующих ловкости и увертливости. Наконец приходит день, когда в главном зале устраивается специальное заседание, играет оркестр, и под звуки туша победители получают премии: ножики, книги, инструменты, записные книжки, рисовальные принадлежности, альбомы.

Насколько эти ребусники захватывают всю коммуну — можно судить по тому, что редколлегия приходится пересмотреть около десяти тысяч решений.

Кружковая работа, сосредоточенная зимой в разных

кружках, на каждом шагу сталкивается с физкультурой. Сам Перский и его помощники все симпатии отдают ей. Поэтому заядлые литераторы, эсперантисты, артисты и художники зимой начинают жаловаться, что им не дают работать. Главный вид спорта в коммуне — лыжи. Окружающая нас местность очень удобна для лыжного бега, а лыжи достали мы очень просто. Было у нас пар двадцать. Правление общества «Динамо» пригласило нас на какое-то лыжное торжество и снабдило лыжами. Коммунары на этом торжестве показали себя дисциплинированными ребятами, во всяком случае ни один не отстал. В разгаре разных состязаний была дана команда коммуне построиться и ехать домой. Коммунары все уехали на лыжах. «Динамо», правда, вскоре потребовало возвращения лыж, но они остались в коммуне. На лыжах коммунары уходят очень далеко от коммуны и возвращаются только к собранию.

У парадного входа каток. Но с коньками коммунарам труднее, так как пара коньков приходится на трех коммунаров.

Весь апрель возятся коммунары с разными площадками: волейбольной, футбольной, гандбольной, крокетной. Больше всего отнимает времени и энергии площадка для горлэта. Уже в феврале покупают ребята пряжу и плетут сетки, чтобы не особенно отягощать наш небогатый бюджет. С начала мая устанавливается горлётная площадка.

Горлёт — это наша игра, которую мы считаем самой интересной и самой нужной пролетариату игрой. Она похожа на теннис, но отличается от него тем, что это игра коллективная: восемь на восемь. Ракетки — не дорогие теннисные, а сделанные из дикта. Правила горлэта выработаны в коммуне в течение ряда лет, и мы все уверены, что игра развивает ловкость, умение коллективно действовать, находчивость, инициативу.

Горлётных команд у нас шестнадцать.

Походы

В большие революционные праздники коммуна выступает в поход в город. Главные походы — седьмого ноября и первого мая. Во время съездов и слетов, в дни

взаимных приветствий и смычек, в дни посещения клуба ГПУ, в дни динамовских спортивных празднеств — по сигналу «общий сбор» считается ликвидированной рабочая организация коммуны и вступает в силу военная. Уже нет в коммуне отрядов, а есть пять взводов во главе с взводными командирами, назначенными советом командиров. Одним из этих взводов является оркестр.

Строевой устав коммуны давно выработан и закреплен, как и полагается для военного устава. Поэтому собраться в поход, построиться и выступить коммуна в случае надобности может в течение трех минут. Большею же частью накануне отдается приказ:

«Немедленно после ужина по сигналу «сбор» коммуне построиться в обычном порядке у парадного фасада, имея на правом фланге оркестр и знаменную бригаду. Форма одежды парадная».

Парадная форма одежды это значит — синие суконные блузы и черные брюки. Блузы спрятаны в брюки, а брюки — в гамаша, на талии блестящий черный узенький пояс, на голове темносиняя суконная кепка. К воротнику блузы пристегивается белый широкий воротник. В таком костюме коммунары имеют вид выхоленных эlegantных детей.

Особенно любим мы в коммуне день Первого мая.

Первое мая коммунары начинают ждать с ноября, как только отпразднуют Октябрь.

Уже в феврале предлагает ССК на общем собрании избрать первомайскую комиссию. Все приятно удивлены:

— Как, уже первомайскую?

ССК серьезно доказывает, что времени осталось мало, и комиссия избирается без возражений. В комиссию входят самые матерые дзержинцы. Теперь им каждый раздается шуточный приказ:

— Смотрите же, чтобы было с промежутками!

Это повелось с тех пор, как в двадцать восьмом году первомайская комиссия предложила на утверждение собрания план кормежки коммуны в дни первомайских торжеств. Выходило, что получают пищу коммунары раз пять в день, и всё вещи самые вкусные и богатые: свинину, яйца, какао, пироги, и комиссия еще добавляла на

каждый день: «В промежутках — яблоки, конфеты, пряники, пирожное».

Тогда много смеялись на собрании и стали в дальнейшем называть такое обилие специальным термином «с промежутками».

От «промежутков», между прочим, тогда отказались: уж очень выходило дорого!

Первомайской комиссии и без «промежутков» хлопот много. Нужно пересмотреть, купить и заготовить коммунарскую одежду, чтобы потом не о чем было беспокоиться. Обыкновенно к весеннему празднику производится ревизия всего гардероба коммунаров, и выпадает это на долю первомайской комиссии. Нужно приготовить меню и запастись продуктами на несколько дней, пока коммунары будут в городе. Нужно организовать доставку этих продуктов в город, хранение и раздачу. Обеспечить коммуны подходящим помещением, наметить план посещений театров, кино и смычек. Наконец, необходимо коммуны упорядочить в маршевом отношении, то-есть приучить новеньких к строю. Нужно не забыть мельчайших деталей, чтобы в майские дни ни за чем не нужно было бегать.

Комиссия выделяет из своей среды несколько подкомиссий — одежду, столовую, парадную, культурную, хозяйственную, кооптирует в свой состав коммунаров, получает и расходует деньги и время от времени докладывает собранию о ходе своих работ. Перед самым выходом в город представляется на утверждение собрания так называемый комендантский отряд, человек двенадцать во главе с командиром. На обязанности этого отряда лежит уборка того помещения, где будет стоять коммуна. Никто не должен иметь хоть малейшего повода обвинить коммуны в нечистоплотности. Комендантский отряд захватывает с собою несколько ведер, сорных ящиков, метел, веников, тряпок. В походе он производит уборку и является санитарной милицией. Компенсируется его дополнительная нагрузка только возможной благодарностью в приказе, если все будет в отряде благополучно.

Работа первомайской комиссии, несмотря на то, что отнимает много времени у коммунаров, совершенно не изменяет течения рабочих дней коммуны. Уже упакована

большая часть обоза, уже отряды успели получить все, что они берут в поход, уже в городе все приготовлено. Уже двадцать девятое число, а коммуна работает полным ходом, как будто никакой особенной подготовки не совершается.

В городе коммуна проводит три дня. Третьего коммуна должна быть уже на работе.

Завтракают тридцатого еще в коммуне. После завтрака проходит час, во время которого все должно быть приведено в порядок. Ровно в десять часов все коммунары — в парадных костюмах, и только кое-где на лестницах и в спальнях можно видеть пары: коммунары высоко поднял голову, а одна из девочек пришивает к его гимнастерке белый воротничок. Пробегают запоздавшие с костюмами, те, кто грузил обоз или убирала в столовой. В оркестре Волчок проверяет инструменты: хорошо ли натянута кожа на большом барабане, не измялись ли флаги на фанфахах. У черного хода стоят нагруженные и покрытые брезентом две-три подводки с продуктами, постелями и запасами белья. В знаменном отряде надевают на знамя только что отглаженный чехол: сегодня еще не праздник, и знамя пойдет в чехле. Мне неприятно нечего делать, разве какой-нибудь зёва вроде Тетерятченко подойдет ко мне с заявлением:

— У меня пояс пропал...

Но немедленно на него зыкнет случайно пробегающий коммунары:

— Пояс пропал, шляпа! Целое утро носили по коммуне пояс, спрашивали — чей. Сам забыл в саду.

Тетерятченко и раньше знал, что с поясом именно так окончится. Я не успеваю ему ничего сказать. Раздаются звуки рожка. Сегодня сигнал играет сам Волчок. Он берет на октаву выше других ребят и умеет особенно четко и в то же время залихватно вывести последние ноты сигнала.

Я выхожу. В парадные двери вбегают коммунары, с лестницы спускается неспеша знаменная бригада — знаменщик и два ассистента с винтовками — и останавливается на площадке. Ко мне подходит дежурный по коммуне, в новенькой повязке, франтоватый, как и все, с чистеньким платочком, кокетливо выглядывающим из кармана блузы.

— Знамя в чехле? — спрашивает он, хотя и сам довольно хорошо знает, что в чехле. Но так уже требуется для красоты дня.

— В чехле.

Параллельно парадному фасаду вытянулись в одну шеренгу коммунары. На правом фланге колонна оркестра, и Волчок впереди.

— Становись!

Но команда эта излишня. Уже все стоят на своих местах, и комвзводы проверяют состав. Пробегает по рядам Тетерятченко и застегивает на ходу пояс. Его провожают сочувственные возгласы:

— Вот человеку не везет!

— Да вот пояс насилу нашел. А утром положил штаны на чужую кровать и полчаса ко всем приставал: «Кто взял мои штаны?» Его Похожай чуть не побил.

Черноглазый блестящий Похожай, сегодня особенно красочный и оживленный, потому что он — еще и командир третьего взвода, басит:

— Я его обязательно когда-нибудь отлуплю, этого Тетерятченко, так и знайте, Антон Семенович. Без этого из коммуны не выйду.

Но Тетерятченко смотрит на Похожая и улыбается. Он любит Похожая за красоту и удачливость и знает, что тот его не только не отлупит, а и другому не даст в обиду.

— Равняйся! — гремит Карабанов.

Все готово. От Карабанова отходит и направляется к зданию дежурный по коммуне. В оркестре поднимаются трубы, и фанфаристы расцветчивают утро красными полотнищами флагов. Волчок настороженно поднимает руку.

— Под знамя, смирно! Равнение налево!

Оркестр гремит знаменный салют, все коммунары поднимают руки, перед фронтом замирает Карабанов. Служащие, провожающие колонну, тоже козыряют. Из парадных дверей выходит дежурный по коммуне и с рукой у козырька фуражки «ведет» знамя. Три коммунара бережно и подчеркнуто изящно проносят знамя по фронту и устанавливают его на правом фланге. Знамя держат почти вертикально: если оно без чехла, то оно не развеивается, а красивыми мягкими складками падает на плечи знаменщика, и при движении линии этих складок почти

не меняются. Древяно только касается плеча, вся тяжесть приходится на руку, а двумя руками держать знамя неприлично. Поэтому быть знаменщиком — дело довольно трудное.

Знамя на месте. Салют окончен. Карабанов последним «орлиным» взором оглядывает фронт. Пора. К левому флангу подошел обоз, и командир комендантского, в спецовке, уже сидит на первом возу.

— Справа по шести вправо... шагом... марш!

Коммунары прямо с развернутого фронта переходят в марш, на ходу перестраиваясь в колонну. Наш постоянный строй по шести, расстояние между рядами просторное — шагов до трех. Командиры взводов впереди, а между взводами интервал шесть шагов.

Гремит радостный марш: начался наш праздник.

Через час колонна подходит к городу. Между высокими домами улицы Либкнехта наш большой оркестр разрывает воздух.

Колонна занимает улицу. На тротуарах собираются толпы. Нам машут руками. С задорной улыбкой «слушают» наш марш девушки, приветливо-серьезно поглядывают на нас мужчины, улыбаются мамыши и корреспонденты газет. То с той, то с другой стороны подлетает новый человек:

— Что за организация?

Коммунару в строю нельзя разговаривать. Он из вежливости бросает поскорее:

— Дзержинцы.

Но харьковцы уже знают дзержинцев.

То и дело до меня долетает с тротуара:

— Это дзержинцы!

А один раз серьезный пацан лет четырнадцати показал другому:

— Это дзержинцы, а вон и сам Дзержинский.

Идущие за мной знаменщики не выдержали:

— Вот чудачки! Антона Семеновича за Дзержинского приняли.

Сегодня мы вошли в город со знаменем в чехле. Завтра мы первые с развернутым знаменем пройдем мимо трибуны и гордо посмотрим на тех, кто на трибуне: «Мы тоже пролетариат, мы тоже рабочие, сегодня — наш праздник!»

Вечером коммунары разбредаются по всем улицам. Вежливо разговаривают коммунары с публикой; как взрослые покупают на свои карманные деньги пирожное и как дети любят илюминацией.

В дверях тридцать шестой школы — дневальный с винтовкой: школа занята нами, и вход в нее без разрешения дежурного по коммуне посторонним воспрещен. В одной из комнат столовая комиссия готовит ужин и между делом вспоминает сегодняшний день:

— ...нет, а вот та батарея, которая на белых лошадях... Ох и здорово же!

Москва

7 июля 1929 г. в шесть часов утра колонна коммунаров тронулась с площади Курского вокзала на свою московскую квартиру. На утренних улицах, свежих и пустынных, гремел наш оркестр. Еще не совсем проснувшиеся глаза вглядывались в лицо московских улиц. Вот она, великая Москва, о которой мечтали целый год, о которой было столько споров!

Направились к центру. На углу какого-то бульвара — «Стоять!»

Отдыхать не отдыхали, а скорее собирались с чувствами.

Меня окружили; все ощущали какую-то торжественную поднятость и были полны бодрости.

— Шагом марш!

Притихли все на асфальте Мясницкой. Глянула Москва на нас столичным важным взглядом, глянула сочными, солидными витринами, перспективой улиц... Притихли в нашей колонне. Впереди — зубцы Китай-города.

— Э, нет, это действительно Москва! — пробормотал за моей спиной знаменщик. И замолк.

Карабанов скомандовал:

— Государственному политическому управлению салют, товарищи коммунары!

Весело и задорно отсалютовали нашим старшим родичам и повернули на Большую Лубянку, теперь улице Дзержинского. На этой улице наша квартира — школа Транспортного отдела ОГПУ.

Ничто нам так дорого не далось, как эта квартира. Пока ребята входили в улицу Дзержинского, вспомнилось все.

Целую неделю пробыл в Москве наш агент Яков Абрамович Горовский, а мы в коммуне сидели на чемоданах и ожидали от него телеграммы, в которой бы сообщалось, что квартира есть — можно выезжать.

Но Горовский ежедневно присылал нечто непонятное и неожиданное:

«С квартирой плохо. Есть надежда на завтра».

«Задержался еще на один день. Отсутствует нужное лицо».

«Наркомпрос отказал. Выясню завтра»...

И только когда бросил Яков Абрамович ходить по просветительному ведомству, улыбнулось ему счастье: Транспортная школа предоставила для нас общежитие с кроватями, с постелями.

Колонна во дворе школы.

— Стоять вольно!

Сигналист играет сбор командиров. Командиры отправляются делить помещение между взводами. Через три минуты они вводят свои взводы в спальни. По коридорам общежития расставляются наши плевательницы и сорные ящики, комендантский отряд уже побежал по коридорам и переходам с вениками и ведрами: прежде всего коммунары наводят лоск на то помещение, в котором будем жить. Здесь месяца полтора никого не было. Еще через пять минут дежурство дает общий сбор, и начинается авральная работа уборки. Моют стекла в окнах, уничтожается пыль.

В девять часов все коммунары в парадных костюмах уже гуляют на улице. Прибежали из столовой клуба ОГПУ члены столовой комиссии.

— Все готово. Можно идти на завтрак.

Серые рубашки летних парадных костюмов, синенькие трусики, голубые носки. Круглые радостные лица, ноги, как на пружинах.

Все полны радостного оживления и в то же время сдержанного достоинства.

В столовой — цветы и скатерти, уют. Коммунары расположились вокруг столов и не дичатся, не боятся, они в коммуне привыкли к чистоте и цветам.

Началась череда славных московских дней.

После завтрака вышли со знаменем в Парк культуры и отдыха — благо, сегодня воскресенье — посмотреть московский пролетариат и как он отдыхает.

На московских улицах наша колонна — верх стройности и изящества. По тротуарам движутся толпы, и Тимофею Викторовичу приходится пробивать дорогу. Расспрашиваем, как пройти к парку.

Гляжу через головы музыкантов. Рядом с Тимофеем Викторовичем, не отставая, маячит белый верх чьей-то капитанской фуражки. Подхожу.

— А вот товарищ туда идет, он нам покажет дорогу.

Товарищ лет сорока, со стриженными усами — оживлен и торжественен.

— Я покажу, покажу, вы не беспокойтесь.

Подходим к воротам парка. Направляюсь к кассе, но рука человека в капитанской фуражке меня останавливает.

— Платить? Что вы! Зачем же? Мы сейчас это устроим. Дайте ваш документ.

Я даже растерялся, но документ отдал. Капитанская фуражка немедленно исчезла за воротами. Ждем, ждем...

— Разойдись до сигнала «сбор».

Наша дисциплина позволяет нам быть совершенно свободными и никогда не мучит коммунаров лишним стоянием в строю.

Коммунары рассыпаются, завязываются знакомства, начинаются расспросы. Смотрим, наш проводник вприпрыжку несется из парка и размахивает возбужденно какой-то бумажкой.

— Вот! Не только можно, но и очень рады, сегодня интернациональный митинг. Очень рады!

— Играй сбор!

Входим в парк и попадаем сразу на митинг. На широкой сцене — президиум; наши подошли как раз к сцене. Это хорошо, сразу попали в нужную обстановку.

Митинг не окончился, а капитанская фуражка уже отводит меня в сторону.

— Там я устроил для ребят завтрак: там, знаете, стакан чаю, бутерброд... Даром, даром, не беспокойтесь, даром!

Ребята окружили, улыбаются.

С митинга идем на завтрак. Я спрашиваю капитанскую фуражку:

— Вы здесь работаете?

— Нет, я во флоте работал, а теперь в отставку выхожу, буду здесь, в Москве, работать в одном учреждении.

Я в затруднении: как спросить, чего это он бегом гоняет из-за какой-то коммуны?

— Да, но вот вы так заботитесь о нас...

— Это вы хотите знать, чего я к вам привязался? Понравилось мне, знаете, ужасно понравилось! По правде сказать, мы здесь такого не видели.

С того дня «капитан», как его прозвали ребята, уже с нами не расставался. Рано утром он приходил в коммуну, будил коммунаров, принимал участие во всех наших совещаниях и заседаниях, настойчиво требовал, чтобы мы не тратили лишних денег. После завтрака, от которого всегда отказывался, он брал двух-трех коммунаров и куда-то летел устраивать бесплатные билеты на трамвай, доставать лодки для катанья, добывать разрешение осмотреть Кремль.

После обеда в сопровождении «капитана» мы куда-нибудь отправлялись.

На другой день после приезда были у гроба Ленина, сыграли около мавзолея «Интернационал». Потом были в Кремле, в Музее революции, в редакции «Комсомольской правды», в Третьяковке, в Зоопарке.

Москва поразила коммунаров обилием людей, домов, стилей и пространства. После официальных часов они, не уставая, бродили по Москве, и только к двенадцати ночи собирались на ночлег. Карманные деньги позволили им объездить город в трамваях, заглянуть во все улицы и переулки. Всем Москва страшно понравилась, но все затруднялись определить, чем именно. Трудно было, конечно, сразу охватить и выразить все впечатления от нашей столицы. Даже и взрослому человеку это не так легко.

С другой стороны, и коммунары понравились Москве. Наша колонна на Кузнецком мосту, на Театральной площади, на Тверской была действительно хороша. А оркестр ребячий, четкая и бодрая ухватка коммунаров, подтянутость и дисциплина, видимо, в самом деле радовали глаз.

Очень часто какая-нибудь впечатлительная душа бросала ребятам с тротуара розочку или гвоздику. Один какой-то немолодой уже чудак смотрел-смотрел и вдруг бросил в оркестр целый букет роз. Было так неловко: оркестр как раз играл марш, и все розы чудака были безжалостно растоптаны, а через минуту он и сам потерялся в толпе.

Радушное отношение к нам москвичей мы встречали на каждом шагу, и это, разумеется, делало Москву для нас приятнее и теплее.

За пятнадцать дней мы достаточно насмотрелись и поистратились. Собрались в обратный путь. Приготовили свой багаж к погрузке, выстроились против дверей Транспортной школы, попросили выйти к нам начальника и от души поблагодарили его за помещение. Начальник в прочувствованном ответном слове выразил свою радость по поводу того, что мы у него остановились, что школа ничем не пострадала, что помещение мы оставляем даже в лучшем состоянии, чем получили.

Прошли еще сутки — и ночью, в проливной дождь, подкатили мы к Харьковскому вокзалу. Выглянули на площадь, — людей нет, одни лужи и дождь. А мы было нарядились в парадные костюмы, чтобы в родной Харьков явиться в порядке.

Дождь. Что тут будешь делать? Выпросили у какого-то начальства комнатку, чтобы сложить наши корзины, а сами решили отправляться домой, в коммуны. До парка нам дали три вагона трамвая. Но ведь от парка еще три с лишним километра, из них больше километра лесом, по тропинкам.

У коммунаров тем не менее настроение было прямо горжественное.

— Становись!

— Равняйся!

— Шагом марш!

Барабанщик, прозванный почему-то Булькой, ударил в намокший барабан. Волчок, не долго думая, бахнул какую-то веселую польку. Пошли под польку в коммуны. Дождь все усиливался, и ребятам было уже безразлично, куда течет вода: все равно и сверху, и под блузами, и в ботинках — вода. Темно, не видно соседнего ряда. К лесу подошли — безлюдно, и все завоевано дождем.

— Стой! Вперед через лес четвертый взвод, за ним оркестр и знамя.

Гуськом, держась друг за друга, перебрались и вышли на поле. В коммуне были зажжены все фонари, нас ожидали, но дождь обратился в ливень настолько частый и напористый, что приходилось силой преодолевать сопротивление падающей воды.

По одному, по два подходили мы к коммуне. В дом не входили: по заведенному порядку, в дом нужно раньше внести знамя. Построились. Карабанов особенно строго скомандовал:

— Смирно!

Вокруг все журчало, лопотало, булькало, свистело, волнами воды колотило по земле, тротуару, стенам, окнам, по строю коммунаров.

Но веселые, радостные лица ребят только жмурились.

— Товарищи! Поздравляю вас с концом славного московского похода! Мы много видели, многому научились и, самое главное, увидели, что мы крепко живем и что нам никакие походы не страшны. Не забудем же никогда этого нашего удачливого дела. Да здравствует наш Союз, да здравствует наша коммуна!

По-настоящему заревели ребята «ура», а свидетелями были только ливень да промокшая фигура сторожа у парадного входа.

Грянул Волчок «Интернационал», и не как-нибудь, не парадный отрывок, а полный, с настоящим концом:

... воспрянет род людской!

Строгими изваяниями замерли коммунары в салюте нашему гимну. Накрытые ночью, небом и ливнем, мы задорно и радостно заглянули в сердце нашего рабочего государства.

— Под знамя, смирно! Равнение направо!

Закрытое чехлом, знамя черным силуэтом прошло мимо наших лиц.

— Вольно!

И только тогда заговорили, засмеялись, зашумели ребята:

— Вот сюда, сюда, здесь тряпки!

— А какие там тряпки? Снимай все в вестибюле, пусть девчата отойдут в сторонку.

Свалили все, пропитанное водой, в кучу,— завтра начнем приводить в порядок. Еще веселее стало. Даже дождь заиграл что-то похожее на гопак. Прибежал в дом кладовщик с ворохом свежего белья.

Девчата, мокрые, в сверкающих на электрическом свете каплях:

— А мы ж как?

— И вы ж так.

— Так убирайтесь!

В столовой уже накрыт ужин. Дежурный по коммуналке, в новых трусиках, с красной повязкой на голой руке, спрашивает:

— Можно давать ужин?

Ах, хорошее было дело — наш московский поход! Из Москвы мы приехали новыми, иными — более сильными, уверенными, еще больше чувствуя связь со всем пролетариатом нашего Союза.

Филька

Самый молодой и самый активный член коммуны со времени ее основания — Филька Куслия.

Ему двенадцать лет. У него всегда обветренное лицо. Умные и серьезные глаза. Он напускает на себя серьезность и даже немного надувается. Это потому, что он прежде всего актер.

Среди ребят часто попадаются артисты, но большинство из них очень скоро губит свой талант, используя его как средство подыграться к «доброму дяде», изобразить что-нибудь похвальное и занимательное, подработать на милом выражении лица.

Но Филька со взрослыми всегда был недоверчив и горд.

В коммуналке Филька всегда был вождем сепаратистски настроенных пацанов. Вокруг него всегда вертелись пацаны, занятые предприятиями и разговорами, в которые старшие коммунары, не говоря о взрослых, обыкновенно не посвящались.

В этом узком кругу Филька бывал всегда деятелен, стремителен и весел, его смех взрывался то там, то здесь. Его неудачные последователи вроде Котляра или Алексюка всегда «засыпались» и попадали в тот или другой

рапорт, но сам Филька при встрече со старшими неизменно напускал на себя солидность и разговаривал только недовольным баском. При попытке ближе подойти к «душе ребенка» он бычком наклонял голову и что-то бурчал под нос.

Изменял своей тактике и делался доверчивым и ласковым Филька только во время репетиций малого драмкружка, самым активным членом которого он всегда был.

Но пионерские пьесы, упрощенные и неинтересные, Фильку не удовлетворяли. Он стремился в старший драмкружок, неизменно присутствовал на всех его заседаниях и непривычно для него смело и настойчиво требовал всегда выбора такой пьесы, в которой и для него находилась роль.

На репетициях Филька веселел и удивлял всех особой способностью точно схватывать и повторять тон, данный ему режиссером. Обращал он на себя внимание и своим мальчишеским дискантом и свежестью своей живой мордочки.

Тем не менее прямо можно было сказать, что все очарование Филькиной игры никогда не было очарованием драматического таланта. Только вот эта детская искренность и свежесть и делали Филькину игру занимательной.

Филька, однако, был иного мнения. Он еще весной стал важничать и заявлять, что если бы его пустили в киноактеры, так он показал бы, как нужно играть.

Мне уже не раз приходилось наблюдать увлечение кинокарьерой, но в таком молодом возрасте я это увидел впервые. Пожалуй, наша вина была в том, что мы слишком баловали Фильку и позволили ему слишком занестись. Пробовали Фильку уговаривать:

— Да что ты, Филья!

Но разве в таких случаях можно что-нибудь доказать? Да и разве можно было убедить Фильку в том, что все его достоинство в симпатичнейшем дисканте, который Фильке дан не на долгое время.

Филька примолк.

А в Москве, во время свободных прогулок по городу, он нашел нужных ему людей и переговорил с ними.

Потом явился ко мне и по обыкновению недовольным басом заявил:

— Вот тут есть такой человек, так он говорит, что мне можно поступить на кинофабрику.

Окружавшие нас комсомольцы рассмеялись:

— Вот смотри ты, артист какой! На что ты ему сдался? Подметать двор тебя заставит, и в лавочку будешь бегать за лаком.

— Ну что ж, и побегу, зато и играть буду.

— Кого ты будешь играть? — рассердился даже кто-то.

— Как кого? Пацанов буду играть.

— А потом?

— Что потом?

— А потом, когда вырастешь?

— Ну-у,— протянул, уже явно сдерживая слезы, Филька,— «когда вырастешь»!.. Потом тоже найдется. А ты что будешь потом? — вдруг разозлился Филька.— Ты, может, будешь грузчиком!

— Он уже сейчас слесарь, а ты все-таки брось. Забили мальчишке голову, он и карежится. Артист!

Я Фильке сказал:

— Не могу я так тебя отпустить. Я считаю, что это дело пустяковое. Артистом ты не будешь, да ты еще и маленький учиться в студии. Тебя возьмут, пока у тебя рожица детская, а потом выставят, будешь ты ни артист, ни мастер.

Филька ничего не сказал. Но по приезде в Харьков отправился Филька жаловаться на меня члену правления, товарищу Н.

— А если я хочу быть артистом, так что ж такое? Может, у меня талант. Нужно меня отпустить.

— Куда?

— На кинофабрику.

— Если ты хочешь быть артистом, так нужно учиться на драматических курсах, а для этого ты еще маленький. А что ж на фабрике? Нет, поживи еще в коммуне, а там видно будет.

— Видно, видно!

И от Н. Филька не в коммуну направился, а на вокзал. Вспомнил старину: влез на крышу, поехал, только почему-то не в Москву, а в Одессу.

В коммуне с горестью констатировали:

— Филька убежал.

В течение двух-трех недель ничего о Фильке не было слышно; убежал — и все. Мало кому приходило в голову, что Филька поехал искать актерского счастья,— думали, просто сорвался пацан, надоела коммунарская дисциплина.

Через две недели возвратился Филька в Харьков и каким-то образом объявился в колонии им. Горького,— захватили его, видно, в очередной облаве.

В коммуне о нем говорили разно. Кто — сдержанно:

— Сорвался-таки пацан, теперь уже пойдет бродить. Другие отзывались с осуждением и обидой.

Филька тем временем спокойно сидел в колонии им. Горького и старался не попадаться нашим на глаза, когда наши ходили в гости к горьковцам. А через какого-то «корешка» передал, что он бы и пришел в коммуну, да ему стыдно. И, говорят, прибавлял:

— Чего там развозить! Убежал — и все. Проситься не приду.

У коммунаров первоначальная обида на Фильку прошла, даже жалели его, но никому и в голову не приходило зазывать беглеца в коммуну. О его возвращении просто не говорили. И вдруг месяца уже через четыре пришел в коммуну Филька. Я возвращался из города и увидел его возле крыльца. Он салютнул по-нашему и улыбнулся. Ребята весело показали на него:

— Вот киноартист!

Филька отвернулся с улыбкой.

— Как же тебе живется?

— Так, ничего...

Филька сделался серьезным.

— Живется ничего... А вы на меня сердитесь?

Правда?

— Конечно, сержусь. А ты что ж думал?

— Да я ж так и думал...

— Погулять к нам пришел?

— Немножко погулять...

— Ну, погуляй.

Через час Филька вошел в кабинет, прикрыл дверь и вытянулся перед моим столом:

— Я не погулять пришел...

— Ты хочешь опять жить в коммуне?

— Хочу.

— Но ведь ты знаешь, что принять тебя может только совет командиров.

— Я знаю. Так вы попросите совет, чтобы меня приняли.

— А в колонии Горького?

— Так в колонии там все чужие, а тут свои.

— Хорошо. Позови дежурного по коммуне.

Пришел дежурный.

— Что, принимать будем киноартиста?

— Да вот же явился. Нужно совет командиров по-
трубить.

— Есть!

В совете командиров Фильку не терзали лишними во-
просами. Попросили только рассказать, как он ездил в
Одессу — Филька неохотно повествовал:

— Да что ж там... Как Н. меня не захотел отправить
на кинофабрику, я и подумал: «Что ж итти в коммуну? Будут коммунары смеяться. Все равно уже поеду в Одессу. Может, что и выйдет». Пришел на вокзал и сразу полез на крышу, только в Лозовой меня оттуда прогнали... Ну, подождал следующего поезда и опять залез на крышу. Так и приехал в Одессу. Пошел к директору, а директор и говорит: «Нужно раньше учиться в школе». А пацанов у них играть — сколько угодно своих, так те живут у родных. Он говорит: «Если хочешь — играй, может, когда и подойдет тебе, только жить у нас негде». Так я пошел в помдет и попросил, чтобы отправили меня в Харьков. Ну, меня и отправили в колонию Горького.

— А почему не к нам? — спросил кто-то.

— Так я ж не сказал, что я дзержинец.

— Почему ж ты не пришел к нам?

— Стыдно было, да и боялся, что не примут: подер-
жат на середине, а потом скажут: «Иди, куда хочешь».

— А почему теперь пришел?

— А теперь?.. — Филька затруднился ответом. — Те-
перь, может, другое дело. Что ж, я четыре месяца прожил
в колонии Горького.

— В колонии плохо?

Филька наклонил голову и шепнул:

— Плохо.

Сразу заговорило несколько голосов.

— Да чего вы к нему пристали?

— Вот, подумаешь, преступника нашли!

ССК заулыбался:

— Принять, значит?

— Да ясно, в тот же самый отряд.

— Значит, нет возражений? Объявляю заседание закрытым.

Фильку кто-то схватил за шею:

— Эх, ты, Гарри Пиль!

Сявки

У многих коммунаров есть в прошлом... одним словом, есть «прошлое». Не будем о нем распространяться. Сейчас в коллективе дзержинцев оно как будто совершенно забыто.

Коммунары никогда не вспоминают своей беспризорной жизни, никогда они не ведут разговоров и бесед о прошлом. Оно, может быть, и не забыто, но настойчиво, упорно игнорируется. Мы также подчиняемся этому правилу. Воспитателям запрещено напоминать коммунарам о прошлом.

Благодаря этому ничто не нарушает общего нашего тона, ничто не вызывает у нас сомнений в полноценности и незапятнанности нашей жизни. Иногда только какой-нибудь бестактный приезжий говорун вдруг зальется восторгами по случаю разительных перемен, происшедших в «душах» наших коммунаров.

— Вот, вы были последними людьми, вы валялись на улицах, вам приходилось и красть...

Коммунары с хмурой деликатностью выслушивают подобные восторги, но никогда никто ни одним словом на них не отзовется.

Однако еще живые щупальцы пытаются присосаться к нашему коллективу. В такие моменты коммуна вдруг охватывается лихорадкой, она, как заболевший организм, быстро и тревожно мобилизует все силы, чтобы в опасном месте потушить развитие каких-то социальных бактерий.

Социальную инфекцию, напоминающую нам наше прошлое, приносят к нам чаще всего новенькие.

Новенький воспитанник в коммуне сильно чувствует общий тон коллектива и никогда не посмеет открыто проповедывать что-либо, напоминающее блатную идеологию, он даже никогда не осмелится иронически взглянуть на нашу жизнь. Но у него есть привычки и симпатии, вкусы и выражения, от которых он сразу не в состоянии избавиться. Часто он даже не понимает, от чего и почему ему нужно избавиться. Наиболее часто это бывает у мальчиков с пониженным интеллектом и слабой волей. Такой новенький просто неловко чувствует себя в среде подтянутых, дисциплинированных и бодрых коммунаров: он не в состоянии понять законы взаимной связи и взаимного уважения. Ему на каждом шагу мерещится несправедливость, он всегда по старой привычке считает необходимым принять защитно-угрожающую позу, в каждом слове и в движении других он видит что-то опасное и вредное для себя, и во всем коллективе он готов каждую минуту видеть чуждые и враждебные силы. В то же время, даже когда он полон желаний работать, он лишен какой бы то ни было способности заставить себя пережить самое небольшое напряжение. Еще в коллекторе полный намерениями «исправиться» он рефлексивно неспособен пройти мимо «плохо лежащей» вещи, чтобы ее не присвоить, успокоив себя на первый раз убедительными соображениями, что «никто ни за что не узнает». Точно размеренный коммунарский день, точно указанные и настойчиво напоминаемые правила ношения одежды, гигиены, вежливости,— все это с первого дня кажется ему настолько утомительным, настолько придиричивым, что уже начинает вспоминаться улица или беспорядочный заброшенный детский дом, где каждому вольно делать, что хочется.

Контраст полудикого анархического прозябания «на воле» и свободы в организованном коллективе настолько разителен и тяжел, что каждому новенькому первые дни обязательно даются тяжело. Но большинство ребят очень быстро и активно входит в коллектив. Их подтягивает больше всего, может быть, серьезность предъявляемых требований. Обычно бывает, что ребята бунтуют только до первого «рапорта». Новенький пробует немного

«побузить», нарочно толкнет девочку, уйдет с работы, возьмет чужую вещь, замахнется кулаком, ответит ненужной грубостью. На замечание другого коммунара удивится:

— А ты что? А тебе болит?

Первый же «рапорт» производит на него совершенно ошеломляющее впечатление. Когда председатель общего собрания спокойно называет его фамилию, он еще немного топорщится, недовольно поворачивается на стуле и пробует все так же защищаться:

— Ну, что?

Но у председателя уже сталь в голосе:

— Что? Иди на середину!

Неохотно поднимается с места и делает несколько шагов, развязно покачиваясь и опуская пояс ниже бедер, как это принято у холодногогорских франтов. Одна рука — в бок, другая — в кармане, ноги в какой-то балетной позиции, вообще во всей фигуре примитивные достоинство и независимость.

Но весь зал вдруг гремит негодующим, железным требованием:

— Стань смирно!

Он растерянно оглядывается, но немедленно вытягивается, хотя одна рука еще в кармане.

Председатель наносит ему следующий удар:

— Вынь руку из кармана.

Наконец, он в полном порядке, и можно с ним говорить:

— Ты как обращаешься с девочками?

— Ничего подобного! Она шла...

— Как ничего подобного? В рапорте вот написано...

Он совершенно одинок и беспомощен на середине.

Последний удар наносит ему я, это моя обязанность. После суровых слов председателя, после саркастических замечаний Редько, после задирающего смеха пацанов я получаю слово. Стараюсь ничего не подчеркивать:

— Что касается Сосновского, то о нем говорить нечего. Он еще новенький и, конечно, не умеет вести себя в культурном обществе. Но он, кажется, парень способный, и я уверен, что скоро научится, тем более, что и ребята ему помогут, как новому товарищу.

Заканчиваю я все-таки сурово, обращаясь прямо к Сосновскому:

— А ты старайся прислушиваться и приглядываться к тому, что делается в коммуне. Ты не теленок, должен сам все понять.

Когда собрание кончается, и все идут к дверям, кто-нибудь берет его за плечи и смеется:

— Ну, вот ты теперь настоящий коммунар, потому что уже отдувался на общем. В первый раз это действительно неприятно, а потом ничего... Только стоять нужно действительно смиренно, потому, знаешь — председатель...

Самые неудачные новички никогда не доживают до выхода на середину. Поживет в коммуне три-четыре дня, полазит, понюхает, скучный, запущенный, бледный, и уйдет неизвестно когда, неизвестно куда, как будто его и не было. Коммунары таких определяют с первого взгляда:

— Этот не жилец: сявка.

«Сявка» — старое блатное слово. Это трусливый мелкий воришка.

Коммунары вкладывают в слово «сявка» несколько иное содержание. Сявка — это ничего не стоящий человек, не имеющий никакого достоинства, никакой чести, никакого уважения к себе, бессильное существо, которое ни за что не отвечает и на которое положиться нельзя.

У нас таких сявок было за три года очень немного, человека три всего. Коммунары о них давно забыли, и только в дневниках коммуны остался их след.

Гораздо хуже бывало, когда вдруг нам приходилось ставить вопрос о старом коммунаре, на которого все привыкли смотреть, как на своего, и у которого вдруг обнаруживались позорные черты.

Самый тяжелый случай был у нас с Грунским.

Грунский живет в коммуне с самого начала ее. У него красивое лицо, тонкое и выразительное. Он в старшей группе и учится прекрасно. Всегда он ко всем расположен, вежлив, в меру оживлен и активен. Его без всяких затруднений приняли в комсомол, а через год был уже он командиром первого отряда, и его всегда выбирали во все комиссии. На работе он — прямо образец, всякое дело умеет делать добросовестно и весело.

Во время московского похода обнаружилось неприятное дело: в поезде, по дороге в Москву, пропало у Волчка пять рублей. Ночью положил кошелек рядом с собой, посторонние в наши вагоны не заходили, а утром проснулся — кошелек и денег нет.

Дневальными в вагоне ночью были четыре коммунара, в том числе и Грунский.

Как только расположились в Москве в общежитии, собрали общее собрание.

В огромной спальне Транспортной школы притихли. Дело безобразное: у товарища украли последние деньги, да еще во время похода, которого так долго ждали и на который так много было надежд. Назвать прямо перед всеми фамилию подозреваемого трудно: слишком уж тяжелое оскорбление. Четверо дневальных вышли вперед.

— Я денег этих не брал.

Так сказал каждый. Так сказал и Грунский.

В спальне было тихо. Все чувствовали себя подавленными.

Тогда попросил слово Фомичев и сказал:

— Первый отряд уверен, что деньги взял Грунский. Еще тише стало в спальне.

Я спросил:

— А доказательства?

— Доказательств нет, но мы уверены.

Грунский вдруг заплакал.

— Я могу свои отдать деньги, но денег я не брал.

Никто ничего не прибавил, так и разошлись. Я выдал Волчку новые пять рублей.

В Москве и на обратном пути Грунский был оживлен и доволен, но я заметил, что тратит он гораздо больше, чем было ему по карману; его финансовые дела были мне известны. Он покупал конфеты, молоко, пирожное и в особенности кутил на станциях: на каждой остановке можно было видеть на подножке вагона Грунского, торгующего у бабы или мальчишки какую-нибудь снедь.

Я поручил нескольким коммунарам запомнить кое-какие его покупки. Как только мы приехали в коммуну, я собрал совет командиров и попросил Грунского объяснить некоторые арифметические неувязки. Грунский быстро запутался в цифрах. Выходило, что денег истрачено было им гораздо больше, чем допускалось его наличием. Приш-

лось ему перестраивать защиту и придумывать небылицы о присланных какой-то родственницей в письме пяти руб-лях. Но это было уже безнадежно.

И пришлось Грунскому опустить свою белокурую го-лову и сказать:

— Это я взял деньги Волчка.

Среди командиров только Редько нашел слова для возмущения:

— Как же ты, гад, взял? Тебе ж говорили, а ты еще и плакал, а потом/на глазах у всех молоком заливался!

Общее собрание в тот день было похоже на траурное заседание. Грунский кое-как вышел на середину. Председа-тель только и нашелся спросить его:

— Как же ты?

Но ни у председателя не нашлось больше вопросов, ни у Грунского — что отвечать.

— Кто выскажется?

Тогда вышел к середине Похожай и сказал Грунскому в глаза:

— Сявка!

И только тогда заплакал Грунский по-настоящему, а председатель сказал:

— Объявляю собрание закрытым.

С тех пор прошло больше года. Грунский, как и прежде, носит по коммуне свою белокурую красивую го-лову, всегда он в меру оживлен и весел, всегда вежлив и прекрасно настроен, и никогда ни один коммунар не напомнит Грунскому о московском случае. Но ни на одном собрании никто не назвал имени Грунского как лица, достойного получить хотя бы самое маленькое пол-номочие.

Будто сговорились.

Юхим

Юхим Шишко был найден коммунарами при таких обстоятельствах.

Повесили пацаны с Перским горлётную сетку на лужайке возле леса, там, где всегда разбиваются наши лет-ние лагеря. Наша часть леса огорожена со всех сторон колючей проволокой, и селянские коровы к нам заходить не могут.

Но раз случилась оказия: даже не корова, а теленок-бычок не только прорвал проволочное препятствие, но попал и в горлётную сетку, разорвал ее всю и сам в ней безнадежно запутался.

Пока прибежали коммунары, от горлэта ничего не осталось, пропали труды целой зимы и летние надежды.

Бычка арестовали и заперли в конюшне.

Только к вечеру явился хозяин, солидный человек в городском пиджаке, и напал на коммунаров:

— Что это за безобразие! Хватают скотину, запирают, голодом морят. Я к самому председателю ВУЦИКа пойду! Вас научат, как обращаться с трудящимися.

Но коммунары подошли к вопросу с юридической стороны:

— Заплатите сначала за сетку, тогда мы вам отдадим бычка.

— Сколько же вам заплатить? — спросил недоверчиво хозяин.

В кабинете собралось целое совещание под председательством Перского.

Перский считал:

— Нитки стоят всего полтора рубля, ну, а работы там будет рублей на двадцать по самому бедному счету.

Ребята заявили:

— Вот, двадцать один рубль пятьдесят копеек.

— Да что вы? — выпалил хозяин. — За что я буду платить? Бычок того не стоит.

— Ну, так и не получите бычка.

— Я не отвечаю за потраву, это пастух пускай вам платит. Я ему плачу жалованье, он и отвечает.

Ребята оживились.

— Как пастух? Пастух у вас наемный?

— Ну, а как же! Плачу ж ему, он и отвечает.

— Ага! А сколько у вас стада?

Хозяин уклонился от искреннего ответа:

— Какое там стадо! Стадо...

— Ну, все-таки.

— Да нечего мне с вами талдычить! Давайте теленка, а то пойду просто в милицию, так вы еще и штраф заплатите.

ССК прекратил прения:

— Знаешь что, дядя, ты тут губами не шлепай, а либо

давай двадцать один рубль пятьдесят копеек, либо иди, куда хочешь.

— Ну, добре,— сказал хозяин.— Мы еще поговорим!

Он ушел. На другой день к вечеру ввалилось в кабинет существо первобытное, немытое со времени гражданской войны, нечесанное от рождения и совершенно не умеющее говорить.

В кабинете им заинтересовались:

— Ты откуда такой взялся?

— Га? — спросило существо.

Но звук этот был чем-то средним между «га», «ы», «а», «хе»...

— А чего тебе нужно?

— Та пышок, хасяин касалы, витталы шьоп.

— А-а, это пастух знаменитый!

С трудом выяснили, что этот самый пастух пасет целое стадо, состоящее из трех коров, нескольких телят и жеребенка.

Сказали ему:

— Иди к хозяину, скажи: двадцать один рубль пятьдесят копеек пусть гонит.

Пастух кивнул и ушел.

Возвратился он только к общему собранию, и его вывели на середину плачущего, хныкающего и подавленного. Рот у него почему-то не закрывался, вероятно, от обилия всяких чувств. Пастух объявил:

— Хасяин попылы, касалы — иды сопи, быка, значиться, узялы, так хай и пастуха запырають.

Ситуация была настолько комической, что при всем своем сочувствии пастуху зал расхохотался.

Из коммунаров кто-то предложил задорно:

— А что ж, посмотрим! Давай и пастуха... Смотри, до чего довели человека!.. Побил, говоришь?

— Эхе,— попробовал сказать Юхим, не закрывая рта.

— Да что его принимать? — запротестовал Редько.— Он же совсем дикий. Ты знаешь, кто такой Ленин?

Юхим замотал головой, глядя не отрываясь на Редько:

— Ни.

Кто-то крикнул через зал:

— А ты чув, шо була революция?

Юхим снова замотал отрицательно головой с открытым ртом, но вдруг остановился.

— Цэ як с херманьцями воювалы...

В зале облегченно вздохнули. Все-таки хоть говорит по-человечески.

Многие выступали против приема Юхима, но общее решение было — принять.

Приняли-таки Юхима. А бычка на другой день зарезали и съели.

Юхима остригли, вымыли, одели — все сделали, чтобы стал он похожим на коммунара. Послали его в столярный цех, но инструктор на другой день запротестовал:

— Ну его совсем! Того и гляди, в пас запутается.

Юхим и сам отрицательно отнесся к станкам, тем более, что в коммуне нашлось для него более привлекательное дело. Держали мы на откорме кабанчика. Как увидел его Юхим, задрожал даже:

— Ось я путу за ным хотыты.

— Ну ходи, что ж с тобой поделаешь.

Юхим за кабанчиком ходил, как за родным. Юхим не чувствовал себя наймитом и даже пробовал сражаться с кухонным начальством и с конюхом, отстаивая преимущественные права своего питомца. В его походке вдруг откуда-то взялись деловитость и озабоченность. В свинарне Юхим устроил настоящий райский уголок, натыкал веточек, посыпал песочку...

К счастью Юхима, его сельскохозяйственная деятельность в коммуне все-таки прекратилась.

В один прекрасный день Юхим не нашел в свинарне своего питомца. Бросился в лес и по дороге с гневом обрушился на конюха.

Наш конюх, могучий, самоуверенный и спокойный Митько, старый мясник и селянский богатырь, добродушно рассмеялся.

Юхим унесся в лес. Бродил он в лесу и обед прозевал, пришел изморенный и к каждому служащему и коммунару приставал с вопросом:

— Дэ кабан? Чи не бачыли кабана?

И только придя на кухню обедать, он узнал истину: кабана еще на рассвете зарезал Митько. Когда Юхиму предлагала кусок свинины старшая хозяйка, ехидный и веселый Редько передразнил Юхима:

— «Дэ кабан?» Раззява несчастная! Ось кабан, жушай!

Как громом был поражен Юхим всей этой историей, не стал обедать и бросился в кабинет с жалобой. Я с большим напряжением понял, о чем он лопочет:

— Заризалы ранком, ништо й не знав, отой Митько, крав, крав помый, насмихався...

Несколько дней коммунары спрашивали у Юхима:

— Дэ кабан?

Но у Юхима уже прошел гнев, и он отвечал, улыбаясь доверчиво:

— Заризалы.

Гибель кабана от руки Митько окончательно порвала связь Юхима со скотным двором. Сделался Юхим рабочим литейного цеха. Сейчас он работает на щетковальном станке.

Юхим — уже старый коммунар и изучает премудрости третьей группы.

Вечер

Протрубил трубач у двух углов:

Спать пора, спать пора, коммунары.
День закончен, день закончен трудовой...

По парадной лестнице пробежали коммунары в спальни, и уже сменился караул у парадного входа. Новый дневальный записывает в свой блокнотик, кого и когда будить, и одновременно убеждает командира сторожевого в том, что, если командир отдаст ему карманные часы, они вовсе не будут испорчены.

Заведующий светом проходит по коридору и тушит электричество. Скоро только у дневального останется лампочка. У дверей одного из классов группа девочек требует:

— А если нам нужно заниматься?

— Знаю, как вы занимаетесь! — говорит грубоватый курносый, но хорошенький Козырь. — Заснете, а электричество будет гореть всю ночь.

— А мы разве засыпали когда?

— А почему я знаю, я за вами не слежу.

Но девочки получают подкрепление. Суровая Сторчакова разрешает спор молниеносно:

— Ну, убирайся!

Козырь убирается и заглядывает в «тихий» клуб, делая вид, что его авторитет ничуть не поколеблен. Однако за плечами его снова Сторчакова:

— Тут будет заседание бюро, прекрасно знаешь.

— Ну, знаю. Так что ж?

— Ну, нечего мудрить! Зажги свет.

Козырь послушно действует выключателями, но не уходит. Когда соберется бюро, он отомстит, обязательно пристанет к секретарю:

— Кто потушит свет?

— А тебе не все равно? Потушим.

— Нет, ты скажи — кто. Я должен знать, кто отвечает.

— Я потушу.

Козырь не будет спать или будет просыпаться через каждые четверть часа, спускаться в «тихий» клуб и смотреть, не забыли ли потушить свет. Надежды очень мало сегодня. Наверняка Сторчакова потушит. Уж очень она аккуратный человек. Но Козырь знает, что такое теория вероятности. Он будет и сегодня следить, и завтра, и много раз, и, наконец, настанет такой счастливый вечер, когда он на общем собрании отчеканит рапорт дежурному:

— В коммуне за сутки электроэнергии израсходовано двадцать киловатт-часов.

Особое замечание: секретарь комсомольской ячейки Сторчакова после заседания бюро не выключила свет, и «тихий» клуб «горел» до утра.

Сторчакова выйдет на середину и скажет:

— Да, я виновата...

Ничего Сторчаковой не будет, это верно, но Козырю ничего особенного и не нужно. Он и так получит много. Он получит право сказать секретарю:

— Знаем, как вы тушите!

В помещении коммуны появляется еще тень и ругает Володьку за то, что рано в коммуне потушен свет. Это представитель дежурного отряда. Дежурный отряд следит за порядком в клубах и отвечает за то, чтобы во всем здании, кроме, разумеется, спален, были на ночь

закрыты окна.

Наконец, и Володька и дежурный отряд уходят в спальню.

В кабинете еще идет работа — какая-нибудь комиссия. В «тихом» клубе располагается бюро, а это значит, что «тихий» клуб полон.

На бюро кто-нибудь коротко отчитывается, кто-нибудь зачитывает небольшой проект, кто-нибудь «отдувается», что-нибудь организуется.

Сегодня именинник литейный цех. Производственное совещание цеха. Мастера, Соломон Борисович — всего человек двенадцать. В цехе прорыв: что-то прибавилось браку, вчера не было литья, глина оказалась неподходящей.

Коммунары полегоньку нажимают на Соломона Борисовича и основательно насаждают на мастеров; мастера кивают на Соломона Борисовича и оправдываются перед коммунарами; Соломон Борисович машет руками и насаждает и на тех и на других. Через полчаса вопрос ясен: прорыв ликвидировать совсем не трудно, и тревога, в сущности, напрасна, но все-таки хорошо, что поговорили. Выяснилось, что коммунар Белостокский поленивается, что мастер Везерянский — шляпа, что Соломон Борисович должен, скрепя сердце, выложить сто рублей на новый точильный камень. Под шумок маленького спора сорвали с Соломона Борисовича обещание перевести что-то на мотор, договорились насчет нсвой работы и по мечтали об отдельной литейной.

В кабинете тоже окончили. Председатель столовой комиссии складывает в папку бумажки и говорит:

— Конечно, нужны горчичницы. Будем нажимать.

Все расходятся.

Дневальный принимает ключи от кабинета и говорит:

— Спокойной ночи.

Во дворе неслышно прохаживается сторож. У конюшни голоса: двое коммунаров кому-то рассказывают о чудесах, совершенных Митькой-конюхом:

— Ну, так разве ж его можно взять! Раз трое на него наскочили с кольями, а у одного железный лом... Так что ж? Они на него с ломом — по голове, аж голова гудит, а он все-таки их всех поразгонял.

— Коммунары, спать пора!

— Идем уже, идем...

В последнем окне погас свет: кто-то дочитал книжку.

Заключение

Сейчас осень. Коммуна только что возвратилась из крымского похода.

Крымский поход достоин того, чтобы о нем написать книгу — книгу о новой молодости, о молодости нового общества, о радостях новых людей, сделавшихся частью живого коллектива.

Утром пятого августа в четыре часа коммуна вышла из Байдар. Впереди — проводник, разговорчивый татарин, данный нам байдарским комсомолом. Мы решили идти через Чортову лестницу, но нужно посмотреть на знаменитые Байдарские ворота.

Ахнули, посмотрели, влезли на крышу ворот и чинно уселись на барьере крыши, как будто собирались просидеть там до вечера. Слезли через минуту, сыграли «Интернационал» восходящему солнцу и пошли. Через пятьдесят шагов проводник неожиданно полез на какую-то кручу. Не успел я опомниться, как уже коммунары перегнали его, только кто-то из оркестрантов с тяжелым басом цеплялся за корни.

Я разругал проводника:

— Разве это дорога? Разве можно вести по этой дороге сто пятьдесят ребят, да еще с оркестром?

Но коммунары на меня смотрели с удивлением:

— А чего? Хорошая дорога!

Кое-как и мы с Тимофеем Викторовичем, ругаясь и задыхаясь, выбрались на Яйлу.

Часа через два шли с пригорка на пригорок по волнистым вершинам Яйлы и, наконец, подошли к Чортовой лестнице.

Смотрим вниз. Какой-то застывший поток разбросанных повсюду острых камней. По ним нужно спускаться. Ребята нас обогнали давно. От Байдар уже сделали километров двадцать, а тут еще нужно прыгать на круглую макушку камня, смотрящего откуда-то снизу в полтора метра. Прыгаем.

Тимофей Викторович возмущается:

— Проводнику не нужно платить, мерзавцу!

Спускались мы с ним часа полтора, так, по крайней мере, нам показалось. Но как только спустились к ожидавшим нас на шоссе коммунарам, Тимофей Викторович расплылся в улыбке:

— Замечательная дорога! Какая прелесть!

Голоногие коммунары смеются, понимая, в чем дело. Тимофей Викторович на этом самом участке шоссе с радостью закончил бы переход. Но нужно идти дальше, потому что коммунары уже скрываются из виду. Им приказано остановиться только в Кикенеизе, а до Кикенеиза еще километров восемь.

В Кикенеизе маршрутная комиссия достала разрешение остановиться в школе. Обоза еще нет, и коммунары отправились купаться к морю, до которого километра четыре.

Наконец, приходит обоз. Карабанов дурашливо обнимается с коммунарами, конвоирующими обоз, столовая комиссия бросается снимать с арб обед.

Я спрашиваю:

— Здесь заночуем, наверно?

— Дальше! — кричат коммунары.

В шесть часов трогаемся дальше. Уже начинает темнеть, когда мы подходим к обсерватории на горе Кошка. До Симеиза километров пять. Директор разрешает осмотреть обсерваторию, и ребята устремляются к дверям. Нам уже впору отдохнуть, и мы с Тимофеем Викторовичем усаживаемся на скамье. Хорошо бы здесь и заночевать, но Карабанов уже выстраивает колонну. Техник обсерватории предлагает показать ближайший спуск в Симеиз. Мы с ним отправляемся вперед, но через минуту нас галопом обгоняют все сто пятьдесят коммунаров. Они летят по крутому спуску, как конница Буденного; не останавливаясь на поворотах и не упираясь на кручах, просто сбегают свободным бегом, как будто для них не существует законов тяжести и инерции. Любезный техник останавливается над каким-то обрывом и показывает мне дальнейшие извилины спуска, но вдруг безнадежно машет рукой:

— Э, да вам показывать не нужно!

Впереди вся Кошка покрыта парусиновыми рубахами коммунаров.

Мы с Тимофеем Викторовичем только через полчаса добираемся до подошвы.

Еще через десять минут наш оркестр гремит на верхних террасах симеизского шоссе. Симеиз в сверкающем ожерелье — все ближе и ближе.

После сорокакилометрового перехода и двух перевалов коммунары с музыкой входят в Симеиз. Их движения так же упруги, как и утром в четыре часа в Байдарках. Так же торжественно колышется впереди знамя, по бокам его так же остряты штыки, и так же развевается флажок у флаженера левого фланга, Алексюка.

Симеизская публика из квартала в квартал провожает нас аплодисментами. Кто-то любезно бросается подыскивать для нас ночлег. Через полчаса коммунары входят в великолепный клуб союза строителей, и караульный начальник разводит ночные караулы.

Тридцать первого августа в шесть утра мы вернулись домой.

Кончился наш отпуск. Перед нами — новый год и карты новых переходов.

В отрядах коммунаров уже сменились командиры. В первом отряде снова командует Волчок, а на месте ССК уже не Васька Камардинов, а Коммуна Харланова, особа выдержанная, серьезная и образованная. Теперь Соломону Борисовичу еще меньше будет свободы в совете командиров.

Соломон Борисович строится. Все площади нашего двора завалены строительными материалами, сразу в нескольких местах возводятся стены новых домов — общежитий, контор, складов и цехов. Все планы, намеченные перед отъездом в Крым, Соломоном Борисовичем выполняются, и это обстоятельство окончательно роднит его с коммунарами.

Вернувшись из крымпохода, побежали коммунары после команды «разойдись» осматривать новое строительство. Великолепный новый сборный цех длиной в семьдесят метров их совершенно удовлетворяет:

— Серьезный цех будет! — говорит командир третьего.

Довольны и формовщики: новая литейная почти готова, на стропилах уже ползают кровельщики, и на траве в саду разложены масляные листы железа.

Но это еще не все. Самое главное вот что: в коммуне открывается рабфак. Настоящий рабфак Машиностроительного института. Первый и второй курсы. Это великое событие произошло чуть что не случайно. Бросились наши кандидаты в рабфаки — оказывается: то стипендии нет, то общежития. Возникло решение открыть собственный рабфак. И Наркомпрос и ВСНХ пошли навстречу желаниям коммунаров.

Через три дня начинаются на рабфаке занятия. Новые наши студенты продолжают оставаться коммунарами. Все чрезвычайно довольны: не нужно никуда уходить, не нужно бросать родную коммуну, можно продолжать работать на нашем производстве.

В рабфаке будет семьдесят коммунаров.

В педагогическом совете затруднялись: как быть с такими, как Панов. И по возрасту и по росту — совсем мальчик, а по способностям и коммунарскому стажу — заслуженный товарищ. Ребята в педсовете настояли:

— Ну так что же? Кончит рабфак, ему уже шестнадцать будет. Чем не студент? Такие нам и нужны.

Сегодня в коммуну свозят много хороших вещей: физический кабинет, химический кабинет, новые книги. Соломон Борисович измеряет комнаты: надо делать шкафы, столы, стулья для новых кабинетов.

Соломону Борисовичу теперь есть чем гордиться: в коммуне рабфак; не успеет оглянуться — будут собственные инженеры. А на текущем счету уже лежат двести тысяч рублей. Взяли мы еще в июле заказ на оборудование Энергетического института, заказ стоит полмиллиона.

ФД-1

ПОВЕСТЬ

1. Похоже на вступление

Харьков еще спал, когда колонна коммунаров прошла через город от вокзала в коммуны. Ожидался хороший день, но солнце еще не всходило. За окнами спали люди, и мы будили их громом нашего оркестра: раздвигались занавески, и кто-то удивленный разглядывал ряды марширующих мальчиков со знаменем впереди. Знамя шло по-походному — в чехле.

По плану коммунарам полагалось бы быть усталыми. Поезд пришел в Харьков в два часа ночи. Мы до рассвета «проволынили» на вокзале, пока нашли подводы для вещей. Только вчера мы были в Севастополе, дышали югом, морем, кораблями, широкими, вольными глотками пили бегущие мимо нас, быстро сменяющиеся впечатления. Сейчас, ранним утром, притихшим в мальчишеской лукавой бодрости, для нас таким непривычно знакомым показался Харьков, и это было тоже ново, как будто мы продолжаем поход по новым местам. Поэтому мы не ощущали усталости.

Прошли через город, вот и белгородское шоссе, вот и лес. Фанфаристы свернули вправо на нашу дорожку в лесу. Всегда в этом месте мы распускали строй и пробирались через лес «вольно», чтобы построиться снова в поле. Но теперь нас, наверное, будут встречать, и мы держим фасон.

— Справа по одному, марш!

Коммунары вытянулись в одну линию.

Лесные дорожки родные, на них знакома каждая морщинка, каждая сломанная придорожная веточка.

Оркестр уже выбрался из леса и торопливо перестран-

вается «по шести». Навстречу бегут по межам, сокращая путь, обрадованные люди: рабочие, служащие, их дочери и «пацаны», приятели с Шишковки. Скажут по жнивью собаки.

Волчок быстро шепчет:

— Марш Дзержинского... раз, два...

Мы салютуем встречающим нашим маршем — маршем Дзержинского.

Эту честь мы оказываем далеко не каждому.

Коммунары быстро перестраиваются. Им трудно сдерживать улыбку в то время, когда кругом им машут шапками, протягивают руки и кричат:

— Васька, а Васька, черный какой...

Но коммунары держат ногу и напускают на себя серьезность.

Пыльная дорога еле-еле вмещает наш широкий строй, и поэтому нам трудно сохранять воинскую красоту. Встречающие идут рядом, разглядывая наши загорелые физиономии. Землянский впереди особенно лихо звенит тарелками, и особенно высоко передовые задирают фанфары, навстречу солнцу, в удивлении выпучившему на нас единственный глаз.

Летит к нам навстречу и Соломон Борисович, наш заведующий производством, человек толстый и юношески подвижный. Он ничего не понимает в неприкосновенности строя, прямо с разбега со страшной инерцией своей шестипудовой массы бросается мне на шею и считает обязательным по-настоящему обчмокать меня расстроенными старческими губами. Разогнавшаяся в марше знаменная бригада налетает на нас, а на нее налетает первый взвод. Первый взвод хохочет, и командир взвода — Миша Долинный протестует:

— Выйдите из строя, Соломон Борисович

Соломон Борисович протягивает к нему руки.

— Товарищ Долинный, как вы загорели, это прямо удивительно!

Он пожимает руку смущенному Мише, семенит рядом с ним и торжествует:

— Теперь вы меня ругать не будете. Есть где работать, не скажете, что Соломон Борисович ничего для вас не приготовил. Вот я вам покажу... Вы видите крышу? Вы видите, видите? вон за деревом...

Миша безнадежно пытается поймать ногу и сердится: — Соломон Борисович, вы же видите, что мы идем за знаменем! Станьте сюда и держите ногу.

Как настоящий коммерсант, Соломон Борисович склонен к сентиментальности, но он слишком уважает коммунарский строй, и он послушен: он напряженно чеканит «левой, правой» и молчит. Его живот и наморщенный лоб всем окружающим возвещают, что Соломон Борисович умеет встретить коммуну, но и коммуна знает ему цену: все остальные идут сбоку, а Соломон Борисович «за знаменем».

Вот и наш серый дворец. Соломон Борисович вместе со всеми выстраивается для отдачи чести знамени, которое после месячного отсутствия вносится в наш дом.

Окончились церемонии, и коммунары побежали проверить коммуну. Соломон Борисович снова оживлен и радостен. Он берет меня под руку и, окруженные толпой коммунаров, мы идем осматривать постройки, воздвигнутые Соломоном Борисовичем во время нашего похода в Крым.

Так окончился марш тридцатого года.

Марш тридцатого года это было счастливое, беззаботное время для коммунаров. Это был год, когда мы на каком-то микроскопическом участке общего советского фронта делали свое маленькое дело и были счастливы. Мы много работали, учились, отшлифовывали грани нашего коллектива и радовались. Коммунары одинаково светлым взглядом смотрели на солнце и на трубы заводов, потому что это были непреложные элементы живой жизни. Мир в их представлении был идеально гармоничен, он состоял из неба, солнца, заводов, рабочего класса, комсомола и других хороших и ценных вещей.

Тогда мы гордились маршем тридцатого года и о нём рассказывали в полной уверенности, что это было прекрасное и сильное движение. У нас были мастерские, мы выделывали нехитрые вещи, но все же нужные людям, в школе мы учились. Одним словом, мы гордились и имели на это основания.

Но вот теперь, когда прошел тридцать первый год, оглядываясь назад, мы со снисходительной улыбкой рассматриваем наше прошлое. Прекрасный марш тридцатого года это вовсе не был потрясающий, звенящий марш

победителей, нет, это мы только учились ходить. Так это было скромно в сравнении с тем, что выпало на долю нашего коллектива в славном боевом тридцать первом году.

О, тридцать первый год — это настоящая война. Здесь было все. Был зуд нетерпения и требовательности, была язвительная улыбка умного опытного человека, мальчишеский кипящий задор и строгая математика остроочиненного карандаша. Коммуна прошла тяжелейшие изрытые оврагами пространства, забросанные мусором площади, гудронные паркетные шоссе и Черное море.

У нас были в этом году необозримые посевы терпения, были напряжения длительные и безмолвные, когда крепко сжимаются губы и осторожно по сантиметрам расходуется драгоценная воля, когда не играет музыка, и не блещет открыто коллектив в своем величии и красоте.

Были и марши и походы, полные стройности и очарования, марши юности по древним горам среди древних народов. Были широко раскрытые радостные глаза, стремящиеся схватить в дерзком усилии всю мощь Советского Союза и советской стройки, были просто человеческие дни отдыха и мобилизации новых сил.

А силы были нужны для больших и трудных операций.

Сейчас, когда я это пишу, на пятнадцать минут выйдя из строя, коммунары штурмуют высоты, о взятии которых нам не снилось еще полгода назад. Это действительно «кровавый» штурм, настойчивые удары нашей воли и дерзости, нашего знания и умения.

2. Переход количества в качество

Здания, воздвигнутые Соломоном Борисовичем, произвели на коммунаров сильное впечатление. Хотя они были построены из дерева и других подобных материалов, но были поразительны по своей величине и строительной смелости. Главными зданиями были: сборный цех для деревообделочной мастерской длиною в шестьдесят метров и шириною в двадцать и жилой дом, в котором строительная мудрость Соломона Борисовича вместила и квартиры для многих рабочих, и столовую, и швейную, и бухгалтерию, и кухню, и даже красный уголок.

Перед отъездом в Крым мы очень страдали от недостатка производственных помещений, и поэтому, когда загорелые ноги коммунаров, еще не расставшиеся с трусиками, пробежали по всем объектам строительства Соломона Борисовича, в душах коммунаров довольно основательно расположилось чувство удовлетворения.

Новый сборный цех в этот момент был еще пуст и представлял из себя огромную площадь, которая еще не была тронута рукой легкой индустрии.

Коммунары прыгали по цеху, непривычно пораженные его размахом.

Соломон Борисович в этот момент испытывал наслаждение. Он был горд успехами строительства и очастливлен довольными рожами коммунаров.

Коммунары были довольны. Им не понравилось, что весь двор был завален строительным мусором, но и раньше Соломон Борисович не отличался чрезмерной аккуратностью. В общем это было в самом деле строительство, и коммунарам можно было развернуть настоящую большую производственную работу.

В ближайшие дни коммунары были увлечены другими, гораздо более сильными впечатлениями, которые были связаны с нашей школой.

Школьный вопрос у нас до сих пор обстоял очень не выразительно. Начинали мы когда-то от печки, от обычных групп трудовой школы. Но к нам приходили мальчики и девочки, которых на педагогическом языке обычно называют «переростками». Мы не умели с настоящей педагогической эмоцией произносить это слово, т. е. не умели вкладывать в его содержание признаков безнадежности, предрешенности и ненужности. Переросток в детском доме это то, что никому не нужно, всем мешает, нарушает дисциплину и спутывает весь педагогический пасьянс.

Коммунары подходили к пятой, шестой группе в возрасте семнадцати-восемнадцати лет. Возиться с окончанием трудовой школы некогда и скучно. Давно мы привыкли к прекрасному выходу из нашей образовательной системы — мы отправляли коммунаров в рабфак. Все оканчивалось сравнительно благополучно, и у нас не было случая, чтобы кто-нибудь провалился на испытаниях. И летом тридцатого года и в коммуне и в Крыму

человек до тридцати старших коммунаров готовились в рабфак.

Приехав из Крыма, наши комиссии бросились искать места в рабфаках. Нас ожидало страшное разочарование. На первые курсы нам предлагали места очень неохотно, да и то без стипендий, приглашали больше на второй. Это было похоже на разгром всех наших планов: без стипендии пускаться коммунарам в студенческую жизнь было весьма опасно, оставить ребят жить в коммуне значило бы совершенно изменить ее лицо, это уже не была бы трудовая коммуна, а в значительной степени общежитие для студентов, новеньких принимать было некуда. Посылать ребят на второй курс мы боялись, вдруг срежутся на экзамене.

В полной растерянности собрался совет командиров и бюро комсомола.

Как и всегда, в заседании присутствовали все, кто хочет, кому интересно и кто случайно забрел в кабинет. Собрались почти все кандидаты в рабфак.

Секретарь совета командиров (ССК) Коммуна Харланова поставила на повестку один вопрос — как быть с рабфаковцами? Так у нас называли всегда всех кандидатов в рабфаки, настолько была у всех глубокая уверенность, что все в рабфак попадут. В заседании над «рабфаковцами» немного подшучивали:

— Рабфак ваш работает в машинном...

— Принимайся лучше за кроватные углы, рабфак подождет...

— А Юдину уже снилось, что он профессор.

Я кратко доложил собранию об обстоятельствах дела. Все молчали, потому что выхода, как будто, и не было. Харланова озабоченно оглядывала командиров:

— Ну, так что же? Чего же вы молчите? Значит, на том и успокоимся — никого в этом году в рабфак не посылаем?..

Новый секретарь бюро ячейки комсомола, всегда улыбающийся Акимов, человек, не способный испортить себе настроение ни при каких обстоятельствах, спокойно и задумчиво говорит:

— Так нельзя, чтобы никого не посылать. Только чего нервничать. Надо подумать. Наверное, что-нибудь придумаем.

— Ну, так что ты придумашь? Что придумашь? — грубовато оборачивается к Акимову Фомичев, один из самых старших кандидатов в рабфак.

— Да что тут думать,— улыбается Акимов,— приглашают вас на второй курс, вот и идите, чего вы ломаетесь?

— Ну, какой ты чудак, а еще секретарь,— злится серьезный Юдин.— Приглашают... Это не приглашают, а отказывают. Они прекрасно знают, что мы все подавали на первый курс, а говорят, идите на второй, это все равно — убирайтесь на все четыре стороны.

— А вы и идите на второй, раз приглашают...

— Может, на третий итти, на третий тоже мест, сколько хочешь, тоже приглашают... А экзамен?

— Ну, идите на первый, будет трудно — поможем, а там и стипендию дадут...

Харланова останавливает Акимова:

— У нас, знаешь, какое теперь положение... Себе не хватает, наша помощь будет плохая.

Юдин вдруг круто поворачивается ко мне.

— А скажите, пожалуйста, Антон Семенович, почему это такое? Идите, говорят, на второй курс. Что это такое? Выходит, как будто, что в коммуне есть первый курс. Как будто мы окончили первый курс в коммуне, а теперь перейдем на второй курс куда-нибудь там, в электротехнический или еще какой?

— А в самом деле выходит так,— кричит Сопин и ерзает на стуле, что-то продолжая доказывать своему соседу.

Я задумчиво смотрю на Юдина и думаю: а ведь в самом деле так выходит, это он правильно сказал.

— А скажите, Антон Семенович,— спрашивает, улыбаясь, Акимов,— их зовут на второй курс... так ведь они не годятся еще, правда же?

— Годятся,— тихо говорит Коммуна.

— Конечно, годятся,— кричит Сопин, которому до рабфака еще очень далеко.

— Ну, чего ты кричишь? Чего ты кричишь? Ты что-нибудь понимаешь в этом? — Харланова начинает сердиться на Сопина.

— А как же, понимаю.

Совет командиров хохочет.

— А чего? Что тут понимать? Понимаю: если из чет-

вертой группы поступают на первый курс, значит из шестой можно прямо на второй...

— Там совсем другая программа, правда же, Антон Семенович? — настойчиво требует ответа Юдин.

В совете начинается шум... Харланова насилу сдерживает собрание и уже кричит на меня...

— Кричат все... ну, Антон Семенович, говорите уже...

Все затихают и смотрят мне в рот, Юдин серьезно и так, как будто он приступает к решению математической задачи, Акимов с прежней спокойной улыбкой, Сопин страшно заинтересован и весь превратился в нервный заряд.

Я очень хорошо помню этот момент. Тогда я особенно ясно ощутил всю прелесть и чистоту этого десятка лиц, таких светлых, таких умных и таких всемогущих, умеющих так спокойно и с таким веселым достоинством решать судьбы своих товарищей и тех многих сотен будущих коммунаров, которые придут им на смену. Я мысленно отсалютовал этим милым очередным командирам нашего коллектива и сказал:

— Вопрос, товарищи, совершенно ясен, и Юдин прав. Нам не нужно ничего придумывать и не нужно падать духом. Через неделю у нас будет свой рабфак, самый настоящий, со всеми правами, и в него войдут не тридцать человек, а половина коммунаров, у нас будет первый и второй курс. Давайте пока прекратим обсуждение этого вопроса, поручите мне действовать, и через неделю я вам доложу, как обстоит дело.

В совете командиров не закричали «ура», никто не предложил меня качать. Сопин сделался серьезным, это страшно не шло к нему, и сказал:

— Правильно... Так оно и должно быть...

— Ну, что ты понимаешь, — сказала улыбаясь Харланова.

— Я не понимаю? — закричал Сопин, но вдруг сразу успокоился. — Это же она не понимает, правда же?

Юдин положил руку на колено Сопина и улыбнулся.

— Я думаю, что тут все понимают... Если мы доросли до рабфака, то пускай рабфак будет у нас...

— А разрешат рабфак? — спросил кто-то.

Еще за десять минут перед тем самый вопрос не приходил мне в голову, а теперь я ответил:

— В этом не может быть сомнений. Мы будем хлопотать, но уже завтра соберем педсовет и приступим к организации рабфака. Считайте это дело решенным...

Акимов осторожно спросил:

— А педагоги наши годятся?

— Годятся почти все, часть, может быть, уйдет, но ведь у нас еще будут и подготовительные группы...

— Конечно,— закричал Сопин,— довольно... Какие там четвертые группы — подготовительные к рабфаку — это правильно...

Поднялся обычный галдеж, всегда сопровождающий нарождение новых перспектив.

Харланова голосовала:

— Кто за это, поднимите руки...

— За что, за это? — спросил Акимов.

— Не понимаешь? — надул губы Сопин.— За рабфак...

Так совершилось открытие рабфака.

Я не обманывал коммунаров. Вопрос стоял с таким математически точным оформлением, что и на самом деле рабфак начал существовать на другой день. Правда, нами были предприняты шаги в соответствующих ведомствах, но сомневаться в том, что нам рабфак разрешат, ни у нас, ни у этих ведомств основания не было. Разрешение еще не было получено, но уже коммунары были разбиты по группам, были приглашены дополнительные преподаватели, составлены планы и приступлено даже к закупке физического кабинета и других пособий.

У коммунаров навсегда осталось впечатление, что рабфак был открыт советом командиров, и это верно. Только его открыли не в заседании десятого сентября 1930 г., а в очень многих напряжениях коллектива дзержинцев задолго и незадолго до этого. Наш рабфак был естественным продуктом всей нашей работы и всей нашей жизни. Когда мы этот рабфак открывали, мы не чувствовали никакого напряжения, и это дело было для нас естественным жестом проснувшегося сильного человека. Рабфак был открыт одним броском, в котором совершенно органически соединялись и наша воля, и наш разум, и наши стремления. В биологии тоже есть теория, утверждающая, что в процессе эволюционного развития незаметно и постепенно накапливается тенденция к изменению, которое вдруг реализуется в одном взрывном революцион-

ном явлении, приводящем к новым формам жизни. Так было у нас с рабфаком.

При его открытии мы испытывали только материальные затруднения. Мы должны были все наши нужды покрывать заработком производства, а оно само еще не стояло на ногах, как следует. Тогда, в сентябре, мы были еще настолько бедны, что принуждены были обратиться за помощью к ЦКПД — нам дали две тысячи рублей для пополнения физического кабинета.

Мы даже не устроили вечера в честь открытия рабфака — так все это вышло естественно, мы были только очарованы, может быть, были очарованы своей собственной силой.

Очень скоро, уже через месяц, мы перешли от очарования к новым боям и к новым трудностям, сейчас, через год, мы ведем последний штурм казавшихся несокрушимыми цитаделей, но если бы не было рабфака, мы не были бы способны на это.

Тогда в сентябре затрудняло только одно: рабфак — это дорогая вещь, за него нужно платить деньгами, следовательно, нашими нервами, мускулами — нашей работой.

3. История производственного фона

Когда-то, в первой молодости я написал рассказ и послал его Максиму Горькому. Получил от Горького письмо, в котором, между прочим, было написано:

«...рассказ написан слабо: не написан фон...»

Тогда письмо Горького отбило у меня охоту заниматься художественной выдумкой. Но и теперь, когда мне выпало на долю описывать художественную правду, я всегда со страхом вспоминаю:

— Стой... А фон! Написан ли фон?

Действительно, жизнь ста пятидесяти коммунаров дзержинцев осенью 1930 г. рисовалась на определенном фоне, и мы все этот фон замечали. Только этот фон не торчал отдельно на заднем плане картины, а выпирал вперед, расплывался по лицам переднего плана и вдруг начинал играть на первых ролях, оттесняя в сторону специально назначенных для этих целей персонажей.

Привез этот фон из Киева все тот же Соломон Борисович.

Очень жаль, что Ильф и Петров истратили по пустякам прекрасный термин: «великий комбинатор». Их герой имел гораздо меньше права на это звание, чем Соломон Борисович, и занимался он какими-то стульями, между тем как Соломон Борисович — прежде всего производитель.

Соломон Борисович в нашей поэме играет не последнюю роль. По всем правилам нужно рассказать о нем подробно, не мешало бы даже остановиться на его предках. Но предков у Соломона Борисовича не было. Не было у него и прошлого. Соломон Борисович родился после 1917 г. Некоторые товарищи, правда, утверждали, что Соломон Борисович имел раньше в Киеве маленький заводик, жил хорошо, была у него квартирка...

По поводу таких предположений Соломон Борисович всегда говорит:

— Заводик, скажите, пожалуйста, заводик... может, имел фабрику, магазин готового платья? Всем до этого дело, а никто не спросит, сколько часов в сутки спал Соломон Борисович... Подумаешь, фабриканта нашли...

После такого отзыва заводик и квартирка и в самом деле начинают представляться в далеком тумане, может быть, было, а может, и не было.

Если бы Соломон Борисович имел более спокойный характер, то и тумана никакого не было бы. Но иногда в совете командиров, когда коммунары доведут его до белого каления, раскритичится в обиду:

— Вы понимаете? Много вы понимаете в производстве. Он, смотрите, носа вытереть не знает, а в производстве он все знает. Вы это говорите мне? Эти ваши мастерские, подумаешь, завод? Я имел получше дела, и спросите, как я их делал. Я не видел этой вагранки?..

Говорили также, что Соломон Борисович окончил Политехнический институт в Германии, но когда к нам приехали немцы-рабочие, и на собрании в «громком» клубе просили Соломона Борисовича переводить, он сказал:

— Забыл, знаете, товарищи коммунары.

Коммунары мало интересовались его прошлым, ибо настоящее Соломона Борисовича слишком основательно

было установлено перед их глазами и отвернуться от него нельзя. Вот вы отвернулись. Но Соломон Борисович, несмотря на свою толщину и некоторую бесформенность фигуры, несмотря на тяжелую седоватую голову и обрюзгшее лицо, перемещается с места на место с быстротой удивительной и при этом настойчиво избегает прямых линий. Не было случая, чтобы Соломон Борисович, желая пройти из деревянного сарая в каменный, просто прошел бы это расстояние по прямой дорожке. По пути он обязательно сворачивает несколько раз в какой-нибудь цех, обходит зачем-то вокруг сарая, снова направляется к прежней цели, но вдруг что-то вспоминает и озабоченно делает зигзаг по направлению к лесному складу, из которого не выходит в дверь, а укоризненно вылезает в одну из дыр, которыми лесной склад изобилует. И в конце концов, он подходит к каменному сараю с противоположной стороны или даже вовсе к нему не подходит, а подходит к Шнейдерову в другом конце двора и кричит:

— Если будет дальше такая никелировка, то я вам спасибо не скажу. Что это вам кустарная мастерская на еврейском базаре или государственное производство?!

И наконец, Соломон Борисович оказывается как раз перед вами, а вы ведь только что от него отвернулись.

Соломон Борисович привез в коммуны производственный фон. До Соломона Борисовича, до марша 30 года, положение с фондом у нас было очень тяжелое. Специалисты об этом говорили так:

— Нет производственной базы.

И в самом деле, какая могла быть в коммуне производственная база? Было две комнаты, в которых стояли несколько деревообделочных станков, два токарных по металлу, шепинг и револьверный. В этих комнатах на силу помещалось десятка два коммунаров и никак не оставалось места для материалов и фабрикатов. На всю производственную базу было два инструктора, которые большей частью занимались составлением учебных программ. При таком положении с производственной базой коммунары хоть и работали в мастерских и даже кое-что выпускали на рынок, но больше сидели в долгах и в постоянных конфликтах с заказчиками. Размах наш в то время не достигал 10 тысяч в год. Коммуна никогда не состояла на государственном или местном бюджете.

Сотрудники ГПУ Украины, построившие наш дом, принуждены были и в дальнейшем отчислять от своего жалования 2—3 процента для того, чтобы коммунары могли жить, питаться и одеваться. Правда, и в то время забота чекистов была достаточна, чтобы мы не испытывали особенной бедности. Коммунарский коллектив был всегда весел и полон надежд, всегда у коммунаров была хорошая дисциплина, и мы не переживали никаких страданий. Но двухлетняя совершенно безнадежная борьба за производственную базу, постоянные убытки и неприятности, вечная смена инструкторов, заведующих производством и производственных установок достаточно издергали нам нервы.

К нам часто приезжали комиссии из разных специалистов, составляли планы более рациональной расстановки станков, обещали рекомендовать хорошего инструктора, при отъезде сочувствовали:

— Нельзя без оборотного капитала. Нужно не менее десяти тысяч оборотного капитала.

Вновь назначенные старички-завпроизводством привозили к нам в портфеле дощечки для настольных зеркал и говорили:

— Будем выпускать вот эту продукцию — дело не трудное, и на рынке есть спрос.

— Что, зеркала? — удивленно спрашивали коммунары.

— Нет, зачем же зеркала, вот досточки...

Мы уже совсем потеряли надежду выбраться на производственную дорогу. И в этот самый момент появился на горизонте Соломон Борисович.

Горизонт тогда помещался приблизительно на линии нашего Правления в ГПУ УССР. Соломон Борисович пришел в Правление, показал короткий доклад с приложением калькуляции и сказал:

— Я там был, в коммуне, такие хорошие мальчики, очень хотят работать, почему им не делать замки?

— Замки? Почему именно замки?

— Разве я сказал, что нужно обязательно замки? Можно делать и что-нибудь другое. Нужно что-нибудь делать и продавать государственным организациям. Зачем давать деньги коммунарам, когда они могут давать деньги Правлению.

— Как это?

— А вот видите калькуляция? Вы же видите, что здесь показано сто тысяч чистой прибыли?

Соломона Борисовича просили зайти вечером. Вечером в заседании Правления, где были я и два коммунара, и родился Соломон Борисович послереволюционный, не имеющий предков и прошлого.

— На чем же будем делать замки?

— Не замки, а французские замки. Важно, чтобы вы решили их делать, а потом вы дадите мне командировку в Киев, и я привезу вам станки и все оборудование по последнему достижению техники.

— Почему в Киев?

— В Киеве меня всякая собака знает, а здесь меня никто не знает.

— Но... видите ли, у нас нет денег ни на станки, ни для оборотного капитала...

— Если бы у вас был оборотный капитал, чего бы я к вам приходил? Разве приятно человеку, когда его выгоняют через двери и через порог? Но нельзя же спокойно смотреть на такое дело: это — детское учреждение, налогов не платить, все для мальчиков, а не делается никакого дела... Нам не нужно денег, нам нужно работагь, а когда люди работают, у них бывает много денег, и у нас будут. А какая у мальчиков будет квалификация, ах! Токаря, слесаря, никелировщики, сборщики...

В правлении разрешили Соломону Борисовичу съездить в Киев и использовать знакомых «собак» для приобретения в кредит оборудования и материалов. Список всего этого Соломон Борисович прочитал нам с совершенно артистической дикцией. Для коммунарского уха музыкой были такие нерифмованные строчки:

токарных станков	14
шлифовальных станков	4
экспаустеров	2
вагранок	1
прессов	3
револьверных станков	1
опок	30 пар...

Это целое богатство после наших двух токарных и шепинга. Мы возвратились домой во всяком случае в при-

поднятом настроении, однако, наш доклад в совете командиров встретили с недоверием:

— Замки? Буза какая-то...

— Замки, наверное, такие будут, что только собачники запирают.

— Это вроде как тот чудак приехал: досточки для зеркал, на рынке сейчас спрос!

— А черт с ним, пускай хоть станки привезет, а там видно будет. Только зачем столько токарных станков, что ж замки на токарных будем делать?

Через три недели в коммуноу влетел Соломон Борисович, оживленный и попрежнему уверенный в себе. В моем кабинете в окружении всего коммунарского актива он разложил на столе какие-то блестящие штучки и сказал:

— Вот! Мы будем делать не французские замки, а кроватные углы, имейте в виду, мы их сами будем никелировать, а спрос? С руками оторвут...

Начало тридцатого года было до краев напихано непривычными для коммунаров событиями. Соломон Борисович с четырех часов утра убежал в город и потом в течение целого дня свозил в коммуноу разные вещи. Сначала были привезены Шнейдеров, Свет, Ганкевич, Островский и два Каневских. Для этих предметов в коммуноу не было свободных помещений, и Соломон Борисович сказал:

— Ничего, они поживут у меня, пока жена приедет...

— Но ведь у вас только одна комната...

— Это ничего, не пропадать же людям... Ах, вот вы узнаете, какие это мастера...

Вслед за мастерами начали прибывать станки. Их свозили к нам во двор крестьянские подводы и сваливали у дверей нашего столярного цеха. По некоторым признакам можно было догадаться, что это токарные станки, мастер Шевченко смог даже определить их возраст:

— Эти станки, хлопцы, старше меня с вами. Им лет по семьдесят.

Вместе со станками привезен и знаменитый литейный барабан, составивший эпоху в истории коммуноу им. Дзержинского. Наконец, два грузовика высыпали посреди нашего двора целую кучу чрезвычайно странных вещей: между различными решеточками, обрезками, пластин-

ками, подсвечниками, шайбочками торчали даже венчалъные короны, в которых наши пацаны несколько дней гуляли по коммуне, вызывая осуждение Соломона Борисовича:

— Вам все игратья... Это же не игрушки, это медь, вы думаете, мне легко было достать это в Киеве?

Прибыл из Киева и вагон глины и несколько возов железных рамок. Все это увенчивалось множеством всякого лома, назначение которого было покрыто мраком неизвестности. Была здесь, между прочим, и небольшая железная бочка, но с одним только колесом,— она, кажется, до сих пор где-то валяется в коммуне, никуда ее не пристроил Соломон Борисович, хотя и говорил мне:

— Это же дорогая вещь!.. Попробуйте сделать такую бочку!..

Соломон Борисович не был сторонником старого письма — фон наносился на полотно широкими мазками, и иногда даже трудно было разобрать отдельные его подробности. В течение двух недель мастера Соломона Борисовича перетаскивали и устанавливали на новых местах различные приспособления. Соломон Борисович одобрительно отнесся к нашей столярной и швейной и вообще он не был склонен к пессимизму и придирчивости:

— Столярная? Разве это плохо?

— Вы еще не знаете, что можно делать в швейной мастерской? Можно делать трусики, не нужно никаких платьев, трусики всем нужны, и каждый может их купить.

Все это богатство трудно было разместить в наших производственных помещениях, и по этому вопросу Соломону Борисовичу пришлось часто ссориться с советом командиров, но он оказался большим мастером находить уголки, щели и закоулки, которые через два-три дня называл уже цехами и обставлял привезенным из Киева оборудованием.

Две комнаты в главном доме, от природы назначенные под производство, он занял деревообделочной мастерской, в красном кирпичном доме расположил токарные по металлу, подвесив к шаткому потолку длинную трансмиссию. Рядом пристроил небольшой деревянный сарайчик — это литейная. В подвальном помещении он разыскал три вентиляционных камеры и, убедив всех, что у нас и без того воздух хороший, организовал в них ни-

келировочный и шлифовочный цехи, перепутав их привезенными из Киева эксгаустерами, целой системой труб длиною в несколько метров. Эта сложная система, впрочем, с первого дня отказалась вытягивать опилки и пыль, как было ей положено по должности.

В один прекрасный день зашумел барабан в литейной, и желтый тяжелый дым повалил из низенькой жестяной трубы, полез в окна классов и спален, квартир служащих. Мы закашляли и зачихали, кто-то выругался, старушки в квартирах потеряли сознание на десять минут, коммунары хохотали и вертели головами в знак восхищения:

— Вот это так химия!..

В это время в коммуне уже работал доктор Вершнеф, один из лицедеев горьковской истории, получивший образование с нашей помощью, наш общий корешок, именуемый обычно Колькой.

Колька Вершнеф в ужасе хватал термометр и тыкал его литейщикам подмышку, что-то штудировал в словаре о литейной лихорадке. Но Соломон Борисович был весел и доволен:

— У вас что, санаторий или производство? Скажите, пожалуйста,— вредно для здоровья. Поезжайте в Ялту и кушайте виноград — тогда будет полезно для здоровья, а всякое производство для здоровья вредно. Никто не умер?

— Не умер, так заболает.

— Ну, когда заболает, тогда будем говорить.

Два Каневских, Шнейдеров, Свет и Ганкевич летали по коммуне, развеивая полами пиджаков, кричали в кладовых, распоряжались в цехах, доказывали Соломону Борисовичу, что они больше его понимают, иногда вступали с ним в настоящую перебранку и в таких случаях переходили даже на еврейский язык. После этого Соломон Борисович прибежал ко мне и кричал:

— Разве с этим барахлом можно работать! Они приехали к своей кустарной мастерской и никак не могут понять, что такое большое производство...

— Надо выгнать...

— Выгнать! Легко сказать... А с кем я буду работать... А как же я их выгоню, если станки ихние, барабан ихний, даже медь ихняя.

Коммунары сначала не очень ссорились с Соломоном Борисовичем, только смеялись много. Все же много внес Соломон Борисович нового в коммуны: всем нашлось место у станка, всех захватила наполненная материалом и фабрикатом работа, понравилось, что коммунары получают зарплату.

Отряды коммунаров: машинистов, сборщиков, формовщиков, токарей, никелировщиков, шлифовальщиков в две смены проходили рабочий день, вечером на собраниях осторожно говорили о недостатках и пустых местах, но на другой день бегом убегали в цеха и радостно ныряли в волны непривычных предметов и терминов: опока, су-порт, оправка, анод, катод, шкив, вагранка...

Еще в самый первый день, как только Соломон Борисович положил на мой стол никелированный кроватный угол, его спросили в совете командиров:

— А на Крым заработаем?

— А сколько вам нужно на Крым?

— Пять тысяч,— с трудом выдохнул кто-то...

— Так это же пустяки,— сказал Соломон Борисович.— Пять тысяч, разве это деньги?

Кто-то отвернул листик моего настольного календаря и сказал Соломону Борисовичу:

— Напишите, вот — первого июля: «Даю пять тысяч на Крым».

— Хе-хе... давайте и напишу...

— Нет, вы и распишитесь...

Коммунары долго собирались в Крым... Это было венцом нашего трудового года, это было непривычно восхитительно — всей коммуной в Крым. Ежедневно к моему столу на переменах и вечером подходили коммунары и перелистывали мой календарь, чтобы не прочесть, а полюбоваться надписью красным карандашом...

С трудом собрал Соломон Борисович пять тысяч... Это было первое наше достижение, достаточно нас восхитившее...

А теперь рабфак бросил наши ряды на неожиданно заблестевшие просторы. Кроватный угол, медно-литейный дым и мастера Соломона Борисовича шли рядом с нами на каком-то фланге, уже явно отставая от нашего движения.

4. Арифметическая поэзия

Осень тридцатого года мы начали бодро. Коммунарские дни звенели смехом, как и раньше, в коммуне все было привинчено, прилажено, все блестело и тоже смеялось. Подтянутые, умытые, причесанные коммунары, как и раньше, умели с мальчишеской грацией складывать из напряженных трудовых дней просторные, светлые и радостные пятидневки и месяцы. Напористые, удачливые и ловкие командиры вели наш коллектив к каким-то несомненным ценностям, а когда командиры сдавали, общее собрание коммунаров двумя ехидными репликами вливало в них новую энергию, энергию высокого качества.

Коммуна жила во дворце, не будем греха таить. Дворец блестел паркетом, зеркалами, высокими, пронизанными солнцем, комнатами, а наши лестничные клетки были похожи на «царство будущего» в «Синей птице» Художественного театра. Дворцом этим нам кололи глаза наробразовские диогены.

А вместе с тем мы были бедны, просто бедны, гораздо беднее даже Наробраза.

Здесь нужны цифры. Для того чтобы жить «по-человечески», нашей коммуне нужно было в месяц тратить шесть тысяч рублей, сотрудники ГПУ отчисляли из своего жалования на содержание коммуны до лета тридцатого года некоторую сумму. С появлением у нас текущего счета, с появлением зарплаты и прибылей коммунары поблагодарили чекистов за помощь и просили их прекратить дотации. Соломон Борисович, хотя и обещал нам богатство, но к осени 1930 года, кое-как выполнив свое обязательство относительно пяти тысяч на крымский поход, он в конец выдохся. Постройка всех его сооружений, запасы материалов и инструментов требовали много денег, а выпуск продукции его цехов был в то время еще невелик. Соломон Борисович производил операции, по гениальности неповторимые, могущие свергнуть в зависть даже Наполеона I. Именно в эту эпоху произошло нечто, напоминающее Ваграм, с Энным институтом. Но гениальные фланговые марши Соломона Борисовича только позволили ему держаться на производственном фронте, для коммуны же не приносили облегчения. Огромные авансы, полученные Соломоном Борисовичем в результате его

стратегии, все были вложены в дело, все обратились в основной и оборотный капитал. Двести тысяч рублей, однажды задержавшиеся на текущем счету, вдруг исчезли, как дым, в результате какой-то сложной операции. Уже к нашему горлу прикоснулись лезвия ножей нетерпеливых заказчиков, доверивших нам свои капиталы, а свободных денег у нас все еще не было.

Совет командиров, после многих дум и наморщенных лбов, после многократных упражнений в решении ребусов, в которых участвовали изодранные ботинки, недостаток белья, плохие шинели и даже слабоватый стол, нашел было основание приступить к Соломону Борисовичу с иском:

— Занимает швейная класс — платите, яблоки обрвали ваши рабочие, когда мы были в Крыму, — платите, подвал заняли под никелировочную — платите...

Соломон Борисович презрительно выпячивал губы и говорил:

— Скажите, пожалуйста, я им должен платить? Вы же хозяева, зачем я буду платить? Сделайте постановление, чтобы вам отдать всю кассу, и покупайте себе ботинки и шелковые чулки. А если остановится цех, тогда вы все закричите на общем собрании — куда смотрит Соломон Борисович. Потерпите немножко, будете иметь деньги, вот...

Соломон Борисович с трудом поднял руку выше головы, и это понравилось коммунарам. Командир первого отряда Волчок улыбнулся, глядя в окно на золотую осень, и сказал:

— Да это мы бузу затеяли шутя, какие там мы кассы будем брать. А вот плохо, что даже на нотную бумагу нет денег...

Волчок — командир оркестра и смотрит с музыкальной колокольни. Командир двенадцатого Конисевич более беспристрастен:

— Ничего страшного нет, терпеть нам не надо учиться, а нужно вот прибрать к рукам кое-кого из коммунаров. А то у нас есть такие, как Корниенко, так ему, гаду, ничего не нужно, а только чтобы пожрать.

В совете командиров насчитали несколько человек, страдающих излишней приверженностью к земным благам.

— Не только Корниенко, Корниенко это уже известно, это разве коммунар, грак, всегда был граком...

Граками в коммуне называют людей чрезвычайно сложного состава. Грак это человек прежде всего деревенский, не умеющий ни сказать, ни повернуться, грубый с товарищами и вообще первобытный. Но в понятие грака входило и начало личной жадности, зависти, чревоугодия, а, кроме того, грак еще и внешним образом не симпатичен: немного жирный, немного заспанный...

— Не только Корниенко, а возьмите Гарбузова. Дай ему три порции, сожрет и еще оглядывается, может, и четвертую дадут.

— Э, нет, Гарбузова не равняйте с Корниенко. Ну, что же, аппетит такой, за аппетит нельзя обвинять человека, зато он и на производстве другому не уступит...

Гарбузова обвиняли в других грехах. У этого человека шестнадцать лет была привычка брать кого-нибудь за плечи и пытаться повалить на землю. Сам он неловкий, тяжелый, с туповатым лицом мог рассчитывать только на свою силу, но обычно бывало, что сила его не могла устоять против ловкости коммунаров, и Гарбузов всегда заканчивал тем, что его ноги взлетали вверх и опускались на самые неподходящие места: стены, столы, стулья, шкафы. Поэтому спина Гарбузова всегда испачкана, костюм всегда в беспорядке, а окружающие его предметы всегда изломаны и побиты. На общих собраниях неизменно отмеченный в рапорте Гарбузов выходил на середину и безнадежным жестом старался вправить в штаны рубаху, а штаны кое-как зацепить за неловкую, негнущуюся лошадиную талию.

Гарбузова упрекали, но не жалея выражений и гнева:

— Когда, наконец, он сделается коммунаром? Ничего ему не жалко, где ни пройдет, все к черту летит. Его нужно в упаковке водить по коммуне.

— И упаковка не поможет... человек не понимает. Слова никакого не понимает... Что же тебе обязательно бубну нужно выбить, чтобы ты понял? После тебя нужно все ремонтировать и поправлять, а ведь знаешь, что у нас сейчас и копейки лишней нету. В командировку идешь, и то на трамвай нет десяти копеек.

Гарбузов тяжело поворачивается в сторону оратора и улыбается виновато красивыми карими глазами.

— Да что же вы пристали,— говорит он грубоватым, обиженно-беспризорным голосом.— Вот уже сказал... отремонтировать из-за меня... и без меня ремонтировали бы...

Ораторы махали на него руками. Но его в коммуне любили за хороший, покладистый характер, за прекрасную работу токаря, за замечательный аппетит. Это, конечно, не Корниенко.

Корниенко в своем роде единственный в коммуне. Бывали и еще ребята, способные изобразить страдающего, но до Корниенко им далеко.

Только он мог с настоящим вкусом на вопрос председателя:

— Какие еще есть вопросы у коммунаров? — солидно откашлявшись и открыто неприязненно повернувшись к начхозу, спросить:

— А когда нам будут давать новые ботинки?

Из каких-то детских домов он принес вот это самое третье лицо: «будут давать», вызывающее насмешку коммунаров.

— Видали беспризорного? Ему будут давать. Сколько человек?

— А шо же... А как по-вашему: подметок нет и верха нет, а спросишь Степана Акимовича, так у него один ответ: а ты заработал? Конечно, я заработал...

В зале шум улыбок и нетерпения. Всем нужно положить на обе лопатки этого грака.

— Ты еще что придумай! Тебе ничего не понятно? Может, просить пойдём на улицу? Или с производства возьмем? Потерпишь, не большой барин.

— А производство разве его? Какое ему дело до производства.

— Производство казенное...

— И коммуна казенная.

Сопин в таких случаях нарушает все законы демократии и общих собраний. Он сначала протягивает к Корниенко кулак, а потом и сам выходит, выходит почти на середину... Слов он не может найти от возмущения и презрения:

— Вот... вот... вот же... понимаешь, вот ей-ей я его сейчас отлуплю...

Зал заливается — Сопин вдвое меньше Корниенко. Смущенно улыбается и Сопин:

— Ну, чего смеетесь, а что ж тут делать?.. Вы ж понимаете...

Общий хохот покрывает его последние слова. Корниенко густо краснеет.

Общее собрание расходилось с хохотом и шутками. Сопина окружала толпа любителей. Многие любили смотреть, как он «парится».

Уходил с собрания и я с сложным чувством строго перед коммунарами и беспомощности перед их нуждой.

Дело, видите ли, в том, что коммунары уходили с собрания почти голодные. Сплошь и рядом у нас было так мало пищи, что даже самые неутомимые шутники и зубоскалы ту же затягивали пояса и старались больше налечь на работу.

— За работой не так есть хочется.

Наши обеды и ужины на-глаз были недостаточны для трудящегося человека, а если этот человек еще учится, да еще и растет, и на коньках катается, то совсем плохо. Только обилие в наших полях свежего воздуха, да запасы крымские кое-как поддерживали нас на поверхности. Но многие коммунары уже начинали бледнеть, худеть и уставать на производстве.

Это было время неприятное для педагога и еще неприятнее для заведующего коммуной. У нас по неделям не бывало ни копейки.

Служащим тоже задерживали жалование, и бывали дни, когда и одолжить рубль в коммуне было невозможно.

Капиталы Соломона Борисовича выражались не в рублях, а в кубометрах, тоннах и полуфабрикатах.

Однажды с большим трудом я раздобыл пятьдесят рублей, до зарезу нужных, чтобы завтра оплатить какой-то крайний счет. Возвратился я в коммуну из города и нарвался на неприятность. Временная фельдшерница встретила меня кислым сообщением:

— А у нас Коломийцев заболел...

Фельдшерница в панике показывала мне термометр.

— Сорок... понимаете...

Куда-то позвонили, через час приехал доктор, молодой и нерешительный. Он тоже заразился паникой:

— Надо немедленно отправить в больницу... Знаете,

сорок, это все-таки... Вы мне дайте мальчика какого-нибудь, пусть он со мной проедет в город, мы устроим место в больнице, а там вы как-нибудь его отправите...

— В больницу? А, может, подождать, знаете, в больнице уход...

— Нет, нет, я не могу отвечать...

Сергей Фролов поехал с доктором в город на его извозчике, а перед отъездом я заплатил этому извозчику шесть рублей, и Вася Камардинов, возвращаясь со мной к парадному входу, улыбаясь и грустно глядя на меня, сказал:

— Вот еще, болеть начинают... Шесть рублей, это деньги... А отчего вы не поторговались?

За всякой работой у себя в кабинете я уже было успокоился, а тут же в кабинете Ленька Алексюк смотрит в окно на дорогу и подымается вдруг на цыпочки:

— О, кто-то едет на машине!..

Кто же может ездить на машине в коммуну? Гости или начальство. Но Ленька кричит удивленно:

— О, смотри, Сережка приехал... на такси приехал...

Смотрю и я в окошко, действительно, Сергей Фролов дает какие-то распоряжения шоферу. Я сразу догадался — Фролов такси нанял, наверное, доктор дал хороший совет.

Сережка вошел в кабинет румяный, довольный...

— Место есть, я привел такси, доктор говорит, не дорого и спокойно... А я думал, что на нашей линейке плохо...

— Ну что ж? Иди к фельдшерице... Такси... Если так будем болеть, то и жрать скоро нечего будет...

Сережка серьезно сказал:

— Есть.

И удалился.

Через три минуты в рамке той же двери стоит бело-брысая веснушчатая фельдшерица и улыбается радостно:

— А знаете, больной выздоровел...

— Как выздоровел? А температура?

— Температура сейчас почти нормальная...

— А чтоб вас!..

Перепуганная фельдшерица уселась на стул и рот открыла от оскорбления. Я даже воротник рубашки расстегнул от обиды.

— Ну, все равно, везите в больницу.

Фельдшерица в недоумении раскрыла глаза и смотрит на меня, как на удава, оторваться не может.

— Так он же здоров...

Каюсь, я потерял всякое уважение к женщине, закричал на нее, загремел стулом:

— Наплевать! Здоров! Все равно везите, черт вас там разберет, здоров или болен. Сейчас у него нормальная, а через час опять температура... Что у меня наркомфин? Такси будет для вашего удовольствия писать мне счета?

Фельдшерица больше не сидит на стуле и не торчит в рамке двери, она исчезла.

Вышел я на крыльцо. Стоит такси, и ребята с восторгом наблюдают, как «цокают» пяточки за простой машины.

— Ступай, скажи там, чтоб не копались.

Вышел Коломийцев Алешка, веселый и аккуратный. Веселый потому, что такое приятное событие: на такси поедет... Залезла фельдшерица в такси, а за ней юркнул и Алешка и заулыбался в окно:

Я достал из кармана деньги:

— Сколько?

Заплатил двенадцать рублей. Алешка возвратился из города пешком.

5. Дело при Ваграме и другие дела

Производство Соломона Борисовича было фоном не в переносном смысле, а настоящим физическим фоном. Наш прекрасный дом-дворец глядел на поле, чистенькое, просторное поле. За полем был Харьков. Таким образом, выходило, что публика рассматривает нас из Харькова прямо в упор, и ясно, что на первом плане для нее рисовался наш фасад со всеми коммунарами. В представлении этой публики фон должен помещаться на втором плане. Так оно и было. Второй план — это производство Соломона Борисовича, на фоне которого и было все нарисовано. Был еще и третий план. Но поскольку это был обыкновенный молодой лес, следовательно, явление природное, то нам до него никакого дела нет.

Дом наш двухэтажный, серый, изящный и вполне

современный. Он покрыт терезитовой штукатуркой и на солнце поблескивает искорками. Крыша на доме красной черепицы. Над фронтоном сетчатая большая вывеска, на ней написано золотыми буквами:

«Детская трудовая коммуна имени Ф. Э. Дзержинского».

Перед домом — широкие цветники и упомянутое выше поле. Слева от дома фруктовый сад с дорожками, усыпанными песком, а посреди сада небольшая деревянная эстрада для оркестра. Еще дальше влево площадка для лагерей, а еще дальше пустая природа — поле и заворачивающий в обход нашего правого фланга лес, отрезающий нас от белгородского шоссе на Харьков.

Дайте вашу руку, любезный читатель, и проникнем в промежуток между нашим дворцом и кирпичным домом Соломона Борисовича. Пройдем этот промежуток и остановимся. Вы поражены, вы восхищены, вы подавлены. Это потому, что вы увидели производство Соломона Борисовича во всем его великолепии.

Картина, прежде всего, неимоверно сложная. Коммунарка Брыженко, прибывшая к нам из Кобеляк, стоя на этом самом наблюдательном посту, долго разглядывала пораженными серыми глазами эту картину и, наконец, кончила тем, что не нашла ни русского, ни украинского слова для выражения. Она произнесла слово неизвестного нам языка:

— Чортишо!

В производстве Соломона Борисовича не было ни одного кирпичного мазка — все было писано деревянными красками — никаких других красок, например, акварельных или масляных, здесь не было: Соломон Борисович всегда считал, что расход на разные покраски это:

— Фигели-мигели.

Деревянные краски были когда-то свежими, отливающими золотистыми улыбками только что оструганной, еще сыроватой, еще пахнувшей смолой сосны. Потом они подчинились законам времени, и производство Соломона Борисовича приобрело тона, не встречающиеся в природе, тона, не имеющие никакого отношения к солнечному спектру — не то серые, не то черновато-серые, не то желтовато-серые.

Только построенный в последнюю эпоху сборный цех,

о котором уже упоминалось не раз, был франтоватее и улыбочтее — это была пора его молодости, впрочем, рано увядшей.

Сборный цех — это тоже один из героев нашего повествования. Даже и сейчас, когда мы заканчиваем наш замечательный штурм, он еще стоит на месте, и даже ночью мы о нем не забываем. Только к двадцать пятой главе мы надеемся его разрушить, если его не угораздит сгореть раньше времени.

В предыдущей главе мы упомянули о Ваграме Соломона Борисовича. Не помню, Наполеон I после Ваграма взял с врагов контрибуцию? Соломон Борисович контрибуцию взял и не мог не взять, ибо без контрибуции для Соломона Борисовича не было никакого смысла в Ваграме. Наполеон был такой человек, что мог удовлетвориться и славой, а для Соломона Борисовича слава — это тоже:

— Фигели-мигели.

Сборный цех, это и есть контрибуция после Ваграма.

Соломон Борисович, как и Наполеон, стоял посреди поля, пустого нашего двора, на котором ничего не было выстроено, иначе говоря, не было основного капитала. У правления не было денег, ни основных, ни оборотных. Единственным выходом для Соломона Борисовича было вести агрессивную политику. Первой жертвой он избрал Энный институт.

Читатель, не выносящий кровавых картин, обязательно запротестует, как можно было жить с таким человеком, как можно было допустить повторение наполеоновских ужасов?

Ничего нельзя было поделывать, история — она катится по своим рельсам, и никакие силы не могли предотвратить поражения Энного института. А кроме того, как и у Наполеона, дело начиналось с дипломатических трюков, и никто не мог предсказать, что оно придет к кровавой развязке. Разница была только в том, что у Наполеона был Талейран, а Соломон Борисович был в единственном лице. Немного виноваты, конечно, и мы: Соломон Борисович, наряженный в дипломатический фрак, не давал никаких оснований для беспокойства, а мы непростительно выпустили из виду, что всякая кровавая история непременно начинается с фрака.

События эти происходили еще до нашего похода в Крым. Находясь без денег и капиталов, Соломон Борисович наткнулся на Энный институт, у которого были деньги, но не было аудиторной мебели. Первой нотой Соломона Борисовича было предложение изготовить мебель для Энного института. Основанием для избрания именно этой жертвы послужило то обстоятельство, что у Энного института не было еще и зданий, и мебель не было куда складывать. Поэтому институт искал такую организацию, которая обладала бы складами. Такой организацией оказался Соломон Борисович, хотя у него не только складов, но и мастерских не было. Во второй ноте ничего не было написано, потому что она была произнесена хриплым голосом Соломона Борисовича, а по содержанию была невинна, как работник соцвоса с десятилетним стажем:

— Вы нам дайте сто пятьдесят тысяч аванса, а мы построим складочные помещения и сложим туда вашу мебель.

Энный институт накинулся на наживку и потребовал только, чтобы в договоре было написано: «Для постройки складочных помещений Энный институт выдает коммуне аванс в счет уплаты за мебель сто пятьдесят тысяч рублей». Соломон Борисович на эти деньги накупил материалов — дубовый лес, инструменты, кое-какие станки, наконец, выстроил сборный цех.

Забегим немного вперед: потом, уже в тридцать первом году, когда мебель для Энного института была сделана коммунарами, Соломон Борисович послал третью ноту, написанную на бумаге и совершенно недвусмысленную:

«Благоволите немедленно получить вашу мебель, так как складывать в коммуне негде, а за порчу мебели коммуна на себя ответственность не принимает. Если мебель не будет вывезена, мы продадим ее другой организации».

Противник выстрелил из всей своей артиллерии:

«...по договору вам была передана сумма на постройку складочных помещений, следовательно, вы обязаны хранить мебель на своих складах...»

Но что артиллерия? У австрийцев при Ваграме тоже была артиллерия.

Соломон Борисович обошел противника с тыла:

— Скажите, пожалуйста,— договоры, разговоры, строительный институт называется, а не понимает, что написано, а чего не написано... Написано, что вы даёте деньги на постройку складочных помещений, а разве написано где-нибудь, что коммуна обязывается строить какие-то там склады? Что такое коммуна? Вы думаете, что это место для сараев Энного института? Так вы ошибаетесь. Это образцовое воспитательное учреждение, и как я мог строить какие-то сараи, чтобы они сгорели, а я за них буду отвечать...

Мебель была продана «другим организациям». Второй комплект такой же мебели тоже «другим организациям», третий — тоже. Соломон Борисович оборудовал мебелью все ВТУЗы Харькова, и Тракторный завод, и Наркомздрав, и Институт рационализации...

Энный институт отступил в полном беспорядке, бросив артиллерию. Соломон Борисович въехал в оборотный капитал, увенчанный славой победителя, а маршалы его преследовали деморализованного противника: маршал Лейтес, агент по снабжению и поручениям, предъявил Энному институту счет:

«За хранение мебели в течение года следует получить ... рублей».

Только в конце 1931 г. Энный институт получил свою мебель и уплатил за хранение ее, сколько полагается. При заключении мирного договора дипломаты этого института спросили:

— Так как же вы получаете за хранение, если у вас негде было хранить и даже сараев не было?

Но дипломатам ответили уже без всякой дипломатии:

— Ваше дело получить мебель и уплатить за хранение, а сарай это наше дело, может быть, я ее в кармане хранил...

Так окончилась эта победоносная война, принеся Соломону Борисовичу славу и богатство. И самое главное, был выстроен сборный цех... Строился он во время нашего крымского похода, а крымский поход продолжался ровно месяц.

Сборный цех был длиной больше шестидесяти метров и в ширину не меньше двадцати. Стены его были сделаны из горбылей и засыпаны внутри стружками. Двери были сделаны из дикта и скреплены обрезками деревообделоч-

ного производства. Крыша была покрыта толем. Пол был из хорошо выструганных обрезков разного сорта, но не в этом было его главное очарование. Этот пол имел чрезвычайно важное достоинство — его нельзя было обвинить в беспочвенности. А так как почва в коммуне довольно круто спускается к оврагу, то и пол в сборном цехе спускается в том же направлении.

Соломон Борисович не признавал никаких архитектурных тонкостей и считал всегда, что эстетика в производственном деле вещь совершенно излишняя. Поэтому весь сборный цех и имел разницу в высоте над уровнем моря в своих концах на несколько метров. Пусть читатель, впрочем, не думает, что это наклонное состояние сборного цеха угрожало жизни коммунаров. Небольшая опасность заключалась в том, что деталь, сорвавшись с верстака, могла покатиться вниз к оврагу, и за ней придется гоняться. Но Соломон Борисович доказывал, что это предположение просто не диалектично. Ведь сборный цех назначен для работы, а не для пустых прогулок. Поэтому в сборном цехе всегда будет находиться материал и отдельные части мебели, и готовая мебель, и, наконец, верстаки и коммунары, вообще много таких вещей, за которые упавшая деталь должна будет зацепиться. И он оказался глубоко прав. Упавшая деталь не только никуда не катилась и не катится, но вообще ей продвинуться довольно трудно в цехе. Да что делать? Человеку и тому пройти из конца в конец почти невозможно из-за множества предметов, расположившихся на пути.

Коммунары и приезжие посетители-производственники много насмеялись над Соломоном Борисовичем по случаю разных уровней сборного цеха. Соломон Борисович даже иногда сердился и говорил:

— Нужно делать мебель? Аудиторные столы, чертежные столы? Так вам нужно устраивать тут какой-то бильярд, чтобы никто никуда не покатился? Что это за такие разговоры? Мы делаем серьезное дело или мы игрушками играемся? Вам нужны каменные цехи, а деньги у вас есть? Что у вас есть? Может, у вас кирпич есть, или железо, а может, есть наряды на материалы? Так отчего вы не вынимаете их из кармана? Ага! У вас только язык есть? На языке будем собирать мебель? Какие все умные, когда мешают другому работать!..

Печей в цехе не было. Так как коммунары в отпуске были в июле, то и сборный цех строился в июле. Приехали коммунары из отпуска в августе. Кому придет в голову в августе топить? В сборном цехе без отопления можно работать до ноября месяца. Если печи в сборном цехе поставить в июле, то неопытному человеку покажется, что это хорошо. А на самом деле это значит иметь мертвый капитал полторы тысячи рублей в течение четырех-пяти месяцев, ибо печи топиться не будут, никакой пользы от них не будет, а капитал вложи. Соломон Борисович не ставил печей до тех пор, пока коммунары не заговорили на общих собраниях, что в такой температуре работать нельзя. Соломон Борисович попробовал возразить:

— Конечно, когда ты не работаешь, а смотришь на термометр, то тебе холодно. А человеку, который работает, никогда не бывает холодно...

И против воли Соломона Борисовича мы решили поставить несколько утермарковок, оградить их специальными решетками и установить возле них суточное дежурство. Соломон Борисович волосы на себе рвал, но когда печи были поставлены, он даже был доволен — утермарковки были широкие и основательные, и Соломон Борисович использовал эти качества: он прислонял к печам доски, дощечки, царги и прочее добро и таким образом высушивал их вместо того, чтобы топить дорогостоящую сушилку.

Но сборный цех представлял только главную часть картины, кроме него на всем пространстве, расположенном перед зрителем, находилось много других построек. Большинство их было пристроено к сборному цеху с разных сторон. Сначала пристраивалось одно помещение, к нему другое, ко второму третье. Соломон Борисович это делал для того, чтобы не тратить лишних денег на четвертые стены — это давало двадцать пять процентов экономии. По вполне понятным конструктивным законам, каждое новое строение воздвигалось немножко ниже ростом, чем материнское. От этого все сооружения здесь располагались, как ягоды в гроздьях винограда, все уменьшаясь и уменьшаясь. Были здания, выстроенные отдельно от сборного цеха, но у них также были дети и внуки и даже правнуки.

По совести говоря, не могу сказать на память, для

чего предназначено то или другое сооружение. Был там машинный цех, было помещение для полуфабрикатов, было для готовой мебели, было для обрезков годных, для обрезков негодных, конюшня, какой-то сарай, еще какой-то сарайчик. Была даже кузница. В настоящее время многие из строений разрушены частью от ветров и бурь, частью по причине природной слабости, так как каждый лишний гвоздь представлялся Соломону Борисовичу мертвым капиталом.

Мы не имеем намерения преувеличивать заслуги Соломона Борисовича. Часть построек была произведена в порядке личной инициативы его мастерами, привезенными из Киева. Они жили в старых хатенках, оставшихся еще от помещика, но никаких помещений для дров и своего хозяйства не имели. Они по примеру своего вождя избегали расходов на четвертую стену, прилеплялись то с той, то с другой стороны к комбинату Соломона Борисовича, украшая его и придавая ему еще более живописный вид.

В эти постройки нам и вовсе не пришлось заглядывать, кажется, самым последним из них расположилась собачья будка.

Все пространство двора между разными постройками было всегда завалено... Завалено массой, состоящей из очень многих элементов: старых досок, новых досок, стружек, опилок, обрезков, чернозема и глины, рогож, тряпок, ящиков, соломы... попадались и банки от консервов и некоторые другие предметы, не имеющие непосредственного отношения к производству. В значительной мере и в помещениях находилась эта масса, изобретение которой не известно ни автору, ни Соломону Борисовичу, который в совете командиров об этом говорил так:

— Ах, что за народ... вы же знаете, какой народ...

Приблизительно мы нарисовали картину, хронологически следующую за возвращением коммунаров из Крыма и за открытием рабфака. События начали разворачиваться как раз в это время.

Толчки для событий были разнообразные. Первые колебания почвы были произведены пожарным инспектором, но они не произвели заметного действия — правда, кузница была выведена из общего производственного фронта и перенесена на площадку впереди кирпичного

дома и, значит, впереди всей нашей фасадной линии. Одновременно с этим Соломон Борисович начал что-то пристраивать деревянное и впереди самого красного дома по тому же принципу: долой четвертую стену. Скоро и к кузнице была прилеплена какая-то халабудка. Коммунары это отметили как весьма симптоматическое знамение.

6. В пучине педагогики

Сложное производство Соломона Борисовича отвлекло нас от проблем педагогических. А ребячий коллектив — это прежде всего коллектив, который воспитуется. Следовательно, мы обязаны рассказать, как у нас организуется педагогический процесс, и какое место занимают в нем элементы социальные и биологические. Осенью тридцатого года наш коллектив подвергся очень сложным влияниям, которые определили и его поведение в целом и поведение отдельных коммунаров.

Мы были дружны, здоровы, дисциплинированы..., но у нас были и недостатки, и несимпатичные характеры, и жили среди нас маленькие дикари, воображающие, что они одиноки и что они враги нашей культуры. Кое-кто топорщился против железных обручей коллектива, но у коллектива не было сомнений — через полгода он перестанет топорщиться и сам при случае сильной рукой придет на помощь этим обручам.

Были у нас и биологические элементы. У наших правозверных соцвосников вошло в моду недавно смешивать биологические элементы с ведьмами и водяными и доказывать, что этой нечисти просто не существует.

Биологические элементы существуют: мы, например, серьезно подозреваем, что у Болотова не все благополучно с биологией.

Болотов — первый коммунар. Еще не было закончено наше здание в 1927 г., а он уже сидел в соседнем совхозе и поджидал нашего открытия, привезенный откуда-то с курорта председателем нашего правления, которому понравился своей беспризорной выдержанностью. Болотову тогда было двенадцать лет, а теперь шестнадцать. С той поры много коммунаров пришло в коммуны, порядочно и вышло. Каждый принес с собой не только вшей и от-

репья. У каждого было много и привычек, и рефлексов, довольно непривлекательных, умели ребята и похулиганить и «стырить», если что плохо лежит, умели щегольнуть анархистской логикой по привычной формуле:

— А что ты мне сделаешь?..

Но почти не бывало, чтобы через три-четыре месяца пацан не признал могучего авторитета коллектива и не покорился ему открыто и бесповоротно. Оставались привычки, но не было у них корней, и с ними он первый начинал борьбу.

Один Болотов, каким пришел, таким и посейчас выпирается в коллективе, беспокоит его то в том, то в другом месте и всегда стоит как тема в коммуне.

Болотов никогда не крал и не способен украсть, ему как-то это и в голову не приходит, но он пакостник, всегда упорный, терпеливый и изобретательный. В коммуне ему живется хорошо, и он это знает и никогда не уйдет из коммуны, если его не выгонят, но он всегда враждебен коммуне, всегда стоит на дороге. Его не увлекают ни штурмы, ни марши, ни развлечения, он никого не любит, и нет у него товарищей, но он ко всякому лезет с улыбками и усмешками, а где можно, в каком-нибудь темном углу, то и с кулаками. Ущипнуть, толкнуть, испортить пищу, написать скабресную записку девочке, сочинить и пустить самую мерзкую сплетню — на все это он великий мастер. За четыре года он единственный занялся надписями в уборной, единственный раз и сразу же попался. Он угрюм, хоть и улыбается, умен и развит, много читает и много разговаривает с учителями, но ни к чему у него нет искреннего интереса, ко всему он подходит с каким-то гаденьким планом, мелким и легкомысленным.

Он давно привык подрабатывать на ханжестве и выражении преданности и даже теперь, когда его все знают и никто ему не верит, он старается понравиться старшим.

Четыре года сварившийся в стальную пружину коллектив дзержинцев бил по этому характеру и... безнадежно. Алеша Землянский, один из замечательных людей, отважный, прямой, честный и всегда просто и искренно пылающий каким-то ароматнейшим человеческим благородством, умеющий видеть насквозь каждого нового пацана, на совете командиров один раз сказал:

— Дайте мне Болотова. Я с ним повоюю.

Сколько было целых отрядов, развалившихся, склочных и неверных, которые отдавались Алеше в работу, которые принимали его несмотря на это с восторгом, всегда эти отряды через месяц уже были впереди и гордились своим командиром. Сколько было пацанов, малость свернувшихся с коммунарской дороги, и Алеша незаметно для глаза творил с ними чудеса. А с Болотовым ничего не вышло ¹...

В какой-то мере личность свободна в проявлении своих биологических особенностей, в какой-то не свободна. Там, где биологические аппетиты идут против линии коллектива, там начинается борьба. Плохо это или хорошо, но это должно делаться даже бессознательно — коллектив отталкивает всякое поведение, социально неценное.

Нам поэтому нет никакого дела до Болотовских биологических предрасположений, мы не будем с ним считаться и равняться по ним. Болотов отбрасывается коллективом в каждом моменте, где он является вредителем. Мы ничего не изменим в его биологической структуре, но мы сообщим этой структуре привычку встречать сопротивление в определенных местах. Если эта привычка не достигнет достаточно крепкого выражения, Болотов погибнет в взрослом состоянии — ничего не поделаешь. Но наш путь единственный — упражнение в поведении, и наш коллектив — гимнастический зал для такой гимнастики. Биологические элементы, даже самые несимпатичные, в течение целого дня тренируются, и Болотов вместе со всеми.

При этом мы не склонны придавать так называемому сознанию какое-то особенное, превалирующее значение. Самое упорное натаскивание человека на похвальных мыслях и знаниях — пустое занятие, в лучшем случае получится ханжа или граммофон.

По нашему глубокому убеждению, широко принятое у нас словесное воспитание, т. е. бесконечное разглагольствование о разных хороших вещах, без сопровождающей гимнастики поведения — есть самое преступное вредительство. Сознание, не построенное на опыте, на деле прежде всего слабосильно, во-вторых, одиноко, не спо-

¹ Авторский текст повести «ФД-1» сохранился не полностью. См. комментарии и примечания (стр. 474—480).

собно творить никакую практику — это то, что для нашего общества наиболее опасно.

Поэтому мы не будем придираться к Болотовскому сознанию до тех пор, пока не организуем его опыт.

Как никакое сознание о необходимости чистоты не принесет пользы, если не создана привычка к чистоте и умение ее поддерживать, так невозможно никакое сознание о дисциплине, если не было никогда самой дисциплины.

Приведенное длинное рассуждение имело целью подготовить читателя к восприятию истории нашего коллектива в 1931 г.

Обстановка, в которую иногда попадал наш коллектив, приводила сплошь и рядом к несудобным и даже тяжелым условиям, и тогда биологические элементы становились сильнее, а сила коллектива теряла свою общепризнанную мощь, останавливающую вредные движения в самом их начале.

Таким тяжелым временем оказалась для нас осень 1930 г. Необходимо было пристальное внимание, чтобы заметить, что у нас не все ладно. Мы возвратились из Крыма с бодрым настроением, поздоровевшие и отдохнувшие. Внешним образом в коллективе было все благополучно, как всегда вставали в шесть часов, убирали коммуну, завтракали и расходились к работе в школу и цехи. В пять часов вечера заканчивали рабочий день и набрасывались на новую работу: политическую, клубную, книжную... Было мало событий, мало потрясений, такие, как Болотов, переваривались, так сказать, в порядке плана и никого не удивляли.

Но уже в это время явно ощущались какие-то неправильности в нашем кровообращении. Рабфак, такой новый и такой увлекательный, еще не сделался привычным, многие коммунары еще не приспособились к положению студентов. Производство Соломона Борисовича, наполненное стандартным трудом с массой материала, тоже, как будто, увлекало коммунаров, это была непривычно дельная разрядка энергии, но у многих коммунаров она переживалась как погоня за заработком. Коммунары отмечали появление так называемых хищников, которые приходили в цех за полчаса до сигнала на работу и угрюмо начинали отбрасывать с верстака деталь за деталью, однообразно,

механически, упорно, совершенно не интересуясь, что за деталь, какого она выходит качества и что рядом делает товарищ.

Жизнь коммуны катилась, как совершенно налаженный механизм, без хрипов и перебоев, но где-то в воздухе ощущались признаки приближающейся непривычной слабости. Коммунары доверчиво и приветливо встречали меня утром и прощались вечером, но днем и после работы меня все время подмывало узнать, а что делает Петька Романов или Гришка Соколов, а какое самочувствие у Фомичева? Оказывалось, что Петька с Гришкой сидят на крыше, приделывая антенну. Этих антенн в виде разнообразной величины палок, палочек и даже прутиков на крыше стояло видимо-невидимо. К зиме завхоз насчитал их до семидесяти. Они придавали нашей крыше оригинальный вид какого-то странного огорода. В каждой спальне было несколько радиоаппаратов, у многих были дорогие двухламповые, трехламповые.

Петька Романов к этому времени подрос и стал смелее, выявляя черты будущего боевого работника, но иногда с ним случались истории, приводящие его попрежнему на середину в общем собрании. Поводом к этому было большею частью вмешательство в личную жизнь того или другого коммунара, выраженное при помощи кулаков или подножки. Петька был драчун по природе — только его двенадцать лет спасали нас от серьезных драм.

Фомичев — теперь уже студент второго курса рабфака, далеко ушел вперед и начал заметно для всех играть в коллективе роль вождя. Только привычка спать до «без четверти поверка» у него осталась, да в оркестре его дела были очень плохи. Коммунары про него говорили:

— Был два раза в оркестре и оба раза ушел только по усиленным просьбам Левшакова (капельмейстера).

Итак, и с Фомичевым все было благополучно, в оркестре его заменил Стреляный, приведший Левшакова в восторг несравненными баритонными способностями.

С кем же было неблагополучно?

Как будто все хорошо. Все работали, все умели дышать, и каждый чем-нибудь развлекался, — почти у всех были билеты Авдодора, и все мечтали о грандиозных вынгрышах, во всяком случае, не меньше мотоцикла.

В кружке природников тоже теплилась жизнь. В то

время он имел у нас рыбоводческий уклон, тон задавал Гуляев. Гуляев почти не покидал помещения кружка. Сопин объяснял так:

— Бойтся расстаться с африканским циклозоном, чтобы кто-нибудь не съел циклозона...

Я, наконец, понял, что мне не нравится. Это было явно обозначившееся стремление к личной игре, к обособлению и копанию в своем уголке. Каждый это делал с веселой рожей, что-то напевая, с прекрасным настроением. Не было никакой угрюмости, никакой враждебности к товарищу, но это было все же превалирование личной жизни. Радиозайцы располагались по своим уголкам и наслаждались какими-то звуками, Гуляев по целым часам наблюдал африканского циклозона, в изокружке каждый копался над своей моделью, ничем не связанной с моделями других. В бибкружке просто «кохались в книжці», зачитывались до одурения и ходили сонные, обращаясь в объекты физкультурных упражнений даже девочек. Миша Борисов, человек серьезный, с лицом средневекового философа, назначенный советом командиров заведывать лыжами и коньками, устроил на верхней площадке черной лестницы отдельное жилище и три раза строил печку, регулярно разрушаемую по постановлению совета командиров.

После чая в пять часов все вдруг куда-то исчезали и проваливались по своим делам, даже таким хорошим, как пригоствление уроков. На общее собрание сходились немного неохотно, и по всему было видно — во время собрания мечтали тоже о циклозонах, мотоциклах, пятиламповых приемниках.

Первого октября были перевыборы совета командиров. Результаты показались мне симптоматичными. Старый совет, комплект энергичных, бодрых и ехидных коммунаров, прошедших крымский поход и открытие рабфака, ушел почти целиком. На его место пришла новая группа, состоявшая большей частью из так называемых интеллигентов — людей преданных книге и литературному и драматическому кружкам. Старики командиры откровенно предоставили командные места представителям демократического принципа. В совет командиров вошли: Шура Агеев, единственный коммунар в очках, Гарри Ллойд, в самом деле похожий на этого артиста, председа-

тель литкружка и поэт, Ваня Григорьев — первый любовник, на самом деле отнюдь не склонный к донжуанству, человек в свои шестнадцать лет вложивший уже какую-то житейскую мудрость, немного вялый, но всегда приветливый и вежливый. Стреляный — человек, играющий на баритоне и кроме баритона пока что не признающий иных ценностей.

Шмигалева — страстный и неудачный футболист, всей своей недлинной жизнью доказавший страшный вред физкультуры, ибо всегда ходил с какой-нибудь перевязкой — то на голове, то на руке, то на ноге. Борисов Миша, о котором уже говорилось по поводу печей...

Каплуновский — единственный коммунар, употреблявший тогда бритву, будущий инженер, добросовестный и точный, преданный науке и книжке. Вехова Женя — самая горластая девочка в коммуне, но употребляющая свой голос исключительно в борьбе с преобладающим влиянием хлопцев. Миша Долинный — самый сильный, самый добрый и самый покладистый коммунар, тип славянского богатыря в мирное время.

Увенчивал эту группу секретарь совета командиров Дорошенко, при выборах которого всем было ясно, что выбирают его специально для того, чтобы было спокойно. Вася Дорошенко прекрасный формовщик, но не ему было суждено формовать коммуну им. Дзержинского.

Всякое явление он сопровождал несколько запоздалым вздохом удивления — как это так вышло, что оно случилось! Провалы в дисциплине вызывали у Васи пассивное страдание и тоже удивление:

— Ну, смотри ты!.. Ну, кто ж мог такое думать?..

Демократический состав совета командиров позволил зато восстановить пацанью власть в их отрядах. Никому не пришло в голову проследить за соблюдением старой конвенции, по которой у пацанов командиры были старшие. Неожиданно в одиннадцатом и двенадцатом отрядах оказались на командирских постах Филька и Васька Бородков — сторонники пацаньей автономии. Это были люди убежденные и сильные волей, доктрина пацаньей свободы была ими давно закреплена в борьбе, хотя и полной поражений, но славной. Эпоха Дорошенко поэтому сделалась эпохой вольности пацанов, не верящих ни в сон, ни в чох и в глубине души не признающих никаких авто-

ратетов. Изодранные костюмы, испачканные физиономии, поломанная мебель, всякие проявления анархизма сразу омрачили наши дни, и дежурства по коммуне сделались чрезвычайно хлопотливым делом.

Только пятерка дежурных по коммуне сохранила волю и не бросала коммунарский руль. Между ними выделялся Воленко, выдвинувшийся еще до похода на первое место и открыто сейчас перехвативший власть у слабого и вялого секретаря совета командиров.

7. Часы и дни

Воленко в коммуне выдвинулся неожиданно быстро. В двадцать девятом году он был прислан к нам из коллектора в очередном пополнении и пришел к нам «пацаном», но и среди этого легкомысленного и радостного племени он сразу выделился своей серьезностью и сдержанностью. На наших глазах он стал быстро расти.

Такие случаи у нас бывают часто. Смотришь на такого — совсем ребенка, нельзя дать больше одиннадцати лет, а через два года это уже юноша шестнадцати-семнадцати лет. Коммунары метрики с собою не приносят, не приносят и других документов, вообще к ЗАГСу не имеют никакого отношения. Через месяц после прихода в коммуну они часто меняют фамилию, это у нас делается тоже без ЗАГСа, совет командиров достаточно для этого авторитетен, а самое дело тоже совершенно ясное:

— Моя настоящая фамилия не Баранов, а Лазарев — па «воле» переменял...

И совет командиров в приказе по коммуне объявляет: считать Баранова Лазаревым.

«Воля» дается пацанам не легко: она подменяет у них не только фамилии: румянец юности, блестящие глаза, выражение спокойной человеческой мысли, искренняя и прелестная игра детского лица — все это тоже подменяется изможденной маской запущенного и озлобленного звереныша. Внешний вид беспризорного, приходящего в коммуну, очень плох, неприятны и непривычны для культурного глаза и его социальные ухватки. Но и то и другое, как легкая корочка, очень быстро отмывается в здоровом коллективе. Иногда такого «изверга» нужно только

постричь, искупать и переодеть для того, чтобы от корки не осталось никаких воспоминаний, и перед вами оказался прелестный ребенок.

Два-три месяца хорошего питания, и уже блестят глаза, и играет румянец.

И жизнь на улице и предшествующая неудачная семейная биография очень отражаются на росте. Поэтому приходящие в коммуну пополнения почти всегда малорослы. И так же точно, как оживляется остальное, оживает и рост. Не успеешь оглянуться, уже пацана нужно переводить в строю из четвертого взвода в третий, а через год он украшает уже первую шеренгу.

Воленко был один из таких восстановленных коммуной юношей. Вытягиваясь вверх физически, он также быстро восстанавливался и социально. Уже зимой тридцатого года он составлял одно из самых главных звеньев коммунарского самоуправления. Ему в это время было не больше шестнадцати лет, и по возрасту он кое-кому уступал, но выгодно выделялся из всего коллектива своей серьезностью. Умное и деловое выражение его лица замечательно выгодно подчеркивалось тем, что он был красив, строен и вежлив. Его черные локоны были всегда коротко подстрижены, он всегда причесан, подтянут, вычищен и собран. И так как он был лучшим токарем в коммуне, так как он всегда активно высказывался на производственных совещаниях, никто не ставил ему в вину внешнюю вылощенность и несколько подчеркнутую интеллигентность его вида. Он и в цехе в спецовке мог быть образцом аккуратности и прилаженности. В этом отношении ему очень многие подражали, а в качестве дежурного по коммуне он и в порядке официального нажима добивался подражания.

По отношению к коллективу коммунаров он вел несколько двойную игру: с одной стороны, он был требователен и настойчив, с другой,— всегда выступал против слишком суровых взысканий, накладываемых общим собранием, и был присяжным защитником наиболее разболтанных и недисциплинированных коммунаров. Это создавало ему большую популярность среди отсталых элементов в коммуне и несколько настраивало против него весь коммунарский актив. Старшие коммунары немного недолюбливали Воленко за его гордый вид и излишнюю

вежливость, истолковывая эти качества как напускную таинственность.

Что-то тайное действительно носил с собою Воленко по коммуне. Был он когда-то смертельно оскорблен, не мог забыть этого оскорбления, был поэтому недоверчив и сдержан. Мы знали, что в Ташкенте живет его мать, от которой он иногда получал письма, но он ни с кем не делился никакими воспоминаниями. Какая история выбила его из материнских объятий, никто в коммуне не знал.

Непонятым было и его отношение к комсомолу. Он бывал на всех комсомольских собраниях, часто брал слово и высказывался, как всегда, очень серьезно и дельно, всегда блистал знанием коммунарских традиций и коммунарских законов и всегда был по обыкновению прав, но не вступал в комсомол и не подавал никакой надежды на вступление.

Комсомольцы проводили его регулярно в органы самоуправления и поручали ему самые ответственные посты в коммуне, но в общем держались по отношению к нему с некоторым предубеждением.

Осенью тридцатого года Воленко один из немногих вел открытую и настойчивую политику сбережения коллектива. Он упрекал коммунаров на общих собраниях в обособлении, преследовал пацанов за всякие проказы, работал в клубном совете и много делал в развитии кружковой работы. Он сознательно делал большое и полезное дело, в ценности которого у него сомнений как будто не было. С открытием рабфака он попал на второй курс и шел в нем одним из первых.

И как раз на Воленко упали первые удары судьбы, вздумавшей бить по коммуне им. Дзержинского. О, нет, мы не верим ни в какую судьбу. Но слово такое удобное, оно прекрасно итожит невидимые и непонятные с первого взгляда предрасположения.

В жизни нашего коллектива в то время были неизбежны заболевания, но об этом можно с уверенностью говорить только теперь, а тогда немногим из нас было понятно, что мы не совсем здоровы.

. . . . .

8. Чудеса техники

Коммунары смотрели на Соломона Борисовича, как на музейный экспонат, и спрашивали:

— А как делают хорошие хозяева?

Во время таких мирных разговоров Соломон Борисович умел иногда отбросить брюзжащий тон скупого и обиженного человека и делался мудрым и проникновенным проповедником. Его массивная фигура в эти моменты прочно укоренялась на пьедестале какой-то незнакомой для нас философии, глаза и прочие приспособления на его голове приобретали тоже более крепкую установку. Это несколько противоречило его невысокому росту, но не мешало ему говорить с таким же приблизительно выражением, с каким львы и тигры разговаривали с ягнятами и телятами в эдеме.

— Хороший хозяин должен иметь в банке сто тысяч рублей, не меньше. Нет у вас ста тысяч рублей, вы себе сидите тихо...

— А сколько сейчас в банке?

Но Соломон Борисович терпеть не мог выдавать секреты госбанка:

— Ну, сколько там, сколько там...— передразнивал он коммунаров.— Сколько там в банке... Чепуха... Вам если сказать пять тысяч, десять тысяч, так вы сейчас же: давайте их сюда — мы себе новые спецовки пошьем...

Коснувшись спецовок, Соломон Борисович совершил неосторожность. Это было больное место у коммунаров, ибо ни в каком другом месте так не просвечивала их душа, как в вопросе о спецовках. А часто вместе с душой просвечивало и белое коммунарское тело.

— А как же,— кричали коммунары на присмирившего Соломона Борисовича.— Что это, спецовки? Да, спецовки?

Представители младшего поколения при этом обязательно задирали ноги и показывали Соломону Борисовичу нижние части брючных холош или тыкали ему в живот истрепанные и промасленные рукава.

Спецовка — это костюм из самой дешевой материи, которую только способен был придумать гений Соломона Борисовича. Соломон Борисович нежно именовал эту материю — «рубчик». «Рубчик» был мало приспособлен к роли, навязываемой ему режиссером. Это была действи-

тельно дрянь — жиденькая прозрачная ткань, не способная ни к какому серьезному делу. В токарном цеху она в первый же день промасливалась до самых глубин своего существа, так как коммунарам Соломон Борисович не выдавал ни тряпок, ни концов и заменял все эти вещи правом вытирать руки о собственный живот и колени. Наступал момент, когда старшее поколение добивалось перемены спецовки, но разве мог Соломон Борисович выбросить пару штанов и рубашку. Отвергнутая старшими спецовка после стирки переходила к пацанам. Пацаны и сами по себе не отличались чрезмерной требовательностью, а кроме того, спецовка Соломона Борисовича имела и некоторые особые достоинства, реализуемые исключительно пацанами. Рукава рубашек, шитых для старшего поколения, были на полметра длиннее, чем нужно, и это было чрезвычайно удобно. Именно этими излишествами вытирали пацаны свои станки и агрегаты. К сожалению, почти невозможно было использовать с таким же производственным эффектом дополнительные части брючных холщ, и они, сложившись на пацаньих ногах в некоторое подобие гармонии, без пользы увядали на наших глазах. Но и эта сносная конъюнктура подвергалась действию времени: концы рукавов и брюк очень быстро истрепывались, вся спецовка украшалась дырами, и пацаны начинали приобретать определенно кружевной стиль, не соответствующий ни нашей эпохе, ни нашим гигиеническим капризам.

Соломон Борисович, впрочем, был другого мнения.

— Скажите, пожалуйста — дырочка там... Ну что ты на меня тыкаешь своими рукавами! Длинные — это совсем не плохо. Короткие — это плохо, а длинные, что такое? Возьми и подверни, вот так...

Соломон Борисович собственноручно подвертывает на руках пацана промасленное кружево рукава, но пацан только хохочет и пищит:

— Э, ой и хитрый же Соломон Борисович...

Ни пацаны, ни старшие никогда не были склонны к разоружению, и война из-за спецовки то затихала, то вспыхивала, но никогда не прекращалась. Периодически наступал момент, когда на фронте раздавались залпы совета командиров или общего собрания, и тогда сильно страдал Соломон Борисович — шил новую партию спецо-

вок для старших. Старшие ходили в швейную мастерскую и торопили девочек, пацаны с вожделием поглядывали на спецовки старших, а Соломон Борисович страдал:

— Двести пятьдесят метров рубчика, вы подумайте, сколько это стоит?

В такие моменты даже я начинал злиться на Соломона Борисовича, несмотря на мое постоянное перед ним преклонение:

— Ну, как вам не стыдно, сколько стоит двести пятьдесят метров — сто рублей?

Соломон Борисович взрывается оскорблением и болью:

— Двести пятьдесят метров — сто рублей? Как вы дешево привыкли жить... сто рублей. Что же по-вашему рубчик стоит по сорок копеек метр?

— Ну, не по сорок, так по сорок пять. Материя дрянь, что там она стоит?

— Дрянь? Я бы хотел иметь этой дряни миллион метров... Дрянь... Может быть, шить для коммунаров спецовки из чертовой кожи? Или, может быть, из сукна? Так чертова кожа стоит полтора рубля, к вашему сведению...

Сколько стоит сукно не знал никогда Соломон Борисович, ибо он никогда не имел дела с этой роскошной тканью. Он и сам одевался в костюмы, сшитые из рубчика, а на сукно смотрел с презрением, как Франциск Ассизский на бутылку шампанского.

Мне становилось жаль Соломона Борисовича, и я продолжал с ним ласково:

— Все-таки нужно же пожалеть ребят. Вы видите, в чем они ходят на работу. И белье у них в масле и тело. И некрасиво, вы же все это прекрасно понимаете...

Соломон Борисович был всегда склонен к сентиментальности. Он смотрит на меня дружелюбно понимающим взглядом:

— Чудак вы, разве я что-нибудь говорю? Я же понимаю, и они хорошие мальчики и хорошо работают. Ну, что же, пошьем им спецовки, можно пошить, можно истратить и триста метров рубчика, что это мое все, это все ваше, шейте, можно шить...

Он уходит от меня, расстроенный и своей любовью к пацанам и трагической необходимостью тратить деньги и метры. А деньги это всегда сумма копеек, а каждая ко-

пейка рождается с мучением на производстве Соломона Борисовича.

Глубокая осень тридцатого года. Ни снега, ни мороза. К белгородскому шоссе на Харьков мы добираемся через море грязи, через разъезженное распаханное подводами поле. Это море разжиженного чернозема плещет о самый цоколь коммуны и блестящими затоками и рукавами разливается между цехами Соломона Борисовича. Только пристальная настойчивость нашего часового у парадного хода не пускает его в наш дом, но в цехах Соломона Борисовича нет часовых, и поэтому в цехах пол покрыт еще свежими морскими отложениями, станки забрызганы и стены измазаны.

В литейном цехе, пристроенном еще летом из ненужных для деревообделочной мастерской материалов, в углу огромной кучей насыпано сырье — старые медные патроны. При помощи каких остроумных комбинаций доставал это сырье Соломон Борисович, никто не знает. Коммунары отрицательно относились к патронам. По их словам выходило, что патроны — самое негодное сырье, медь в них плохая, и в каждом патроне, кроме меди, много еще посторонних примесей — свинец, порох, грязь. Коммунары именно патроны винили в том, что дым, выходящий из трубы литейной, слишком удушлив. Соломон Борисович был другого мнения. Коммунары готовы были примириться с патронами, если бы литейный дым действительно выходил в трубу и отравлял только окрестное население, ибо население держится все-таки ближе к земной поверхности, а дым, даже самый нахальный, все-таки подымается к небесам. В том-то и дело, что дым этот не очень выходил в трубу, а больше пребывал в самой литейной и отравлял самих литейщиков.

Соломон Борисович по этому поводу много перестрадал. Даже ночью его преследовали кошмары — снились ему кирпичные трубы, протянувшиеся до облаков, целый лес труб, целая вакханалия мертвых капиталов.

Одного из подчиненных ему чернорабочих Соломон Борисович сделал кровельным мастером, и из старого железа, оставшегося от разобранного сарая, этот мастер в течение двух недель приготовил нечто, напоминающее самоварную трубу, и водрузил ее над литейным цехом под аккомпанемент ехидных замечаний коммунаров,

утверждающих, что труба делу не поможет. Действительно, она не помогла, и Колька-доктор ежедневно писал протоколы, удостоверяющие, что в коммуне свирепствует литейная лихорадка. Тогда Соломон Борисович прибавил к трубе еще одно колено. Труба вышла довольно высокая и стройная. Единственный ее недостаток — слабое сопротивление ветрам — был уничтожен при помощи проволок, которыми она была привязана к крыше литейной.

На некоторое время Колька прекратил писание протоколов, ибо дым стал направляться туда, куда ему и полагается, но коммунары-литейщики и теперь предсказывали, что установившееся благополучие долго не протянется. В самом деле, крыша литейной была сделана только для того, чтобы литейщиков не мочил дождь. Ее скелет был слишком нежен и не подготовлен для тяжелой службы — удерживать высокую трубу. Коммунары предсказывали, что во время бури труба упадет вместе с крышей. Соломон Борисович презрительно выпячивал губы:

— Сейчас упадет, как вы все хорошо знаете вместе с вашим доктором... и крыша упадет, и вся литейная развалится... От бури развалится. Какие-то бури придумали... подумаешь, какой Атлантический океан!..

На этот раз коммунары ошиблись — крыша осталась на месте, литейная тоже не развалилась, и даже нижняя часть трубы еще и до сих пор торчит на фоне украинского неба, только верхняя ее часть надломилась и повисла на железной жилке, но в это время у коммунаров появились более серьезные заботы, и на трубу не обратили внимания. Только доктор снова принялся за протоколы, да старик Шеретин, математик рабфака, комната которого была недалеко от литейной, уверял, что во время ветра труба стучит, трещит и мешает ему спать...

В литейной помещался барабан. Это был горизонтально установленный цилиндр с круглым отверстием на боку. В это отверстие и набрасывались патроны, и из этого же отверстия выливалась расплавленная медь. К барабану была приделана форсунка, на стене бак с нефтью — на первый взгляд все просто, и нет ничего таинственного. На самом деле барабан был самым таинственным существом в коммуне. Он очень стар, продырявлен и прор-

жавлен, форсунка тоже не первой молодости. Вся эта система накопила за время своей долгой жизни у киевского кустаря так много характерных черт и привычек, что только бывший хозяин, наш мастер Ганкевич, мог с ними справляться. Во всяком случае, обыкновенные смертные могли взирать на барабан и даже подходить к нему только до того момента, когда он начинал действовать. Когда же наступал этот момент, Ганкевич всех удалял из литейной и оставался наедине с барабаном. Через полчаса отворялись двери, и присутствующие приглашались удостовериться, что медь готова, Ганкевич жив, и барабан на месте. Даже Соломон Борисович не решался нарушить жреческую неприкосновенность Ганкевича и терпеливо гулял по формовочной, пока в литейной совершалось таинство претворения патронов в расплавленную медь. Вообще Соломон Борисович очень уважал Ганкевича и боялся больше всего на свете его ухода с производства.

Много было в литейной и других вопросов и производственных тайн, но не все сразу они были нами замечены.

Рядом с литейной формовочная. На двух машинах коммунары формовали кроватные углы, в соседней камерке пацаны делали шишки. В формовочной уже начинало складываться небольшое общество коммунаров специалистов — Миша Бондаренко, Могилин, Прасов, Илюшечкин, Терентюк и другие. Они уже формовали по тридцать пар опок в день и начинали разбираться в производственных тайнах Ганкевича. Ганкевич старался ладить с ними и кое-как мириться по вопросу о глине.

Глина — это не просто глина, а проблема. Глина привозилась к нам вагонами из Киева. Соломон Борисович уплачивал за доставку глины большие деньги и каждый раз после такой уплаты приходил ко мне и грустил:

— Опять заплатил за вагон глины семьсот рублей. Ну, что ты будешь делать? Ганкевич не хочет признавать никакой другой глины, подавай ему киевскую...

Только в токарном цехе отдыхала душа Соломона Борисовича. На пятнадцати токарных станках работали токари коммунары и точили кроватные углы. Привешенная к потолку трансмиссия вместе с потолком сотрясалась и визжала, коммунары к трансмиссии относились с предубеждением и боялись ее. И сама трансмиссия, и ее шкивы,

и все токарные станки часто останавливались от старческой лени, старенькие пасы рвались и растягивались, но все это мелочи жизни, и они не требовали больших расходов. Правда, наш рабочий день весь был украшен нарывами конфликтов и споров, но эти вещи ничего не стоят, а нервы у Соломона Борисовича крепкие.

Соломон Борисович в цехе был похож на домашнюю хозяйку. Сколько забот, сколько мелких дел и сколько экономии. Был в цехе мастер Шевченко. По плану он должен инструктировать коммунаров, но одно дело план, а другое — жизнь. На самом деле он в течение целого дня занимался разным ремонтом — все станки требовали ремонта. Ремонт — понятие растяжимое. В нашем цехе оно не было растяжимым и выражалось точной формулой: один Шевченко на пятнадцать станков и на тридцать метров трансмиссии. Корректировалась эта формула самим Соломоном Борисовичем — его указания были категоричны и целесообразны:

— Тебе что нужно? Тебе нужно точить кроватный угол? Так чего ты пристал с капитальным ремонтом? Пускай Шевченко возьмет гаечку и навинтит...

— Как гаечку? — кричит коммунар, — здесь все расшатано, суппорт испорчен, станина истерлась...

— Не ты один в цехе, пускай Шевченко найдет там в ящике гаечку, и будешь работать...

Шевченко роется в дырявом ящике и ищет гаечку, но Соломон Борисович уже нарвался на другого коммунара и уже кричит Шевченко:

— Что вы там возитесь с какой-то гайкой, разве вы не видите, что в трансмиссии не работает шкив? По-вашему, шкив будет стоять, коммунар будет стоять, а я вам буду платить жалование...

— Тот шкив давно нужно выбросить, — хмуро говорит Шевченко...

— Как это выбросить? Выбросить этот шкив, какие вы богатые!.. Этот шкив будет работать еще десять лет, полезьте сейчас же и вставьте шпоночку...

— Да он все равно болтает...

— Это вы болтаете... Болтает... Пускай себе болтает, нам нужно, чтоб станок работал... Поставьте шпоночку, как я вам говорю...

— Да вчера уже ставили...

— То было вчера, а то сегодня... Вы вчера получали ваше жалование и сегодня получаете...

Шевченко лезет к потолку, Соломон Борисович задирает голову, но за рукав его уже дергает коммунар:

— Так что ж?

— Ну, что тебе, я же сказал, тебе поставят гаечку...

— Да как же он поставит, он же полез туда...

— Так подождешь, твой станок работает?

Откуда-то из угла душу раздирающий крик...

— Опять пас лопнул, черт его знает, не могут пригласить мастера...

Соломон Борисович поднимает перчатку:

— Был же шорник, я же сказал, исправить все пасы, где вы тогда были?

— Он зашивал, а сегодня в другом месте порвался... Надо иметь постоянного шорника, а то на два дня...

— Очень нужно, чтобы человек гулял по мастерской... Шорник вам нужен, завтра вам смазчик понадобится, а потом подавай убиральницу.

Возмущенный коммунар швыряет в угол ключ или молоток и отходит в сторону, пожимая плечами.

Соломон Борисович вдруг соображает, что пас все-таки не шит, и станок не работает. Соломон Борисович гонится за коммунаром:

— Куда же ты пошел? Что же ты уходишь?

— А что же мне делать? Буду ждать, пока придет шорник...

— Это трудное дело, сшить пас?.. Ты не можешь сам сшить пас, это какая специальность или, может, технология...

— Соломон Борисович,— пищит удивленный коммунар,— как же это сшить?.. это же не ботинок, а пас...

Но Соломон Борисович уже покраснел и уже рассердился. Он с жадностью набрасывается на шило и кусочек ремешка, валяющийся на подоконнике, и торжествует:

— Ты не можешь сшить пас, а я могу?

Он по-стариковски неловко тычет шилом в гнилой пас. Коммунары улыбаются и с сомнением смотрят на сшитый пас. У Соломона Борисовича тоже сомнение — пас не шит, а кое-как связан неровным некрепким швом. Соломон Борисович, отнюдь не имея торжествующего

вида, спешит удалиться из цеха, а коммунары уже вечером в совете командиров ругаются:

— Что такое, в самом деле. Пас порвался, шорника нет, Соломон Борисович сам берется за шило, а разве он может сшить, это тоже специальное дело... И все равно через пять минут станок стоит...

Соломон Борисович в таком случае помалкивает или пускается в самую непритязательную дипломатию:

— Что ты говоришь? Ты говоришь так, как будто я шорник и плохо сшил. Что я буду заведывать производством и еще пасы сшивать? Я тебе только показал, как можно сшить, а если бы ты захотел и постарался, ты бы сшил лучше, у тебя и глаза лучше...

Коммунары заливаются смехом и от того, что дипломатия Соломона Борисовича слишком наивна, и от того, что Соломон Борисович все-таки выкрутился и даже хорошо выкрутился, приходится коммунарам даже защищаться:

— Когда же нам сшивать? Если сшивать, все равно станок стоять будет.

Соломон Борисович молчит и вытирает вспотевшую лысину. Настоящей своей мысли он не скажет, настоящую мысль он скажет только мне, когда разойдется совет командиров спать, а Соломон Борисович смотрит, как я убираю свой стол, курит и говорит дружески доверчиво:

— Эх, разве так надо работать? Разве такой молодой человек не может остаться после работы и сшить себе пас... Что там полчаса, а шорнику нужно заплатить семьдесят пять рублей в месяц.

Я молчу — все равно спор имеет академический характер.

Но иногда и мне приходится идти огнем и мечом на Соломона Борисовича. Утро, из классов еле слышен прибой науки. В мастерских шумят станки, в моем кабинете никого — вся коммуна рассыпалась по трудовым позициям. Вдруг открывается дверь. К моему столу быстро подходит Коля Пащенко, мальчик пятнадцати лет, смуглый, стройный коммунары. Сейчас Коля плачет. Он пытается удержать слезы и говорит неплаксивым спокойным голосом, но слезы падают на спецовку, и на его руках целые лужи слез, смешанных с машинным маслом и медными опилками. Он протягивает ко мне руки:

— Смотрите, Антон Семенович, что же это такое... прямо... шкив испорчен... я говорю, говорил, все равно никакого внимания...

— Ты говорил Соломону Борисовичу, чтоб исправили шкив? Чего же ты так волнуешься...

— Я пришел, чтобы вы посмотрели сами... Пусть бы там не исправляли, пусть бы там прогул или как там... простой... а он говорит — работай... Как же я могу работать... я боюсь работать.

Я знаю Колю как смелого мальчика, это живой, способный и энергичный человек, он в коммуне с самого начала и всегда умел прямо в глаза смотреть всяким неприятностям. Поэтому меня очень удивили его слезы.

— Я все-таки не понимаю, в чем дело... Ну, идем...

Мы входим в цех. Коля обгоняет меня в дверях и спешит к токарному станку. Он уже не плачет, но в борьбе со слезами он уже успел свой нос выкрасить в черный цвет.

— Вот, смотрите...

Он пускает свой станок, потом отводит вправо приводную ручку шкива, деревянную палку, свисающую с потолка. Станок останавливается. Коля левой рукой отталкивает меня подальше от суппорта, на который я оперся.

— Смотрите.

Я смотрю. Смотрю и ничего не вижу. Вдруг станок завертелся, зашипел, застонал, заверещал, как все станки в токарном цехе. Я ошеломлен. Подымаю голову и вижу: палка уже опустилась и передвинулась влево, шкив включен. Я смеюсь и гляжу на Кольку. Но Колька не смеется. Он снова чуть не плачет:

— Как же я могу работать? Остановишь станок, станешь вставлять угол в патрон, а станок вдруг начинает работать... что ж руку оторвать или как...

За нашими плечами Соломон Борисович.

— Соломон Борисович, надо же как-нибудь все-таки... Бедь так нельзя.

— Ну, что такое, придет мастер завтра, исправит шкив, так что? Сегодня нужно гулять... я ж тебе сделал, можно работать...

— Ну, смотрите, Антон Семенович, разве можно так?

Колька лезет куда-то под станок и достает оттуда кусочек ржавой проволоки, на концах ее две петли. Одну он надевает на конец приводной палки, а другую цепляет за

угол станины. Станок перестает вертеться, палка крепко привязана проволокой. Колька смотрит на меня и смеется. Смеется и Фомичев, подошедший к нашему станку:

— Последнее достижение техники, здравствуйте, Антон Семенович...

— А что? — говорит Соломон Борисович, — чем это плохо?

Ребята хохочут...

— Нет, вы скажите, чем это плохо?

Колька безнадежно машет рукой. Фомичев спокойно, с улыбкой объясняет, глядя сверху на Соломона Борисовича:

— Ему нужно станок останавливать раз пять в минуту, как же он может все время привязывать проволоку, а вы посмотрите. — Он снимает петлю с угла станины. Станок завертелся, но петля бежит перед глазами, цепляется за резец.

— Ну, и что ж?

— Как, что же, разве вы не видите?

Я приглашаю Соломона Борисовича к себе, но уже на дворе говорю ему, сжимая кулаки:

— Вы что, с ума сошли? Что это за безобразие? Вы еще веревками будете регулировать станки, к чему вы приучаете ребят... это просто халтура, просто мошенничество...

Соломон Борисович терпеть не может моего гнева и говорит:

— Ну, хорошо, хорошо... ничего страшного не случилось... завтра привезу мастера, начнем капитальный ремонт...

Вы думаете, завтра Соломон Борисович привез мастера?

— Я не привез? Ну, конечно, он не поехал, потому разве теперь люди? Он хочет заработать двадцать рублей в день. Я ему дам двадцать рублей, а Шевченко на что, а Шевченко будет гулять...

9. Трагедия

Кроватный угол, выпускаемый Соломоном Борисовичем на рынок, представлял из себя очень несложную штуковину: в литейной он отливался почти в совершенном

виде — с узорами. На токарных станках ребята только очищали резцами его цилиндрические плечики, и после этого он поступал в никелировочную. Поэтому мы выпускали этих кроватных углов множество. По сложности работы кроватный угол немногим отличался от трусиков, которые изготовляла швейная мастерская. В столярной мастерской производились более сложные и громоздкие вещи: аудиторные и чертежные столы и стулья, но и здесь особенной техникой не пахло. Отдельные детали выходили из машинного цеха с шипами и пазами, в сборном нужно было их привести в более блестящий вид и собрать в целую вещь.

В самом содержании производственной работы было очень мало интересного для коммунаров. Их увлекала только заработная плата, постоянная война с производственными «злыднями» и, пожалуй, еще общий размах производства — вот это обилие вещей, горы полуфабрикатов и фабрикатов и ежедневные отправки готовой продукции в город.

По вечерам коммунары заходили иногда в кабинет покалякать и посмеяться. Уже никакой злобы и огорчения к этому времени у них не оставалось. Посмеивались всегда над производством Соломона Борисовича и говорили:

— А все-таки удивительно: не производство, а барахло, куча какая-то старья всякого, а смотришь, все везут и везут в город.

В это время давно исчезло то удовлетворение, которое было вызвано постройками Соломона Борисовича. Всем уже начинало надоедать сарайное богатство Соломона Борисовича, приелись вечные споры о печах и зимних рамах, надоело говорить о засоренности производственного двора, о плохих станках и плохом материале. Коммуна стояла оазисом среди производственного беспорядка и грязи, и у коммунаров начинало складываться отношение к производству, как к чему-то постороннему.

В это время к нам очень редко приезжали члены правления, в самом правлении происходили перемены. Стихия Соломона Борисовича разливалась вокруг коммуны безудержно, все шире и шире, захватывая территорию, и уже располагалась перед фасадом, заваливала цветники обрезками и бросовым материалом.

Коммунары знали цену своей коммуне, любили чекн-стов и были благодарны им и за свой дом, и за порядок, и за рабфак. На производство же они смотрели несколько иронически, как на необъяснимое недоразумение в общей гармонии коммуны. Сборный цех коммунары называли «сборным стадионом», отражая в этом названии и его грандиозные размеры и его непригодность к цеховому назначению.

Соломон Борисович очень обижался за это название и даже просил меня запретить его приказом по коммуне:

— Обязательно отдать нужно в приказе. Скажите, пожалуйста, «сборный стадион»... А где они работают?

Соломон Борисович гордился «стадионом» до приезда в коммуну председателя правления. Он приехал в счастливый день, когда немного подмерзла жижица грязи на производственном дворе, и в «стадион» можно было легко добраться, остановился пораженный в центре «стадиона» и спросил Соломона Борисовича:

— Это что же, вы выстроили?

Соломон Борисович выкатился вперед и с гордостью сказал:

— Да, это я конструировал. Деревянное, конечно, строение, но оно будет долго стоять...

Председатель на это ничего не сказал, а обратился к коммунарам с вопросом, никакого отношения не имеющим к «стадиону»:

— Понравилось вам в Крыму?

— Ого,— сказали коммунары.

— Что ж, на лето еще куда-нибудь поедем?

— На Кавказ,— сказали коммунары...

— На Кавказ — это хорошо. Только нужно выполнить промфинплан...

— Выполним.

— Да, на Кавказ хорошо. Поезжайте на Кавказ. Ну, до свидания.

Председатель уехал, а Соломон Борисович пришел ко мне и спросил:

— Как вы думаете, какое впечатление произвел на него сборный цех? Он так посмотрел...

Васька Камардинов не дал мне ответить:

— Какое же впечатление? Вы думаете, он не понимает. Отвратительное впечатление.

— Вы еще молодой человек,— сказал Соломон Борисович, покрасневший от гнева,— а обо всем беретесь рассуждать.

Но через два дня к нам дошли слухи, что, действительно, стадион произвел впечатление отвратительное. Соломон Борисович загрустил:

— Так кто виноват? Виноват Левенсон? А где деньги? Правление, может, думает, что нужно построить каменные цехи, так почему оно не строит? А все Соломон Борисович должен строить: и литейный цех, и сборный, и квартиры.

В это время заканчивался триместр, и у коммунаров головы были забиты зачетами. Кроме того, в коммуне происходили события печальные и непонятные. В середине ноября командир третьего отряда поразил всех рапортом:

— У Орлова пропало пальто с вешалки.

Коммунары во время разбора рапорта сказали:

— Поискать надо лучше. Кто-нибудь захватил нечаянно или не на свою вешалку Орлов повесил...

— Ты поищи лучше,— сказал я Орлову.

— Да где я буду искать? Я уже всю вешалку перерыл и у всех смотрел — моего пальто нигде нет...

— Поищи все-таки.

Через день пропало пальто в седьмом отряде. Дали общий сбор и приказали всем коммунарам надеть пальто и выстроиться во дворе. На вешалке не осталось ни одного пальто, а Орлов и Кравченко все же своих пальто не нашли.

Опросили весь сторожевой отряд, но он ничему помочь не мог. На вешалке висит сто пятьдесят пальто, разве разберешь, какое пальто берет коммунары с вешалки — свое или чужое.

На общем собрании Фомичев предложил:

— Надо пока-что пальто держать в спальне. Ясное дело, между нами завелся гад. Он и теперь сидит здесь и притаился, а завтра еще что-нибудь утащит.

Харламова возмутилась:

— Вот тебе и раз. У нас завелся вор, так мы будем от него прятаться, все будем в спальне тащить. Это безобразие, и нужно сейчас же поднять с этим борьбу.

— Да как ты поднимешь борьбу, если мы не знаем, на кого и думать. Кто может у нас взять?

— Раз взяли, значит, всякий может...

— Как это всякий... Я вот не возьму, например...

— А кто тебя знает. На тебя нельзя думать, а на какого коммунара можно думать? Покажи, на какого?

— Так что же делать?

— Надо найти вора.

— Найди...

— Надо собаку привести в коммуну,— предложил кто-то.— Вот как она на этого гада бросится, тогда уж мы будем знать, что делать.

В собрании закричали:

— Вот еще, собак тут нехватало. Сами найдем.

— Найдете.

Редько взял слово:

— Найдем. Все равно найдем. И если я найду, он у меня все равно не вырвется. Так пускай и знает. А вешалку, действительно, нечего переносить в спальню. Да больше он и не возьмет. Я его все равно поймаю...

Коммунары улыбнулись.

Через неделю в кабинет вошел Миша Нарский. Совет командиров три месяца тому назад командировал его на шоферские курсы, которые он регулярно посещает и в которых каждый вечер отзывается с восторгом. Живет он в коммуне в одном из отрядов и болеет коммунарскими делами попережнему.

Миша Нарский ввел в кабинет Оршановича и Столяренко и сказал:

— Вот они, голубчики, видите?

Миша Нарский, несмотря на многие годы, проведенные в колонии Горького и в коммуне Дзержинского, остался прежним: чудаковатым, по-детски искренним, неладно одетым. Он попережнему причесывается только по выходным дням и лучшим украшением для человеческого лица считает машинное масло. Он сейчас горд, и от гордости на ногах не держится.

— В чем дело?

— Да вот вы их спросите...

— Ну, рассказывайте...

Оршанович грубовато отворачивается:

— А что я буду рассказывать? Я ничего не знаю.

Столяренко молчит.

— Видите, он не знает... А как пальто продавать, так он знает.

Полдюжка коммунаров, находившихся в кабинете, соскочили со стульев и окружили нас...

— Пальто? Что? Оршанович? Здорово...

Оршанович с недовольным видом усаживается на стул, но Миша сильной рукой металлиста берет его за воротник:

— Что? Ты еще будешь тут рассаживаться? Постоишь...

— Чего ты пристал? Чего ты пристал? Пальто какое-то...

— Ишь ты, какое-то... Смотрите... Субчик...

В кабинете уже не полдюжка коммунаров, а целая толпа, и кто . . . . .

10. И трагедии и комедии

. . . . .

11. Праздник

. . . . .

Пацаны бегом по всей лестнице — ужасно оживленные и храбрые, но только до дверей «громкого» клуба, а здесь хвосты поджали и тихонько, бочком пробираются в клуб мимо председателя правления и еще тише салют:

— ...раст...

А потом все собрались и смотрят на гостя, глаз не сводят и молчат.

Правда, нужно сказать, что главные пацаньи силы в это время намазывались всеми возможными красками и наряжались в каморке за нашей сценой — готовились к постановке. Перский, на что уже человек изобретательный, а и тот запарился:

— Да сколько вас играет?

— Ого, еще Колька придет, Шурка, две девчонки, Петька и Соколов, да еще ни один кустарь не загримировался, а кустарей трудно будет, правда ж?

Коммуна украшена: везде протянулись плакаты, столовая, сцена и бюст Дзержинского в живых цветах. Много

потрудились художественная комиссия. Много поработали и остальные. Все-таки наиболее поражает всех Миша Долинный, который со своей комиссией — человек двадцать, кажется, и праздника не видели — протолкались на дворе до часу ночи. Зато ни один гость не заблудился. На повороте к нашим тропинкам на белгородском шоссе стоял мишин пикет и спрашивал публику:

— Вам в коммуну Дзержинского, так сюда.

И указывали на линию огней, протянувшихся через лес и через поле до самой коммуны. Огни были сделаны самым разнообразным образом, здесь были и электрические фонари, и факелы, и разложенные на поворотах и трудных местах костры. Вся мишина территория курилась дымом и пахла разными запахами наподобие украинского пекла.

Коммуна была тоже в огнях, а над главным входом в огненной рамке портрет Дзержинского.

В семь часов всех гостей пригласили в клуб, коммунары расположились под стенками. Когда все собрались, команда:

— Под знамя встать! Товарищи коммунары — салют!

Левшаков загремел салют. Может быть читатели еще не знают, что такое знаменный салют коммунаров. Это наш сигнал на работу, обыкновенный будничный сигнал, который играет в коммуне два раза в день. Он оркестрован Левшаковым еще в 1926 г. в колонии Горького и сейчас и у нас и у них является не только призывом к труду, но и салютным маршем, который мы играем, когда выносим наше знамя, когда проходим мимо ЦК партии, ВУЦИКа, когда встречаем очень дорогого гостя и когда встречаемся в городе с колонией Горького...

Дежурный по коммуне идет впереди, подняв руку над головой, за ним знаменная бригада шестого отряда — три девочки. Шестой отряд уже второй месяц владеет знаменем. Гости стоя встречают наше знамя...

Началась торжественная часть. Нас приветствовали с тремя годами работы, нам желали дальнейших успехов...

После торжественной части концерт оркестра. Левшаков сыграл гостям:

1. Марш Дзержинского — музыка Левшакова.
2. Торжество революции — увертюра.
3. Увертюра из «Кармен».

4. Кавказские этюды — Ипполитова-Иванова.

5. Военный марш — Шуберта.

Закончил он шуткой. Вышел к гостям и сказал:

— Быть хорошим капельмейстером очень трудное дело. Нужно иметь замечательное ухо, нельзя пропустить ни одной ошибки. Чуть кто сфальшивит, я сейчас же услышу, и поэтому я могу управлять оркестром, стоя к нему спиной. Вот послушайте.

Он обратился к музыкантам:

— Краснознаменный.

У музыкантов заволынили:

— Довольно уж.

— Уморились...

— Праздник, так праздник, а то играй и играй...

— В самом деле...

У публики недоумение. Мало кто понял сразу, что здесь какой-то подвох. В зале отдельные замечания:

— Ого, дисциплинка...

Левшаков стучит палочкой по пюпитру и говорит:

— Хочется в совете командиров разговаривать? Краснознаменный...

Наконец, волынка в оркестре понемногу утихает, и музыканты подносят мундштуки к губам. Раздается один из громких и веселых советских маршей. Левшаков дирижирует, стоя спиной к оркестру. Но уже на третьем такте часть корнетов поднимается с мест, машет руками и уходит за кулисы. Марш продолжается, но за корнетами удаляются альты, тенора, волторны и так далее. Остаются: Волчок с первым корнетом, Грушев с басом, Петька Романов с пиколкой и барабаны... Левшаков продолжает дирижировать, стоя лицом к публике, и даже строит какие-то нежные рожи, показывающие, что он переживает музыку. Но вот уже убежал и Волчок, последний раз ухнул Грушев, наконец, и Петька пробирается в зал, пролезая под рукой Левшакова. Остался один Могилин на большом барабане. Только теперь Левшаков «понимает», как его подвели музыканты, и сам убегает. «Булька» последний раз гремит барабаном и хохочет. Хохочет и публика, все довольны, что это простая шутка и что с дисциплиной у дзержинцев не так уж плохо.

Настало время и пацанам показать, к чему они так долго и так таинственно готовились. Оркестр, их союз-

ник, усаживается в соседнем классе, из класса дверь в зал открыта, и Левшаков уже с кем-то перемигивается у сцены.

Открывается занавес. В зале кто-то из коммунаров громко говорит:

— Ой, и вредные пацаны, дали им волю...

На сцене Филька в коммунарском парадном костюме. Он говорит:

— Сперва пойдет пролог.

.....

Все гонят, все клянут меня,
Мучителей голпа,
Правителей несправедливых
И мальчиков неукротимых...
Безумным вы меня прославили всем хором
И от начальства до юнца
Покрыла детище мое позором.
Вы правы, тут не разберешь конца:
И строить вредно, и не строить плохо,
Построил вот, а теперь охай.
Я в Кисловодск теперь ездук,
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок...
Каре ... Эй, Топчий, запрягай,
до автобуса.

Левенсон удаляется, а на сцену выходят три пацана с фанфарами, играют какой-то сигнал и объявляют, что феерия «Постройка стадиона» окончена.

Их место занимают три коммунарки в белых передниках и просят гостей ужинать, за их спиной Волчок играет наш призыв:

«Все в столовую».

Гости расходятся только часам к двенадцати. Дежурные отряды коммунаров приступают к уборке всего здания, в кабинете делятся впечатлениями.

Соломон Борисович взбешен пацаньей проделкой:

— Разве я могу теперь работать в коммуне? Какой у меня будет авторитет?

— Причем тут ваш авторитет, Солсмон Борисович,— спрашивает Ключнев.

— Как причем? Как причем? Что это за заведующий производством, когда он освещается какими-то синими фонарями, а руки складывает, как Демон? Бегаёт по сцене

и кричит, как сумасшедший? После этого будет авторитет?

— Вот вы, значит, не поняли, в чем тут дело. Эту пьеску пацаны здорово сделали. Теперь правление задумается...

Действительно, феерия пацанов была не столько по Соломону Борисовичу, сколько по правлению. Как ни комичен был Соломон Борисович, перемешанный с Борисом Годуновым, Демоном и Чацким, но его комизм был показан как необходимое следствие нашей производственной заброшенности. Жалкие цехи, размещенные по подвалам и квартирам, жалкие диктовые постройки, засилие кустарей и кустарщины были представлены пацанами в неприкрашенном виде. И председатель правления, уезжая от нас в этот вечер, сказал:

— Молодцы коммунары, это они здорово сегодня крикнули...

12. Пожары и слабости

Не успели ребята отдохнуть после праздника, убрать цветы, снять иллюминационные лампочки и спрятать плакаты, как приехал в коммуну Крейцер и сказал в кабинете:

— Ну, товарищи, кажется, с весны начнем строиться...

Дорошенко сонно ответил:

— Давно пора.

Солин не поверил:

— А долго так будет казаться? Строиться, строиться, а потом скажут — денег нет. За какие деньги строиться?

— Да что вы, объелись чего? — сказал Крейцер. — У нас сейчас на текущем счету тысяч триста есть?

— Ну, есть, так это ж мало, смотря что строить...

— А вот об этом подумаем. А что, по-вашему, нужно строить?

— Мало ли чего, — сказал Фомичев. — Вот это все рассчитать нужно, а на чистом месте построить завод. Новый завод...

Соломон Борисович из-за спины Крейцера моргал всем коммунарам. Это значило: построятся, как же... Но вслух он сказал:

— Надо строить маленький заводик, чтобы производить токарные станочки. Хорошая вещь, а спрос? Ух!..

— Токарные не выйдут,— сказал Фомичев.— Какой это завод на сто пятьдесят коммунаров? Нужно что-нибудь помельче...

— Надо прибавить коммунаров,— протянул Крейцер, усаживаясь за столом ССК.

— Ой, сколько же прибавить? — спросил Дорошенко.

— А сколько ж? Удвоить нужно.

Сопин задрал голову и показал на Крейцера пальцем:

— О, сказали, и все за триста тысяч: завод построить, новые спальни и классы ж нужно, а столовая наша тоже, выходит, тесная будет, а клуб?

— Так вы же работаете?

— На этом бузовом производстве много не заработаем, а тут, видно, миллионом пахнет...

Но вечером Сопин рассказывал пацанам уже в другом освещении:

— И что? И можно, конечно, построить, тут тебе такое будет — завод, во! И не то, что сто пятьдесят коммунаров, а триста, во! Это дело я понимаю.

— Вот обрадовался: триста...— кивает на Сопина Болотов,— как придут новенькие, от коммуны ничего не останется...

— Чего не останется? Ты думаешь, если беспризорные, так и не останется? Это ты такой...

— Я такой... скажи, пожалуйста. А вот ваш актив — Григорьев — вот хороший оказался.

— И то лучше тебя,— сказал Сопин.

— А я теперь что? Я теперь ничего, никто не обижается,— надувшись окончательно, сказал Болотов, и Сопину стало жалко его; он потрепал Болотова по плечу:

— Как придут сто пятьдесят новых, мы тебя обязательно ССК выберем.

Болотов улыбнулся неохотно:

— Выберете, как же!

Весть о том, что на лето предполагается постройка, в коммуне никого не взволновала,— мало верили словам коммунары. Но все же появилась серьезная задача — надо побольше собрать денег.

Соломон Борисович предъявил одному из общих собраний промфинплан первого квартала. Коммунары о нем не долго думали:

— Это выполнить можно, если в цехах хоть немного

владится. А если выполним, то сколько у нас денег будет?

Соломон Борисович считал такие вопросы неприличными:

— Вы сделайте, а деньги будут.

— Не забудьте ж, и на Кавказ поехать нужно.

— И на Кавказ поедете.

— А все-таки, сколько будет денег, если выполним план?

Соломон Борисович развел руками:

— Ну, что им говорить?

— Тысяч сто прибавим на текущий счет,— сказал я коммунарам.

Промфинплан обсудили на цеховых собраниях. Встречный выдвигали без большого разгона — цифры Соломона Борисовича были и без того жесткими; встречный план коммунаров на первый квартал был такой:

Арматурный цех

Масленок	51 840	штук
Ударников для огнетушителей	12 000	"
Шестеренок для тракторов	600	"

Деревообделочный цех

Столбов аудиторных	780	штук
Столбов чертежных	700	"
Табуреток к ним	1 100	"
Стулбев аудиторных	1 100	"

Швейный цех

Трусигов	18 000	штук
Юнгштурмов	1 100	"
Ковбоек	2 300	"

Всего по себестоимости на сумму 170 000 рублей.

Металлисты наши очень обрадовались, что выбросили из плана эти отвратительные кроватные углы. Их не любили коммунары:

— Это что за такая продукция? Кроватный угол... Это самая легкая индустрия, какая только есть. Подумаешь, кому нужен кроватный угол? Покрась себе кровать хорошей краской и спи. А то: никелированный кроватный угол. Всякая, понимаете, охота пропадает...

— Масленка — это, действительно, грубá! Это для машины для всякой нужная вещь. Это уж не такая легкая индустрия: масленка Штауфера. Видите — не сразу даже придумали, Штауфер такой нашелся...

— Серьезно,— говорили уважающие себя токаря,— в масленке и резьбу нужно сделать, и все-таки пригнать, чтобы крышка правильно навинчивалась, и дырочку просверлить.

Колька Вершнев торжествовал — закрывали-таки никелировочный цех. Колька считал, что ничего вреднее для пацанов быть не может.

С первых дней января работа сразу пошла веселее в цехах, да и весной запахло — коммунары умеют на большом расстоянии чувствовать весну и ее запахи.

Соломон Борисович часто заходил ко мне и радовался:

— Молодцы коммунары, хорошо взялись! А я им план закатил, ой, будут меня ругать. Ну, ничего, все будет хорошо.

Соломон Борисович оживился в январе, забыл громы Декина и сарказмы пацанов в «Постройке стадиона». Его поднимало сознание, что коммуна нуждается в больших деньгах, что эти деньги коммунары заработают только под его руководством. Соломон Борисович прибавил стремительности в своих движениях и до позднего вечера летал по производственной арене. Одно его смущало со времени приезда Декина — боялся Соломон Борисович пожара. Пожар ему мерещился ежеминутно, он не мог спокойно лечь спать и приходил ко мне иногда часов в двенадцать ночи, извинялся, что мешает, о чем-нибудь заговаривал, как будто спешном, а потом сидит и молчит.

— Чего ты не спишь? — спрашиваю его: мы с ним перешли на «ты» после праздника.

— По правде сказать, так боюсь ложиться — пожара боюсь.

— Вот глупости,— говорю ему,— откуда пожар возьмется, все уже спят.

— Там же в стадионе печки еще топятся,— с трудом выговаривает Соломон Борисович,— я вот подожду, пока закроют трубы, и пойду спать.

Он уже и сейчас почти спит, голова его все падает на лацканы пиджака, он тяжело отдувается и протирает глаза:

— Уф... Уф...

— Да иди спать, вот придумал человек занятие — пожара ожидать.

В дверях стоит с винтовкой дневальный, которому веселее с нами, чем в одиночестве скучать у денежного ящика. Дневальный улыбается:

— Пожар никогда не бывает по заказу. Вы ждете пожара, а он загорится в другое время, когда спать будете...

— Почему ты думаешь, что он обязательно загорится? — спрашивает Соломон Борисович.

— А как же. Это и не я один думаю, а все пацаны так говорят...

— Что говорят?

— Что стадион непременно сгорит, ему так уже от природы назначено...

Дневальный решил, что довольно для него развлечений, и побрел к своему посту. Соломон Борисович кивает головой в его сторону:

— Пацаны говорят! Они все знают!.. Загорится стадион, пропало все дело: будет гореть, а мы будем смотреть, это правильно сказал Декин. Все ж дерево, сухое дерево, сколько там дуба, сколько там лесу, ай, ай, ай, пока пожарная приедет...

В первом часу я отправляюсь домой. Бредет рядом со мной и Соломон Борисович и просит:

— Зайди в стадион, скажи этим истопникам, чтобы были осторожнее, они тебя больше боятся... зайди, скажи...

Однажды рано утром, только что взошло солнце, наш одноглазый сторож Юхин поднял крик:

— Пожар!

Прибежали, кто был поближе, никакого пожара нет, солнце размалевало окна стадиона в такой пожарный стиль. Посмеялись над Юхиным, но в квартире Соломона Борисовича обошлось не так просто: услышал Соломон Борисович о пожаре, — и в обморок, даже Колька бегал приводить его в чувство. Дня три ходил после этого Соломон Борисович с палочкой и говорил всем:

— Если загорится, я погиб — сердце мое не выдержит, так и доктор сказал: в случае пожара у вас будут чреватые последствия.

И вот настал момент: только что проиграли спать, кто-то влетел в вестибюль и заорал, как резаный:

— В стадионе пожар! Пожар в стадионе!..

Захлопали двери, пронеслись по коммуне сквозняки, залился трубач тревожным сигналом, сначала оглушительно громко здесь в коридоре, потом далеко в спальнях. Как лавина слетели коммунары по лестницам, дробь каблучков, крики и какие-то приказы вырвались в распахнувшуюся настежь парадную дверь — снова тихо в коммуне. Соломон Борисович тяжело опустил голову на бочок дивана и застонал.

Я поспешил в стадион. Подбегаю к его темной массе, а навстречу мне галдящая веселая толпа коммунаров.

— Потушили! — размахивает пустым огнетушителем Землянский.

Он хохочет раскатисто и аппетитно:

— Как налетели, только шипит, как не было!

— Что горело?

— Стружки возле печки. Эта раззява Степанов в кочегарку пошел «воды попить», у них в стадионе и воды нет...

Говорливой торжествующей толпой ввалились мы в кабинет. Соломон Борисович изнемог на диване. Он с большим напряжением усаживается и стонущим голосом спрашивает:

— Потушили? Какие это замечательные люди — коммунары. Стружки, говорите? Большой огонь?

— Да нет, только начиналось, ну, так, половина кабинета костерчик, — говорит Землянский. — А куда теперь эти банки девать? — показывает он на разряженные огнетушители, выстроившиеся в шеренгу в кабинете.

Соломон Борисович поднимается с дивана.

— Сколько вы разрядили?

Он начинает пальцем считать.

— Да кто их знает, штук двенадцать...

— Двенадцать штук? Двенадцать штук? Нет, в самом деле? — вертится сердитый Соломон Борисович во все стороны. Он протягивает ко мне обе руки:

— Это же безобразие, разве это куда-нибудь годится! Это же... Двенадцать на такой маленький пожар. Ты им скажи, разве можно так делать? Где я могу набрать столько огнетушителей, это разве дешевая вещь?

Коммунары притихли и виновато поглядывают на шеренгу огнетушителей.

— Нет, в самом деле...— даже раскраснелся Соломон Борисович.

Я серьезно говорю коммунарам:

— Слышите? Больше одного огнетушителя в случае пожара не тратить.

Коммунары хохочут:

— Есть! Соломон Борисович, пропал ваш стадион... Сегодня разве потушили бы одним...

— Как ты сказал? Как ты сказал? — пораженный обращается ко мне Соломон Борисович.

— Я исполнил твою просьбу...

— Разве я говорил — один? Я же не сказал один. Надо с расчетом делать...

После этого Соломон Борисович стал бояться всякого крика, всякого бега по коммуне. Только с приходом весны он несколько успокоился и стал смотреть веселее на мир.

Принимал Соломон Борисович разные противопожарные меры. Ему сказали:

— Полагается в цехе держать бочки с водой и швабры при них.

Соломон Борисович выпросил у заведующего хозяйством несколько старых бочек и действительно налил их водой. Это ничего не стоило. Но швабры оказались дорогой вещью, и Соломон Борисович втихомолку заменил их палками, на концы которых были привязаны пучки рогожи. Когда приехал пожарный инспектор, Соломон Борисович с гордостью повел его к кадушкам, но здесь он был незаслуженно посрамлен.

— И швабры есть, как же,— говорит он пожарному инспектору.

Он с гордым видом вынимает палку из бочки и видит, что на конце ее нет ничего, торчат одни хвостики рогожные.

Когда уехал пожарный инспектор, Соломон Борисович произвел расследование, и оказалось: бабы-мазальницы, которым поручил Соломон Борисович что-то выбелить в системе своих цехов, отрезали рогожные пучки от пожарных приспособлений и обратили их в щетки.

— Разве это люди? — сказал Соломон Борисович.— Это звери, это некультурные звери.

Много страдал Соломон Борисович от пожарной опасности, и наверное его сердце не выдержало бы всех волнений, если бы не коммунары. Коммунары не позволяли Соломону Борисовичу сосредоточиваться. . . . .

Вы посмотрите, что утром делается! Не успели окончить завтрак, а некоторые даже и не завтракают, а бегом в литейную. Каждый захватывает себе масленки и ударники, а кто придет позже, тому уже ничего не остается, жди утренней отливки, жди, пока она остынет.

— Соломону Борисовичу жалко истратить тысячу рублей на новые опоки, а сколько он тратит на доставку глины из Киева? Сколько стоит вагон глины? А формовочный песок возле самой коммуны, сколько хочешь, и сушить формовку не надо, не то, что эта глина.

Соломон Борисович обещал, оправдывался, снова обещал, придумывал разные причины, говорил, что нет железа, что опоки будут тяжелые, что коммунары их не поднимут.

— Поднимем, вы сделайте...

На одном собрании он, наконец, взмолился:

— Что вы мне покоя не даете с этой глиной. Что я сам не понимаю, что ли. Опоки будут скоро сделаны.

— Когда? Срок? — шумят в зале.

— Через две недели...

Редько с места:

— Значит, будут сделаны к первому февраля?

— Я говорю, через две недели, значит — к двадцать пятому января.

— Значит, к первому февраля будут обязательно?

— Да, к двадцать пятому января обязательно, — гордо и неприязненно говорит Соломон Борисович.

Он становится в позу, протягивает вперед руку и торжественно произносит:

— К двадцать пятому января — ручаюсь моим словом.

В зале припадок смеха. Хохочет даже председатель.

Соломон Борисович краснеет, надувается, плюется, размахивает руками. Он уже на середине зала:

— Вы меня оскорбляете. Вы имеете право оскорблять меня, старика? Вы? Мальчишки?

Хохот стихает, но вежливый румяный и веселый Ключнев говорит негромко:

— Никто вас не хочет оскорблять. Но я перед всем собранием утверждаю: вы говорите, что новые опоки будут готовы к двадцать пятому января, а я утверждаю, что они не будут готовы и к двадцать пятому февраля.

В собрании тишина внимания: что ответит Соломон Борисович? Но он молча поворачивается и уходит. Все смущены. Кто-то говорит Ключневу:

— Ты все-таки чересчур. Разве так можно с человеком? Он ручается словом.

Ключнев спокойно:

— И я ручаюсь словом. Если я окажусь неправ, выгоните меня из коммуны.

В первых числах февраля на мой стол оперся локтями Синенький, поставил щеки на собственные кулачки, долго молча наблюдает, чем я занимаюсь, и, наконец, осторожно пищит:

— Сегодня ж шестое февраля?

— Да, шестое.

— А новых опок еще не сделали...

Я улыбаюсь и смотрю на него.

— Не сделали.

— Значит, Ключнев Вася правильно говорил...

— Выходит, так.

Синенький срывается с места и вылетает. Только в двух он оборачивается и делает мне глазки:

— А Соломон Борисович, значит, не сдержал слова...

Но Синенький произвел эту рекогносцировку неофициально. Ни в общем собрании, ни в совете командиров не вспоминают о состязании Соломона Борисовича и Ключнева. Соломон Борисович недолго обижается. Он оживлен и энергичен и первого марта с торжеством говорит общему собранию:

— Ваше желание, коммунары, выполнено: сегодня готовы новые опоки, и мы переходим на формовку в песке...

Коммунары шумно аплодируют Соломону Борисовичу. Я ищу в зале Ключнева. Он прячется от меня за чьей-то головой и хохочет, хохочет. Перед ним стоит Синенький и быстро бьет ладонью о ладонь, широко отставив пальцы. Смотрю — и многие коммунары заливаются, но так, чтобы не видел Соломон Борисович. А Соломон Борисович высоко поднял руку и говорит звонко:

— Видите, что нужно и что можно сделать для производства, я всегда сделаю.

В зале взрыв аплодисментов и уже откровенный взрыв смеха. Смеется и Соломон Борисович.

13. На дороге

Несмотря на холод в цехах, плохой материал и полное изнеможение станков, без всякого сомнения заканчивающих свою земную жизнь, коммунары подходили к концу первого квартала без больших поражений.

Тридцать первого марта мы просидели до 12 часов ночи в общем собрании — дела были серьезные.

Промфинплан первого квартала был выполнен:

армагурным цехом	86 ⁰ / ₀
деревообделочным	108 ⁰ / ₀
швейным	130 ⁰ / ₃
коммуной в среднем	102 ⁰ / ₀

Всего выпущено продукции по себестоимости на сумму 174 000 руб.

Напали на металлистов:

— Так мы и говорили, что вы подкачаете... Вот у вас прорыв, где еще 14% плана гуляют? А ведь у вас собрались самые квалифицированные коммунары.

Металлисты были очень смущены. В особенности был огорчен четвертый отряд, в котором были и Юдин, и Ключнев, и Грунский, и Скребнев, и Козырь. По выполнению своих отрядных норм отряд шел впереди всех отрядов коммуны, уступая только одиннадцатому отряду девочек (после закрытия никелировочного цеха у нас была произведена реорганизация отрядов, и девочки получили номера десятый и одиннадцатый). Но другие отряды токарей далеко отстали от четвертого, а особенно отставали литейщики. За литейщиков и взялось общее собрание.

— Два месяца держались за киевскую глину, выпускали больше брака, чем дельного литья.

— Зайдешь к ним в цех — не литейная, а аптека: это не трогай, а на это нельзя смотреть, а это секрет какой-то, а на самом деле саботажники. А командиры литейщики? Хоть один был рапорт за квартал?

— Чего, хоть один рапорт? — вскакивает задетый за живое командир девятого. — Мало было рапортов?

— А за мастером вы смотрели? Вы, вот, посадили токарей на «декохт»... Что мы не знаем, как они гонялись за масленками. Каждое утро у них в очереди стоят. Куда это годится такое...

— А где Ганкевич, почему его нет на собрании?

Председатель немедленно посылает за Ганкевичем пацана. Ганкевич приходит смущенный и злой.

— Я работал двенадцать часов в сутки, разве я отдыхал когда . . . . .

В левом здании будут спальни на триста человек, больничка, вешалка и кое-какие подвалы. В правом здании расположится в двух этажах новый завод — завод ручных электросверлилок.

Центральное здание все придется перестроить: кухню опустить в подвал, за счет классов вниз и коридора расширить столовую, спальни второго этажа обратить в аудитории, из теперешнего «тихого» клуба и спальни девочек сделать театр на пятьсот человек, в теперешнем «громком» клубе устроить «тихий». Придется в центральном здании передвинуть почти все переборки.

Косалеви́ч добивался на правлении:

— Нельзя ли коммунаров раньше отправить куда-нибудь, чтобы раньше начать перестройку?

Но в правлении сказали: нельзя никуда отправить, нужны большие средства, нужно сейчас работать, уедут коммунары только пятнадцатого июля.

В этом проекте самым увлекательным было — завод электросверлилок.

Мы видели уже эту электросверлилку, инженеры достали где-то заграничную: алюминиевый кожух, ручка, собачка, все вместе немного похоже на револьвер, только больше — сантиметров сорок в длину и цилиндричнее. Внутри моторчик, механизм, шестеренки — внутренность еще мало понятная, но, говорили инженеры, что в работе нужна точность до одной сотой миллиметра. Если эту сверлилку разобрать, получается много деталей. Одних названий деталей сто одно.

До сих пор сверлилки эти привозились к нам из Америки, Австрии, платили за них золотом. Коммунары на сверлилку смотрели со страхом и уважением:

— Это тебе не масленка, тут тебя один моторчик сло-

пает с потрохами. Одна сотая миллиметра — какие очки надевать нужно?

— Правда, что у нас мастеров таких пока что нету, а все-таки сделаем, вот увидите, сделаем, еще как...

Все это дело: и новые здания, и новый завод, и новые коммунары, все это представлялось в далеком тумане, но не туманом уже были ряды кирпича, обступившие коммуны со всех сторон, пирамиды песка, сосновые бараки для рабочих, начальник строительства Вастонович. А в конце марта пришли люди с топорами и хватили ими по нашему милому саду. Из пацанов кое-кто ахнул:

— Сад? Ой, жалко ж...

— Чего ты трепыхаешься? — сказал кто-то из старших, — яблок жалко? Так яблоки, это что? Яблоки — это баловство, а тут тебе электросверлилка...

Пацаны не успевали, впрочем, переживать как следует все, что им выпало на долю в это время. Слишком много было потрясающих впечатлений, а впереди еще поднимались кавказские горы. Не успели вырубить сад, как начали копать котлованы для фундаментов, а в начале апреля на нас навалилось новое дело: постройка дороги.

О дороге к белгородскому шоссе мы хлопотали давно. Нужно было проложить мостовую длиной в километр с четвертью, а сейчас мы положительно изнемогали от бездорожья. Даже пешеходы добирались до шоссе ценою великих страданий и сложной обходной стратегии. Ведь вы знаете, что такое старая российская дорога? Это такое место, которое меньше всего приспособлено быть дорогой. Так вот именно такая дорога отделяла нас от белгородского гудронного шоссе.

В течение зимы совет командиров отправил несколько делегаций в Коммунхоз. Совет командиров писал Коммунхозу, что для перевозки двадцати пяти пудов груза нужно запрягать трех лошадей, что извозчики отказываются вообще к нам ездить, а о проезде машиной нечего и думать.

И к весне Коммунхоз, наконец, сжалился над нами и приступил к прокладке дороги. Начались земляные работы, свозили камень. С земляными работами сразу обернулось очень плохо. Нужно было сделать выемку длиной до полуверсты — для этой работы наняли даниловских и шишковских крестьян и платили им по поден-

ному расчету, а по сдельному они ни за что не хотели работать — слишком для них подозрительным показался кубический метр.

Посмотрели мы с недельку на эти земляные работы и головы повесили: при таких темпах дорогу окончат не раньше конца пятилетки. Еще прошла неделя. В общем собрании заговорили:

— С такой работой нечего возиться. Либо бросить все дело, либо искать новых рабочих.

— А где ты их найдешь?

Пришел в собрание и десятник с дороги и сказал:

— С дорогой плохо, прямо вам говорю.

Кто-то из коммунаров спросил:

— А если бы нам взяться за дело?

Десятник улыбнулся высокомерно:

— Что вы, разве это детская работа?

— Какие мы дети! — обиделся Грунский, — хорошие дети...

— Сколько там у вас больших, а малышам будет трудно. Знаете, земляная работа, она...

Так собрание и кончилось ничем. У себя я сказал десятнику:

— Жалко, разумеется, отрывать ребят от производства, но вы знаете, если бы ребята взялись, за шесть дней выемку бы окончили.

Десятник и теперь не поверил, а через три дня снова пришел ко мне и сказал:

— Что ж, надо прекращать работу. Эта волянка обходится дорого, и к осени дорогу не окончим.

— А не потрубить ли нам, Василь, совет? — спросил я Дорошенко.

Дорошенко подумал, подумал:

— Насчет дороги? А как же с промфинпланом будет? На дорогу нужно не меньше десяти дней.

— Десять дней? — удивился десятник. — Голубчики мои, да это ж прямо чудо... Давайте...

— Потрубить можно, что ж, — сказал Василь.

Потрубили. Командиры задумались:

— Десять не десять, а на неделю придется закрыть производство.

Соломон Борисович разволновался до истерики:

— И что вам в голову приходит? Откуда такое прихо-

дит в голову? Десять дней, это по себестоимости на сорок тысяч рублей продукции. Что такое? Вы соображаете своей головой?

— А если останетесь совсем без дороги? — сказал десятник.

— Как, без дороги? Без дороги нельзя...

— Соломон Борисович, — сказал кто-то, — если мы не выполним промфинплан, тогда можно будет в июне лишний час прибавить, да мы и так выполним...

— Надо не выполнить, а перевыполнить...

— И перевыполним...

— Ну, делайте, как хотите, — сказал Соломон Борисович.

Совет командиров постановил: отдать на дорогу одну пятидневку за счет производства и за счет учебы — значит, по 8 часов в день. В школе у нас дела шли хорошо.

— А лопаты будут? — спросили у десятника. — На сто пятьдесят человек!

— Да я вам не только лопаты, а вам черта достану, только помогите.

Совет командиров немедленно отправился на дорогу и разделил всю выемку на двенадцать частей — по числу отрядов — пацанам и девочкам дали более мелкие части выемки, кто постарше — глубокие. Вышло на каждый отряд по сорок с чем-то метров погонных.

Филька посмотрел на свой участок и сообразил:

— По два с половиной метра на пацана, а глубина тут сантиметров тридцать... Ого...

В следующие дни линия дороги была похожа на какой-то фейерверк земляных бросков. По сторонам линии все росли и росли земляные валы, коммунарские головы все глубже и глубже уходили в землю. Через три дня четвертый отряд окончил свой участок и перешел на участок девочек, а девочек упростили отправиться на помощь пацанам.

— Там вам легче, здесь высоко бросать нужно...

Все-таки за пятидневку не окончили, пришлось истратить и выходного дня половину.

Но к вечеру в выходной день пришел ко мне десятник и сказал, захлебываясь:

— Это же замечательно, честное слово, я никогда

такого в жизни не видал... Это же замечательно, ей богу, это прямо замечательно!..

Был тихий и теплый вечер. Коммунары прогуливались по вырытой выемке, и Сопин декламировал:

— Пацаны — это тебе кадры! Это не какая-нибудь мелкая буржуазия из Даниловки...

В первых числах апреля еще волнения — перевыборы совета командиров.

За месяц вперед началась кампания по перевыборам. Комсомольское бюро часто и ужин пропускало за этим трудным вопросом. А вопрос был действительно трудным: новому совету командиров предстояли большие дела: тяжелый промфинплан, постройка, конец учебного года, кавказский поход. Дорошенковский созыв, по мнению бюро, растрепал коммуны: воров завели, потеряли Воленка, разбаловали пацанов, не сумели крепче связаться с инженерами, проектировавшими новое производство. Только и заслуг было, что приступили к дороге. И в бюро и среди актива высказывались за крепкий состав совета:

— Надо выбирать таких, чтоб корешкам не смотрели в зубы.

В некоторых отрядах не нравились такие идеи. Литейщики и кузнецы доказывали:

— У нас все одинаковы. Кого отряд выдвинет, тому и будем подчиняться.

На избирательном общем собрании споров не было.

Бюро выдвинуло еще одно предложение: не избирать отдельно дежурных по коммуне, а дежурить командирам по очереди:

— А то у нас так: дежурный на части разрывается, а командиры смотрят — пускай себе. А вот, когда он будет знать: сегодня этот дежурит, а завтра я, так у него другой порядок в отряде будет.

Против этого никто не возражал — в самом деле — да и начальства меньше. Это постановление имело в дальнейшем огромное значение. Командиры в коммуне сделались с тех пор действительными руководителями нашего коллектива.

Собрание выбрало таких кандидатов:

Первого отряда — Землянский
Второго — Швыдкий

Третьего	— Ширявский
Четвертого	— Клюшнев
Пятого	— Похожай
Шестого	— Кравченко
Седьмого	— Дорохов
Восьмого	— Студецкий
Девятого	— Сергиенко
Десятого	— Вехова
Одиннадцатого	— Пихоцкая

Секретарем совета командиров выбрали Никитина, подчеркивая этим избранием большие задачи нашего самоуправления. Никитин — самый старый коммунар, перебивавший командиром несколько раз. Он до сих пор находился как бы на покое, и выбирали его только в самые ответственные комиссии. Никитин — человек прежде всего суровый, во-вторых, Никитин знает все . . . . .

14. Положение на фронте

. . . . .

15. Четырнадцатое июля

. . . . .

напихал Кольке всякого добра: бинтов, иоду, каких-то капель, английской соли...

Было много мороки со всеми этими мелочами. Уже с июня стали собирать ребята старые газеты, чтобы выложить ими в корзинах.

Совет командиров мобилизовал всех женщин в коммуне научить ребят складывать костюмы так, чтобы они не мялись и не мешали друг другу. Это оказалось довольно сложной наукой, и многие пацаны с трудом постигали ее теоремы. Командирам по-горло было забот с общезвонным имуществом: ведра, топоры, гвозди, веники, фонари. Фонарей «летучая мышь» полагалось на каждый взвод три штуки. А для фонарей нужен был керосин, а для керосина банки.

В особенности много повозились мы с лагерями. Сначала думали взять палатки с собою в поход. По этому вопросу долго спорили на общем собрании. Маршрутная

комиссия требовала, чтобы палатки сопровождали нас по Военно-грузинской дороге. Панов говорил на собрании:

— Вы не думайте, что там для вас везде приготовлена хорошая погода. А если дождь, куда вы денетесь на дороге?

— Дождь не страшно,— говорили на собрании,— ну, что ж, помокнем немного. А ты говоришь: палатки. Ну, хорошо, возьмем палатки. Вот пришли мы на ночлег, а тут на тебе. дождь... что ты будешь делать?

— Как что? Разобьем лагери!..

— Разобьешь, какой ты скорый!.. Во-первых, чтобы развернуть палатку и натянуть, нужно не меньше, как полчаса, и ты измокнешь, и палатка вся мокрая, а вторых, на каком же месте ты ее разобьешь?

— Как на каком? Мало ли на каком? На каком удобнее...

— А я тебе скажу, на каком...

— А ну, скажи...

— На мокром...

Общее собрание взрывается смехом.

— Верно, на мокром...

— И придется ложиться все равно на сырую землю. А на другой день ты палатку должен свернуть? Должен?

— Ну, должен,— говорит уже сбитый с толку член маршрутной комиссии.

— А как ты ее свернешь, если она мокрая, ее сушить надо. А если дождь не перестал?

— Верно,— закричали в собрании,— не надо палаток... возиться с ними.

Но маршрутник не сдается.

— Вы так говорите, как будто вы маленькие, или дурачками прикидываетесь. Смотри ты: пошел дождь, а он полчаса палатку натягивает, и он, бедный, измокнет, и палатка измокнет, все пропало. А разве так делается? Видим, что туча находит, значит, стой, разбивай лагерь, пока там дождь...

Редько перебивает:

— А туча прошла, опять свертывай, так перед каждой тучей и будем, как на ярмарке, развертывать и свертывать...

Собрание снова хохочет, хохочет и маршрутная комиссия.

— Ну, хорошо, мокните, нам все равно, а вот другое ты знаешь, что такое Крестовый перевал?

— А что там страшного?

— Мы вот ехали с Антоном Семеновичем, так прямо по снегу три километра над уровнем моря, а там ночевать придется или близко оттуда, а ты согреешься?

— В палатке?

— Ну да, в палатке...

— И в палатке не согреешься...

Крестовый перевал все же не дождь, и над ним коммунары задумались. Потом решили удлинить марш через перевал: пройти за один день верст пятьдесят и таким образом избавиться от ночевки в самом холодном месте. А на всякий случай согласились:

— Ну, и померзнем, не большая беда, как-нибудь друг друга нагреем.

Лагери решили отправить прямо в Сочи товарным грузом, а для постройки лагерей командировать в Сочи Панова — он знает место для лагерей, а Военно-грузинскую он все равно уже видел. Панову только пятнадцать лет, но он уже на втором курсе. Славится он постоянной бодростью, очень малым ростом и великими математическими способностями. Вместе с Пановым посылаем Семена Мойсеевича Марголина.

Марголин — фигура последней формации. Ему лет тридцать, и официальное положение его в коммуне — киномеханик. В коммуне он должен бывать раза два в пятидневку, пропустить фильм, и за это он получает сто восемь рублей в месяц.

Но коммунары уже давно усовершенствовали Марголина. Чего только Марголин не делает, он и ремонтирует проводку, и чинит моторы, и устраивает иллюминацию, и достает билеты для культпохода, и покупает мазь для оркестра, он «и швец, и жнец, и в дуду игрец». И если Марголин какое-нибудь поручение выполнит плохо, на него сердятся и кричат:

— Сенька, ты опять напутал? Как тебе говорили, ты чем слушал?

Сенька всегда весел и доволен жизнью — он влюблен в коммуну. Из-за коммуны он забыл дом, семью, жену, семейное счастье. Жена Сенькина, маленькая изящная

женщина, иногда приходит в коммуну, улыбается сквозь слезы и жалуется:

— Что это такое? Четыре дня не было дома...

Тогда Сеньке говорят:

— Ты что ж, и дома путаешь все!.. Ступай домой, да смотри, не забудь завтра зайти узнать, как там фанфарные занавески, готовы?

Сенька сейчас возится с лагерьями: надо запаковать доски, колья, веревки, надо достать вагоны, приготовить инструмент...

Посторонний человек, приехавший в коммуну, не заметил бы никаких приготовлений к походу. Так же чисто в коммуне, так же расцветает день сигналами, так же шумят мастерские и журчит наука в классах. Только где-то глубоко в подвалах, кладовках, на черных дворах рассчитывают, измеряют, запаковывают наши будущие походные дни. По вечерам коммунары толпятся на стройке, спорят с Делем и Степаном Акимовичем, и только немногие возятся со своими корзинами. У пацанов дела больше всего. На их плечах прощальный вечер в клубе ГПУ. Кружок пацанов, поставивший в свое время «Постройку стадиона», не разошелся. Он ставит обзоры на какие угодно темы. Он уже поставил «Дзержинцы в Европе» и «Паровоз», а теперь готовит сложную политическую сатиру под названием «Red Army». Чего только нет в этой сатире: Пуанкаре, Бриан, Макдональд, Пилсудский, китайские генералы, рабочие и, самое интересное, Красная Армия. Постановка — дело сложное. Не только нужно знать текст, не только играть, но и костюмы приготовить и все художественное оформление. И все это должны сделать пацаны.

В последние дни коммунары смеются, прыгают, радуются, а посмотришь на них внимательнее, и так ясно видно: устали ребята до последней степени — побледнели, похудели. Стали попадаться в совете командиров заявления:

— Прошу перевести меня в какой-нибудь другой цех, так как я здесь очень уморился.

В совете командиров не потворствовали малодушным:

— Все уморились, отдохнешь в Сочи.

В последний раз собрался совет командиров 10 июля, чтобы разрешить много последних мелочей. Пристал строитель Вастонович:

— Надо приступать к перестройке главного дома — уберите все ваше добро.

Убрать не так легко: мебель, гардины, портреты, книги, кровати. Насилу нашли такое помещение, перестройку которого согласился Вастонович отложить до нашего возвращения.

И еще вопрос: кому передается переходящий приз — знамя коммуны? Девочки выполнили промфинплан лучше всех цехов, а у девочек лучший отряд одиннадцатый. Но у металлистов лучший отряд четвертый, и по выполнению норм он первый в коммуне. Оба отряда заявили свое право на знамя. Помирить их совет командиров не мог и решил на время похода выбрать специальную знаменную бригаду. Общее собрание выбрало знаменщиками Конисевича и Салько, ассистентами — Похожая и Сергея Соколова.

Наконец, настали последние дни. Закрыли школу. Опустошили все комнаты коммуны — попрятали все подальше, свернули лагеря и отправили на вокзал.

13-го вечером расформировали отряды и ночевали уже в походном порядке — по взводам, а 14-го уже и делать нечего. Пацаны что-то заканчивают к постановке, хозкомиссия раздала последний багаж по взводам. Командир четвертого отряда Ключнев один оказался в маленьком прорыве:

— Как я сдам знамя? Кисти такие старые, одни кулачки остались. Сколько раз говорил Степану Акимовичу...

В четыре часа дня послали кого-то в город за кистями.

За обедом прочитали приказ:

Коммуне им. Дзержинского с 14-го числа считаться в походе. Заведывание коммуной на месте передается товарищу Левенсону. В пять часов вечера всем построиться в парадных костюмах для марша в клуб ГПУ. После вечера в клубе всем переодеться в походные костюмы и строиться для марша на вокзал. Обоз все время при колонне.

В пять часов проиграл Волчок общий сбор. В сторонке уже стояли нагруженные до верху восемь возов обоза. Выстроились в одну шеренгу против фасада коммуны, на правом фланге заблестели трубы оркестра, засмеялись на

«солнце занавески фанфар. Белый строй коммунаров незабываемо красив, свеж, совершенно необычным мажорным мотивом врывается в память. На макушках коммунаров золотые шапочки, только командиры в фуражках с белым верхом.

Пробежали последние деловые пацаны. Кто-то поправил завязку на ногах, кто-то потуже затянул пояс, девочка отряхнула последнюю нитку с юбки и улыбаясь смотрит на меня:

— Ох, и хорошо ж!..

— Под знамя смирно!

Вынес четвертый отряд знамя в чехле и замер перед фронтом. С правого фланга отделилась знаменная бригада, под салют оркестра приняла знамя, и вот оно уже на правом фланге во главе нашей белоснежной колонны, чтобы быть там полтора месяца. Высоко подбрасывая пятки, стремглав пролетел Алексюк со своим флагом на место.

Против нашего строя собрались служащие и рабочие коммуны, строители, техники, на стройке затихли стуки и опустели леса. Многие идут с нами в клуб на прощальный вечер.

Как будто все готово. Несколько прощальных слов остающимся, несколько пожеланий с их стороны.

Соломон Борисович смотрит на нас и волнуется, на глазах у него слезы:

— Эх, поехал бы с вами.. хорошие мальчики и девочки, мне трудно без них... Ах, как они работали, как звери, как звери!

— Соломон Борисович, станки ж, смотрите! — кричат из третьего взвода.

— Хорошо, хорошо, ты не бойся..

— Ну, пора.

— Колонна, смирно!

Но кто-то прорвался сквозь строй и дышит так, как будто у него все цилиндры лопнули.

— Что такое? Где ты был?

— Кисти!..

— Ах, кисти!..

Склонилось знамя, и несколько человек занялись его украшением

— Ну? Больше ничего не будет?

— Ничего, можно трогать...

— Колонна, смирно! Справа по шести, шагом марш!

Тронулся, зазвенев, оркестр, тронулось знамя, ряд за рядом перестраивались коммунары, проходя мимо заулыбавшихся родных пацанов левого фланга.

16. Первые километры

Рано утром пятнадцатого июля коммунары уже сидели в вагонах. В первом поместился оркестр, во втором — первый и третий взводы, в третьем — второй и четвертый, — пацаны и девчата. Поместился и я с этой компанией, наиболее предприимчивой и опасной в пути.

Ожидая посадки на вокзале, истомились без сна и поэтому, как только распределили командиры места, открыли ребята корзинки, достали одеяла и завалились спать. Даже самое замечательное наслаждение, о котором все мечтали за месяц до похода — смотреть из окна вагона, было отложено до будущего времени. Только в Донбассе выставили ребята любопытные носы в окна и засыпали друг друга вопросами:

— Ты наверно не знаешь, что это за такие кучи?

— Я знаю.

— Ты наверно думаешь, что это уголь? Ха, ха, ха...

— А по-твоему это дрова?

— Это — порода. Понимаешь? Породы, земля...

— А ты все понимаешь? Это по-твоему доменные печи?

— Нет, не доменные.

— А что?

— А тебе какое дело, что?

— Это тоже порода?

— Вот народ какой, эти пацаны..., — говорит Сопин, командир четвертого взвода. — Ну вот, из-за чего они ссорятся?

— Мы разве ссоримся? Мы разговариваем.

— Знаю, какие это разговоры. Это разговор, а через минуту начинают драться. У меня во взводе чтобы этого не было!

В переднем вагоне заиграли сигнал. Пацаны прислушались.

— Хлопцы, на завтрак!..

Из-под одеял высунулись головы.

— Странно как-то, вставать не играли, поверки не играли, а прямо в столовую...

В вагон входит Кравченко, член хозкомиссии и ее признанная душа.

— Командир, давай пацанов, получить по фунту хлеба, по два яйца и по яблоку.

— Мы в хлебе не нуждаемся,— говорит Сопин.

— Отправишь двадцать буханок в средний вагон, там разрежем.

По вагону проходит Ключнев. Сегодня он дежурный командир.

— Чтобы в вагоне не было скорлупы, крошек, санобход будет после завтрака.

Они с Кравченко удаляются, преисполненные важности — они имеют право переходить из вагона в вагон. За ними отправляются несколько пацанов за завтраком. В отделении девочек тоже зашевелились. Прибежали старшие за буханками и тоже в зависти.

— Вот здорово, у них какие окна, по три человека может смотреть.

Снова в вагоне Кравченко.

— Если у кого попадется плохое яйцо, скажи командиру — обменяем.

Кравченко великий специалист своего дела. Он провёл хозкомиссию в крымском походе, и теперь, когда его выбирали, чуть не плакал:

— Пожалейте, хлопцы, никогда покою нету, и день и ночь паришься.

Но хлопцы его не пожалели:

— Не ври, чего там паришься! А у нас поход серьезный, сам понимаешь! А тебе что? Мы пёхом жарим, а ты в обозе едешь, и пищи у тебя, хоть завались...

— Та на ту пищу дывытысь протывно...

В крымском походе с ним случилась смешная история, которую никогда коммунары не забудут. Колонна коммунаров спустилась в Симеиз прямо от обсерватории через Кошку, а обоз пошел по шоссе. На каком-то повороте слез Кравченко с воза и присел на дороге переобуться, потом на что-то загляделся и потерял обоз из виду. Бросился в догонку, попал не на ту дорогу и совсем заблудился. Обоз вошел в Симеиз, присоединился к колонне,

а Кравченко нет. Ждали, ждали и забеспокоились. Уже стемнело. Послали трубачей в горы и сказали:

— Играйте сбор, не поможет — играйте на обед, обязательно прибежит.

Но и «на обед» не помогло. Так Кравченко и не нашли и без него на другой день отправили обоз в Ялту, а сами погрузились на катер. Большинство было опечалено трагической гибелью Кравченко, но опытные коммунары говорили:

— Найдется старый, не бойтесь...

. Действительно, в Ялте на набережной, когда мы сходили с катера, нас встречал Кравченко, измазанный и потертый.

— Где тебя черт носил? — спрашивают у него.

— Да где ж? Я ото отстал от обоза, черт его знает, куда оно повернуло, ходил, ходил, та и пришел в Симеиз той самый. Спрашивал, кого только ни спрашивал, чи не видел кто обоза, так никто и не видел, как скрозь землю провалился. Так я й пошел прямо в Ялту, денег со мной же не было...

Коммунары, пораженные, выслушали эту исповедь.

— Да слушай ты, халява!..

— Ну, чего ж я халява? — спросил Кравченко обиженно.

— Халява! А чего ж ты не спросил, чи не бачылы тут хлопцив з музыкаю?

— Та на шо мени музыка ваша, разозлился Кравченко, когда мени обоз був нужный!.. А дэ ж вин зараз?

— Кто?

— Та обоз же, от ище дурень...

— Обоз в пять часов отправился в Ялту.

Кравченко бегом бросился в город... Так и не разобрал он, почему его называли халявой.

Теперь Кравченко опытнее и, пожалуй, не потеряется, но и теперь он умеет ограничить свои действия формулами самой ближайшей задачи.

После завтрака культкомиссия притащила газеты и журналы, купленные на узловой станции. Но недолго коммунары предавались политике, завязались разговоры. Они были на границе двух эпох, совершенно не похожих одна на другую: они только что оставили свои станки и развороченную в стройке коммуны, но еще не вступили

в сложные переплеты похода. Говорили все-таки больше о коммуне.

— А интересно, чи отремонтирует станки Соломон Борисович?

— А на что тебе станки эти? Там, брат будут такие машины!..

— Не успеют к нашему приезду...

— Успеют!..

— А здорово дорога вышла, красота!..

— А вот хлопцы: сто пятьдесят новеньких, как напрут, ой, ой, ой... Напрасно мы позадавались перед правлением.

Дело в том, что в правлении все-таки побаивались — новенькие разнесут. Но коммунары в правлении говорили:

— Вот увидите, как тепленькие на места станут...

— Все-таки лучше пригласить двух-трех воспитателей.

— Хуже, гораздо хуже, волынка будет. Вот увидите: срок четыре месяца, через четыре месяца не отличите, где старый, где новый, мы уже это знаем.

Это положение — обработать новых за четыре месяца без помощи воспитателей — без всякого формального постановления сделалось почему-то обязательством коммунаров, его признавали как обязательство и коммунары и правление, и о нем часто вспоминали. Большинство коммунаров считало, что вопрос о новых вообще вопрос пустяковый, гораздо труднее в их глазах был вопрос о заводе.

Только подъезжая к Владикавказу, мы стали больше предаваться перспективам ближайшего будущего. На Минеральных водах на секундочку задержались с воспоминаниями: многие ребята в свое время посетили Минеральные воды, хотя и не имели командировки Курупра. Вспоминали сдержанно и недолго:

— Тут летом жить можно...

Владикавказ встретил нас проливным дождем. Из вагонов не вышли, думали, вот перестанет. Но дождь у них какой-то странный: жарит и жарит с одинаковой силой, без всякого воодушевления, ровно, упорно, и самому ему как будто скучно так однообразно поливать землю, а он все-таки поливает и поливает. Просидели час в вагонах. и пришли в полное недоумение. Собрали совет командиров взводов.

Никитин председательствует в совете. Степан Акимович зло смотрит на станционное здание, поливаемое дождем.

— Вот дьявол заладил. Так вот, товарищи. Под таким дождем погрузиться на подводы, достать хлеба, выступить — невозможно.

— Уже и поздно, — говорит Никитин, председатель маршрутной комиссии. — Нам полагалось выйти из города в 10 часов, а сейчас уже два. Опоздали, а теперь дождь этот, да пока соберемся и нагрузимся будет уже вечер, куда же итти под дождем. Давайте ночевать...

С нами сидит и думает председатель ОПТЭ.

— А как же обед? Мы для вас обед приготовили. А ночевать где вы будете?

— А нельзя в вагонах?

— А пожалуй, что и можно...

— А обедать как-нибудь проберемся позже...

На том и решили. Начальник станции разрешил переночевать в вагонах. Коммунары занялись уборкой, часть отправилась на поиски фруктов, и через пятнадцать минут весь базарчик на площади перед вокзалом был прикончен. Под вечер кое-как пробрались в город и пообедали.

Представитель ОПТЭ говорил нам:

— На дождь не смотри, дождь три дня, четыре дня будет. Ты иди, там дождя не будет...

Решили завтра выступать во что бы то ни стало. До вечера спорили и торговались с возчиками, договорили шесть парных арб за пятьсот рублей до Тифлиса. Помогло то обстоятельство, что мы захватили с собой из Харькова несколько мешков овса.

Утром проснулись — к окнам: дождя нет, но небо несимпатичное, — все равно дождь будет. Хозкомиссия наскоро выдала по куску колбасы. Объявили приказ:

Немедленно погрузить обоз. Строиться на площади в обычном порядке, форма одежды летняя (выходные трусики и парусовки). Караул при обозе от первого взвода.

Пробежали командиры на площадь, распределили между собою арбы. Потянулись коммунары через рельсы с корзинками, ящиками, трубами. Обоз грузили долго и мучительно. Осетины завидовали друг другу и не признавали нашей взводной организации, перебрасывали

ящики и корзинки с воза на воз, упрекали нас в обилии багажа. Коммунары уговаривали их:

— Ты кушать будешь?

— Кушать будым,— смеется старик с обкуренной сединой в бороде.

— И мы будым.

— Зачим так много кушать брал?

— Про тыбэ все думал.

Старик смеется. Смеется и коммунар и уже по-русски доказывает:

— Ты не бойся, тут еды на сто пятьдесят человек. Вот в Балте подзаложим, легче станет, а в Тифлис приедем — пустые арбы будут. Все поедем.

Теперь уже старик шутит:

— Ты и корзинка поедыш?

— Корзинка не-э-эт,— хохочут коммунары.

Осетины постепенно делались добрее и сговорчивее. Но обнаружилась другая беда: веревок у осетин нет, шины на колесах еле держатся, ободья тоже «живут на ладане», как говорит Соломон Борисович.

— Как же мы доедем? — спрашивает Степан Акимович.

— А чиво?

— Как чиво? Двести километров...

— Доедым, не бойся...

— А веревка?

— А веревка нужный, это верно...

Начинается дождик. Веревок нет, и за хлебом только что уехал Кравченко на пустой арбе. Решили выступить и подождать обоз при выходе из города. Три арбы, впрочем, готовы выступить с нами.

Построились, вынесли знамя.

— Шагом марш!

С музыкой пошли через город. Нигде я не видел таких ужасных мостовых, как во Владикавказе. То взбираешься на неожиданно выплывший каменный зуб, то проваливаешься в ущелье, наполненное дождевой водой. Вышли в центр города. Левшаков впереди размахивает руками, потерял человек всякую парадность. Обгоняю оркестр, подхожу к нему.

— Не спеши, пацанам трудно.

— Надо ж окончить поскорее эту каторгу!

Нагоняет меня пацан из четвертого.

— Одна арба рассыпалась!

Посылаю тройку из первого взвода. Наконец, переходим через Терек, проходим еще около километра, и мы на краю города. Останавливаемся около верстового столба, на котором стоит цифра 1. Мы уже на Военно-грузинской, впереди нас горы, покрытые сеткой мелкого дождя. С нами пришла только одна арба, остальные отстали. Выясняется, что со второй арбы свалилось два ящика.

— С чем ящики? — тревожно спрашивает Левшаков.

— С яйцами, кажется.

— Ну, будет дело, — говорит Левшаков.

Распускаем колонну, но дождь все усиливается, а спрятаться негде. Около часа терпеливо мокнем, наконец, надоело. Прибежал гонец от Степана Акимовича:

— С хлебом и с веревками еще задержимся немного.

Посылаю гонца обратно:

— Скажи: колонна ушла, ожидаем обоз на восьмом километре.

Я дал приказ двигаться дальше «вольно». Знамя привязали к арбе, очередные разобрали басы. Еще в коммуне был составлен план переноски басов, каждый коммунар знает, от какого километра до какого он несет бас, от кого принимает и кому сдает — вышло в среднем по десять километров на человека, девочкам поменьше.

Пошли вольно и сразу быстро. Человек восемь взяли под руки: я, Акимов, Ключнев, Камардинов, Харланова и еще кто-то и широкой шеренгой двинулись вперед. Через минуту нас вприпрыжку обогнала стайка пацанов и скрылась за поворотом. Кто-то из них обернулся, крикнул:

— На восьмом километре?

Мне с коммунарами идти трудно: я в сапогах, а они в трусиках и в легких спортсменках, но нужно держать фасон. Идем очень быстро, за нами растянулась вся коммуна, далеко позади темнеет громада единственной арбы, следующей за нами.

Подожли к Тереку. Справа поднимается уже какая-то гора. Есть коммунары, изучившие Анисимова на-ять. Они называют имя этой горы и что-то разглядывают на ее склонах. Но дождь еще поливает нас, и никому не хо-

чется заниматься геологией. Нас все обгоняют и обгоняют, и мы уже слышим за собой понукание нашего возчика.

Только на шестом километре вышли мы под ясное небо. Задержали шаг и окунулись в тепло и солнце. Громче защебетали девочки, заиграл смех, кто-то за кем-то уже погнался. Прошли мимо каких-то хаток и впереди на спускающейся вниз дороге видим: на каменном парапете сидят все коммунары, как воробьи на проволоке, длинной белой лентой отделяют бурный Терек от линейки шоссе. Догадались — это и есть восьмой километр. Подошли и мы и тоже уселись на парапет. Фотокружок уже наладил на нас аппараты: рыжий Боярчук, Левка Салько и Козырь имеют в обозе целый ящик с пластинками.

Отдыхали недолго. Через четверть часа кто-то уже полез на ближайшую кручу, а пацаны уже бродят в отметах Терека, и на них кричит ДЧСК:

— Ты же в выходных трусиках, что же ты их купаешь?

— Я не купаю... А смотри, какая вода холодная, а купаться негде.

Терек сейчас невиданно полноводен, грязен и бурлив. Он плюется сердито на пацанов и не дает им купаться. Пацаны тоже недовольны Терекком:

— Терек, Терек! Что за речка такая — замазура!

Группа с Филькой во главе потеряла терпение и замелькала пятками по дороге к городу.

— Куда вы?

— Обоз встречать...

Через полчаса они представили обоз в полном составе. Целая корзинная оргия на арбах, а рядом с возчиками сидят наши караульные и держат в руках винтовки. Приостановился с ними и Степан Акимович, и пацаны упрекают его:

— Хитрый какой!..

— Чудак, чего ты ругаешься? Я ж тебя скоро обедом кормить буду.

Увидев обоз, пацаны вдруг спрыгнули с парапета и поскакали вперед по дороге, потом вдруг остановились:

— А где будем обедать?

— На пятнадцатом километре, — говорит Никитин.

За первым поворотом открылись новые пейзажи, но-

вые ласковые мохнатые горы. Золотые шапочки коммунаров рассыпались и по дороге, и по откосам гор, и на берегу Терека. Мы бредем сзади с Левшаковым. Прошли маленькую деревушку Балту. За последней хатой через дорогу течет целая река прозрачной воды и падает водопадом с края дороги в балочку: высота водопада метров шесть. На дне балочки идет пир горой. Коммунары быстро сбрасывают легкие одежды и бегом слетают на дно под оглушительный удар водопада. Их с силой швыряет на дно, они перекатываются в шипящем потоке и снова в атаку. Один Миша Долинный стоит под самой стенкой и только покряхтывает. Левшаков без разговоров снимает рубашку и штаны. Левшакову шестьдесят лет но он крепок и румян.

— А трусики что же не снимаешь?

— Купаться полагается в трусиках,— говорит Левшаков ехидно.— Это только граки без трусиков купаются...

Коммунары защищаются:

— Вам хорошо, как у вас, какие надел трусики, в таких и есть, а у нас сегодня выходные. Кто это такой приказ придумал, Никитин все...

Левшаков лезет под водопад. Миша протягивает ему руку, но с Левшакова уже сбило трусики, и они путаются у него в ногах. Через секунду и сам Тимофей Викторович летит на дно и сваливается в одну кучу с пацанами...

— Ох, и хорошо же! — кричит он, — вот это я понимаю — пляж!..

Десяток пацанов облепил грузное тело Левшакова и катит его снова под стенку — визг, хохот, кутерьма и хаос... Девочки осторожно обходят эту неприличную кашу и, сняв спортсменки, бредут через реку на дороге. Над водопадом стоит Колька и бубнит:

— Х-х-х-олая в-в-вола, п-п-п-ростудитесь, черти, т-г-де лечить в-в-вас...

— А вы, Николай Флорович, померяйте температуру, может, она и не холодная...

Где-то далеко впереди пищит сигнал на обед.

— Ой, лишенко ж! — вскрикивает Кравченко и вылезает из водопада.

На пятнадцатом километре расположился бивуак, и хозкомиссия делит обед. Хозкомиссия в затруднении — свинины хватает только на четыре взвода, так щедро раз-

резали. Левшаков держит в руках пять спичек — одна без головки.

— Всегда нам так выпадает,— говорит обиженно командир второго Красная.

— В свинине не везет, в любви повезет,— говорит Левшаков.

Девочки надуваются и молча сидят на камнях. Кравченко смущенно держит перед ними нарезанную колбасу.

— Та чога ты, дывысь, шо там доброго в тии свини...

Но через минуту девочки уже торжествуют: свинина оказалась с небольшим запахом.

В семь часов мы подходим к деревне Ларс у самого входа в Дарьяльское ущелье. Снова брызгает дождик — на дворе спать нельзя. У самой дороги школа, а в школе две маленьких комнатки. Командиры двигали, двигали плечами, а ничего не поделаешь — нужно размещаться. Для девочек сделали загородку из парт, корзинки поставили высокими стенками и кое-как, один на другом улеглись. Вдруг открытие: рядом казарма, там почти никого нет, есть нары...

— И клопы,— говорит Левшаков.

Часть хлопцев перебирается в казарму. Левшаков начинает здесь крупную операцию, достает из чемодана примус, на примус ставит чайник. Пока закипит чай, хозяйственная комиссия втаскивает два ящика с яйцами, и Левшаков с увлечением приступает к работе во главе хозяйственной комиссии. Нужно перебрать два ящика яиц. Скоро казарма наполняется невыносимым запахом тухлого яйца, но Левшаков неумолим:

— Нельзя, иначе все завоняется.

Целую ночь они работают, а мы с Дидоренко пьем чай и иногда выходим к обозу. Под брезентами стоят арбы, а сторожевые коммунары мокнули под дождем.

Только в два часа ночи вошел в казарму Конисевич и сказал:

— Хорошо... Дождик перестал, уже одна звезда светит...

17. Также первые километры

Утром проснулись рано. Всех обрадовал ясный день и знакомый со вчерашнего дня шум Терека. Побежали на горку к ключу и через полчаса уже построились. Про-

играли один марш, и снова «вольно» замелькали тубейки по Военно-грузинской. Сегодня особенно радостно на душе: на каждое впечатление отзываются коммунары бесконечным птичьим гомоном, писком удивления и стремительным бегом. Природа здесь как будто нарочно построилась в нарядные цепи, чтобы встретить дзержинцев, прибежавших сюда побаловаться после утомительных скрипов и визгов ржавого производства Соломона Борисовича. Вот нашли старую дорогу и минутку постояли возле нее, вот влезли в какую-то поперечную речушку, благо сегодня трусики не выходные, вот остановились возле коровы, спустившейся к воде с зеленого склона.

— Ну, и корова ж, как коза, а не как корова,— говорит Алексюк, и вокруг него на мгновение замирают пацаньи голоса, чтобы немедленно разразиться:

— Отчего, как коза? Это такая у них и есть корова. А ты лучше посмотри на вымя. Ты видишь, сколько молока?

— Ну и что же? Сколько молока? Три кувшина!

— Три кувшина? Как бы не так. Здесь кувшинов десять будет, а то — три.

— Десять, какой ты скорый!..

Старшие идут небольшими группами и солидно делятся впечатлениями. Только такие, как Землянский, не могут идти по дороге, а карабкаются по кручам и откуда-то из-за кустов перекликаются.

Скоро вошли в Дарьяльское ущелье. Оно не поразило ребят ничем грандиозным, но здесь все сложнее, и Терек сердитее.

Остановились возле замка Тамары.

— Так что? Она здесь жила, Тамара эта самая?

— Не жила, называется так...

— Нет, жила!..

— Да как же тут жить? С голоду сдохнешь...

— Чудак ты какой! Она же была царица!..

— Это ты чудак! Если царица, так чего ей сюда забираться. А может, она была того... Без одного винтика? Ну, тогда может быть...

Навстречу по шоссе грузовик, и на нем толпа рабочих. Нам вдруг бросают записку:

«Далше ходу нету, размыло дорогу, останавливайсь десятник».

Оглянулись, а грузовика и след простыл. Через два километра натыкаемся на целое происшествие: автомобили, группы туристов сидят на краю дороги и скучают. Коммунары облепили всю горку над дорогой. Расталкиваем толпу и видим: карниз шоссе вдруг прерывается сажени на две и зияет пустотой. Внизу метрах в десяти Терек. Через разрыв переброшена доска, и по ней бегают наши пацаны. К нам подходит человек в замасленном пиджаке и говорит:

— Я дорожный инженер. Вы заведующий этой детской колонией?

— Я.

— Дорогу мы восстановим только дня через три. И я уже говорил с вашими мальчиками. Можно перебраться по досточке, только, вот говорят, у вас обоз...

— Да, что же делать с обозом? Другой дороги нет?

— Другой дороги нет.

— А вот что сделаем,— говорит из-за моего плеча Фомичев,— разберем возы, разберем обоз и все перенесем...

— Как же вы возы перенесете? — спрашивает инженер.

— Да как? Колеса отдельно, оси отдельно, а лошадей переведем, у нас еще доски найдутся.

Подошел и наш обоз, вмешались в разговор возчики:

— Вэрна говорит маладой чилавэк...

— Это вам на день работы,— улыбается инженер.

— На день? — поднял брови Фомичев.— Через час уже пойдем дальше...

Думать долго не приходится. Я уже хотел трубить сбор командиров, чтобы распределить работу, как на меня налетел вспотевший и взлохмаченный грузин.

— Ты будешь начальник? Коммуна Дзержинского? Ты телеграмму давал, чтобы хлеб был и обед был?

— А ты кто такой? — спрашиваю.

— Я заведующий базой Казбек! Пойдем, поговорим!

— Куда пойдем?

— Иди сюда, чтобы народ не слышал! Тебе нужно назад! Я тебя через Баку отправлю, на Тифлис нельзя идти...

— Да брось, товарищ, мы здесь переберемся.

— Здесь переберешься, дальше не переберешься.

А тебе чего надо? — набросился он на коммунаров, уже обступивших нас.

— Да это свои, говори.

— На Тифлис не дойдешь. Это что? Это пустяк! За Млетами Арагва, ай, что наделала, что наделала! Пассанаур нет, Пассанаур поплыл, дороги нет тридцать километров, я оттуда бегом прибежал...

— Да врешь ты все...

— Зачем мне врать? Какой ты чудак! Вот смотри. Видишь, вот люди, видишь? Эй, иди сюда. Вот пускай он тебе расскажет.

Четыре человека подошли к нам. Это артисты из Ростова. Они тоже отправились пешком по Военно-грузинской. Они рассказали, что чудовищный разлив Арагвы не только смыл дорогу, но и совершенно изменил карту местности. Арагва идет по новому руслу, часто покрывая шоссе. Пассанаур значительно пострадал. Горы во многих местах подмыты и завалили проходы. Они не могли пройти пешком, возвращаются во Владикавказ. О колесном обозе нечего и думать.

Мы с Дидоренком задумались: что делать?

— Да врет, может, черт чернявый.

— Так вот же артисты...

— А артисты откуда, может, тоже из Казбека?

— Из Ростова.

Все-таки Дидоренко попробовал:

— Может, у тебя обед не готов, так и выбреживаешься! И хлеба, наверное, не приготовил!..

— Хлеба не приготовил? А ты думаешь, можно приготовить хлеб? Когда такое горе? Ты знаешь, сколько народу пострадало?

— А откуда я хлеб привезу? Здесь видишь, какое дело? А в Пассанауре Арагва, какой тебе хлеб?

— Что же делать?

— Иди назад! Я тебя отправлю через Баку! Я тебя не пушу, я не имею права!

— Как же ты меня через Баку отправишь?

— Я тебе дам бумажку.

— А печать у тебя есть?

— Печати нет...

— Ну, так и убирайся!.. Он меня через Баку отправит.

Я распорядился: всем коммунарам возвращаться обратно. Но коммунары в крик:

— Это все брехня! Наши возчики говорят.

Возчики что-то горячо доказывали в толпе коммунаров.

— Что вы тут говорите?

— Ну правда назад! Впырод можна, назад нэ нада.

— А вы откуда знаете?

— Наш чилавэк пришол, наш чилавэк гаварыл.

— Когда пришел? Когда говорил?

— Тры дня прышол.

— А чего ж ты молчал? — спрашивает Дидоренко.

— Нечиво гаварыць. Впырод можна...

Колька Вершнев подбегает красный, заикается до полного изнеможения.

— В-в-в-верно, н-н-н-адо итти!

Ребята взбудоражены, взволнованы, никому не верят и готовы лезть в какие угодно пропасти. Кто-то разговаривает с заведующим базой в таких горячих выражениях, что я посылаю туда дежурного командира. На Кольку я прикрикнул:

— Ты доктор, черт тебя забери, а поднимаешь глупую волюнку.

— А я г-г-г-говорю...

— Ничего не смей говорить, молчи!

— А к-к-к-как же?

Я приказываю Волчку трубить общий сбор. Когда все сбегаются, я приказываю:

— Становись!

— Куда становись?

— Стройся по шести лицом к городу.

Неохотно, надутые, злые коммунары разыскивают свои места в строю, оглядываются и все спорят, но я даю уже следующую команду:

— Равняйся! В оркестре!..

Удивленный Левшаков подымает палочку.

— Шагом марш!

Мы проходим с музыкой километра полтора до замка Тамары. Здесь на полянке, обставленной огромными камнями, у самого Терека мы устраиваем общее собрание. Председательствует дежурный командир — Роза Красная.

Я доложил собранию, как обстоит дело. Как быть?

Высказывались почти исключительно сторонники продолжения похода. Кампанию проводят Колька и Землянский. Колька несколько успокоился и уже не так заикается.

— Сколько будет стоить дорога в Тифлис через Баку? Четыре тысячи рублей — это раз. Военно-грузинской не увидим — это два, а провизии зачем набрали на десять дней — три. А пройти наверняка можно. Не пройдем по Военно-грузинской, пройдем по какой-нибудь другой. Нужно итти и все. А то через Баку. А как мы в поезд сядем — сто пятьдесят человек, а? А вагоны кто нам даст?

Ребята одобрительно галдят. Все в один голос:

— Врет этот заведующий, наши осетины говорят, можно пройти. И пройдем, вот увидите, пройдем!

Мы с Дидоренко почти в одиночестве — сторонники отступления почти не высказываются.

Я, наконец, попросил слова.

— Не могу, по совести, не могу вести коммуну на такой риск. Я верю заведующему и верю артистам. А что будет, если мы заберемся к Пассанауру, а оттуда ни вперед, ни назад? Хлеба мы сейчас нигде не достанем, потому что сообщение прервано. С нами пацаны и девочки. Можно разобрать обоз и перенести на расстояние пяти сажень, но этого невозможно сделать на протяжении нескольких километров. Продолжают итти дожди, и мы не знаем, какие еще будут размывы завтра. Может быть, и сейчас мы еще будем отрезаны от Владикавказа. Возвращаются все туристы, у которых нет обоза, а вы хотите итти к Пассанауру, до которого шестьдесят километров, а там засесть на месяц или возвращаться обратно, только время потратим. Мы прошли пятьдесят километров, видели Военно-грузинскую, не такая большая беда, если вернемся. Зато увидим Баку.

Коммунары недовольно бурчат:

— Опять в вагоны!

— А нарзаны, значит, улыгнулись.

Они мечтали об этих нарзанах, как о каком-то необыкновенном счастье — нарзаны ожидали нас почти на перевале.

— А на что вам эти нарзаны?

— А как же? Панов говорил, аж кипят...

— Зато увидим нефтяные промыслы...

— Ну, голосуем,— говорит Красная.

Мы с Дидоренко со страхом ожидаем голосования. Если постаноят итти вперед, придется нарушить конституцию и отменить постановление общего собрания.

— За «вперед» 76 голосов, за «назад» 78 голосов,— говорит Красная.

— Что же? Поровну,— говорит Колька.

— Ну, так что же?

Колькина компания вносит предложение:

— Голоса разделились. А может быть, мы правы. Пускай колонна идет к городу, а нас отправьте на разведку. Нас вот пять человек, мы проберемся в Казбек, там все узнаем подробно. Где вы будете ночевать?

— Наверно у деревни Чми — двадцать пятый километр.

— Мы к ночи вас нагоним. Если окажется, что в Пасанауре ничего страшного нет, вся коммуна пойдет снова в Тифлис.

Кое-кто протестует: до Чми нужно пройти двадцать пять километров... Давайте здесь ожидать разведку.

Я на это не согласился. Все равно из разведки ничего не выйдет, даром потеряем день. Есть постановление, и кончено. Можете итти в разведку, мы вас ожидаем у Чми.

Колька с компанией быстро собрались, взяли у меня несколько рублей и побежали к прорыву.

Через час, после обеда, мы двинулись на север. Еще через час последние клочки подавленного настроения слетели с коммунаров, и они снова засмеялись, завозились, запрыгали.

Солнце заходило, когда мы в строю и с музыкой подходили к деревне Чми. При входе в деревню небольшая площадка и немного повыше ключ. Здесь расположились на ночлег: распределили площадку между взводами, поставили корзинки, разостлали одеяла. Загорелось пять костров, каждый взвод варил яйца на ужин и чай. Пацаны верхом поскакали поить лошадей.

Все жители деревни сошлись к нашему лагерю. В деревне Чми большинство русских, между ними оказался и дорожный техник. Он подтвердил сведения о пассанаурской катастрофе и сказал, что итти на Тифлис ни в каком случае нельзя и что Военно-грузинскую дорогу придется закрыть месяца на два.

Уже отдали рапорты командиры и проиграли спать, когда вернулись наши разведчики из Казбека с опущенными носами:

— Такое делается в Казбеке!.. Народу тысячи, вертаются все. Итти нельзя — это правильно...

С первым проходящим грузовиком ремонтной организации Дидоренко уехал во Владикавказ. Завтра он должен устроить вагоны и возвратиться к нам.

Утром на другой день коммунары занялись приведением в порядок своих корзин, стиркой носовых платков и полотенец. Часть полезла на горы.

Левшаков вызвал охотников перебрать яйца — из ящиков шел сильный запах. Охотников набралось человек двадцать.

На лужайке в сторонке настоящий хоровод. Каждое яйцо идет по кругу, его рассматривают на свет, пробуют на нюх и определяют, куда оно годится. Совершенно исправные укладываются в чистый ящик и пересыпаются опилками, совсем плохие отбрасываются в другой ящик. Свежие, но разбитые сливаются в кружки, таких кружек стоит на горбике целая линия.

— Это наши трофеи, — говорит Левшаков. — Достанем сковородку и зажарим яичницу.

Над нами развернулся в полном блеске тихий жаркий день. Далеко видна дорога на Владикавказ, и по ней бродят пацаны, ожидают Дидоренка.

Дидоренко приехал на извозчике в двенадцать часов.

— Поезд есть на Баку в шесть часов вечера. Я звонил в Ростов и Грозный, сговорился, может быть, уже сегодня для нас пригонят вагоны. Нужно спешить, а я поеду еще звонить...

Он уехал снова в город. Нам нужно пройти двадцать пять километров и к пяти быть в городе, чтобы успеть погузиться.

Обоз уже готов, построились молниеносно, коммунары уже знают, что волынить нельзя. Местные жители выскочили из своих хат и стоят в дверях, предвкушают музыкальное наслаждение.

— Шагом марш!

Всегда после этой команды ожидаешь удара оркестра, но сейчас моя команда повисла пустым словом в жарком воздухе...

— В чем дело, Тимофей?

Левшаков показывает на бабу, стоящую на пороге первой хаты:

— Сковородки пожалела... буду я для нее играть!

Баба метнула подолом и скрылась в снях.

Коммунары хохочут, смеются и жители. Левшаков подымает руку:

— Раз, два...

Мы покрываем Чми раздольным полнокровным маршем — у нас в оркестре все-таки сорок пять человек.

Прошли деревню, распустили строй и бросились в город быстрым шагом. Это был очень тяжелый марш — по всей дороге ни капельки тени. Шеи, руки, носы, ноги пацанов здорово подгорели за сегодняшний день. Забавляться по сторонам дороги теперь некогда, коммунары идут, как будто работают: упорно, настойчиво и почти молча. Только пацаны пролетают мимо нас бегом и занимают авангардные места, чтобы через полчаса снова оказаться в арьергарде.

Особенно тяжелы последние пять километров, прямая, как луч, дорога и безлюдные скучные площади предгорий по сторонам. Вот, наконец, и первый километр. Строимся и принимаем в строй знамя. Через город проходим таким же быстрым маршем, почти не замечая тротуаров и только раздраженно отмахиваясь от тучи мальчиков, налетевших на нашу колонну, как комары, влетающих в ряды, галдящих невыносимо.

К вокзалу подошли ровно в пять часов, молча и устало замерли. У Дидоренка нет ничего утешительного — вагонов сегодня не будет, может быть, завтра.

Маршрутная комиссия предложила место для ночлега — сад начальника станции. Сад не сад, но есть и деревья, и травка, и весь он обнесен каменным забором с решеткой. Расстались с возчиками и потащили в сад ящики с консервами, с яйцами, с колбасой... Устроились, приготовили постели, можно отдыхать, обедать, чай пить. Славный теплый вечер, и решетка забора до самого верха забита зрителями.

— Мы — как в зверинце, — говорят коммунары.

По углам сада стали часовые.

Следующий день весь истратили на телефонные разговоры. Только к пяти часам вечера добились толку.

Телефонограмма из Грозного гласила, что три вагона прицепят для нас к поезду, который пройдет через Беслан в девять часов вечера — к поезду № 72.

Я заплатил в кассе за 156 билетов до Тифлиса 4 037 рублей.

Беслан — станция на линии Ростов — Баку, а от Беслана к Владикавказу ветка в двадцать один километр. До Беслана нам нужно дотащиться дачным поездом. Это целая история. Снова грузимся в вагоны, а в Беслане снова выгружаемся. Станция Беслан забита пассажирами, всех согнала сюда Арагва своим истерическим припадком.

Уже темно. Нашли отдельную площадку, на которой еле-еле можем поместиться стоя. Но коммунары умеют очень быстро навести порядок. Через пять минут уже можно жить: у каждого взвода некоторое подобие квартиры, ящики изображают квартирный уют, корзинки сложены правильными стопочками, коммунары беседуют, улыбаются, что-то рассматривают и совершенно спокойны. Хозкомиссия в углу раздает ужин. Дидоренко приносит потрясающее известие.

В телефонограмме Грозного была ошибка: три вагона для коммунаров были прицеплены к поезду № 42, который прошел два часа назад, а к поезду № 72 никаких вагонов не прицеплено, и поезд идет переполненный...

— Так...

— Надо все-таки садиться...

Никто не верит такой возможности.

Начальник станции в панике. Он может дать телеграмму в Минеральные воды, чтобы для нас освободили один вагон, а остальным придется следующим поездом.

— А когда следующий поезд?

— Завтра утром. Но он тоже будет переполненный...

Если бы не бесчисленное количество наших вещей, если бы не оркестр, если бы не тяжелые ящики...

Командиры взводов высказываются единодушно: разделяться нам нельзя, надо всем вместе ехать.

— Сядем, только нужно, чтобы не было паники.

— А долго стоит поезд?

— Десять минут.

Собираем всех. Я говорю коммунарам:

— Товарищи, нам надо сесть в переполненный поезд

в течение десяти минут. С этого момента никаких разговоров, никакого галдежа. Слушать только команду. Никаких движений без команды. Считайте себя, как будто вы в бою.

— Есть! — кричит все собрание.

На темном перроне все забито людьми, сундуками, чемоданами, мешками. Я вывожу взвод за взводом и выстраиваю коммуны в одну шеренгу по всему краю перрона. Возле каждого коммунара корзина, а кроме того, ящик, или труба, или сверток. Публика начала было ворчать, но наша суровая решимость и на нее произвела впечатление. Она состоит почти исключительно из туристов, а это народ настолько культурный, что не будет драться с коммунарами. По всему фронту начинаются знакомства и разговоры. Через десять минут, обходя фронт, я слышу сочувственные призывы:

— Нет, товарищи, пусть они усаживаются, а мы подождем. Они сами не хотят разбрасываться по всему поезду, это правильно, им нужно три-четыре вагона, и нам останется.

Тем не менее в некоторых точках фронта давление на нашу тонкую линию довольно тяжелое, здесь становится несколько стрелков охраны. Дидоренко взял на себя левый фланг. Он в форме, и это сейчас имеет значение.

Хуже всего то, что мы не знаем, какие вагоны будут менее наполнены, и где будет вагон, оставленный для нас в Минеральных водах. Выделяем разведку из пяти человек: Акимов, Землянский, Оршанович, Семенов и Гуляев. Разведка должна быстро пробежать по вагонам и приблизительно установить наиболее выгодные пункты.

Разведчики сказали: есть — и исчезли. Я догадался — побежали навстречу поезду, хотел погнаться за ними, но потом махнул рукой — народ бывалый.

Наконец, показались фонари паровоза. Коммунары спокойны, пацаны даже о чем-то мирно беседуют, почти шопотом. На станции торжественный порядок, даже публика загипнотизирована и не колышется, не бросается никуда. Поезд подходит медленно, мимо нас мелькают окна вагонов, перерезанные поднятыми полками и спящими телами.

Подошел Дидоренко:

-- Плохо, поезд полон...

Поезд остановился, но и мы стоим, совершенно невозможно сообразить, куда бросаться. Начальник станции топчется возле нас:

— Это очень трудное, это невозможное дело...

Подбегает ко мне Акимов.

— Задний вагон свободен...

Теперь уж можно давать команду.

— Второй, четвертый взводы, басы, тенора, баритоны, барабан — в задний вагон.

Второй взвод повернулся и гуськом двинулся к хвосту поезда. Но девочки еле-еле поднимают ящики и корзинки.

— Из первого взвода десять человек в помощь второму.

Бегом прибежали десять коммунаров: сильные, пружинные, ловкие. Я их узнаю — два первых ряда. Второй взвод исчез в тумане едва мерцающих станционных фонарей. Ага, хорошо, вот и пацаны прочапали туда же, у каждого в одной руке корзинка, в другой буханка хлеба, последний Алексюк, у этого еще и флаг с золотой надписью, значит, все благополучно — взвод в порядке...

— Акимов, наблюдать за посадкой в заднем вагоне!

— Есть!

У Степана Акимовича какая-то новость. Он спешит ко мне с Землянским.

— В пятом вагоне можно кое-как человек двадцать.

— Берите оркестр.

Землянский бросился на далекий правый фланг. Через полминуты музыканты уже у пятого вагона. Эти проклятые вещи страшно замедляют наши движения. Я вижу, что посадка в пятый вагон происходит с трудом и радуюсь, что отправил с девочками громоздкие инструменты.

Начальник станции гоняет по перрону, как на ристалищах:

— Во втором вагоне можно немного...

Но у Оршановича сведения более точные:

— Во втором вагоне можно половину третьего...

— Есть, забирай половину.

Ну, думаю, как будто налаживается. Что там в последнем вагоне делается? Вот и вторая половина третьего убежала к вагонам. Я спешу к голове поезда, посадка здесь страшно трудна, ребята проникают больше через

переходные площадки. Когда у ступеньки вагона остается три-четыре коммунара, можно вздохнуть свободно. Свободно вздыхает и начальник станции.

— Кажется, можно давать второй?

Мне и самому так кажется, только и скребет в душе:

— А как там девочки и пацаны?

Я бегу к хвосту поезда. Ударил второй звонок, и вместе с его звуком я с разбегу налетаю на кошмарное видение: первый взвод стоит нетронутый, окруженный тяжелейшими ящиками, а над ним еле поблескивает верхушка знамени. Ключнев улыбается:

— Как там, все благополучно?

Налетают на первый взвод и начальник станции и Дидоренко. Начальник станции кому-то истерически орет:

— Стой, стой, подожди!

Но возле нас запыхавшийся маленький Гуляев.

— В первый вагон, там никто не садился, там все спят, там можно.

Начальник станции орет:

— В первый вагон, в первый вагон!..

— Идем,— спокойно говорит Дидоренко.

Разрезая толпу пассажиров, бросившихся к вагонам, первый взвод начинает движение: но у каждого корзинка, а ящик с консервами в одну руку не возьмешь. Ключнев нагружает одних корзинками, а на более сильных взваливает тяжелые ящики. Но уже завертелись между первовзводниками явно посторонние фигурки... прибежали коммунары из третьего взвода на помощь... Здесь можно спать спокойно. Я бегу к пацанам. Девочки и пацаны все в вагоне, но войти в него невозможно. Кое-как проталкиваюсь и соображаю: здесь восемьдесят человек. Колька-доктор навстречу мне и ругается:

— Б-б-б-узовый в-в-вагон, к-к-к-какое-то к-к-купе...

В вагоне шесть купе. Коридор заполнен корзинками, басами, хлебом, ящиками.

Поезд тронулся.

18. Почти туристы

До Дербента коммунары мученики в поезде. В нашем вагоне хоть то хорошо, что нет посторонней публики,— коммунары установили очередь и спали каждый по че-

тыре часа в течение ночи. В других вагонах мы встретили враждебное отношение пассажиров, и оно было заслужено нами: мы натащили в вагон ящики и корзины, пройти по вагону нельзя. Первый взвод особенно настрадался в эту ночь, всем пришлось стоять в тамбурах, кое-как поддерживать разваливающиеся кучи вещей и отбиваясь от пассажиров и проводников, требующих выполнения разных правил.

В Дербенте многие пассажиры «слезли», и наши расположились вольнее, а главное — кое-как пораспихали свое имущество. В Дербенте поезд стоит час, и коммунары побежали купаться в Каспийское море. Возвратившись оттуда, забежали в буфет и покупали вишни и редьку. В Дербенте много редьки. Из-за этого российского фрукта и пострадал Швед — вытащили у него кошелек с деньгами. Швед пришел в вагон подавленный и оскорбленный, но Камардинов только улыбнулся:

— Не жалко денег, а жалко, что я тебя никак не воспитую.

Швед и Камардинов почти одно существо. Трудно представить себе более тесную дружбу, чем у Шведа и Камардинова. Они жить один без другого не могут, всегда вместе, о чем-то шепчутся, о чем-то смеются. Если и видишь иногда в одиночку Шведа, то он всегда в таком случае спрашивает:

— Не видели Васьки?

Они оба страдают от того, что Швед на втором курсе, а Васька на первом, Швед в машинном цехе, а Васька в сборном. Тем более они стараются наверстать эту временную разлуку в других местах коммунарской жизни.

У Шведа и у Васьки общий капитал, который они, подобно почти всем коммунарам, хранят у меня. Деньги записаны на одного Камардинова, но я имею разрешение выдавать любому из них по первому требованию. То берет Васька, а то Швед. Я рассмотрел ближе их денежные отношения и поразился степени доверчивости этих людей. Каждый из них берет деньги, сколько ему нужно, и тратит их, куда хочет, не спрашивая и не советуясь с товарищем. Я им говорил:

— Смотрите, поспорьтесь из-за этих денег.

Но они улыбаются:

— Никогда в жизни.

— Вася,— спрашиваю,— а что бы ты сказал, если бы Швед взял все ваши восемьдесят рублей и истратил на себя?

— Ничего не сказал бы. Значит ему нужно...

— Ты все-таки обижался бы на него, почему не спросил?

— Да что ж он будет меня спрашивать? Я не папаша ему.

Весть о том, что обокрали Шведа в Дербенте, распространилась по всему поезду, и на Шведа приходили смотреть. Коммунары с осуждением относятся к тому, кто дал себя обокрасть. Швед поэтому в большом смущении, хотя и пропало у него всего пять рублей.

Скучна, невыносимо скучна дорога на Баку.

К вечеру на другой день увидели мы вышки бакинских промыслов и между ними огромный столб черного дыма — ясно, нефтяной пожар.

Началась самая тяжелая для нас неделя: два дня в Баку, три дня в Тифлисе, один день в Батуме, две ночи в поезде.

Несмотря на совершенно различные индивидуальности этих городов, несмотря на многообразие коммунарских впечатлений, они слились для нас в один огромный город, разделенный на шесть дневных отрезков неудобными короткими ночами. Все эти дни были до отказа полны умственным и физическим напряжением, невиданными новыми образами и тяжелыми маршами по асфальту и мостовым. Биби-Эйбат, перегонные заводы, Каспийское море, рабочие клубы, столовые, грязные полы пристанищ ОПТЭ, Загэс, Мцхет, молочные и птичьи совхозы, новые и старые улицы, снова столовые и снова ОПТЭ, музеи и рабочие клубы, все это сложилось в чрезвычайно сложную ленту переживаний, в общем глубоко прекрасную, но иногда утомительную до последней степени.

Здесь мы были похожи на туристов, роль для коммунаров мало знакомая.

Турист это особое существо, снабженное специальными органами и специальной психологией, а коммунары так и оставались коммунарами, ни разу не показав готовности приобрести все эти специальные приспособления.

Турист это прежде всего существо вьючное: таскать за собой мешок, набитый всякой пыльной дрянью, это не

только необходимость для туриста, это и общепризнанная честь и обязательная эстетика. Турист без мешка это уже не настоящий турист, а помесь человека и туриста, метис. Коммунар для экскурсии выбегает в самом легком вооружении, какое только возможно на свете — в трусиках и в легкой парусовке, он занимает свое место в строю и не имеет права даже держать что-либо в руках.

Строй коммунаров по шести в ряд, просторный и свободный, со знаменем впереди и с оркестром, требует для себя дороги и уважения, для него собираются толпы на тротуарах, и милиционеры останавливают движение на перекрестках. Туристы же бродят по тесным тротуарам, толкают мешками прохожих, возмущают и вызывают сожаление сердобольных.

У туриста нет своей воли, своего времени, своей скорости и своих вкусов. Это несчастное существо с момента выезда в экскурсию теряет все гражданские, человеческие и даже зоологические права. Оно спит, где ему прикажут, встает, когда прикажут, бежит, куда укажут, выражает восхищение, сожаление, грусть, удивление только по расписанию. Подобно загнанной лошади оно вообще не трусливо, ему нечего терять и нечего бояться, и оно не боится ни автомобилей, ни криков, ни паразитов. Оно боится только одного — отстать от группы.

Чтобы утолить свой голод, туристы обязаны в течение часа или двух сидеть на земле возле столовой, потом в течение часа давить друг друга в дверях столовой и царапать взаимно туристские физиономии мешками, а затем в течение получаса стоять за стулом одного из обедающих, напирать на его мешок своим животом и ожидать, пока освободится стул.

В одном из городов на коммунаров пытались распространить все законы жизни туристов. Назначили для нас обед в три часа. Наша маршрутная комиссия еще и переспросила:

— В три или в четверть четвертого?

— Нет, как можно, обязательно в три...

— Столовая будет свободна в три? Нам нужно, чтобы коммунары сразу вошли в столовую и пообедали.

— В три, в три, будьте покойны...

Ровно в три подошли к столовой — картина знакомая: на земле сидят, в дверях смертный бой, в столовой каша.

— Вы обещали в три.

— Ну, что мы можем сделать? Понимаете, подошла группа, которая... через полчаса будет готово.

— Через полчаса или через час?

— Через полчаса, через полчаса...

— Если через полчаса не будет готово, мы уходим.

— Что вы... обязательно...

Ровно через полчаса мы построили колонну и увели с музыкой, а за нами бежали организаторы и умоляли возвратиться. Дидоренко умеет с ними разговаривать:

— Вы можете назначить для нас любой час, но ни пяти минут мы торчать на улице не будем.

И мы научили их уважать точность. Мы приходили в назначенное время, и уже не спрашивая, прямо с марша команда:

— Справа по одному в столовую.

Туристы в это время сидели на травке и щелкали на нас зубами от зависти.

В плане экскурсий и посещений коммунары с первого дня захватили инициативу в свои руки и ходили, куда хотели и как хотели.

На нефтяном промысле Биби-Эйбат нас сначала приняли равнодушно, как, вероятно, принимают и все экскурсии: по себе знаем — это штука довольно надоедливая. Но коммунары, разбежавшись по промыслу десятками групп, через полчаса уже со всеми перезнакомились и успели залезть во все щели и закоулки и расспросить о самых таинственных деталях. Рядом горел еще нефтяной фонтан, и не было конца расспросам о нефтяных фонтанах.

Биби-Эйбат — один из первых промыслов Баку, выполнивших пятилетку в два с половиной года, и это обстоятельство вызывало со стороны коммунаров особенный к нему интерес.

Когда все группы снова сошлись на центральной площадке, возле нас собралась половина промысла. Бакинский горсовет соревнуется с Харьковским, в прошлом году была в Харькове делегация бакинских рабочих, между прочим была и в коммуне. Нашлись сразу и знакомые, у коммунаров память на лица замечательная. Оживленные лица коммунаров уже неофициально заморгали в лица старых рабочих, улыбающихся и освеженных

этим общением с юностью. Целыми венками золотые шапочки обступили группы рабочих в пропитанных нефтью спецовках и рассказывали им о своих коммунарских делах. Вдруг целая сенсация:

— У них знамя харьковского горсовета, переходный приз!

— Знамя харьковского горсовета? Здорово!

— У вас наше знамя?

— Ваше, ваше, как же... харьковское.

— Покажите.

— Что?

— Покажите знамя, которое вам прислал Харьков...

Предфабзавкома даже немного смутился от такого требования:

— Показать знамя? Пойдем, показать можно.

— Нам всем итти не годится... давайте сюда.

Рабочие заулыбались, завертели головами:

— Вот, смотри ты, народ какой... Ну, что ж...

Перекинулись они между собой по секрету, и трое рабочих направились к воротам.

— Они за знаменем пошли?

— За знаменем.

— Надо салют,— заволновались в оркестре.

— Коммунары, становись! Равняйся!

Похожай и Соколов, наши ассистенты при знамени, с винтовками побежали к воротам. Показалось знамя Биби-Эйбата.

— Коммунары, под знамя смирно!

Оркестр и коммунары салютуют, наши ассистенты приняли охрану дружеского знамени и торжественно провели его к дружескому строю.

Товарищу Шведу слово.

Швед умеет найти горячие и искренние слова:

— Рабочие Биби-Эйбата! Это знамя знак вашей победы на фронте индустриализации. Ваша победа привела в восторг весь Союз, всех рабочих мира. Мы считаем своим счастьем, что нам пришлось отдать честь вашему знамени, вашим огромным победам, вашей работе. Мы на вас смотрим с восхищением, мы будем брать с вас пример, мы будем у вас учиться побеждать...

Коммунары закричали ура. Бибиэйбатовцы разволно-

вались, разволновались и мы, трудно было без горячего чувства быть участником этого события.

Мы пригласили знамя в наш строй и под эскортом всей коммуны проводили его до небольшого серенького домика, в котором оно помещается. И сразу же домой. Рабочие машут руками и шапками и кричат:

— Приходите в наш парк, парк культуры и отдыха!

— Придем!

— Приходите! Когда придете?

— Завтра!

— Приходите же завтра! Будем ожидать!

На другой день были мы в парке культуры и отдыха. Нас действительно ожидали и встретили у ворот. Перед эстрадой собралось тысячи две народу. Камардинов рассказал рабочим о нашей жизни, о нашей работе на производстве, о будущем заводе. Он еще выразил наше преклонение перед героической работой нефтяников. Отвечали нам многие. Здесь не было сказано ни одного натянутого слова, это было действительно собрание близких людей, близких по своей общей пролетарской сущности.

После собрания наш оркестр сыграл несколько номеров из революционной и украинской музыки. Потом разбрелись по саду тесными группами. Легкие и стройные коммунары, приветливые и бодрые, видно понравились бакинцам. Многие рабочие подходили ко мне, расспрашивали о разных подробностях, уходя пожимали руку и говорили:

— Хороший народ растет, хороший народ...

Один подсел ко мне и поговорил основательно. Он тоже рабочий с Биби-Эйбата, говорит правильным языком, и его особенно занимает одна мысль:

— Вот эти мальчишки, когда сразу посмотришь, так чистенько одеты, шапочки эти и все такое, подумаешь, барчуки, что ли, а потом сразу же и видно: нет, наши, рабочие дети, все у них наше, а может, и лучше нашего. И знаете, так приятно, что это такая культура, знаете, это уже культура новая...

Это были хорошие часы в Баку. А вообще Баку коммунарам не понравилось — очень жарко. И в самом деле, в эти дни жара доходила до шестидесяти градусов, и во время одного из наших маршей были солнечные удары. Не понравилось и Каспийское море — грязное и непри-

ветливое. Не понравилась и наша стоянка — прямо на асфальтовом полу базы ОПТЭ.

В Тифлисе нас встретили с музыкой пионерская организация, комсомол и наши шефы.

Три дня в Тифлисе пролетели страшно быстро. Один из них истратили на Мцхет. В Мцхет поехали грузовиками. Загэс вылазили как следует, обижался только фотокружок, предложили ему все свои орудия сложить при входе на станцию.

В один из вечеров коммуна отправилась с визитом в клуб ГПУ. Первый раз в походе надели белые парадные костюмы. Наши парусовки уже поиспачкались. Проблема стирки вдруг вынырнула перед нашими очами. Прачечные требовали две недели сроку и две сотни рублей. Мы думали, думали. В Тифлисе мы стояли во дворе какой-то школы, спали на полу в классах. Квадратный довольно чистый двор школы был украшен в центре водоразборной колонкой. Мы и отдали в приказе от 27 июля:

Предлагается всем коммунарам к вечеру 28 июля постирать парусовки, выгладить и приготовить к дороге на Батум.

Коммунары заволновались после приказа:

— Чем стирать? Чем гладить? Где стирать?

Но приказ есть приказ. Сразу же после приказа закипела во дворе лихорадочная деятельность. С парусовками расположились вокруг колонки и отдельных камней двора, вместо мыла песок, а вместо утюга чугунные столбы балкона. На ночь уложили парусовки под одеяла, а вместо пресса — собственные тела. И вечером 28 июля по сигналу «сбор» все построились в свежих, элегантно выглаженных парусовках.

В клуб ГПУ пошли в парадных белых костюмах. Бело-снежный строй коммунаров на проспекте Руставели — зрелище совершенно исключительное. Вокруг нас завертелись фотографы и кинооператоры.

Чекисты Грузии приняли нас, как родных братьев. После первых официальных приветствий разбрелись по клубу, завязались матчи и разговоры. Потом концерт, ужин, танцы. Коммунары не захотели посрамить украинскую культуру и ахнули гопака. Шмигалев понесся в присядку, замахнувшись рукой до самого затылка. Оркестр

неожиданно перешел на лезгинку, и Шмигалев исчез в толпе под аккомпанемент аплодисментов, а на его место черненьким жучком завертелся перед Наташей Мельниковой новый танцор. Наташа зарумянилась, но она никогда не танцевала лезгинку, и вообще, причем тут Наташа? Танцор принужден был плавать в кругу в одиночку, но через минуту он снова выплывает перед ней. Наташа в панике скрылась за подругами. Кончились танцы, а танцор уже беседует с Наташей. Поздно вечером строимся домой, а танцор печально смотрит на Наташу, стоящую во втором взводе.

На другой вечер мы уже выглядываем из окон вагонов на тифлисском перроне. Нас провожает группа тифлисских друзей. Между ними и вчерашний танцор, прячется за спинами товарищей, а Наташа в окне — далеко. Коммунары моментально решили этот ребус. Из первого вагона выбежали музыканты, а коммунары под руки потащили танцора к наташиному окну:

— Танцуй лезгинку, а то не позволим попрощаться...

Три вагона и перрон заливаются смехом, танцор, краснея, отплясывает и в изнеможении останавливается. Тогда из вагона вышла Наташа и под общие аплодисменты пожала влюбленному руку.

Второй звонок.

— По вагонам!

Тронулись. Закричали коммунары ура. Влюбленный печально помахивает папахой, а Наташа в девичьем вагоне умирает от хохота.

Еще один день в Батуме — парки, марши, столовые, бессонная ночь на пристани, и мы на борту «Абхазии», которая должна доставить нас в Сочи.

19. Лагери

Коммунары уже успели выспаться в каютах, а «Абхазия» все еще стояла в Батуме. Только после полудня мы отчалили. Пацаны украсили тубетейками оба борта и радовались, что море тихое, потому что в глубине души пацаны здорово боялись морской болезни. Девочки боялись не только в глубине, а совершенно откровенно, и пищали даже тогда, когда море походило на отполированную верхнюю крышку аудиторного стола. Пацаны,

отразив свои физиономии в этой крышке, стали презрительно относиться к сухопутным пискам девчат и говорили:

— Вот чудачки!.. Всегда эти женщины боятся морской болезни.

Но полированная крышка имеет свои границы. Как только мы вышли из батумской бухты, пацаны эту границу почувствовали, побледнели, притихли и незаметно перешли на чтение книг в каютах, спрятавшись подальше от взоров и девчат и старших коммунаров.

А между тем Дидоренко приготовил для коммунаров сюрприз — заказал обед в столовой второго класса. Если читатели ездили на теплоходах крымско-кавказской линии, они знают, что столовые этих теплоходов замечательно уютные и нарядные штуки: большие круглые столы, мягкие кресла, чисто, красиво и просторно. Коммунарам было предложено явиться на обед в парусовках, в первую смену девочкам и музыкантам, а остальным во вторую. Все начали готовиться к обеду, а пацаны и девчата еще больше побледнели: морская болезнь обязательно нападет по дороге в столовую. Спасибо, кто-то пустил слух, что лучшее средство от морской болезни — хорошо пообедать. По сигналу сошлись все, но девчата сидели за столом бледные и испуганные, а Наташа Мельникова, так недавно и так неустрашимо победившая горячее сердце человека в папахе, сейчас совсем оскандалилась, заплакала и выскочила на палубу. Колька заходил между коммунарами с бутылкой и стаканчиком. К сожалению, я не знал, что он в роли знахаря, и напал на него:

— Ты что же это — босиком и без пояса...

— От м-м-морской болезни п-п-понимаете...

Дежурный командир Васька Камардинов спросил у Кольки:

— А ты имеешь право без халата капли прописывать? Иди надень хоть халат, а потом приходи с каплями.

Неудача доктора сильно отвлекла внимание коммунаров от морской болезни, даже девочки выдержали испытание геройски. А пацаны, прослышав о таком замечательном влиянии столовой на морскую болезнь, прибежали на свою смену розовыми и радостными и не оставили ни крошки на своих столах. Васька хохочет:

— Вот пацаны, это они, знаете, от морской болезни лечатся — побольше есть, им один матрос сказал.

Колька пришел уже в халате и предлагает пацанам жапли, но они гордо отказываются:

— Что мы, женщины, что ли?

После обеда они уже спокойно лазили по теплоходу и заводили между собою мирные обычные беседы:

— Ты думаешь, что это такое?

— Это веревочная лестница.

— Веревоочная лестница, ха, ха, ха, ха!

— Веревоочная, а какая же?..

— Ванты! Это ванты, а не веревочная лестница.

— Ох, важность какая, а можно сказать и веревочная лестница, тоже будет правильно. А вот скажи, что это?

— Это?

— Ага.

— Ну, и радуйся...

— Бушприт.

К вечеру хлопцы на теплоходе свои люди. Море совершенно утихло и все вообще соответствовало тем мирным мелодиям, которые разливал над Черным морем Левшаков с верхней палубы, по уверению пацанов называемой спардеком.

Утром следующего дня мы остановились у берегов Сочи. Я показал коммунарам маяк, возле которого должны расположиться наши лагеря. Синенький посмотрел пристально и закричал:

— О, палатки наши видно! Смотрите, смотрите!

Ребята бросились к борту и обрадовались:

— Вот здорово, наши лагеря!

Заинтересованные пассажиры тоже радовались:

— В самом деле замечательно, они еще здесь, а там уже квартиры готовы. Вы, наверное, никогда не боитесь квартирному кризису.

Посмотрел и Левшаков и сказал серьезно:

— Конечно, это наши лагеря, вон и Марголин ходит по берегу.

Старшие засмеялись, а пацаны даже обалдели от удивления. Они воззрились на Левшакова, а он прислонил два кулака к глазам и подтвердил:

— Конечно, Сенька, я же его по глазам узнал...

Только тогда пацаны пришли в восхищение.

— Хитрый какой, за три километра и глаза увидел...
На лодки коммунары грузились первые.

— Четвертый взвод в лодку!

Не лодка, а большая корзина голоногих пацанов, как будто на рынок их вывезли. Поплыли со своими корзинами и малым флагом. С ними и дежурный командир для порядка на берегу.

С последней лодкой оркестр и знамя. Как ни тесно в лодке, а нельзя ехать без марша. На теплоходе закричали «ура» и замахали платками.

На деревянной площадке пристани начинается длинная цепь, ребята передают на высокий берег вещи, мы давно уже привыкли в таком случае обезличивать груз — бери, чья попадетсЯ. Я иду по цепи и в конце ее вдруг наталкиваюсь на Крейцера.

— Коммуна имени Дзержинского прибыла благополучно. В строю сто пятьдесят коммунаров, больных нет!

Ребята рады Крейцеру, как родному отцу, держат его за пояс и спрашивают:

— Вы тоже в лагерях с нами?

— Чудак, разве ты не видишь, я больной, мне лечиться нужно.

— Мы вас вылечим, вот увидите.

А вот и Сенька. Он в каких-то петлицах и с револьвером на боку.

— Ты чего это таким Александром Македонским? Крейцер смеется:

— Да, Сеня имеет вид воинственный...

— Нельзя иначе, понимаете, тут столько бандитов...

Вещи все уже наверху, и маршрутная комиссия побежала за грузовиками.

— У коммунаров и здесь свои правила,— показывает Крейцер.

На берегу столб с надписью: купаться строго запрещается, а море кипит от коммунарских тел.

Через полчаса нагрузили машины и сами тронулись с развернутым знаменем. Оркестр гремит марш за маршем, почти не отдыхая. В Сочи переполох, духовая музыка, да еще какая: с фанфарами, тромбонами и целой шеренгой кларнетистов. Коммунары, как завоеватели, занимают всю ширину улицы. Автомобили сзади нас кричат и просят. Пацаны в этом случае беспощадны.

Сопин, дежурный командир, с которым я иду рядом в строю, говорит мне:

— В Харькове трамваев не пускали, а тут какой-то автомобиль.

На расширенной части улицы одна машина обгоняет нас, и кто-то стоя протестует, ему отвечают смехом:

— Чудак...

Навстречу нам по улице на велосипеде Панов. Он в трусиках и еле-еле достает до педалей. Слез, отдал салют знамени и снова на машину — поехал впереди в качестве гида.

Наконец, мы свернули в раскрытые ворота в легкой изгороди и вошли на широкую площадку, заросшую травой, обставленную лимонными деревьями и пальмами. Справа церковь, слева за оврагом школа, а прямо синее над линией берега море. К берегу тянется в две линии лагерь. Деревянные клетки уже готовы, на них наброшены палатки. Их остается только натянуть и укрепить.

— Стой! Товарищи командиры взводов!

Вышли командиры. Панов вынырнул откуда-то с блокнотом.

— Три палатки оркестра. Палатка для инструмента, три палатки второго взвода...

— Разойдись...

И сразу же застучали молотки, завертелись коммунары в работе. Мы с Крейцером опустили на травку, хватит начальства и без нас. К нам долетают распоряжения Сопина:

— На постройку штабной палатки по два человека от каждого взвода.

— На помощь девочкам от оркестра три человека.

Против нас как раз строятся девочки. У них не хватает сил натянуть бичеву и выравнять все крылья палатки. Прибежал Редько из оркестра и с ним двое.

— Без нас пропадете!

Первый взвод уже расставил часовых по краям лагеря. На часовых насаждает публика, заинтересовавшаяся лагерем завоевателей.

Начался месяц в Сочи.

Жить в лагере с коммунарами мало сказать — наслаждение. В коммунарском лагере есть какая-то своя особенная прелесть, не похожая ни на какую другую. Нам

живет здесь сто пятьдесят шесть человек, наша жизнь вся построена на стальном скелете дисциплины, многих правил, обязанностей, само собой понятных положений. Но этот скелет так для нас привычен, так привычно удобен, так органично связан с нами, что мы его почти не замечаем или замечаем только тогда, когда гордимся им. Молодой радостный коллектив живет так, как не умеют жить взрослые. Наша жизнь лишена всякого трения и взаимного царапания, мы здесь действительно сливаемся с природой, с морем, с пальмами, с жарким солнцем, но сливаемся легко и просто, без литературных судорог и интеллигентского анализа и не переставая помнить, что мы дзержинцы, что нас в Харькове ожидают новые напряжения и новые заботы.

Я помещаюсь в штабной палатке с Дидоренко, Колькой и Марголиным. Мне отведена четвертая часть нар. На нарах стоит пишущая машинка, ящик с печатью и бумагой, лежит портфель с деньгами и небольшая библиотечка. В первый же день Марголин и Боярчук провели по всему лагерю электрическое освещение, шнур и лампочки предусмотрительно были привезены из Харькова. Жить можно.

Сигнал «вставать» играют в лагере в семь часов. Через пять минут после сигнала наш физкультурник Бобров уже командует:

— Становись!

Начинается зарядка. После зарядки мальчики галопом летят в море, девочки еще повозятся с купальными костюмами.

Нельзя сказать, что коммунары умеют плавать. Быть в воде для них такое же естественное состояние, как для утки. Они могут сидеть в море целый день, укладываться спать на самых далеких волнах, разговаривать, спорить, играть, смеяться, петь и не умеют, кажется, только тонуть.

В первый же день их неприятно поразила плоская доска, поставленная на якоре для обозначения границы купальной зоны. Дальше этого знака плавать нельзя — от берега метров тридцать. Пробовали не обращать внимания на эту доску, но за нею ездит на лодке дед, полномоченный идеи спасения на водах, и возвращает хлопцев к берегу. Коммунары произвели героические усилия, чтобы переставить знак подальше. Они всем первым

взводом старались выдернуть якорь, но это оказалось трудным делом, главное, не во что упереться, нет той самой знаменитой точки опоры, отсутствие которой не нравилось еще Архимеду. Провозившись несколько часов над этим пустяшным препятствием, кончили тем, что привязали к нему камень и утопили его. На душе стало легче, но на деле проиграли. Спасательная станция обозлилась за уничтожение знака и почти все свои лодки поставила против нашего берега. Началась война, которая окончилась и моральной и материальной победой коммунаров. Иначе и быть не могло.

До самого горизонта море покрыто коммунарскими головами. Раздраженный спасатель гоняется за ними и приказывает:

— Полежай в лодку!

Коммунары охотно взбираются на спасательное судно и тихонько сидят. Дед выгребает к берегу и начинает злиться:

— Что я нанялся возить вас? На весла, гребки!

Коммунар, улыбаясь, садится на весла. Через пять минут его сосед шепчет:

— Петька, дай я погребу.

Но лодочник не может перенести такой профанации идеи спасания на водах и орет:

— Кататься вам здесь? Прыгай все в море!..

Коммунары, улыбаясь, прыгают и плывут к горизонту.

Дело кончилось тем, что спасательные деды представили коммунарам лодки и права заниматься спасением утопающих и просили только об одном: посторонних не пускайте в море. Посторонние это все остальные люди, кроме дедов и коммунаров.

С этого момента коммунары разъезжали на спасательных лодках и спасали посторонних. Впрочем, посторонние не весьма стремились в запретные воды, и хлопот с ними было немного. Поэтому коммунары могли на свободе заняться усовершенствованием спасательного флота. Несколько дней Левшаков в компании с Грунским, Козырем, Землянским сидели на корточках возле разостланных на траве простынь и готовили парус. В один прекрасный день они и уехали на парусе.

Из всех коммунаров не могли плавать только двое: Швед и Крейцер. Шведом занялась вся коммуна, а Крей-

цером четвертый взвод. Шведа скоро перестали дразнить, вероятно, он приобрел нужные знания.

Крейцера пацаны поймали, окружили плотным кольцом и потащили к морю. Крейцер уверял, что он и сам может научиться, что не считает пацанов хорошими учителями, но они показывали Крейцеру старую автомобильную камеру и уверяли, что такого хорошего приспособления он нигде не найдет. Несмотря на энергичные протесты, Крейцера ввергли в море и заставили лечь на надутую камеру.

— Теперь руками и ногами... руками и ногами...

Но Крейцер не имел времени думать о руках и ногах, потому что его внимание было сосредоточено на голове. Увлеченные добрыми намерениями пацаны, собравшиеся вокруг камеры в полном составе, действовали довольно несогласованно, поэтому голова Крейцера все время опускается в воду. Не успеет он притти в себя, его снова окунули и напоили морской водой. Наконец, он взбеленился и потребовал, чтобы его тащили к берегу. Пацаны послушались, но потом очень жалели:

— Так никогда не научитесь плавать. Поучились полчаса и струсили...

Крейцер от дальнейшего учения отказался.

— Так и запишите: я не умею плавать.

— Теперь будет так: вы едете на пароходе, а пароход тонет, вот тогда пожалеете...

— Надеюсь на то, что такая катастрофа на пароходе еще не скоро будет, а так вы меня завтра утопите. Не хочу!

— Не утопим... Вот увидите!

— Нет, спасибо.

Так Крейцера и не выучили плавать.

Утром ребятам долго купаться нельзя. В половине восьмого с высокого берега трубач трубит «в столовую». Это означает, что все коммунары могут свободно отправляться в городской парк, где нас ожидает завтрак. До парка от лагерей нужно пройти километра полтора, но если итти прямо с пляжа, то гораздо ближе.

В городском парке открытый павильон столовой и при нем небольшая кухня. Этим учреждением пользуемся только мы по договору с северо-кавказским ГОРТОм, поэтому нас не пугают никакие очереди и никакая толпа.

В павильоне может поместиться сразу не больше восьмидесяти человек, поэтому мы едим в две смены. Сигнал, который играли на берегу — сигнал предупредительный, коммунары располагаются на скамейках и откосах парка. Между ребятами считается дурным тоном заглядывать в столовую и стоять у входа в нее. В столовой вертится только дежурный командир со своим трубачом. Когда накрыты столы и все готово, трубач играет, и по этому сигналу собираются в столовую коммунары. Вторая смена будет приглашена приблизительно через полчаса, поэтому взводы второй смены могут дольше купаться или бродить по лагерю. В столовой каждый коммунар имеет свое закрепленное за ним место. Есть свое место и у меня в «левофланговой смене». Со мной сидят Синенький, Лазарева и Харланова.

Лазарева одна из младших девочек, но она с большим трудом досталась нашему коллективу. Года два назад она жила в детском городке. За плохое поведение и разлагающее влияние педагогический совет детского городка отправил ее в комиссию по делам несовершеннолетних правонарушителей, а эта комиссия прислала Лазареву к нам. Лазаревой сейчас тринадцать лет. Это черноглазая девочка, серьезная и неглупая, но с капризами. Дисциплина для нее понятие абсолютно не священное, поэтому она всякое распоряжение и всякое правило считает для себя обязательным только в том случае, если оно ей нравится. А если не нравится, она за словом в карман не полезет. Слово же у Лазаревой смелое и ядовитое. Вот уже два года Лазарева в постоянной войне с советом командиров, с общим собранием и со мной. В совете она грубиянит, поворачивается спиной и вспоминает отдельные проступки самих командиров. В общем собрании отмалчивается, а в разговорах со мной плачет и говорит:

— Вы меня почему-то не любите и все придираетесь. Для вас инструкторша, что ни скажет, так правильно.

Я ей говорю:

— Да помилуй, ты же и сама не отрицаешь, что работу бросила и ушла из мастерской...

— Бросила потому, что она мне нарочно дает все петли метать, все петли да петли...

— Ты должна об этом заявить в совете командиров, а не бросать работу.

— Вот еще, буду в совете командиров с петлями... А в совете командиров что ни скажи, все не так...

Совет командиров иногда обрушивается на Лазареву со всей силой власти, отстраняет ее от работы, назначает в распоряжение дежурного командира, лишает отпуска, парадного костюма. Но я давно заметил, что репрессии для Лазаревой вредны, они только укрепляют ее протестантскую позицию. Нужно подождать, пока с возрастом у нее придет забвение о каких-то причудах первого детства, а может быть, и детского городка. Дело в том, что Лазарева очень мила, добра и послушна, пока ее что-нибудь не раздражит. И еще у нее хорошая черта: она быстро забывает все обиды и все угрозы совета командиров.

Я подружился с ней еще в крымском походе. В пешем марше «вольно» мы с нею всегда идем рядом, а она может болтать о чем угодно, не уставая и не требуя от меня особенно глубокомысленных реплик. Она охотно вступает в спор и в таком положении, но это...

. . . . .

20. Люди и медведи

В Сочи мы застали целую кучу писем. Больше всех писал Соломон Борисович, и его письма мы читали в общем собрании. Собрание собиралось вокруг памятника Фабрициусу, погибшему в этой части побережья.

Соломон Борисович сообщал важные новости.

Первая: на строительстве нехватает людей, часть рабочих строительная организация перебросила на работу в совхоз. Корпус спален накрыт, но к внутренней отделке еще не приступили, главный дом разворочен, а дальше ничего не делается, производственный корпус сделан только до крыши, литейный цех только начинают...

Вторая: в правлении выделен товарищ, которому поручено помочь коммуне в покупке станков, он уже выехал в Москву и в другие города.

Третья: начальником нового завода назначен инженер Василевский, а Соломон Борисович остается коммерческим директором; в коммуне работает группа инженеров

в пять человек, они занимаются конструированием электросверлилки.

Четвертая: станки для завода достаем везде, где можно, выпрашиваем на харьковских заводах, в Одессе и в Николаеве, в Москве, в Самаре, в Егорьевске... Соломон Борисович прилагал список станков:

Универсальный револьверный Гассе и Вреде,
Четырехшпиндельный автомат Гильдемейстер,
Револьверный Гильдемейстер П-40,
Прецизионный токарный Лерхе и Шмидт,
Вертикально-фрезерный Вандерер Д-1,
Зуборезный автомат Марат,
Зуборезный автомат Рейнекер,
Плоско-шлифовальный Самсон Верк.
Кругло-шлифовальный Коленбергер,
Радиально-сверлильный Арчдейль...

(всего в списке Соломона Борисовича было до ста станков, считая и токарные).

Пятая: к закупке оборудования для новых спален и одежды для новых коммунаров еще не приступали, отложено до того времени, когда возвратится коммуна.

Шестая: ремонт старых станков производится, но нужно прострогать почти все станины, и мало надежды, что эта работа будет закончена к 1 сентября.

Седьмая: в коммуне уже имеется легковой автомобиль, а шофером ездит Миша Нарский, автомобиль куплен в Автопромторге, скоро прибудет и грузовой автомобиль.

Восьмая: денег нужно много, получаем большой заказ на десять тысяч деревянных кроватей для Наркомздрава, но нет коммунаров и некому деньги зарабатывать и заказ этот выполнить.

Девятая: мало надежд, что перестройка главного корпуса будет закончена к 1 сентября, и поэтому коммунарам некуда приехать: нет спален, нет столовой, кухни, уборных, одним словом, ничего нет...

Коммунары были положительно придавлены этими новостями.

— Как это, к 1 сентября некуда приехать? Почему не перестраивается главный корпус?

— Они там просто вольныт и саботируют!..

— Наверное будет так, что завод окончат к следующей осени...

Скробнев особенно нервничал:

— Дела не будет, уже видно. Приедем домой — жить негде, учиться негде, работать тоже негде, а новеньких как принимать? Мы еще можем поваляться где-нибудь, а новенький валяться не будет, а дернет на улицу. Да еще и одеть не во что, ни постели, ни одеяла, а если со станками будут такие темпы, так совсем буза: Вандерер, Вандерер, а на поверку те же козы и соломорезки останутся.

Радовал только автомобиль в коммуне.

— Автомобиль, это грубá, только, наверное, форд...

— А тебе что нужно?

— Мерседес, фиат, паккард!..

— Подождешь!

— Подожду.

В Харьков отправили делегацию: Торскую и Анисимова.

Тем временем жизнь в коммуне шла своим чередом — купались, отдыхали, читали. В нашу размеренную и точную жизнь все больше вплетались новые обстоятельства, новые люди, новые впечатления.

Рядом с нами в школе примостился на лето какой-то ростовский детский сад, и каждое утро рыженькая воспитательница приводила к нам в гости строй малюток. Они вытаращивали глаза на палатки, на коммунаров и на часовых, вдруг улыбались и заливались писком, потом так же неожиданно напускали на себя серьезность и начинали что-то лепетать о делах ростовских. Коммунары с первого же дня называли это учреждение инкубатором и очень обидели рыженькую воспитательницу таким сравнением.

Приходили к нам и взрослые — в этот сезон в Сочи сделалось просто неприличным не побывать в коммуне. Мы принимали гостей и в одиночку и партиями, знакомились с отдельными людьми и заводили дружбу с целыми домами отдыха и санаториями. Иногда лагерь наполнялся до отказа, и нам было довольно трудно придумать, чем гостей занять. Усаживали оркестр и играли кое-что, устраивали состязания в волейбол и в городки.

Гости постепенно оживлялись, заражались ребячьим прыганьем и смехом. Перед уходом они строились в колонну и кричали хором:

— При-хо-ди-те к нам се-год-ня!..

Коммунары и себе устраивались в сторонке и тоже хором отвечали:

— А что у вас бу-дет на у-жин?

Гости хохочут и любезно выдумывают:

— Жа-ре-ный по-ро-се-нок...

— Хо-ро-шо при-дем о-бя-за-тель-но,— отвечают коммунары.

Пока происходит такой обмен любезностями, мимо гостей галопом проскакивают музыканты в самых разнообразных костюмах: кто в черном, кто в голошейке, а кто и в одних трусиках, впереди колонны они выстраиваются и ахают марш. Мы провожаем гостей до центральной площадки и там прощаемся.

Чаще было иначе. Приходили в лагерь представители какого-нибудь санатория и приглашали коммунаров на вечер. В такой день перед вечером не играл трубач «в столовую», а играл «общий сбор». Коммунары прибегали с берега и в три минуты решали: итти. Потом бросались к палаткам, и через десять минут они уже в парадных костюмах строятся на улице. Выносили знамя, подтягивались, равнялись, наводили полный строевой лоск и шли маршем по улицам, вдребезги разбивая мертвые часы, ужины и развлечения санаторных жителей радостными разрядами оркестра...

— Куда вы?

— В санаторий Фрунзе...

— И мы с вами!..

— Пристраивайтесь!..

Рабочие, интеллигенты, старички и женщины пристраиваются сзади четвертого взвода и стараются попасть в ногу с Алексюком, попрежнему несущим малый флаг. Когда отдыхает оркестр, они затягивают «попа Сергея» или «Молодую гвардию», мы немедленно подбавляем к ним дискантов из наших запасов.

Хозяева встречают нас на улице, улыбаются, кивают, что-то кричат. Коммунары против таких вольностей в строю и ожидают знака:

— Товарищи коммунары, салют!

Сто пятьдесят рук с непередаваемой юношеской грацией взлетают над строем, но лица коммунаров серьезны — салют это не шутка. Тогда хозяева орут ура и бегут за нашей колонной в свой . . . . .

время. Думали, что общение со всей коммуной поможет заведующему стать добрее, да и сами отдыхающие возьмут его в работу. Вышло не совсем так, как ожидали: отдыхающие, правда, пристали к заведующему:

— Отдай медведей коммунарам, чего ты за них держишься?

Заведующий весьма дружелюбно выслушивал настоячивые домогательства коммунаров и своих подопечных, но медведей все-таки не отдал:

— Осенью приезжайте.

А в это время в нашем лагере уже появился Мишка — полугодовалый медвежонок очень симпатичного нрава и забавной наружности. Достался он коммунарам случайно. Стоял в Сочи какой-то приезжий пионерский отряд, и у них жил медвежонок, которого, по данным нашей разведки, они купили у охотников из Красной Поляны за пятьдесят рублей. Пионеры гордо отвергли наши предложения продать нам медведя за семьдесят рублей. Наши разведчики доставляли и другие сведения, которые в особенности усиливали наши устремления именно к этому Мишке. По словам разведчиков, пионеры Мишку плохо кормили и дразнили палками.

И вдруг мы узнали: пионерский лагерь снялся и уехал, а в момент их отъезда Мишка вырвался и удрал. Обнаружили Мишку в городском парке. Он чувствовал себя прекрасно, и ему не угрожала никакая опасность, потому что публика при встрече с Мишкой в панике разбегалась... Два дня коммунары охотились за Мишкой и все неудачно. Мишка взбирался на высокие сосны и оттуда смотрел на коммунаров с насмешкой. Кое-кто пробовал взбираться на дерево вслед за Мишкой, но это был прием безнадежный: силой Мишку с дерева не стащишь, а Мишка был достаточно силен, чтобы сбросить с дерева любого охотника.

Победил Мишку Боярчук: против всего мишкиного фронта он произвел сильную демонстрацию, отправил десяток коммунаров на дерево. Коммунары облепили

ствол и покрикивали на Мишку. Мишка, переступая потихоньку, подобрался выше, не спуская глаз с преследователей, но, видимо, не придавал серьезного значения всей этой армии. А тем временем Боярчук по стволу соседнего дерева совершал обходное движение. В нужный момент он перебрался на мишкину сосну и оказался выше его метра на два. Этого удара с тыла Мишка не ожидал и не приготовился к нему. Он начал стремительное отступление вниз, настолько стремительное, что сидящие на дереве коммунары уже не могли спускаться по всем правилам, а должны были в самом срочном порядке прыгать на землю и просто валиться, как попало, чтобы не принять Мишку себе на голову. Окружающая местохоты толпа хохотала во все горло, поднимая с земли ушибленных и исцарапанных охотников. Мишка слез с сосны и пытался прорваться сквозь строй, но на шее у него ошейник, а с ошейника болтается цепочка, за эту цепочку Мишку и ухватили. Он спорить не стал и покорно побрел в коммуну.

Мишку поселили на краю лагеря. Совет командиров передал попечение о Мишке Боярчуку и Гуляеву, остальным коммунарам запретил даже разговаривать с Мишкой, а тем более играть с ним или кормить его. Мишка жил довольно хорошо: он был еще молод и весел, пищи у него было достаточно, душевный покой обеспечивался советом командиров, а кроме того, ему была предоставлена автомобильная шина для физкультурных упражнений.

Тем не менее совнаркомовские медведи не перестали быть предметом коммунарских мечтаний. Все решили, что осенью за медведями нужно прислать, и тогда в коммуне будет три медведя.

Рядом с медведем, как развлечение, нужно поставить церковь. Церковь стояла почти в самом нашем лагере. Время от времени возле церкви собирались старушки, старички, парочки и вообще потребители «опиума». Приходил старенький сморщенный попик, собирался хор и начиналось священнодействие.

Коммунары, слышавшие о религии только на антирелигиозных вечерах, обратились ко мне с вопросом:

— Ведь можно же пойти посмотреть, что они там делают в церкви?

— А чего же? Пойди посмотри.

Акимов предупредил:

— Только смотри, не хулиганить. Мы боремся с религией убеждением и перестройкой жизни, а не хулиганством.

— Да что мы, хулиганы, что ли?

— И вообще нужно, понимаешь, чтобы не оскорблять никого... там как-нибудь так... понимаешь... деликатнее так...

Хотя Акимов делал это распоряжение больше при помощи пальцев, но коммунары его поняли.

— Да, да, это мы понимаем, все будет благополучно.

Но через неделю ко мне пришел попик и просит:

— Нельзя ничего сказать, ваши мальчики ничего такого не делают, только, знаете, все-таки соблазн для верующих, все-таки неудобно. Они, правда, и стараются, боже сохрани, ничего плохого не можем сказать, а все-таки скажите им, чтобы, знаете, не ходили в церковь...

— Хулиганят, значит, понемножку?

— Нет, боже сохрани, боже сохрани, не хулиганят, нет. Ну, а приходят в трусиках, в шапочках этих, как они... а некоторые крестятся, только, знаете, левой рукой крестятся и вообще не умеют. И смотрят в разные стороны, не знают, в какую сторону смотреть, повернется, понимаете, то боком к алтарю, то спиной. Ему, конечно, интересно, но все-таки дом молитвы, а мальчики, они же не знают, как это молитва и благолепие, и все. В алтарь заходят, скромно, конечно, смотрят, ходят, иконы рассматривают, на престоле все наблюдают, неудобно, знаете.

Я успокоил попика, сказал, что мешать ему больше не будут. На собрании коммунаров я объявил:

— Вы, ребята, в церковь все-таки не ходите, поп жалуется.

Ребята обиделись.

— Что? Ничего не было. Кто заходил, не хулиганил, молча пройдет по церкви и домой.

— А кто там из вас крестился левой рукой и зачем понадобилось креститься, что ты верующий, что ли?

— Так говорили ж, чтобы не оскорблять. А кто их знает, как с ними нужно. Там все стоят, стоят, потом бах

на колени, все крестятся. Ну, и наши думают, чтобы не оскорблять, как умеют, конечно...

— Так вот, не ходите, не надо...

— Да что ж? Мы и не пойдем... А и смешно же там: говорят как-то чудно, и все стоят, а чего стоят? А в этой загородке, как она? Ага — алтарь, так там чисто, ковры, пахнет так... а только ха-ха-ха-ха, поп там здорово работает, руки вверх так задирает, представляется здорово, ха-ха-ха-ха...

— А ты и в алтаре был?

— Я так зашел, а поп как раз задрал руки и что-то лопочет. Я смотрю и не мешаю ему вовсе, а он говорит: иди, иди, мальчик, не мешай, ну, я и ушел, что мне...

Во второй половине августа начались групповые экскурсии в горы. Собирались по пять-шесть человек, выпрашивали у хозкомиссии хлеба и консервов, на плечи навешивали спортивные винтовки для защиты «от бандитов и медведей» и уходили на несколько дней. Возвращались уставшие и оживленные, рассказывали о чудесных происшествиях, страшных обвалах, ночевках в горах, о медвежьих следах и о заброшенных черкесских садах. Одна из групп привела с собою беспризорного Кольку Шаровского. Колька в горах свой человек, знает тропинки и селения, но готов променять вольную жизнь казака на коммунарский строй... Коммунары исследовали Кольку со всех сторон, а главное, не идиот ли, но восприимчивики расхваливали его наперебой:

— Грубый пацан. С нами был все время, грамоте знает, разумный пацан, не симулянт, сразу видно...

Колька на собрании держится с достоинством. Он сидит на камне и веточкой похлопывает по голой пятке, то и дело поправляя на голове выцветший измятый картуз.

— А не сорвешься?

— У вас хорошие ребята, не сорвусь...

Приняли и немедленно зачислили в третий взвод. Мне оставалось позвать Ваську, командира взвода:

— Отведи, пусть Николай Флорович посмотрит, выкупайте и к парикмахеру, вот деньги...

— Есть, а костюмы?

— Трусики у нас найдутся и парусовки, а без парадного обойдется, да он в строй все равно еще не годится.

— Есть,— сказал Камардинов, беря пацана за

плечо.— Ну, идем к... а, вот и он. Колька, вот тебе работа, а то жалко на тебя смотреть...

Вершневу остановился и в полоборота на Ваську:

— Сколько р-р-раз тебе г-г-говорил, не К-к-колька, не К-к-колька...

— Извиняюсь, Николай Флорович...

— Ну, хоть К-к-к-коля, а то ч-ч-ерт з-з-знает...

— Да брось, Колечка, Коленька, осмотри вот пацана новенького, нет ли у него, знаешь, чего такого...

У Кольки Вершнева кабинет за штабной палаткой: шкафчик со всякой ерундой медицинской, небольшая скамейка, умывальник. Но лечить Кольке некого, и он принужден пробавляться всякой профилактикой: проверяет фрукты, гоняет пацанов за уборкой, придирается к постелям, пытается ограничить купанье, а самое важное — мертвый час. Коммунары признают его авторитет, но купанье ограничивать и не думают, фрукты лопают невымытые, а против мертвого часа уже не возражают. Впрочем, и сам Колька не всегда строго соблюдает капризы науки.

Утром он подходит к Дидоренко и почти плачет:

— Сколько раз я г-г-говорил, что же мне ж-ж-аловаться? Никакого внимания, это ч-ч-ч-ерт его з-з-з-нает...

Мы сидим над морем, и вокруг нас, как полагается, ребята.

— Ну, чего ты? Что случилось?

— Опять невымытые г-г-груши роздали, сколько я г-говорил?

— Ах, черт,— улыбается Дидоренко виновато, вскакивает, направляется к штабной палатке. Нам слышно, как он разделяет хозкомиссию:

— Душа с вас вон, я вам сколько раз говорил. Опять Колька ругается. Груши мыть перед раздачей, если вам лень, так скажите мне, я помою.

— Да на черта их мыть,— оправдывается голос Кравченко,— шо вони з базару, чы як? Яка там зараза? Груши з саду, якогo йому нужно биса, тому Кольке. Понимаешь, ничего робить — груши мый...

Колька удовлетворенный скрывается в своем «кабинете». Но через полчаса в лагере гомерический хохот. Слышу голоса Кравченко, Дорохова, Ефименко, Дидоренко, всей хозкомиссии и самого Вершнева. Его тащат

ко мне, а он упирается, покрасневший, как пацан, но не смеяться не может. В руках у него начатая груша.

— Ось дывыться: доктор, а грушы исть не помывши — прямо з ящыка...

Колька крутит головой и оправдывается:

— Т-т-тебе к-к-какое дело. Я, может, п-п-попробовать хочу: в-в-в-редно или не в-в-вредно?

— Наложить на него два наряда, наложить, Антон Семенович.

Я шутя говорю:

— Конечно, два наряда.

— Есть,— салюует Колька недоеденной грушей и вырывается из объятий хозкомиссии.

Дня через два я вижу Кольку с метлой у клубной палатки.

— Что ты здесь делаешь?

— Два наряда за ним,— серьезно говорит дежурный командир Красная.

— Это з-за два наряда с-с-считается? — спрашивает Колька придиричиво...

21. В Харьков

все, что поддается стирке, снова воскресла маршрутная комиссия, хлопотала о вагонах для отправки палаток в Харьков, о пароходных билетах.

30 августа на море начались бури, пришлось прекратить купанье, в Сочи не заходил ни один пароход. 2 сентября мы свернули лагерь и погрузили его в товарные вагоны. Половину вагона отвели для Мишки и для его провожатого Боярчука. Ночевали на открытом воздухе, вспоминали Владикавказ и Военно-грузинскую. На завтра был назначен прощальный вечер, а послезавтра выезжать. Сегодня нас чествовали в доме отдыха ТООГПУ, в котором мы наиболее часто бывали. В доме ТООГПУ собралось много гостей из разных санаториев. Коммунаров встретили особенно приветливо, угощали ужином, Хенкиным, выслушали наш концерт. В заключение принесли огромный торт, похожий на вавилонскую башню, и разыграли его «на оборону» Долго прибавляли единоличники по трешнице и по пятишнице. Когда набросали к

Хенкину в тарелку больше четырехсот рублей, перешли на состязание целыми коллективами. Коммунары дергали меня за рукав и шептали:

— А мы что ж?

Когда я сказал (уже забыл, в каком арифметическом ансамбле) «двести один рубль», коммунары заплодировали, и никто не решился после нас испытывать счастье. Торт поднесли при звуках туша Леньке Алексюку и уволокли в наш тыл. В тылу мы все задумались:

— Куда ж его девать? Делить на сто пятьдесят частей не годится.

— Отдать оркестру.

— Верно, оркестру.

Волчок, улыбаясь, принял торт, ему только крикнули:

— Алексюка ж не забудьте...

— Не забудем, не бойся.

После вечера принесли торт в лагерь. Музыканты о чем-то совещались, потом вытребовали к себе Левшакова и с прочувствованным словом вручили ему торт, а потом схватились за трубы и проиграли туш. Левшаков кланялся и благодарил, говорил, что никогда в жизни не мог ожидать такого большого подарка, что он теперь понимает, какое хорошее влияние оказывает музыка на человеческую душу, что он и в дальнейшем надеется, что ему будут подносить такие торты.

Ребята с блестящими глазами наблюдали за всей этой церемонией. Левшаков кончил, сделал вид, будто он вытирает слезы, и, сгорбившись до самой земли, потащил торт к скамейке. Здесь, вооружившись огромным хлебным ножом, он спросил просто:

— Сколько вас в оркестре? Сорок пять?

— Сорок пять.

— Становись в очередь, да смотри, не забудь, что на каждого из вас приходится по два с половиной коммунара, у которых слюнки текут уже два с половиной часа.

— Что вы, Тимофей Викторович, мы же вам поднесли.

— Знаю я вас, разрезать не умеете сами, вот и...

Музыканты застеснялись, а Левшаков кричит:

— Довольно дурака валять, что же вы думаете: я буду таскать его за собою или слопаю... Становись!

Музыканты получили по огромной порции, так что хватило и для корешков, рассыпанных по всем взводам.

На следующий день прощальный вечер. Мы пригласили всех своих сочинских знакомых. В нашей столовой в городском парке мы устроили настоящий пир: закуска, икра, жаркое, мороженое и даже (ох, отвернитесь, кто там из наробраза) — по стакану столового вина. Персонал столовой восседал за столами, а подавали и хозяйничали коммунары. Были гости из всех санаториев и домов отдыха, были сочинские комсомольцы, а самые дорогие гости — старые большевики с Шелгуновым.

После ужина раздвинули столы и пустились в пляс. Вино, хоть и слабое, а развязало ноги пацанам. Нашлись танцоры из гостей и даже из глазающей публики...

Пора и оканчивать вечер. Оркестр грянул гопака. Из нашего круга выскочил Петька Романов и по кавказскому обычаю начал вытанцовывать перед Шелгуновым. Ничего не оставалось делать старику, передал он кому-то свою палочку и вспомнил молодость, пристукнул каблуками и пошел в присядку. А Петька после этого уже в настоящем восторге завертелся перед ним, как бесенок.

В три часа четвертого сентября мы построились против дома ТООГПУ в походном порядке: знамя в чехле, на боках баклажки, в строю санитары. Провожала нас целая колонна наших друзей.

После небольшого митинга на пристани провожающие разошлись, а мы стали ждать теплохода. «Армения» пришла только в девять часов вечера.

По причине бури уже шесть дней не заходили в Сочи теплоходы, и поэтому пассажиров собралось на пристани сверх всякой меры. Перед деревянным помостом, выдвинутым в море, стоит не меньше пятисот человек, все больше туристы, но есть и женщины с ребятами. У каждого не только мешок, но еще и чемодан и какая-нибудь бутылка. «Армения» стоит в двух километрах, блестит и играет огнями, а между нами и «Арменией» болтается по морю широкая нескладная лодка, которую тащит на веревке моторный катерок. В лодку можно посадить не больше сорока человек. Публика начала давить друг друга еще за час до прибытия парохода, а когда он подошел и остановился на рейде, то из публики уже выматывались последние внутренности, и взаимные любезности дошли до последней степени совершенства.

Капитан порта приказал в первую очередь «грузить»

коммунаров. Первой лодкой отправили девочек, но когда стали выводить на помост четвертый взвод, публика не выдержала давления сзади, запищала, застонала, закричала, заругалась. Какая-то компактная группа туристов, раздавив несколько детей, вылезла на помост и потребовала от капитана объяснений, «почему это беспризорные в первую очередь?» Мы возвратили четвертый взвод на берег и стали ожидать выяснения конъюнктуры. На помосте крики и ругань.

Спор был разрешен неожиданным образом. Наши музыканты, потеряв терпение, взяли трубы и обрушили на головы туристов... звуки туша. Раз, другой... остановились, прислушались, третий. Капитан порта смеется в лицо туристам, а туристы уходят с помоста. Четвертый взвод пробегает к лодке.

Вот мы и на «Армении». Никаких мест нет, и нам предоставляют кормовую палубу. Тем лучше. Ключнев разделил ее на пять частей, получилось довольно просторно, еще и проходы останутся.

На краю палубы наши часовые от первого взвода, а снизу на них поглядывают те же туристы.

Зашумели винты, поехали.

После полуторасуточного самого счастливого плавания, наполненного солнцем, пением моря, дельфинами, новыми людьми, мы в Одессе. Нас встречают: оркестр пограничников, комсомольцы, чекисты и между ними такое приятное видение: Крейцер смеется в лицо нашему строю на палубе и салютует нашему знамени. После приветствий и парада мы окружили Крейцера.

— Как дела в коммуне?

— Да что дела? — щурится Крейцер на солнце.— Без вас там дела нет, а ехать вам некуда, что вы будете делать, а?

— Все равно поедем, а здесь что делать?

— Да и я так думаю, вот я еду в Харьков. А и завод же у вас будет, ай и завод... Станки какие, поломайте только мне...

— А мы ломали? Что говорить?

— Ну, ну, это я так...

Дидоренко отвоевал для нашей стоянки какой-то физкультурный зал. В Одессе коммунары прожили девять дней. Обедали в кооперативной столовой. Целый день

у коммунаров заполнен маршами и экскурсиями, а по вечерам разговоры только об одном — о коммуне. Из коммуны попережнему сообщали, что ехать некуда, что нет ни спален, ни столовой, ни кухни, ни классов, ни мастерских.

Коммунарские собрания собирались бурные и нетерпеливые. Доходили до разговоров неприличных:

— Нечего ждать разрешения правления. Заказывайте вагоны и едем, чем тут валяться, лучше там валяться...

— Нам сейчас нужно быть в коммуне. Что мы за коммунары, почему мы здесь сидим, когда там прорыв на прорыве?

— Вот возьмем и разбалуемся в Одессе,— шутит Похожай,— что вы тогда будете говорить? Как тут не разбаловаться? Делать нечего, смотреть нечего, гулять надоело, ой, и надоело же, если бы вы знали...

Коммунары угрожали развалом коллектива и другими страхами. Но стоило трубачу заиграть общий сбор, они быстро и попережнему ловко выбегают на улицу и строятся для очередного похода. По улицам проходят с прежним строевым лоском, но ни приветствия, ни тысячные толпы, идущие за коммуной по тротуарам, уже не занимают их и не радуют.

Вечером то же самое:

— Вот увидите, пешком будем расходиться в коммуны.

Наконец, 14 сентября получили распоряжение правления:

— Коммуне выезжать в Харьков.

Закричали ура, подбросили вверх потемневшие тюбейки и бросились к корзинкам складываться. Маршрутники побежали на вокзал.

22. Кое-что о коэффициентах

Поезд с коммунарами прибыл в Харьков 16 сентября в одиннадцать часов утра. На перроне вокзала собралось все правление во главе с председателем, и пока поезд останавливался, коммунары уже пожимали руки чекистам, перевесившись через окна.

Через полминуты они уже выстраивались на перроне, имея на правом фланге оркестр и знамя.

— К рапорту смирно!

Дежурный командир Васька Камардинов отдал рапорт председателю правления:

— Коммуна имени Дзержинского прибыла с похода благополучно, коммунаров в строю сто пятьдесят один, больных нет, коммунары приветствуют свое правление и уверены, что они с новыми силами пойдут на новую работу и закончат ее с победой.

Председатель правления сказал коммунарам:

— Правление поздравляет вас с возвращением. Коммунары, в строительстве коммуны прорыв, вам даже остановиться негде, но правление знает, что вы быстро приведете коммуну в порядок, своевременно окончите строительство, пустите завод и приступите к выполнению нового промфинплана вместе с новыми товарищами, которых вы примете в свой состав.

Я глянул в лицо нашего строя. Старшие немного суровы, пацаны же, как всегда, радостны и улыбаются — для пацанов нет ничего невозможного на свете: завод пустить? Отчего не пустить? Они пустят...

Через два часа коммунары с развернутым знаменем подошли к коммуне. Уже издали мы видели новые корпуса, вытянувшиеся в одну линию с нашим главным. Они еще в лесах и со всех сторон обставлены бараками и сараями. Впереди, у самой дороги вытянулась темная гряда — это встречают коммуны строители, наши рабочие и служащие. Соломон Борисович в том же пиджаке стоит впереди, а вокруг него незнакомая нам группа людей — мы догадываемся, это инженеры. И Соломон Борисович и инженеры держат «под козырек», только Соломон Борисович подчеркнуто лихо и высоко, а инженеры неловко и неуверенно.

Колонна остановилась. Никто нас не приветствовал, и мы ни к кому не обращались с речами. Для того чтобы дать дорогу знамени, толпа расступилась, и мы увидели, что вся площадь перед всеми тремя корпусами завалена мусором, ящиками, боченками, изрыта ямами и колеями грузовиков, от наших клумб и следа не осталось. Прямо в глаза нашему строю глядят парадные двери и окна фасада, забрызганные известью и обставленные какими-то примостками, распахнутые настежь и искалеченные.

— Под знамя, смирно!

Васька повел знамя. Проходя мимо меня, он шепчет:

— Куда знамя?

— Найди где-нибудь...

Я обратился к коммунам с самым коротким словом:

— Товарищи, я не поздравляю вас с окончанием похода, поход продолжается, но отдых наш окончен. С завтрашнего дня всю волю и весь разум дзержинцев мы должны бросить на большую, тяжелую и длительную работу. Разойдись!

Коммунары не разбежались с шумом и смехом, как это они делали всегда. Мне даже показалось, что на некоторую долю минуты строй не потерял положения «смирно». Только постепенно он давал трещины, и коммунары между бочками и ящиками стали пробираться к зданиям коммуны.

В главном здании все комнаты завалены подмостками, отбитой штукатуркой, дранью. Стены кое-где только побелены, большею же частью они изгрызаны, исцарапаны, а то и совсем первобытны, пестреют обрешеткой и свежими досками. Бывшие спальни второго этажа расширены в пять просторных аудиторий классов, но все это живет еще в строительном хаосе. Внизу уже готова огромная столовая, осталось только помыть окна, сделать панели и смыть с паркета «вековые» залежи грязи и извести.

Правый корпус — новые спальни коммунаров — как будто готов: в каждом этаже двадцать три спальни, одни маленькие — на четыре кровати, другие побольше — на восемь, а есть и большие — на двенадцать, пятнадцать человек. Но в спальнях нет еще проводки электричества, еще не покрашены двери, не готов паркет, вовсе не поставлено отопление. Сразу видно, что на строительстве не хватает рабочей силы. Кое-где только можно встретить маляра или паркетчика за работой. И в главном корпусе и в спальнях свободно гуляют ветры, так как стекла в окнах наполовину выбиты, а наружные двери настежь.

Производственный корпус даже и вчерне не готов. Стоят высокие кирпичные стены и укладываются балки и стропильные фермы крыши, вот и все. Еле-еле намечены контуры балконного второго этажа, но к бетонированию еще и не приступали, только что привезли бетономешалку и устанавливают ее снаружи. Зияют пустые оконные проемы, вместо пола какие-то провалы и спуски — здесь потребуется громадная высыпка. Дальний фланг корпуса

еще только работается каменщиками и весь перепутан кладками и лесами.

Задний двор коммуны засыпан пирамидами земли и глины, осколками строительного материала, и между всем этим добром восседает возле врытой в землю ванны привезенный Боярчуком Мишка. На фасадной площадке, на фоне такого же хаоса торчат высокими кубами несколько ящиков — это прибывшие недавно станки.

Только что мы распустили строй, подошел к коммуне недлинный кильватер ломовиков, а меня поймал на крыше Соломон Борисович и смущенно зашептал:

...да нас и немного. Мы усаживаемся, кто на чем может.

Никитин открывает совет простыми словами:

— Ну, с чего начинать?

Командир первого взвода говорит:

— Надо прежде всего устроить коммунаров. Спать придется, конечно, на полу. Для хлопцев можно столовую, там уже все готово, только полы помыть, а для девочек можно на втором этаже, там есть, кажется, такая комната.

— А я думаю, что это не нам решать,— говорит Волчок,— пускай выступают командиры отрядов.

— Какие там отряды,— машет рукой Никитин,— да вот и тебя взять, куда ты инструменты сложишь? Рядом с пацанами на полу. Значит, уже оркестр нельзя разбивать. Раз по походному, значит, по походному. Я думаю так, что пока не будет спален, продолжать по взводам.

— Пожалуй,— соглашается Волчок.

— А теперь насчет столовой. Степан Акимович, где нам кушать?

Степан Акимович смеется:

— Черт его знает? У нас ведь кухни нет. Новая кухня, внизу, будет готова не раньше, чем через три недели... придется с рабочими.

Соломон Борисович отрицательно вертит головой:

— Это невозможно. Наши мастера и рабочие это одна очередь, потом две очереди строителей, потом две очереди коммунаров, значит пять очередей...

— Ну, а что ты будешь делать?

— И потом там грязно, эх, эти строители...

Камардинов страстно:

— Ну, насчет грязи, так это мы быстро наладим, а что же делать?

— Ну, раз больше ничего нельзя делать, так что ж? — соглашается Соломон Борисович.

— Это мы наладим,—говорит Дидоренко.

— Значит, с этим кончено. Надо сегодня разделить ребят по сменам и столы разделить.

— На смены нечего делить. Как было в Сочи, так и здесь будет.

— Верно.

— А теперь насчет работы, Соломон Борисович?

Соломон Борисович торжественно произносит:

— Для работы коммунаров все готово, как я и говорил, а вы мне не верили. Станки в полной исправности, станины исправлены, меди сколько угодно, лес есть... Ах, какой заказ мы имеем для Наркомздрава: кровати для детских больничек, десять тысяч штук!

Командиры аплодируют Соломону Борисовичу, а Соломон Борисович горд и радуется:

— Эти самые масленки, о, вы еще увидите, масленка еще нас вывезет, электросверлилка еще далеко...

— Работать по старым местам?

— По старым, где кто был?

— А теперь самое главное, теперь насчет строительства,—говорит Никитин.

Командиры задумались, молчат. В строительном беспорядке, в целой куче прорывов не видать того конца, за который можно ухватиться совету командиров. Молчит и Соломон Борисович и толкает меня по секрету, это значит: а ну, интересно, как командиры за это дело возьмутся?

23. Первые атаки

младшие группы и, значит, сократить выпуск ближайших лет. Поэтому мы решили часть ребят взять из детских домов. Неудобство в этом было только одно: нас уже начинали упрекать:

— Хорошо вам работать, если будете брать из детских домов, берите прямо с улицы.

Коммунары — высококвалифицированные специалисты во всех вопросах, касающихся беспризорности. Коммунары говорили:

— Ребята и на улице и в детских домах одинаковые. Сегодня он в детском доме, а завтра на улице, а потом опять в детском доме. Какая разница?

— С улицы — те труднее.

— Не труднее. И на улице ребята хорошие, и в детских домах есть хорошие.

Наркомпрос Украины не возражал против этой операции. Она была интересна для нас и в другом отношении: мы надеялись познакомиться с положением и работой детских домов в нашей республике.

К детским домам приходилось обращаться и еще по одной причине. Правление решило увеличить в коммуне процент девочек. До сих пор у нас было тридцать девочек, теперь нужно было это число довести до девяноста. На улице мы могли найти только единицы. Все эти соображения рисовали картину нового пополнения приблизительно так:

с улицы пять девочек и семьдесят мальчиков,

из детских домов пятьдесят пять девочек и двадцать мальчиков.

По возвращении из похода мы получили из Наркомпроса разверстку семидесяти пяти мест между детскими домами, большею...

24. На боевых участках

сделана планировка, и уже вскапывались цветники, но против производственного корпуса все еще валяются доски, и стоит бетономешалка, которая очень мешает коммунарам. На Деля кричат:

— Когда вы уберете свою мясорубку?

Дель обещая, что уберет через четыре дня, а через пять дней говорит:

— Как же уберу мясорубку, как вы говорите, если еще фундаменты бетонируются...

Чем ближе подходил к концу октябрь, тем страшнее становилось — не успеем. В последние дни бросились за

помощью к рабочим и служащим коммуны. Местком дал помощь на несколько дней, но этим нельзя было злоупотреблять: были срочные заказы, многое делалось и для себя. Все же педагоги, бухгалтера, столяры, литейщики поработали с коммунарами.

В пять часов работа в мастерских и на строительстве заканчивается, но для коммунаров не наступает отдых. В коммуне все еще не устроено, не довершено, не поставлено на место. Кое-как заморивши червяка после работы, коммунары разбегаются по новым делам. Бюро и совет командиров в это время собирались каждый вечер и часто засиживались долго. И в комсомоле запарка: богатырским ростом вдруг стала расти ячейка, уже редкие коммунары не входят в комсомол. Наседает и учебный год, который мы поневоле должны начинать с опозданием. Постановление ЦК партии о школе, новые учебные планы и новые программы, новые увязки, все это нужно проработать к началу занятий. Положение в рабфаке к этому времени усложнилось чрезвычайно. У нас проектировалось пять курсовых групп, народился третий курс, который в своем учебном плане оказался запутанным до последней степени.

Наш новый завод, завод электросверлилок, является заводом машиностроительным, наш институт тоже машиностроительный, это открывало совершенно невиданные горизонты в области отношения производства и учебы. В комсомоле и в педагогическом совете мы не особенно надеялись на пресловутую увязку. До сих пор проблемы этой увязки нигде не решены и по своей сущности недалеко ушли от проблемы комплекса. Поэтому у нас решили ввести в план дополнительные предметы: технологию, электромеханику, станки, организацию производства и литейное дело. Комиссии комсомола с этими вопросами еле-еле управлялись, несмотря на большую помощь педагогов.

Рабочее напряжение после первого ужина было даже более сложным, чем на строительстве, так как здесь мы то и дело встречались со стыками: нужно идти и в комиссию, и в бюро, и в совет командиров, активу было впору разорваться.

А тут еще новенькие. Они пропитывали коммуны все больше и больше, и штабы новых отрядов были загружены работой буквально до отказа.

Наши вербовочные комиссии возвратились уже давно. В разных детских домах набор был произведен почти по плану. В каждом доме были оставлены новые коммунары до нашего приказа о выезде в коммуны. Сначала мы предполагали, что будем вызывать их постепенно, чтобы не сразу разбавлять коммуны новыми элементами. Дело в том, что во многих детских домах нашим комиссиям очень не понравилось. Нашли и полное отсутствие дисциплины, и потребительские тенденции, и везде нашли плохую грамотность и слабую культуру быта. Осторожность вербовочных комиссий встретила сопротивление со стороны нашего комсомола. Комсомольцы доказывали:

— Угробим коммуны, вот увидите, угробим. Одних обрабатываем, на тебе: другие приехали, начинай с этими, только и будем знать, что возиться с ними. Пускай приезжают все сразу, отделаемся, и квит!

Приводили и еще одно дельное соображение:

— Сразу взять, сразу начнем и занятия, а то что ж? Опять будем в классах сидеть, поджидать: вот скоро приедут...

Поэтому мы с начала октября начали форсировать приезд новеньких. Почти каждый день мы отправляли куда-нибудь телеграмму с приказом о выезде, и через день-два в кабинет вваливаются гости. Оглушенные шумом строительства, чистотой и порядком внутри коммуны, самым видом раскаленного в работе нашего коллектива, они смирнехонько усаживаются на стульях и вытаращенными глазами рассматривают все окружающее. Нужен опытный глаз, чтобы в каждом измятом, бледном и неподвижном лице увидеть будущего настоящего коммунара.

Правобережье присылает ребят в высоких шапках и в новых блестящих ватных пиджаках. Ситцевая в горошек рубашка, подпоясанная свеженькой тесемкой, тоже сияет невинностью, и по всему видно, что пацан от рождения не переживал такой полноты жизни и ее новизны, как сейчас. Он неподвижно сидит на стуле в ряду таких же ошеломленных фигур и молчит.

Коммунары поминутно забегают в кабинет посмотреть на новеньких:

— Смотри, граченята какие!..

Но входит штаб отряда и уволакивает прибывших на первоначальную обработку: к доктору, в баню, в одеж-

зую кладовку. Все великолепие новых шапок, пиджаков и рубашек безжалостно сдается в кладовую, и через час новые коммунары уже сияют другим сиянием: щеки румянятся от бани, круглые головы блестят после стрижки, поясок охватывает похудевшую сразу фигуру, открытый воротник новой коммунарской спецовки создает впечатление новой человеческой культуры.

Похожай вводит их и напутствует басом:

— Это вам спецовки, а форму получите, когда вся эта буза пройдет. Да и ходить к тому времени научитесь.

Вечером в отряде штаб собирает новеньких в кружок и рассказывает им о порядке коммунарской жизни.

— Сигнал вставать в шесть часов. Значит, снится там тебе или не снится что, а вставай и за уборку. Дам тебе щетку, тряпку, и действуй. Да смотри, чтобы мне за тебя вечером не отдуваться...

На всякое приказание, понимаешь? Начальник или командир, скажем, я,— никаких разговоров, есть и все! А ну, покажи, умеешь ты салют? Ну, что ты ноги расставил, как теленок. Ты коммунар, должен быть во! Выше, выше руку нужно!.. Вот молодец!..

Новичек радуется первому успеху.

— Да, ну конечно, если какое распоряжение неправильное, можешь в общем собрании взять слово и крой, не стесняйся! Но только на общем собрании, понимаешь? В газету можешь написать. Ты пионер? Нет? Не годится! Вот я тебя познакомлю с Звягинцем, вожатым.

— Э, нет, нос так не годится. У тебя же платок!.. Так что ж ты теперь платком. Это, как покойнику кадило... Руки измазал, а потом уже платок вынул...

Стенки не подпирать, стенка, она, знаешь, не для того. У тебя, понимаешь, есть вот тут позвоночный столб называется, так ты больше на него напирай, тогда будешь молодец! А когда сходишь по лестнице, тоже не держись ни за что, ни за перила, ни за что другое..

— А как же?

— Чудак, да что ты, старик, что ли... Вот так просто и иди, как по ровному.

Пацан перед последним пунктом стоит пораженный и улыбается.

Из детских домов нам все-таки не пришлось набрать требуемое число. Многие приезжали с чесоткой и с стри-

гущим лишаем. Таких мы со стесненным сердцем отправляли обратно — лечить их было некогда.

С улицы был хороший самотек с первых дней октября и усиливался с каждым днем. Уже с утра в вестибюле, завернувшись в изможденные клифты или в остатки пальто сидят три-четыре пацана и блестят белками глаз на измазанной физиономии. Они пялятся на дневального и сначала помалкивают, а потом начинают приставать ко мне, к дежурному командиру, к каждому старшему коммунару, к Дидоренко.

Дидоренко особенно любит с ними поговорить:

— Тебя принять? Ты же убежишь завтра...

— Дядя, честное слово, буду работать и слушаться.

Дядя, примите, вот увидите!..

— А ты это откуда убежал на прошлой неделе?

— Дядя, ни откуда я не убежал, я от матки, как ушел, так и жил на воле все время.

— Вот посуди, на что нам принимать таких брехунов?

— Дядя, честное слово!..

— Ну, сиди пока здесь, просохнешь немного, вечером совет командиров будет, может, и примут.

В дальнейшем новые пацаны уже и сами знали, что нужно ожидать совета командиров. Они поуютнее устраиваются в вестибюле и наполняют его тем своеобразным горячим и ржавым духом, от которого, как известно, плодятся вши и разводятся сыпняк. Дневальный не пускает их дальше вестибюля, только после обеда дежурный командир придет и спросит:

— Вы как? Обедать привыкли?

Пацаны неловко улыбаются:

— Два дня ничего не ели.

— Ну, это ты, положим, врешь, а обедать все-таки пойдем.

Для них уже заведен постоянный стол, который после обеда внимательно осматривается ДЧСК, не осталась ли на нем «блондинка».

Вечером в совете командиров их вводят по одиночке. Коммунары их видят насквозь и обычно долго не возьматся.

— Это свой ... В какой отряд?

— Давайте мне, что ли, — говорит Долинный.

— Забирай, сейчас же к Кольке тащи!..

Долинный поднимается с места.

— Вот твой командир, понимаешь?

— А как же...— командир, знаю.

Но бывают случаи и неясные.

Посредине нашего тесного временного кабинета, заставленного неразвешанными портретами и зеркалами, вертится малорослый пацанок. Матерчатый козырек светлой кепки оторван, но у него умненькое лицо, бледное, но умытое. Он не знает, в какую сторону повернуться лицом,— командиры со всех сторон, а с разных краев кабинета на него смотрят явные начальники: Швед — председатель, я — тоже как будто важное лицо, а сбоку Крейцер, случайно попавший на заседание.

Швед энергично приступает к делу:

— Ну, рассказывай, откуда ты взялся.

— Откуда я взялся? — несмело переспрашивает пацан.— Я родился...

— Ну, это понятно, что родился, а дальше что было?

— Дальше? Папа и мама умерли, а я жил у дяди. Дядя меня выгнал, говорит, иди, сам проживешь... Ну... я и жил.

Остановка.

— Где же ты жил?

— Жил... у тетки, а потом тетка уехала в Ростов, а я жил в экономии... там, в экономии заработал четыре рубля, четыре рубля заработал, пошел в Харьков, хотел поступить в авторемонтную школу, так сказали — маленький...

— На улице что ли жил в Харькове?

— На улице жил три недели...

Пацан говорит дохлым дискантом и чисто по-русски, ни одного блатного слова.

Командиры вопрошают его наперебой:

— А что ты ел?

— А я покупал.

— Все на четыре рубля?

— На четыре рубля... я еще зарабатывал,—говорит пацан совсем шопотом.

— Как зарабатывал?

— Папиросы продавал.

— Ну, разве на этом деле много заработаешь?

— А я продавал разве коробками? Я по штукам. По пять копеек штука продавал.

Из противоположного угла кабинета:

— Где же ты брал папиросы?

Пацан поворачивается в противоположную сторону:

— Покупал.

— Почем?

— А по рублю тридцать.

Каплуновский серьезно и несмело произносит:

— Чистый убыток выходит...

Все смеются. Швед говорит:

— Ты все это наврал... Ты, наверное, прямо от мамы.

Пацан в слезы:

— Примите, честное слово, у меня никого нет... Я жил у тетки, а тетка говорит: пойди погуляй, а я пришел, а хозяйка говорит: твоя уехала с новым мужем в Ростов...

— С каким новым мужем?

— А я не знаю...

— Это было в каком городе?

— В Таганроге...

— Ну?

— Уехала с новым мужем и больше не приедет, а ты, говорит, иди. Так я приехал в Харьков...

— С кем?

— Там мальчики ехали...

— Это они тебе такое пальто обменяли?

— Угу. Один говорит: давай твой пиджачок...

— Сколько дней был в Харькове, говори правду!..

— Вчера приехал, а тут на вокзале мальчики говорят, в коммуне этого... как его...

— Дзержинского?

— Угу... так говорят принимают, так я и пришел, тут еще один мальчик пришел... Колесников его фамилия... он там стоит.

— Ну, хорошо. Сколько двенадцать на двенадцать? Ты учился? В какой группе?

— Учился в пятой группе...

Со всех сторон один и тот же вопрос:

— А кто же тебя учил? Где ты учился?

Но Крейцер останавливает командиров:

— Да бросьте, мучители, вам не все равно!.. Пускай говорит, сколько двенадцать на двенадцать?

— Сто четыре,— улыбается более мажорно пацан.

— Та-а-ак. А кто такой Дзержинский?

Молчание.

— А Ворошилов кто?

— Ворошилов?.. Главный... этот... вот, как генерал...

— Главный, значит?

— Угу...

Теперь уже и Крейцер заливается хохотом, покрывая басовым восторгом смех командиров.

Пацан молчит.

— Ну что? — обращается Швед к совету.

— Принять,— говорит Крейцер.

— Голосую. Кто за?

Не успели принять этого, врывается в совет Синенький.

— Там еще один, из Одессы приехал...

— Ну, чего ты, как угорелый... давай его сюда!..

Входит. Длиннейшая шинелишка. Заплаканные глаза.

— Рассказывай.

Начинает рассказывать быстро, видно, что заранее обдуманную речь произносит:

— Я жил в одном дворе в Одессе, где вы останавливались. Просил вот их,— показывает на меня глазами,— отец у меня пьет, безработный, и каждый день бьет и бьст. Я и приехал...

— Где взял денег на дорогу?

Сначала деньги взяты у отца. Потом выясняется, что деньги украдены у соседей.

— Для чего ты украл?

— А я раньше поехал без денег, это, как его...

— Зайцем?

— Зайцем, а меня на третьей станции высадили, так я и вернулся, а потом взял эти деньги... на дорогу.

Коммунары вспоминают, что видели этого мальчишку в Одессе, он занимался кражей арбузов с подвод... Коммунары говорят:

— Пацан балованный, а потом папа у него есть...

Пускай в Одессу едет, дать денег на дорогу...

Сопин другого мнения:

— Вот, что он не беспризорный, так это что ж? Он, конечно, ночует дома, а днем, так он все равно арбузы таскает, так это разве не беспризорный? А ночью, ко-

нечно, ночует... А что? Принять. Он, конечно... и так и так. Две должности занимает.

Большинство за отправку в Одессу.

— Завтра поедешь,— говорит Швед,— дадут тебе билет...

Одессит громко ревет и срывает с себя рубашку...

— Не поеду, все равно, не поеду, смотрите, как бьет... вот!.. вот!..

Кое-кто и синякам не верит.

— Да это не папаша, это кондуктор.

И вдруг горячую речь произносит Синенький, торчащий до сих пор в кабинете:

— Мы знаем, пацан этот хороший... А мы знаем, как отец его бил, и тогда все видели!.. А что он украл, так что, он не на что-нибудь, а на дорогу, а к отцу он все равно не поедет. Надо принять, потому что пропал он тогда совсем!..

И таки добился своего одессит — приняли. Крейцер махнул рукой:

— Правильно, правильно сделали, что приняли...

Наконец, и третий в сегодняшнем совете — Колесников. Этого сразу видно. Его физиономия свидетельствует о породе, слагающейся обыкновенно на Тверских, Ришельевских и улицах Руставели.

— Сколько времени на улице?

— Три года.

Колесникову уже лет шестнадцать, он держится в совете прямо и видно старается не оскандалиться.

Крейцер по неопытности задает вопрос, который в подобном случае никогда не зададут коммунары:

— Чем жил на улице?

— Чем жил? — добродушно серьезен кандидат, — да так, как придется.

— Красть приходилось?

— Да так вообще. Разное бывало. Ну, на благбазе без этого... Но только в редких случаях...

Командиры улыбаются, улыбается и Колесников, — через одну минуту новый член пятнадцатого отряда.

А в один из вечеров две небольших девочки, у каждой аккуратный сверток, и сами они аккуратистки, видно. Совета командиров в этот вечер не ожидалось, а в кабинете, по обыкновению, народ. Спрашиваю:

- Чего вам?
- Примите нас в коммуну.
- Откуда же вы?
- Из Сочи.
- Откуда?
- Из Сочи приехали.

Мы все удивлены, переспрашиваем. Действительно, приехали из Сочи.

- Как же вы приехали?
- Нас посадил начальник станции.
- А билет?
- Мы собрали пятьдесят рублей. Мы жили у людей с ребенками... А Настя и говорит: поедем, так мы и поехали...

— Пятьдесят рублей?

— Нам хозяйева были должны, мы долго не брали денег, а как коммунары жили в Сочи, так мы и сказали хозяину, что поедем...

— Что за хозяйева?

— Ее не пускали, а мои — хорошие, сказали, поезжайте и даже попросили начальника станции...

— А назад как поедете? — спрашивает Камардинов.

— Не знаем.

Мы молчим, пораженные этим происшествием. А они стоят рядом и молча моргают глазами.

Пришлось трубить совет. В совете смеющееся удивление. Сопин предлагает:

— За их боевой подвиг — принять!

Так и сделали.

Но были и отказы. Вваливается в кабинет бородатый парень и сразу усаживается на стул:

— Примите в коммуну.

— А сколько вам лет?

— Семнадцать.

— В каком году родились?

— В тысяча девятьсот девятом.

— Уходите.

— Что?

— Уходите!

— Других можно, а я что ж...

И уходит, цепляясь за дверь...

25. Симфония Шуберта

.....

26. Поворот оверштаг

.....

27. Похоже на эпилог

.....

прошлом году работали праздничные комиссии, только дорожной комиссии не было. Теперь уже не пацаны готовили праздничную каверзу, а все триста коммунаров готовили к пуску свой завод.

В день праздника вечером двери завода закрыты, и коммунары показывают гостям спальни, аудитории, классы и клубы.

В семь часов приехал председатель ВУЦИК'а и пошел в толпе коммунаров осматривать коммуну. В одной из спален ему представили братьев Братчиных и пояснили, что Петька старше Кольки только на пять минут. В одной из аудиторий председатель ВУЦИК'а увидел глобус и сказал одному из пацанов:

— А покажи Украину.

Пацан не опозорил звание коммунара-дзержинца:

— Вот Украина.

В это время вышел на площадку лестницы трубач и заиграл сбор. Пробежали на завод коммунары и выстроились в нижнем этаже. Гостей пригласили на балкон, на балконе же расположился Левшаков со своим оркестром.

У каждого станка стал коммунар, а у распределительной доски, где красным бантом связан рубильник, часовые: Синенький и Борончук. На заводе дежурное освещение — мерцают только лампочки на стенах.

Председатель ВУЦИК'а поздравил коммунаров с новым заводом и взялся за ножницы.

Фанфаристы развернули над перилами балкона свои занавески и заиграли сигнал на работу. Марголин двинул выключателями, и четыре линии фонарей ослепительно загорелись над нами.

Дорогой и глубоко уважаемый.
Алексей Максимович!

Ваше письмо о моей книге - самое важное событие в моей жизни, к этим словам я нигде уже не могу прибавить, разве только то, что я просто не понимаю, как это можно иметь такую большую душу, как у Вас.

.....

Сейчас в Бухаре лежит моя рукопись „ФР!“ из истории последних лет коммуны Дзержинского. Редакцией относятся к ней очень сдержанно, наверное она будет издаваться тоже едва лица, как и „М. 30 г.“

Из письма А. С. Макаренко к А. М. Горькому.
(Письмо написано 1 января 1933 г.)

Председатель ВУЦИК'а перерезал ленту рубильника и сказал:

— Объявляю завод открытым.

Оркестр грянул Интернационал, коммунары замерли в салюте.

И тишина.

И вот первый звук: завертелся шкив у Грунского, и сейчас же за ним круглым гулом пошло по заводу. Все больше и больше в общую гармонию прибавляется звуков: зашипели шлифовальные, замурлыкали револьверные, запищали сверлилки, зазвенели молоточки в сборном на балконе, завертелись шкивы и патроны, заходили шепинги широким шагом, затанцевали долбежные, и в вихре вальса завертелись вандереры — бал, торжественный бал. В каждом патроне деталь, угощение для советского хорошего гостя, ибо деталь новой советской машинки лучше пирожного и бутерброда.

Председатель ВУЦИК'а и гости пошли между станками и коммунарами.

На втором этаже последние винтики завинчивают девчата в первую сверлилку, вытирают на ней последнее пятнышко, смахивают последнюю пылинку с вензеля на крышке:

ФД-1,

что значит: электросверлилка завода коммуны имени Феликса Дзержинского, модель первая.

С того момента прошло три месяца. Наш корабль быстро мчится вперед, не отставая от развевающихся впереди красных вымпелов и почти не имея крена. На корабле снова идеальная чистота, четкий ритм марша двадцати девяти отрядов коммунаров.

Двадцать первым отрядом заготовщиков, в котором двенадцать пацанов, командует коммунар Томов.

Швейной мастерской нет: есть фрезеровщицы, сверловщицы, сборщицы, контролеры.

Стадион еще стоит и ожидает весны, чтобы перейти в загробную жизнь в виде хороших сухих дров. Но в стадионе уже не слышно писка пацанов, шарканья рубанков, визга пилы: все коммунары работают на новом заводе, ибо промфинплан семь тысяч машин в год. Уже выполнен план первого квартала — двести пятьдесят машин. В ком-

муне то и дело сидят представители советских заводов: всем до зарезу нужны электросверлилки. Нет, не напрасно коммунары подставили ножку Петравицу в Австрии и Блек и Деккеру в Америке.

В рабфаке коммунары добивают последние остатки осеннего прорыва, но и без прорыва работы здесь по-макушку: улучшаются программы, выбрасываются последние хвостики, торчащие еще из советского текста, находятся новые формы, новые ухватки в работе.

В комсомоле сто семьдесят человек, наша ячейка одна из самых сильных в Харькове.

И у комсомола, как и раньше, в руках чуткий руль коммуны.

Впереди еще много жизни и много борьбы. Много коммунаров уйдет в жизнь взрослых людей, много придет новых пацанов, из них будет складываться коллектив дзержинцев, коллектив живых людей. Коммунары уверены, что через три года коммунаров уже будет не триста, а тысяча, и будет огромный завод электроинструмента, из которого выйдут наши будущие марки ФД-2, ФД-3, ФД-4...

МАЖОР

ПЬЕСА В ЧЕТЫРЕХ АКТАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Крейцер Александр Осипович — председатель правления трудовой коммуны имени Фрунзе. Высокий, стройный, в военной форме. Всегда в хорошем настроении, даже когда сердит.

Уверенный в себе, с большой силой воли. 36 лет.

Захаров Алексей Степанович — заведующий коммуной, иногда в военной форме, но большею частью одет сборно. Худой, молчаливый, чрезвычайно спокойный человек. Он может часто проходить через сцену по каким-то своим делам без слов, иногда прислушиваться к происходящему. Несмотря на немногословие, он деятельный воспитатель в коммуне, и его интеллект и воля должны чувствоваться. 40 лет.

Торская Надежда Николаевна — учительница русского языка в рабфаке коммуны. Хороша собой, женственна, очень культурна. Бодрый характер. 23 лет.

Дмитриевский Георгий Васильевич — главный инженер завода электроинструмента при коммуне. Высокий, сухой, очень вежлив и всегда серьезен. 44 лет.

Воргунов Петр Петрович — начальник механического цеха и заместитель главного инженера. Полный, массивный. Бритое лицо, выразительная мимика. Говорит басом. 55 лет.

Троян Николай Павлович — начальник сборного цеха завода. Усы и борода, за которыми не следит. Очки. Всегда спокоен и молчалив. 40 лет.

Вальченко Иван Семенович — начальник инструментального цеха завода, красив, темная шевелюра, брит.

Григорьев Игорь Александрович — инженер, старший конструктор завода. Блондин, подстриженные усики и пенсне без оправы. Всегда оживлен. 29 лет.

Блюм Соломон Маркович — бывший заведующий производством коммуны, теперь заведующий снабжением. Небольшое ожирение, несколько отекшее лицо, лысина. Несмотря на все это, очень подвижен, всегда бодр и энергичен. 57 лет.

Белоконь — механик, усы закручены, ежик. 38 лет.

Воробьев Петр — шофер, блондин, веселый. 25 лет.

Черный — инструктор. Высокий, худой, черный и долговязый. 30 лет.

1-я уборщица.

2-я уборщица.

Пожарный.

Коммунары:

Шведов Марк — приземистый, широколобый, огромные глаза. 18 лет.

Жученко (Жучок) Ваня — секретарь совета командиров, большая склонность к улыбке. Добродушен, но напускает на себя строгость по положению, часто ее не выдерживает и улыбается. Веснушки. 17 лет.

Одарюк Тимка — рыжий, некрасивый, стройный. 17 лет.

Клюкин Вася — командир первого отряда коммунаров, высокий, светлые локоны, интеллигентное лицо. 17 лет.

Забегай Коля — командир четвертого отряда. Образец постоянно бурлящей бодрости. 17 лет.

Ночевная Настя — командир отряда девочек, в отличие от других носит косу. Серьезный человек.

Зырянский Алешка — командир второго отряда, неподатлив и прям во всем. 17 лет.

Собченко Санька (Санчо) — командир пятого отряда, небольшого роста, остроносый блондин с непокорными вихрами. Живой. 16 лет.

Нестеренко Наташа — темные локоны, большие глаза. 17 лет.

Донченко Вера — полная, с круглым лицом, рыжеватая, спокойная девушка. 16 лет.

Гедзь Володя — курчавый юноша с вздернутым носом, несколько грубоват, силен. 18 лет.

Болотов Сергей — широкий нос, монгольское лицо, идеальная прическа. 16 лет.

Синенький Ваня — очень хорошенький, с чистым лицом, аккуратно причесанный мальчик, всегда весел, сигналист коммуны, часто носит с собой трубу-сигналку на синей ленте. 13 лет.

Романченко Федя — умен, проказник; когда находится в официальной обстановке, делается очень серьезен и старается говорить басом. 13 лет.

Вехов Игорь — молодой коммунар. Не беспризорный — из семьи. 15—16 лет.

Лаптенко Гриша — беспризорный, живые черные глаза. 14 лет.

Деминская.

Коммунары и коммунарки.

ОБЩИЕ УКАЗАНИЯ К ПОСТАНОВКЕ

Мы даем шестнадцать «говорящих» коммунаров, чтобы не затруднять театр. Всего в коммуне двести человек. Этот коллектив театр должен показать движением коммунаров в разное время при помощи разнообразия лиц и возрастов.

Приблизительное отношение возрастов: шестнадцати-восемнадцати лет — пятьдесят процентов; четырнадцати-пятнадцати лет — тридцать процентов; двенадцати-тринадцати лет — двадцать процентов.

Из общего числа — девочек двадцать пять процентов.

Коммунары всегда одеты в форму. Во втором действии белые

костюмы: штаны на выпуск и спрятанные в них рубахи с свободными воротниками (как в ковбойке). На левом рукаве вышитая золотом буква Ф. На голове тубетейка. Узкий черный пояс.

В остальных действиях обычный костюм: ботинки, гамаши с коричневой каймой, черные суконные полугалифе и взятые в штаны суконные синие рубахи. Черный пояс. На левом рукаве такой же знак. У часового и у дежурного командира на голове темносиняя беретка, у дежурного, кроме того, шелковая красная повязка на рукаве.

С завода коммунары проходят в третьем действии в спецовках: синие штаны и такие же пиджачки, у многих довольно замасленные. Уже к концу третьего акта все должны переодеться в обычный костюм, только на пожар многие сверх обычного костюма надевают пиджачки.

У девочек такого же цвета костюмы, вместо сукна шерсть. Вместо спецовок синие халатики.

Как правило, все коммунары подтянуты, собраны в движениях, не опираются на стены, сходя по лестнице, не держатся за перила. Только младшие позволяют себе иногда съехать по перилам.

Все причесаны, небольшие нарушения этого правила у младших. Не должно быть толкотни, пробок в дверях.

Акт первый

Временная контора завода электроинструмента в коммуне имени Фрунзе. Большая комната — класс, на стене доска. Два окна в задней стене открыты, справа видно новое здание, кое-где еще остались леса. Несколько вершин деревьев, конец лета.

Прямо, ближе к задней стене, стол главного инженера. За столом Дмитриевский. По эту сторону стола в кресле Воргунов. Они рассматривают большой чертеж.

Слева ближе к зрителю, высокий стол, какие бывают в физических кабинетах. За ним стоя работает Троян. На его столе собранные электросверла и электрорубанок, много, целые кучи разных деталей. К столу привинчены маленькие тисочки.

В банке с бензином лежат какие-то части.

Далеко от зрителя маленький столик Григорьева, за которым он, впрочем, никогда не сидит.

Справа чертежный стол Вальченко. Самого его сейчас нет. В комнате много стульев самых разнообразных фасонов: канцелярских, столовых, классных, две-три табуретки. Все в большом беспорядке: на столах и на полу сор и окурки, некоторые стулья в известке.

На задней стене на синьке два больших чертежа.

Дмитриевский (*кричит в окно*): Соломон Маркович, Соломон Маркович! Подождите, не выезжайте. Зайдите на минуточку к нам.

Блюм (*за окном*): А что такое? Я же и так опоздал...

Дмитриевский. Соломон Маркович, очень нужно.

Блюм: Ну... хорошо.

Троян (*рассматривая на свет две шестеренки*): В нашем городе он такого фреза не достанет. Я уже искал.

Воргунов (*сдержанно опуская кулак на стол*): Не могу понять. Не могу. Как могли допустить такую ошибку? Ведь это задача для грудных детей. Кто это придумал, что сюда подойдет фрез модуль один? Это вы, Григорьев?

Григорьев: Кажется, нет. Кажется. товарищ Троян высчитывал.

Троян: Если кажется, нужно перекреститься, Игорь Александрович. Все зуборезные высчитывали вы, как вы могли это забыть? Вот же у меня расчеты. Вот! Это ваши цифры?

Григорьев (*заглянув в бумажку*): Как это могло быть? Поразительно.

Блюм (*входит с толстым портфелем*): Ну, что такое? Когда же я выеду в город? Это не темпы, а мучительство. Разве так можно работать?

Дмитриевский: Соломон Маркович, маленькое недоразумение: для зуборезного Рейнекер рассчитан фрез модуль один, а нужно ноль семьдесят пять сотых.

Блюм: Новое дело! Пойдите достаньте. Модуль один доставали две недели, а теперь семьдесят пять сотых... А кто же это такой грамотный, извините?

(Молчание.)

Значит, кот Васька виноват? Ну и хорошо. Я поехал. Только, пожалуйста: мне, старику, прыгать по лестницам нельзя сказать, чтобы было приятно. Пока я дойду до машины, так вы мне закричите: не ноль семьдесят пять сотых, а ноль сто семьдесят пять сотых. Так, пожалуйста, кричите в окно, я догадаюсь в чем дело. Будем доставать!

Троян: В городе нет.

Блюм: Что значит нет? На свете все есть, даже калоши номер пятнадцатый. (*Собирается уходить.*)

Троян: Подождите, Соломон Маркович, я заканчиваю проверку. Сейчас.

Блюм: Вот теперь подождите. В таких темпах работают только угорелые кошки...

Дмитриевский: Не волнуйтесь, Соломон Маркович.

Блюм: Как же не волноваться, Георгий Васильевич? Вот-вот должны приехать коммунары. А что у нас есть? Даже фундаментов нет, станки в ящиках. Это называется: мы пускаем завод первого сентября? А сейчас тринадцатое августа, слава тебе, господи. А что скажут коммунары? Сидело здесь вас шесть инженеров а сделали для комара насморк.

Дмитриевский: Ничего, ничего, все будет хорошо. Садитесь лучше и расскажите нам о коммунарах.

Блюм: Ну что же, будем сидеть и разговаривать? Коммунары нам покажут, как разговаривать. Кто здесь сидел: инженеры или разговорщики? Вот вы их увидите!

Воргунов: Вы думаете, мы не видели беспризорных?

Блюм: Да, вы их не видели.

Воргунов: Один даже у меня шапку сорвал с головы, да я отнял.

Блюм: Хэ-хэ, то шапка.

Воргунов: А то что?

Блюм: Они из вас душу вытрясут, к вашему сведению.

Григорьев: А у вас уже вытрусил?

Блюм: А что вы думаете? Они за меня как взялись, так моя душа, знаете где была? В подметках, если вы хотите знать. Ну, а потом я их узнал, так это же совсем новые люди.

Дмитриевский: Интересно вот что, Соломон Маркович, откуда у вас такая преданность коммунарам? Вероятно, вы хорошо жили, был у вас собственный заводик, правда?

Блюм: Ну а как же? У Блюма был завод, фабрика, настоящий трест. Разве вы не слышали? Соломон Блюм и К°. Откуда вы все так хорошо знаете?

Дмитриевский: А все-таки?

Блюм: Что «все-таки»? Ничего никогда у Блюма не было, кроме еврейского счастья — семеро детей. Работал всю жизнь на других, как угорелая лошадь, а что у меня теперь есть? Заводик.

Дмитриевский. Я слышал, вы работали у своего дяди управляющим.

Блюм: Желая вам иметь такого дядю. Разве это дядя, когда он не заплатил мне за год жалованья и уехал в Америку. Хороший дядя! Так я лучше буду работать у коммунаров. Они меня не обманут, я знаю. И пускай детки на моем труде учатся.

Воргунов: Трогательная история.

Блюм: История ничего себе.

Троян: Вот расчет. Правильно: семьдесят пять сотых.

Блюм (*взял бумажку*): Я тоже могу написать: ноль, запятая, семьдесят пять. Передайте это на память коту Ваське. (*Возвратил бумажку Трояну.*)

Т р о я н: Можно передать, что ж...

Блюм, выходя, в дверях встречается с Вальченко. Здоровается с ним и уходит. Вальченко усаживается за чертеж.

Григорьев: Он у них здесь делом вертел. Заведующий производством. Спасите мою душу, инженер Блюм.

Вальченко: Он не инженер!

Григорьев: Как не инженер? Да вот и сейчас он насчитал шесть инженеров, значит, и себя считал.

Дмитриевский: По снабжению он работает прекрасно! Прекрасно!

Воргунов: Спекулянт!

Дмитриевский: Нет, про него нельзя это сказать.

Воргунов: Советский спекулянт. Вынюхать, обмануть, с мясом вырвать.

Вальченко: Блюм — энтузиаст.

Воргунов: Еще бы. Для того чтобы хватать каждого встречного за горло, необходимо быть энтузиастом.

Григорьев: Верно. Это верно. Он спекулянт. И производство у них было такое же. Что хочешь. Дубовая мебель, медные масленки и трусики. Спасите мою душу, комбинат. Все это в сараях, в подвалах. Столярный цех — это умора. Семьдесят метров длины и весь из фанеры. И чего там только нет, на десять пожаров хватит. А механическая? Станки! И где он их навыдирал? И прямо на полу, никаких фундаментов.

Вальченко: Да! Георгий Васильевич, фундаменты не делаются.

Дмитриевский: Почему?

Вальченко: Белоконь говорит, чертежей нет.

Дмитриевский: Игорь Александрович, что такое?

Воргунов: Чертежей фундаментов до сих пор нет?

Григорьев: Петр Петрович, поймите же... Гильдемейстеры еще в пути. Габаритов...

Воргунов: Я вам сказал, снять габариты на Кемзе. Я вам сказал, на Кемзе восемнадцать гильдемейстеров. Сняты габариты?

Григорьев: Да ведь все некогда, Петр Петрович... Эти расчеты...

Воргунов: Где эти расчеты? Модуль один насчитали?

Входит Белоконь.

Воргунов: Где фундаменты?

Белоконь: Чертежей же нет.

Воргунов: Чертей же на вас нет. А леса, а грязь, а бочки? А бетономешалку когда уберете?

Белоконь: Плотники ушли, вы же знаете.

Дмитриевский: Но если фундаменты все равно не делаются, можно заставить каменщиков убрать леса.

Воргунов: Георгий Васильевич! А придут плотники фундаменты сделают, а чернорабочие фрез рассчитают. А инженер Григорьев что будет делать? Плановое хозяйство? Социализм строите? Социалисты! Партачи!

Дмитриевский: Петр Петрович, ну чего вы так? Григорьев — молодой инженер, ошибся, бывает же...

Воргунов: Не беда, что молод, а беда, что лентяй. Табариты может снять каждый грамотный человек, нужно распорядиться. Нужно меньше баб.

Григорьев: Спасите мою душу, Петр Петрович!

Воргунов: Чтобы чертежи были к вечеру, понимаете?

За окном гудок автомобиля.

Дмитриевский: Позвольте, ведь Блюм на завод идет. (В окно.) Соломон Маркович...

Блюм (за окном): А что такое?

Дмитриевский: Зайдите.

Блюм: Но как же так можно?

Дмитриевский: Зайдите, нужно! Вы подождите, товарищ Воробьев. (К Белоконю.) Пожалуйста, товарищ Белоконь, проследите за уборкой. И здесь после ремонта такой ужас. Подгоните строителей. Ожидаем воспитанников. Надо столовую, спальни скорее.

Белоконь: Побелку кончили, а убрать некому. Собственно говоря, это не моя обязанность.

Воргунов: Не ваше призвание, хотите сказать?

Белоконь: Я по механическому делу, а выходит уборщик...

Дмитриевский: Некогда разбираться с этим. Вы проследите.

Входит Блюм.

Б л ю м: Товарищи, нельзя же так. Я же просил, крикните в окно, ну, сколько теперь? Наверное, ноль пятьдесят, или ноль черт его знает.

Д м и т р и е в с к и й: Соломон Маркович, вы будете на Кемзе?

Б л ю м: А если буду, так что?

Д м и т р и е в с к и й: Надо снять габариты некоторых станков.

Б л ю м: Новое дело. Какое же это имеет отношение к снабжению?

В а л ь ч е н к о: Потому, что вы будете на заводе.

Б л ю м: Мало ли где я бываю. Так я должен за всех работать? А где я возьму время?

Д м и т р и е в с к и й: Я вас очень прошу.

Б л ю м: Ну хорошо, давайте список, какие там станки.

Г р и г о р ь е в: Я сейчас запишу.

Б л ю м. Да, Георгий Васильевич, в той заявке на материалы много пропущено.

Д м и т р и е в с к и й: Не может быть. Дайте. (*Протягивает руку.*)

Б л ю м: Я никогда не записываю. Запишешь, потеряешь, а так лучше. (*Быстро.*) Латунь медная, калиброванная, четыре, четыре с половиной, шесть, шесть с половиной.

Сталь три, размер семь, одна четвертая, восемь и пять, одна четвертая.

Сталь пять, размер девять, девять с половиной и одиннадцать с половиной.

Сталь шесть, размер шесть и шесть с половиной.

Лента тафтяная.

Ликоподий.

Крепежные части.

Метчики одна четверть и три четверти.

Привод ПШД ноль двадцать сотых.

Провод голый.

Пробки угольные.

Порошок графитовый.

Все смеются. В а л ь ч е н к о аплодирует.

Б л ю м: О, у меня память!

В о р г у н о в: А я предпочел бы, чтобы у вас был список. Что это вы из себя монстра какого-то корчите?

Б л ю м: Монстра? Как это?

В о р г у н о в: У нас не цирк. Это в цирке дрессированные лошади и собаки считают до десяти, что же, пожалуй, и занимательно. Дайте список, у нас серьезное дело. А фокусы эти оставьте для ваших беспризорных.

Б л ю м: Что вы ко мне пристали с беспризорными? Почему они беспризорные, скажите мне, пожалуйста? Они не беспризорные, а коммунары.

Г р и г о р ь е в: Что же, теперь запрещается называть их беспризорными?

Б л ю м: А что вы думаете? Чего это вам всем так хочется говорить о том, что раньше было? Коммунары беспризорные, у Блюма был заводик. А если я спрошу, что вы раньше делали, так что? Я же никому не говорю «господин полковник»?

В а л ь ч е н к о: Да у нас и нет полковников.

Б л ю м: Да, теперь нет. Ну, и беспризорных, значит нет. Коммунары здесь хозяева.

Г р и г о р ь е в: Не слишком ли это сильно сказано?

Б л ю м: Да, хозяева, и, если хотите, они вас на-няли.

В а л ь ч е н к о: Это уже чересчур. Выбирайте слова, Соломон Маркович.

Б л ю м: Чего я буду их выбирать? А он выбирал слова? Кошки, собаки, лошади, так это можно?

Д м и т р и е в с к и й: Соломон Маркович, нас не могут нанять беспризорные, или, пусть там, коммунары.

Б л ю м: Хорошо «пустить»...

Д м и т р и е в с к и й: Мы служим делу.

Б л ю м: Вы служите делу, а кто это дело сделал? Они же, коммунары! Они заработали этот завод. Вы не можете так работать, как они работали. На этих паршивых станочках, что они делали, ай-ай-ай...

Г р и г о р ь е в: Что же они делали, спасите мою душу? Масленки, что же тут особенного? Станочки. О ваших станочках лучше молчать. Интересно, где вы выдрали всю эту рухлядь... Эпохи... первого Лжедмитрия?

Б л ю м: Какого Дмитрия, причем здесь Дмитрий? Ну, пускай и Дмитрий, так на этой самой эпохе, как вы говорите, на этой рухляди они и сделали новый завод. А вы теперь будете работать на гильдемейстерах. Так кому честь?

Торская (входит): У вас очень весело... но грязь невыносимая.

Григорьев: Простите, Надежда Николаевна, не ожидали вас.

Воргунов: Вот именно. А для самого товарища Григорьева здесь достаточно чисто.

Торская: Я получила телеграмму, Соломон Маркович. (Отдает Блюму телеграмму и отходит к столу Трояна).

Блюм: Вот видите, вот видите? Вот, Георгий Васильевич.

Дмитриевский (читает): Сочи. Они в Сочи сейчас? Да... Коммуне Фрунзе, Блюму, копия Крейцеру. Лагери отправили, будем пятнадцатого. Поспешите спальни столовую. Захаров. (Возвращает телеграмму.) Ну что же, распорядитесь.

Блюм: И габариты я, и фрез я, распорядиться тоже я! Вы — главный инженер, начальник коммуны дает распоряжение, а вы его заместитель.

Дмитриевский: Я с ним даже не знаком. И какое мне дело до спален? Я не завхоз.

Григорьев: Приедут господа с курорта, обижаться будут.

Блюм: Да, с курорта, а почему нет?

Григорьев: Может быть, даже в белых брюках?

Торская: Угадали, в белых брюках.

Блюм: Он думает: только ему можно, хэ-хэ... Ну, я поехал.

Входит Воробьев.

Воробьев: Соломон Маркович, едете или не едете? Стою, стою.

Блюм: О, Петя! Послезавтра коммунары приезжают. Вот кто рад, а? Наташа приезжает.

Торская: Наташа о нем забыла. На Кавказе столько молодых людей и все красивые...

Воробьев: Как же это так, забыть! Письма, небось, писала. На Кавказе, знаешь, Надежда Николаевна, все больше пастухи, а здесь тебе шофер первой категории.

Торская: Вы, кажется влюблены не сердцем, а автомобильным мотором.

Воробьев: Что ты, Надежда Николаевна! У меня сердце лучше всякого мотора работает.

Троян: И охлаждения не требует?

Воробьев: Пока что без радиатора работает.

Блюм: Ну, едем, влюбленный.

Воробьев: Едем, едем...

Вышли.

Воргунов: И здесь любовь?

Торская: И здесь любовь. Чему вы удивляетесь?

Воргунов: Да это дело нехитрое. Я пошел на завод.

Дмитриевский: И я с вами.

Выходят.

Торская: Какой сердитый дед.

Троян: Он не сердитый, товарищ Торская, он страстный.

Торская: К чему у него страсть?

Троян: Вообще страсть... К идее...

Торская: Идеи разные бывают... Товарищ Троян, расскажите мне о ваших этих машинках. Я возвратилась с каникул и застала у нас настоящую революцию.

Троян: Да, революция... Мы делаем революцию.

Торская: Это электроинструмент?

Троян: Да, такие штуки будет выпускать наш новый завод. Это новое в инструментальном деле. Электросверлилки, электрорубанки, электрошлифовалки. Задача, барышня, очень трудная. Видите, в этой штуке двести деталей, а точность работы до одной сотой миллиметра.

Торская: Ой, даже не понимаю!..

Троян: Мы все немножко боимся, как ваши мальчики справятся?

Торская: Не бойтесь, товарищ Троян, они сделают.

Троян: Я уже десять раз проверял. Если они настоящие люди, так они должны сделать.

Торская: Они не только люди, они еще и коммунары.

Григорьев: Божественные коммунары!

Крейцер (*входит*): Божественные, не божественные, а будет скандал. Здравствуйте. Здравствуйте, Надя. Получили телеграмму?

Вальченко: Только что. Здравствуйте, товарищ Крейцер!

Крейцер: Ну, как у вас дела? Что-то медленно подвигаются, вижу. Вы знаете, коммунары этого не любят.

Григорьев: Товарищ Крейцер! Сегодня нас целый день пугают коммунарами. У меня уже поджилки трясутся.

Крейцер: Правильно, пускай трясутся. Коммунары — это молодое поколение, новые люди. Они, знаете, волыннить не любят. А у нас все на одном месте стоит...

Вальченко: Н-нет. Почему все? Мы идем вперед...

Крейцер: Никуда вы не идете. Станки в ящиках, беспорядок...

Вальченко: Препятствий много, товарищ Крейцер.

Крейцер: Вот видите: препятствий. А что вы делаете, чтобы препятствий не было?

Вальченко: Мы свое дело делаем.

Крейцер: Какое свое дело?

Вальченко: Мы — инженеры. Стараемся устранить препятствия, поскольку это в наших технических силах.

Крейцер: Вот видите, у вас это как-то очень интеллигентно выходит. Поскольку в ваших технических силах. Есть у вас такие люди, что больше так... мешают работать?

Вальченко (*уклончиво*): И такие есть.

Крейцер: И что вы делаете?

Вальченко: Все, что можем. Предупреждаем, добиваемся, требуем.

Крейцер: Вы управляете, кажется, машиной?

Вальченко: Автомобилем? Да.

Крейцер: Ну, вот представьте себе: едете вы на авто. А впереди корова. Понимаете, корова? Ходит это перед фарами, стоит, мух отгоняет. Вы гудите, гудите, предупреждаете, требуете. А она ходит на вашей дороге, корова. И долго вы будете гудеть? Нет. Надо слезть с машины, взять палку и прогнать. Палкой.

Торская (*смеется*): Корова. Это очень правильно.

Крейцер: Вот видите, девушка автомобилем управлять не умеет, а тоже говорит: правильно.

Вальченко: Если всем шоферам гоняться за коровами, погонщиком сделаешься.

Крейцер: Бойтесь потерять квалификацию? Чудаки. Ну, как дела, Николай Павлович?

Троян: Да как вам сказать? Это верно, что коровы ходят перед фарами.

Крейцер: Верно? Ну?

Троян: Не умеем мы как-то... это самое... с палкой.

Крейцер: Вы больше насчет убеждения, теплые слова: «товарищ корова», «будьте добры», «пропустите»...

Троян: Не то, что убеждения, а так больше... помалкиваем. Коровы, знаете, тоже разные бывают.

Крейцер: Иная боднет так, что и сам убежишь и машину бросишь?

Троян: В этом роде. В этих вопросах теория познания еще многого не выяснила.

Крейцер: Темные места есть?

Троян (*улыбается*): Да, имеются. Шоферу кажется, что это корова, а на поверку выходит — вовсе не корова, а какой-нибудь старший инспектор автомобильного движения.

Крейцер (*громко смеется, смеются и другие*): Вот вы и есть интеллигенты. Приедут коммунары, они вам покажут, как коров гонять. А где Дмитриевский, Воргунов?

Троян: На заводе. Хотите пойти?

Крейцер: Пойдем. Пойдемте, товарищ Вальченко.

Крейцер, Троян, Вальченко уходят. Торская занялась чертежами и деталями на столе Трояна.

Григорьев: Надежда Николаевна, вы давно работаете в этой коммуне?

Торская: Три года.

Григорьев: Спасите мою душу! Это же ужасно.

Торская: Ну что вы, чему вы так ужасаетесь?

Торская усаживается на стул Вальченко.

Григорьев: Молодая красивая женщина, сидите в этой дыре, с беспризорными, далеко от всякой культуры.

Торская: В коммуне очень высокая культура.

Григорьев: Спасите мою душу! А общество, театр?

Торская: В театр мы ходим. Да еще как! Идут все коммунары с музыкой, в театре нас приветствуют. Весело и не страшно.

Григорьев: Ведь здесь одичать можно, видеть перед собой только беспризорных...

Торская: Забудьте вы о беспризорных. Среди них очень много хороших юношей и девушек, почти все рабфак-овцы, комсомольцы... У меня много друзей.

Григорьев: Уж не влюбились ли вы в какого-нибудь Ваську Подвокзального?

Торская: А почему? Может быть, и влюбилась.

Григорьев: Спасите мою душу, Надежда Николаевна, не может быть!

Торская: Почему? Это очень вероятно...

Григорьев: Значит, вы уже одичали, вы ушли от жизни. Сколько в жизни прекрасных молодых людей...

Торская: Инженеров...

Григорьев: А что вы думаете! Инженеров. Разве мы вам не нравимся? А?

Торская: Значит, коммунары и я — это что-то вне жизни? А где жизнь?

Григорьев: Жизнь везде, где культура, понимаете, культура, чувство.

Положил руку на ее колено. Торская внимательно посмотрела на него.

Торская: Видите ли, то что вы делаете, не культура, а просто хамство. Уберите руку.

Григорьев: Ах, извините, Надежда Николаевна. Я уже начинаю увлекаться вами...

Торская: Кончайте скорее.

Григорьев: Как вы сказали?

Торская: Кончайте скорее увлекаться.

Григорьев: Спасите мою душу, Надежда Николаевна, ведь это не так легко. Вы мне очень нравитесь.

Торская: Какое событие! Я должна многим нравиться, что ж тут такого?

Григорьев: Надежда Николаевна, поверьте: ваши глаза, походка, голос...

Торская: Даже походка? Странно...

Григорьев (*взял ее за руку*): Ваша рука...

Торская: Отстаньте.

Вошел Вальченко.

Вальченко: Я, кажется, помешал?

Торская: Отчего вы такой сердитый, товарищ Вальченко?

Вальченко: Я не сердитый. Это вам показалось после воодушевления Игоря Александровича.

Торская: О, товарищ Григорьев на вас не похож. Он энтузиаст. Он приходит в восторг от походки, глаз, голоса...

Вальченко (*сквозь зубы*): Бывает.

Григорьев: Надежда Николаевна!

Торская: Скажите, товарищ Вальченко, а вы бы не могли притти в восторг от таких... пустяков?

Вальченко (*смущенно*): Да, я думаю.

Торская: Вот видите, товарищ Григорьев, у вас есть хороший пример.

Григорьев: Давайте прекратим эту затянувшуюся шутку.

Торская: Прекратить? Есть прекратить, как говорят коммунары.

Григорьев: Вы слишком презираете людей, Надежда Николаевна.

Торская: Ну, это тоже слишком громко сказано.

Входят Дмитриевский, Троян и Воргунов.

Троян: Откуда взялся этот Белоконь?

Григорьев: Белоконя я рекомендовал Георгию Васильевичу как прекрасного механика. Я с ним работал.

Троян: Помилуйте, какой же он механик? Он уже две недели возится с автоматом...

Дмитриевский: Он хороший механик, но станок никому не известен. Во всем городе нет.

Воргунов. Автоматов в городе нет, а таких механиков можно найти на любой толкучке.

Вальченко: Чего вы не выгоните его, Петр Петрович?

Воргунов: Не люблю заниматься пустяками.

Торская: Чудак вы, Петр Петрович.

Воргунов: Вот видите: «чудак».

Торская. Это вы от тоски в печаль ударились... Пройдет. Я вас приглашаю встречать коммунаров. У них музыка хорошая.

Воргунов: Музыка!

Торская: Вы принимаете приглашение.

Воргунов: Нет, я, знаете, на такие нежности не го- жусь.

Торская: Вы невежливы.

Воргунов: Что это такое? Вы меня сегодня второй раз бьете? Это правильно. А все-таки увольте — не люблю вокзалов.

Торская: Ну, как хотите. До свидания, товарищи.
(Вышла.)

Вошел Одарюк.

Одарюк: Где я могу найти Соломона Марковича?

Общее смущение. Григорьев почти повалился на шкаф.
Дмитриевский привстал за столом, Воргунов в кресле круто повернулся.

Дмитриевский. Соломона Марковича?

Одарюк. Да. Я привез лагеря.

Дмитриевский. А вы кто такой?

Одарюк: Коммунар. Одарюк.

Занавес.

Акт второй

Вестибюль главного здания коммуны. С правой стороны марш широкой лестницы ведет наверх. Вверху площадка во всю ширину сцены. В обе стороны отходят коридоры верхнего этажа. В задней стене два окна.

Левая часть сцены занята вешалкой, отделенной от передней части сцены массивным барьером.

Передняя половина сцены представляет широкую, светлую освещенную верхним окном площадку. Справа дверь в столовую. Это показано надписью на дверях. Слева две-три ступеньки к выходу во двор и широкие зеркальные двери, по бокам которых два больших зеркальных окна. При входе на лестницу телефон.

Вестибюль в полном беспорядке: валяются рогожки, окрашенные масляной краской, панели сейчас забрызганы известью, на всем следы только что законченной штукатурки, ведра, щетки, штукатурные козлы. Наружные двери распахнуты.

Б л ю м (пробегает из столовой наружу): Ах, боже мой, что делается!

На верхней площадке появляются Терская и Вальченко.

Т о р с к а я: Как же так? Который сейчас?

В а л ь ч е н к о: Чего?

Т о р с к а я: Который час?

В а л ь ч е н к о: Четверть одиннадцатого.

Т о р с к а я: Ну, что это такое? Говорили, поезд придет в четыре часа, а сейчас говорят: уже на вокзале.

В а л ь ч е н к о: Чего вы так волнуетесь, Надежда Николаевна!

Т о р с к а я: Да кто это сказал?

В а л ь ч е н к о: Что?

Торская: Кто это выдумал, что они уже приехали?

Вальченко: Право, не знаю, кажется, по телефону сказали.

Торская: Ах, какой вы: «кажется»! Берите трубку.

Вальченко: Зачем?

Торская: Да что с вами, Иван Семенович?

Вальченко: Со мной, собственно говоря, ничего. Я хотел поговорить с вами, Надежда Николаевна.

Торская: Поговорите сначала с Западным вокзалом.

Вальченко (*быстро спускается с лестницы. У телефона*): Западный вокзал. Да. Дежурного. Товарищ дежурный? Скажите, пожалуйста, правду ли говорят, прибыл поезд с коммунарами? Да? Прибыл? Спасибо. (*Повесил трубку*).

Торская: Ну, что вы сделали? Что вы сделали?

Вальченко: Как что сделал? Узнал: прибыли.

Торская: Надо же узнать, где они? Выехали или вышли с вокзала?

Вальченко (*снимает трубку*): Западный вокзал. Дежурного. Товарищ дежурный, простите пожалуйста, это из коммуны имени Фрунзе. Где сейчас коммунары? (*К Торской.*) Спросить — выехали? А на чем они могут выехать?

Торская: Ах ты, господи, на чем? На трамвае, на автобусах.

Вальченко (*в телефон*): Вышли? На чем вышли? На трамвае или автобусе? Пешком? С музыкой? Ага, спасибо. (*Повесил трубку.*)

Торская: Боже мой, какой ужасный человек! Не спросили когда вышли?

Вальченко: Вышли пешком, с музыкой. Наверное, недавно.

Торская: «Наверное» — ну что это такое?

Вальченко: Надежда Николаевна! Я хотел у вас спросить об одной вещи... Вы только не сердитесь.

Со двора вошел Воргунюв.

Торская: Петр Петрович, вы знаете, коммунары приехали.

Воргунов: Вы знаете, что сверлильные поставили черт знает где?

Торская: Мне сейчас не до ваших сверлильных.

Воргунов: А мне не до ваших нежностей.

Торская: Всего хорошего. *(Реверанс, направляется к выходу.)*

Воргунов: Оревуар. *(Реверанс.)* Вы куда, Иван Семенович? Пойдите, об этом вы еще успеете.

Вальченко: О чем?

Воргунов: А, вот об одной вещи. Скажите, где Григорьев?

Вальченко: В конструкторской нет.

Воргунов: Это совершенно невозможное животное. Сверлильные вчера сволок на фундаменты для шлифовальных. А у вас что делается?

Вальченко: А что?

Воргунов: Где вы этого идиота нашли? Рыжий такой? Вы ему поручили наметить сталь?

Вальченко: Да, наметить серой и желтой краской.

Воргунов: Ну, так он ее выкрасил с одного конца до другого.

Вальченко: Да что вы? *(Выбежал в двери.)*

Воргунов подымается вверх. Со двора входят Блюм и Белоконь.

Блюм: Вы понимаете, в половине десятого они вышли с вокзала. Через четверть часа они будут здесь. Это вы так встречаете коммунаров? Это называется вы произвели уборку? В спальнях грязь, в столовой ужас, а здесь что, может, вы скажете, что это порядок? Где ваши убиральщицы?

Белоконь: Товарищ Блюм! Я не завхоз и не дворник, я механик.

Блюм: Я спрашиваю — где ваши убиральщицы?

Белоконь: У меня только две уборщицы, что я могу сделать?

Блюм: Так где же они? Может, они в доме отдыха, или у них мертвый час? Это же ужас что такое! Столовую уберите!

Белоконь побежал вверх. Блюм направляется к выходу.

Воробьев: Соломон Маркович, так как же, едем на вокзал?

Блюм: Чего я на вокзале не видел? Носильщиков? Коммунары давно уже вышли с вокзала. Ах, боже мой, боже мой...

Воробьев: Соломон Маркович, так я один поеду навстречу. Узнаю, чи далеко, и вам скажу.

Блюм: Ты мне фигели-мигели не рассказывай. Он узнает и мне скажет! Тебе Наташу нужно посмотреть?

Воробьев: А что же, нельзя, что ли?

Блюм: Ну, поезжай. Вам только разные глупости, а что здесь грязь до самой прически, так вам все равно.

Воробьев: Я машину начистил... блестит... Так я поехал.

Вышел. Блюм побежал в столовую и немедленно выбежал наружу. Сверху спускаются Белоконь и две уборщицы.

Белоконь: Как можно скорее уберите столовую, через полчаса чтобы было готово.

1-я уборщица: То коридор, теперь столовую...

Белоконь. Пожалуйста, без дискуссий! (Вышел.)

2-я уборщица: За полчаса? Ах ты, пижон дохлый. За полчаса!

Воргунов (с верхней площадки): Товарищи, черт бы вас подрал...

1-я уборщица: А ты чего ругаешься, как каменщик? Я из тебя сама чертей натрясу.

Воргунов: Уважаемые, дорогие товарищи...

1-я уборщица: Вот так-то лучше.

Воргунов: Четыре дня вы обещаете убрать в конструкторской, четыре дня! От ваших обещаний ни черта толку:

2-я уборщица: Вот уберем столовую...

Воргунов: Нельзя, голубки мои, надо немедленно.

1-я уборщица: Да ведь нам приказано.

Воргунов: К чертовой матери с приказаниями. Нате вот вам пятерку и немедленно уберите.

2-я уборщица: Да чего тебе так приспичило?

Воргунов. Жениться собираюсь! Понимаете?

2-я уборщица: Ну, раз такое дело, мы тебе и без пятерки.

1-я уборщица: А на свадьбу позови, смотри.

Воргунов: Первые гости будете...

Ушли наверх. Вбежал и пробежал наверх Блюм. Со двора
входят Торская и Григорьев.

Григорьев: У меня лишний билет.

Торская: Случайно оказался лишним?

Григорьев: Что вы, Надежда Николаевна! Не случайно. Нарочно взял.

Торская: Нарочно?

Григорьев: Я был убежден, что вы не откажетесь, ведь подумайте: Московский Художественный театр, «Федор Иоаннович», Качалов, Москвин... Я был уверен...

Торская: Товарищ Григорьев, вы сообразите: неужели бы я стала ожидать, пока у вас окажется лишний билет! Это в Московский Художественный, «Федор Иоаннович»?

Григорьев: Да. Это же замечательно...

Торская: Да, я давно поручила товарищу Вальченко...

Григорьев: В таком случае, извините. Выходит так, что вы ему доверяете больше.

Торская: Ничего я ему не доверяла. Он взял билет на свои деньги.

Григорьев: Надежда Николаевна!.. (Оглянулся.) Надежда Николаевна, если бы вы поняли мое положение...

На верхней площадке Блюм.

Торская: Соломон Маркович, помогите товарищу Григорьеву в его тяжелом положении. У него лишний билет на «Федора Иоанновича».

Блюм: А кто это такой Федор Иванович?

Торская: Он не имеет никакого отношения к снабжению, но билет вы возьмите.

Блюм: Ах, я уже знаю. Это тот самый, который зарезал царевича Димитрия. Ну, вы же знаете, я такими людьми не интересуюсь. Но билет я возьму. Может быть, дочка пойдет. Она все романы с убийством любит. Да, скажите пожалуйста, вы не видели уборщиц? Это черт знает, что такое...

Блюм уже внизу. На верхней площадке Воргунов.

В о р г у н о в: Товарищ Григорьев, я не понимаю, что это такое? Вы приходите на работу в одиннадцать часов.

Г р и г о р ь е в: Петр Петрович, с этими трамваями...

В о р г у н о в (*кулаком по барьеру*): Товарищ Григорьев, я прошу вас не молоть глупости. Мы все приезжаем трамваями. А куда вы стащили сверлильные? Что это, вредительство, черт бы вас подрал, или последний идиотизм? Когда это кончится?

Г р и г о р ь е в: Петр Петрович, вы могли бы при посторонних...

В о р г у н о в: К чертовой матери посторонних. Посторонние вам мешают работать. Вас ждут в конструкторской, а вы здесь с посторонними. Пожалуйста и немедленно дайте объяснение главному инженеру.

Г р и г о р ь е в направляется вверх.

Б л ю м (*к Торской*): Попало, хэ-хэ-хэ! Ох, и характер!.. Петр Петрович, вы там не видели уборщиц?

В о р г у н о в (*спускается на несколько ступенек*): Уборщицы убирают в конструкторской.

Б л ю м: Они должны убирать не в конструкторской, а здесь и в столовой.

В о р г у н о в: А они в конструкторской. Совершенно необъяснимое явление в природе.

Б л ю м: Ох, как захвачу их оттуда, так с них будет шерсть сыпаться. Господи, какой я злой, какой я злой, если бы кто-нибудь знал. (*Побежал наверх.*)

В о р г у н о в: Надежда Николаевна, вы простите, но из-за вас наши молодые инженеры прямо испортились.

Т о р с к а я: Что же делать? Испортились?

В о р г у н о в: Как что делать? А вы не догадываетесь?

Т о р с к а я: Я немножко догадываюсь. Вы их пересыпьте нафталином...

В о р г у н о в: Да? Это было бы хорошо. Наши люди совершенно неспособны провести черту: здесь дело, а здесь любовь. У них если любовь, так непременно с гражданскими мотивами или там с политикой, а дело летит к черту, потому что любовь мешает: бросают работу и бегают на свидания.

Т о р с к а я: Петр Петрович, только из уважения к вам я обещаю: разговаривать с молодыми инженерами исклю-

чительно о фрезях, болванках и об инструментальной стали.

Воргунов: Ну, вот я же и говорю. Разговаривайте о чем хотите, о слиянии душ, о соловьях, воробьях, причем тут инструментальная сталь? И самое главное — не в рабочее время: ведь для этой всей чепухи отведено специальное время — вечером или там по утрам....

Торская: Я постараюсь, Петр Петрович...

Входит Одарюк

Одарюк: Уже музыку слышно.

Торская: Да ну? *(Подходит к двери и слушает.)*

Воргунов: Вот еще: эта музыка...

Одарюк: Вы инженер?

Воргунов: Инженер.

Одарюк: Вы будете управлять заводом?

Воргунов: Почти.

Одарюк: А почему станки стоят на дворе и упаковка сорвана? А кто виноват?

Воргунов: Папа с мамой виноваты. Им не нужно было жениться и плодить партачей. Вот. *(Вышел.)*

Одарюк: Что он, чудаки?

Торская: Это Воргунов. Он интересный человек.

Одарюк: Он наш?

Торская: Он должен быть нашим.

Одарюк: Придется в работу брать?

Торская: Ох, трудно его брать в работу.

Вбегает Воробьев.

Воробьев: Идут. Совсем близко. Ездил встречать. Как раз возле парка встретил. Ну и идут, брат, во! В белых костюмах, черт, красота...

Одарюк: Возле парка?

Воробьев: Да уже к лесу подходят, совсем близко.

Одарюк выбежал.

Торская: И Захаров с ними?

Воробьев: А как же, с Верой Донченко рядом. Вера сегодня дежурная.

Торская: А Наташа?

Воробьев: Наташа? Аж страшно. Такая красивая, куда мне! Загорела, глаза, брат, блестят. На меня только так повела. А Алешка мне кулак показал, так я и уехал.

Торская: Все-таки: что вы будете делать с Наташей?

Воробьев: Вот, брат, Надежда Николаевна, скажи что делать? Тут, понимаешь, такое дело, хлопцев боимся.

Торская: Отчего?

Воробьев: Хлопцы еще ничего как следует не знают. Из девчат, и то не все. А у нас же любовь, если бы ты знала! А боимся хлопцев, знаешь, аж шкура болит со страху. Жучок, как стал председателем, так сразу Наташу в работу: ты что это с Петькой романы затеваешь? Я тебя, говорит, в совет командиров выволоку. Вот какое дело...

Торская: Чудаки. Вот я поговорю с Алексеем Степановичем.

Воробьев: Да что ж с того? Товарищ Захаров все равно в совет командиров передадут. Я уже думаю так: у меня и квартира в городе хорошая и все. Скажу Наташе, пускай прямо ко мне переходит.

Торская: Побойтся Наташа.

Воробьев: Вот в том-то и дело.

Торская: Да и зачем же ссориться с коммунарами! Они ведь и помогут чем-нибудь.

Воробьев: Да вот же...

Близко взорвался марш оркестра.

Торская: Идут...

Воробьев: Это значит, из лесу вышли.

Выходят. Сверху спускается Блюм с уборщицами. Услышал музыку и остановился.

Блюм: Ну, доигрались... Разве это коммуна? Это же сумасшедший дом!

1-я уборщица: Так что?

Блюм: А я знаю что? Лечить надо... Ах, ты господи. Подите скорее, уберите там самый маленький класс. А то и трубы некуда будет сложить.

Ушли наверх. Звонок телефона. Со двора входит Одарюк и берет трубку.

Одарюк: Да, коммуна Фрунзе. Что? Два грузовика отправили? А я не знаю... Стойте... Разгрузить? Разгрузить будет кому. Коммунар Одарюк. А я говорю, будет кому. Значит знаю. Откуда знаю... Вот сейчас двести коммунаров подходят. Ах, коммунары... *(Повесил трубку.)*

Сверху спускаются В о р г у н о в, Б л ю м, Т р о я н.

В о р г у н о в: Десять тысяч лет будем жить, а от глупостей не избавимся. Для чего это встречать, парады разные. Приехали — ну и приехали.

Б л ю м: Нельзя же, Петр Петрович, они же два месяца не были дома. Мы должны же их встретить, посмотреть...

В о р г у н о в: Все равно: если они мне станки поломают, головы пооткручиваю.

Т р о я н: Какая у них музыка... Никогда не работал с молодежью. Интересно.

Б л ю м: Так интересно, Николай Павлович, знаете, как будто в книжке.

Т р о я н: Жизнь должна быть лучше книжки, Соломон Маркович.

Б л ю м: Я же и говорю: куда там книжки годятся.

О д а р ю к: Звонили сейчас: два грузовика со станками отправлены.

В о р г у н о в: А не говорили, грузчики поехали?

О д а р ю к: Грузчиков при станках нет. Спрашивали, кто разгрузит?

В о р г у н о в: Кто же разгрузит?

О д а р ю к: Я сказал, коммунары подходят.

В о р г у н о в: Коммунары разгрузят? Это «вандереры». Каждый ящик сорок пудов.

О д а р ю к: Ну, так что ж такое?

В о р г у н о в: Глупости, побьют... Ах, черт!..

Вышли. Сверху сбегает Вальченко. На верхней площадке остановились Дмитриевский и Григорьев.

Г р и г о р ь е в: Хозяева приехали, Георгий Васильевич...

Д м и т р и е в с к и й: Да, думали ли когда-нибудь, что будем служить беспризорным? А ведь в самом деле хозяева. Уличные дети, воришки, отбросы — хозяева. А ведь это, собственно говоря, красиво, Игорь Александрович.

Г р и г о р ь е в: Я не такой эстет, чтобы в этом видеть красоту. Ведь их еще нужно переделывать. Перевоспитывать, все-таки это, наверное, звереныши.

Д м и т р и е в с к и й: Ну что ж, переделаем...

Вышли.

Пробежали наружу уборщицы. Марш очень громко у самых дверей. Слышна команда, марш оборвался. Обрывки короткой речи. «Интернационал». Команда: «Под знамя, смирно!» Знаменный салют. В этот момент, когда верхушка знамени показывается в дверях, салют прекращается. Команда: «Разойдись!» Шум.

В вестибюль входят: Вера Донченко в красной повязке дежурного, держа руку в салюте, за нею со знаменем Гедзь и два коммунара-ассистента с винтовками.

Донченко (*опуская руку*): Ой-ой-ой, куда же теперь?

Гедзь: И не прибрали.

Донченко: Подождите здесь, я пойду посмотрю. (*Убежала наверх.*)

I-й ассистент: И в столовой не убрано.

Гедзь: Честное слово, как им не стыдно?

В двери по два, по три входят коммунары-музыканты с трубами, фанфарами. За ними коммунары.

Отдельные голоса входящих: Черт, на-силу выбрался, завалили.

— А то инженеры, видел?

— И цветники наши пропали...

— Ого, вот где порядок.

— То станки здоровые.

— А кто это толстый, сердитый такой?

— Ой, Соломон Маркович, плачет, понимаешь.

— Что? И знамени нету места?

— Вот так завод!

— Берите ведра, тряпки!

— Поход продолжается!

— Сейчас пойдем на завод.

— А это знаешь? Универсально-фрезерные.

— Ничего подобного.

— Универсально-фрезерные!

— Поход продолжается, ха-ха!

— А где обоз, не знаешь?

— Я ничего не понимаю.

Шум. Кто-то поет мотив знаменного салюта. Два-три коротких звука в трубу. Неожиданно забил барабан.

Жученко: Что же тут стоять? А где дежурная?

Гедзь: Пошла посмотреть.

Из музыкантов: Жучок, куда же инструменты?
Жученко: Сейчас.

На верхней площадке Донченко.

Донченко: Знамя и музыканты, идите сюда. Остальные подождите здесь, никуда не ходите. Синенький здесь?

Синенький (с сигналкой): Здесь, а что?

Донченко: Иди сюда. Жучок, иди посоветуемся.

Жученко и Синенький взбежали наверх. На площадке они открывают совещание. Знаменщики и музыканты проходят в левый коридор второго этажа. Со двора, окруженная толпой ребят, выходит Торская.

Отдельные возгласы: Надежда Николаевна, здравствуйте.

— Товарищ Торская, напрасно с нами не поехали.

Торская: Хорошо было?

— Ого, хоба ж так?

Голоса: А чего у вас тут все разорено?

Торская: Федя, чего ты такой серьезный?

Романченко: Чего серьезный? Не серьезный. (Подает руку.) Здравствуйте. Вы здесь без нас еще не женились?

Торская: Нет, Федечка, не женились.

Романченко: То-то. А вы знаете, Вера Донченко чуть-чуть не женилась в Тифлисе.

Донченко (сверху): Смотри, Федька, я тебе уши нарву.

Романченко: Видите, видите, значит правда.

Торская: Разве тебе за правду всегда уши рвут?

Романченко: Почти всегда. А это правда. Чуть-чуть не женились. Там такой к ней черный прилепился. Куда она ни пойдет, а он все... (Федька танцует, показывает, как приглашают на лезгинку.) А у Верки сердце, знаете, так и прыгает. (Показывает кулаком, как прыгает сердце.) Видите, видите?

Вера сбегает вниз и хватает Федьку за уши.

Романченко: Дежурный командир, а дерется. Запиши себя в рапорт...

Жученко (сверху): Слушай, пацаны. Слушайте: обоз прибыл и стоит возле черной лестницы. Сейчас будет сигнал на работу. По сигналу разгрузите обоз и корзинки

внесите в спальни. Каждый отряд пускай сейчас же выделит уборщиков, переодевайтесь и немедленно приступайте к уборке.

Г о л о с: А где убирать?

Жученко: По старым отрядным участкам.

Г о л о с а: Правильно.

Г о л о с д е в о ч к и: А где ведра и тряпки?

Жученко: Все получайте у коменданта. Синенький, давай сигнал.

Синенький трубит сигнал на работу. Выбегает во двор и повторяет сигнал. После сигнала кое-кто вбегает со двора, кричит.

Г о л о с а: Какая работа?

— Куда заиграли?

О т в е т ы: К обозу..

— На уборку.

Большинство разбегается: часть во двор, кое-кто по коридорам. В вестибюле остаются Жученко, Зырянский, Одарюк.

Зырянский: Я этому Вехову чуть морду сегодня не набил.

Жученко: Ты всегда паришься.

Зырянский: И в спальню его не пушу, пусть идет к маменьке.

Одарюк: Ох, и ленивый же парень.

Зырянский: Вышли на вокзал, прохожу по вагонам — баритон лежит. Чей? Вехова. А тут, понимаешь, публика лезет. Я его взял. Спрашиваю, как ты баритон бросил, а он мне: «У меня не десять рук». Не могу я этого видеть.

Жученко: В совет надо.

Входят Шведов, Забегай и Блюм.

Блюм: А, товарищ Жученко, здравствуйте. Здравствуйте, товарищ Зырянский. Если бы вы знали, как я рад, что вы уже приехали.

Жученко: Так как же, Соломон Маркович? Завод не пущен, станки на дворе.

Одарюк: И без упаковки.

Блюм: Вы знаете, что здесь делается? Это не коммуна, а сумасшедший дом. Начальства — так звезд на небе немного меньше, а денег сколько выбросили. Помните, как мы с вами зарабатывали? Каждую копейку

Берегли. А теперь — ффффу! Везут, везут, все заграничное. Один станочек пятнадцать тысяч рублей.

Шведов: Вот красота!

Зырянский: Наши соломорезки по-боку.

Блюм: Вот вы говорите: соломорезки. Это правда, что станочки были старенькие, а все-таки мы на них шестьсот тысяч рублей заработали. Как зарабатывать, так никого не было, а как тратить, да разные фигели-мигели, так сразу нашлись хозяева...

Жученко: Зато завод какой...

Входит Воробьев.

Воробьев: Здравствуйте.

Зырянский: Только ты, Петька, брось эти дела с Наташей. Чего ты пристал к девочке?

Воробьев: Да как же я пристал?

Зырянский: Ты здесь шофер и знай свою машину. Рулем крути сколько хочешь, а головы девчатам крутить — это не твоя квалификация. А то я тебя скоро на солнышко развешу.

Блюм: Так они же влюблены, товарищи.

Зырянский: Как это — влюблены? Вот еще новость. Я тоже влюблюсь! И всякому захочется. Наташке нужно рабфак кончать, а этот принц на нее вытаращился.

Жученко. Действительно, Петр, ты допрыгаешься до общего собрания.

Воробьев: Странные у вас, товарищи, какие-то такие правила. Наташа ведь взрослый человек и комсомолка тоже. Что же по-вашему, она не имеет права?

Шведов: Она коммунарка! Как это — взрослый человек? Права еще придумал...

Жученко: Выходи из коммуны и влюбляйся сколько хочешь, а так мы коммуну взорвем в два счета.

Зырянский: Вас много охотников найдется с правами.

Блюм. Но если бедная девушка полюбила, так это же нужно понять...

Зырянский: Так и знай — на общее собрание!..

Забегай: Ты, Петр, с ними все равно не сговоришься. Это же, понимаешь ты, не люди, а удавы. Ты лучше умыкни.

Воробьев: Как это?

З а б е г а й: А вот, как у диких славян делалось. Умыкни. Раньше это, знаешь, подведут это лошадой к задним воротам, красавица это выйдет, а такой вот Петя, который втрескался, в охапку ее — и удирать.

Ж у ч е н к о: А дальше?

З а б е г а й: А дальше мы его нагоним, морду набьем, Наташку отнимем. Это очень веселое дело.

Б л ю м: Зачем ему на лошадях умыкивать! У него же машина. И на чем вы догоните? Другой же машины нету... Однако глупости по бокам. Тебе, Петя, сейчас нужно ехать на вокзал. Вот тебе квитанция, привези багаж. Это Захаров сказал...

В о р о б ь е в: Есть.

Ж у ч е н к о: Ну, ребята, идем на уборку, а то ребята обижаться будут.

З ы р я н с к и й: Ой, я и забыл, нам же столовую убирать. *(Побежал наверх.)*

Б л ю м вышел наружу. На сцене остается один В о р о б ь е в.

Пробегают уже в трусиках Ф е д ь к а Р о м а н ч е н к о.

В о р о б ь е в: Федя, голубчик, иди сюда.

Р о м а н ч е н к о: А чего тебе? Наверное Наташу позвать?

В о р о б ь е в: Да, Федя, позови Наташу...

Ф е д я: А покатаешь?

В о р о б ь е в: Ну, а как же, Федя!

Ф е д я: Есть, позвать Наташу.

В о р о б ь е в: Ну, чего ж ты кричишь?

Ф е д ь к а побежал наверх. Со двора входят: Захаров, Дмитриевский, Троян, Григорьев.

З а х а р о в: Значит, все ясно. Завтра начинаем работу. Работы хватит?

Д м и т р и е в с к и й: Работы хватит... но только... мальчишки же не умеют...

Б л ю м: И откуда вы знаете, что они умеют? Надо учить. Я раньше не умел танцевать польку, а теперь уже сорок лет умею. Человек всегда сначала не умеет, а потом, так с ним уже и разговаривать невозможно: он все умеет...

З а х а р о в: Молодец Соломон. Вот он верит в коммунаров.

Блюм: А мало они разве работали? Ого... Как звери!..

Григорьев: Трусики работать — небольшая хитрость...

Блюм: Я готов это слушать, но только не от вас, товарищ Григорьев.

Григорьев: Почему?

Блюм: Потому что вы не сошьете пару трусиков, к вашему сведению. Вы же не умеете...

Троян: Технология трусиков и мне неизвестна...

Блюм: Но если вы способный человек, так я вас за два дня выучу.

Захаров: Трусики забудем. Все будет хорошо. Я пошел умываться. Пока. *(Ушел через столовую.)*

Троян: Мне коммунары понравились... Дисциплина.

Григорьев: Спасите мою душу... Какой толк с этой дисциплины! Увидите, как станки полетят. Они и красть будут...

Троян: Нет.

Григорьев: Будут.

Блюм: Это знаете что? Это авансовая клевета!

Дмитриевский: Давайте не предвосхищать событий.

Блюм: Мне нравится: события. Какие же события? Это просто же безобразия!

Входит Воргунов.

Блюм: Скажите, Петр Петрович, коммунары будут красть?

Воргунов: Товарищ Блюм, насчет кражи я и за себя не ручаюсь..

Григорьев: Как вам понравились хозяева, Петр Петрович?

Воргунов: Вы мне сегодня нравитесь, во всяком случае, меньше. Я бы вам советовал поспешить со сверлильными.

Григорьев: Петр Петрович, все будет сделано. Не беспокойтесь.

Воргунов: Разрешите уж мне беспокоиться.

Все уходят наверх.

Наташа *(выходит из столовой)*: Петечка!

Воробьев обнимает ее, хочет поцеловать.

Наташа: Да что ты, увидят...

Воробьев: Наташа, знаешь что?

Наташа: У меня в голове такое делается... Ничего не знаю. Уже хлопцы догадываются. Прямо не знаю, куда и прятаться.

Воробьев: Наташа, едем сейчас ко мне.

Наташа: Как это так?

Воробьев: Прямо ко мне на квартиру. Наташа, едем.

Наташа: Да что ты, Петр?

Воробьев: Наташа, а завтра в загс, запишемся — и все.

Наташа: А здесь как же?

Воробьев: Да... черт... Никак. Вот просто едем. Честное слово, хорошо. Они хватятся, а тебя нет.

Наташа: Да они же прибегут за мной.

Воробьев: Куда там они прибегут? Они даже не знают, где я живу. Едем!

Наташа: Вот, смотри ты! Да как же? Я в белом платье.

Воробьев: Самое раз. На свадьбу всегда в белом полагается.

Наташа: А, знаешь, верно. Ой, какой ты у меня молодец!

Воробьев: Чудачка, ведь шофер первой категории.

Наташа: А увидят?

Воробьев: Наташенька, ты же понимаешь, на машине, кто там увидит?

Наташа: Сейчас ехать?

Воробьев: Сейчас

Наташа: Ой!

Воробьев: Ну, скорее. Вон машина стоит, видишь, садись и айда.

Наташа: Подожди минуточку. Я возьму белье и там еще...

Воробьев: Так я буду в машине. А ты им записочку какую-нибудь оставь. Все-таки, знаешь, ребята хорошие.

Наташа: Записочку?

Воробьев: Ну да. Они, как там ни говори, а

смотри, какую красавицу сделали. Напиши так, знаешь: до скорого свидания и не забывайте.

Н а т а ш а: Напишу.

Наташа убежала наверх. Воробьев вышел наружу. Входят один за другим пять мальчиков в трусиках и голошейках с тряпками и ведрами. Впереди со щеткой Зырянский. В вестибюле остановились.

Зырянский: Я так считаю: за час должны кончить столовую.

Г о л о с: Можно и за час. А чего это Соломон Маркович плакал?

Зырянский: Только окна как следует мыть, а не то что размазал и бросил.

Другой г о л о с: Тебя сразу не нашел, думал ты утопился в Черном море.

Отряд ушел в столовую. Сверху спускается Вальченко, неловко останавливается и оглядывается.

Зырянский (из дверей столовой): А вы кто такой?

Вальченко: Я — Вальченко, инженер, Я здесь работаю.

Зырянский: У нас в коммуне?

Вальченко: Да у вас.

Зырянский: Так вы кого-нибудь здесь ожидаете? Или позвать, может?

Вальченко: Нет, собственно говоря, для меня никого звать не нужно.

Наверху показалась Наташа, увидела Зырянского, спряталась в коридор.

Зырянский: Влюбленные уже забегали, никакого спасения.

Вальченко: Товарищ коммунар, я вас не понимаю.

Зырянский: Влюбленные, что ж тут непонятного? Я тебе задам! (Грозит пальцем.)

Вальченко: Я вас не понял сразу.

Зырянский: Если им волю дать, этим влюбленным, жить нельзя будет. Их обязательно ловить нужно.

Торская входит.

Торская: Алешка все влюбленных преследует. Если вы влюбитесь, Иван Семенович, старайтесь Алешке на глаза не попадаться, заест.

Зырянский (*уходя в столовую*): Влюбляйтесь, не бойтесь.

Вальченко: Я вас ожидаю.

Торская: А зачем я вам? Насчет инструментальной стали?

Вальченко: Как?

Торская: А может быть, вам нужно знать мое мнение об установке диаметрально-фрезерного Рейнеке-Лис?

Вальченко: Надежда Николаевна, вы все шутите.

Торская: Нет, я серьезно. Да постойте, Иван Семенович, постойте, голубчик. Как вам понравились наши коммунары?

Вальченко: Коммунары мне понравились. Красиво это. И музыка, и все. Только вот... все-таки, знаете, мальчишки...

Торская: Что вы там лепечете? Какие мальчишки? Они комсомольцы...

Вальченко: Нет, я так, знаете, конечно, это хорошо, что они комсомольцы...

Торская: Ах вы, чудак... Так что вам от меня нужно? Имейте в виду, что я имею разрешение говорить с вами только о слиянии душ...

Вальченко: От кого разрешение?

Торская: От вашего Вия.

Вальченко: Какого Вия?

Торская: А вот у Гоголя в одном производственном романе говорят (*басом*): «Приведите Вия». Это значит, пригласите самого высокого специалиста. И у вас такой Вий тоже есть...

Вальченко (*смеется*): Ах, Воргунов...

Торская: Так вот... Вий распорядился, чтобы с молодыми инженерами я говорила только о слиянии душ: Можно еще о воробьях, но это уже в крайнем случае. Дело, видите ли, в том, что молодые инженеры оказались скоропортящимися. Знаете — не ближе одиннадцатого к паровозу. Это так пишут на вагонах, когда перевозят вас, молодых инженеров, и другие скоропортящиеся предметы: молоко, сметана, вообще...

Вальченко: Нет, Надежда Николаевна, вы меня таким, скоропортящимся, не считайте. Напротив...

Торская: Бросьте, бросьте... Так давайте о слиянии душ... Что вы знаете об этом предмете?

Вальченко: Как вам сказать? А знаете что, по этому поводу и мне приходят в голову некоторые мысли...

Торская: Этого — не бойтесь. Это не вредно. На практике вы знакомы с этим?

Сверху спускается Наташа.

Наташа: Надежда Николаевна, миленькая, передайте эту записку Жученку.

Торская: А ты куда это с узелком?

Наташа. Ой, Надежда Николаевна! Уезжаю.

Торская: Уезжаешь?

Наташа: Уезжаю. Совсем. Знаете, ой, стыдно! — к Пете. Ой! *(Выбежала.)*

Торская: Видите, Иван Семенович. Вот вам и практика слияния душ...

Зырянский *(из дверей столовой)*: А куда это Наташа, а?

Торская: Почему ты, Алексей, так интересуешься Наташей?

Зырянский: Я не так Наташей, как этим Дон-Жуаном. Он ее с толку собьет. *(Приспально смотрит в двери.)* Ай, черт уехали, ей-ей уехали!

Сверху спускается четвертый отряд со всеми приспособлениями для уборки.

Забегай: Кто уехал?

Зырянский. Наташка с Петром. На машине. Это ты насоветовал. Она с узелком была, правда?

Торская: С узелком. Да вот записка для Жучка. Наверное, здесь все написано.

Зырянский: Записка? Все как в настоящем романе. Вот мешчане! А ну, дайте.

Забегай: Умыкнул значит? Молодец. Теперь его не догонишь.

В группе четвертого отряда оживленное обсуждение событий.

Отдельные голоса: Куда же они поехали?

— Они хитрые никто не знал.

— Я тоже читал: влюбится понимаешь...

— А я еще до похода догадывался.

Зырянский. Ах ты, черт, слушай: «Жучок, я люблю Петю, уезжаю к нему и выхожу замуж. Спасибо

колонистам за все. До скорого свидания». Вот я ей покажу свидание! И этому «Пете» покажу!

З а б е г а й: Так. (*Дурашливо строго.*) К приказу смирно!

Ребята так же дурашливо вытягиваются.

З а б е г а й (*водит пальцем по воздуху, как будто пишет*): Убежавшая из коммуны по причине мешанства коммунарка Нестеренко Наташка снимается с довольствия. Вольно! (*к Вальченко и Торской.*) Граждане, здесь будет происходить уборка, так что прошу очистить помещение.

В а л ь ч е н к о: Пожалуйста, пожалуйста.

Т о р с к а я: Давайте, я вам помогу. (*Берет тряпку у кого-либо из рук.*)

В а л ь ч е н к о: Значит, Надежда Николаевна...

Т о р с к а я: Это насчет слияния душ? Давайте отложим конференцию... по случаю уборки.

В а л ь ч е н к о посмотрел на нее и с оскорбленным видом пошел наверх.

З а б е г а й: Ну, четвертый, непобедимый! Сорок пауков смотрят на вас с вершины... этих козел...

Начинается уборка.

Р а з г о в о р ы: А эту лестницу?

— Ликвидировать.

— Степка, ты там внизу никого не впускай.

— Ай, и хитрая ж Наташка!

— Здесь нужно глории.

— Нельзя глории, краска облезет.

— Колька, я там кислоту в спальне оставил, принеси.

— А чего это Алешка так против Наташки?

— А как же ты думал! Им только дай волю на романы.

— Это же, правда, нехорошо, романы, Надежда Николаевна?

Т о р с к а я: Волю на романы? Да, это вопрос серьезный.

Б л ю м (*со двора*): Товарищ Жученко здесь?

З а б е г а й: Сюда нельзя ходить. Видите — уборка.

Б л ю м: Я по делу.

З а б е г а й: Знаем ваши дела. По делу, по делу, а потом возьмете и умыкнете коммунарку.

Б л ю м: Что вы, товарищ Забегай! Для чего ее красть, если своих не знаешь, как замуж выдать.

Жученко: Какой здесь отряд?

Кто-то из ребят: Четвертый, непобедимый.

Блюм: Товарищ Жученко! Я, конечно, понимаю. Мальчики с дороги и все такое. Но вы же видите: шоферы ругаются, и никого нет...

Жученко: В чем дело?

Блюм: Да станочки эти.

Жученко: Разгрузить?

Блюм: Да, там три станочка.

Жученко: Ну что же, сейчас это устроим. Забегай, давай свою братву! Зырянский уже в столовой. Вот здорово! Алешка!

Зырянский (в дверях столовой): Жучок, тебе любовное послание. (Отдает записку.)

Жученко: Алексей, дай отряд на разгрузку станков.

Зырянский: Есть дать отряд на разгрузку станков. (В столовую.) Эй, пацаны, станки снимать.

Забегай (к Блюму): Это какие станки?

Блюм: «Вандереры» — универсальные фрезерные.

Забегай: Ребята, так это же те же самые «вандереры».

Общий возбужденный шум. Все выбегают во двор. Жученко читает записку.

Жученко: Допрыгались! Слышали, Надежда Николаевна?

Торская: Знаю.

Жученко: Вот беда. Что нам делать с этими женщинами? И откуда в голову придет — жениться?

Торская: Ничего, Жучок, не поделаете, жениться всегда будут.

Жученко: Так нельзя же так ни с того, ни с сего... Ну... как это у них выходит?

Со двора слышно:

Голос Зырянского: Раз, два, — взяли, раз два, — нажали... Стой, стой!

Дискант: А давайте так, как на Волге.

Голоса: Давай, давай. (Смех.)

Хор:

И пойдет, пойдет, пойдет...

Вот идет, идет, идет...

И еще, еще идет. (Хохот.)

Жученко: Пойдем, посмотрим.

Жученко и Торская выходят. Сверху медленно спускается Воргунов, прислушиваясь к тому, что делается на дворе.

Со двора слышно:

Забегай: Подкладывай, подкладывай: Стой! Навались на ту сторону.

Зырянский: Ну, разом, взяли!

Забегай: Малыши, вы все сразу. Вы не тащите, животами, животами навались!

Какой-то треск, победный крик, смех: «Готово».

Воргунов, направившийся было к дверям, останавливается, задумывается, машет рукой и возвращается к лестнице. Не видя его, Федька Романченко с верхней площадки спускается вниз по перилам лестницы и на полном ходу налетает на Воргунова. Воргунов, пошатнувшись, поневоле принимает Федьку в объятия. После освобождения из них Федька очень смущен и поправляет одежду.

Воргунов: Это... что ж вы... спешите так!..

Романченко: Там... это... станки. А вы кто — инженер?

Воргунов: Да инженер, а все-таки надо развивать меньшую скорость.

Романченко: Когда спешишь...

Воргунов: Тогда у вас третья скорость.

Романченко: Угу!

Воргунов: Вы там увидите Блюма, попросите его зайти ко мне — к Воргунову.

Романченко: Есть пригласить товарища Блюма. (Убежал.)

Воргунов обернулся и тяжело смотрит ему вслед.

Занавес.

Акт третий

Тот же вестибюль, что и во втором акте. Очень чисто, все блестит. На верхней площадке между окнами большой портрет Фрунзе, а под самым потолком на красном шелке золотой лозунг. По лестнице положена малиновая бархатная дорожка. Внизу при входе на лестницу стоит высокий денежный шкаф, а на стене круглые часы. У денежного шкафа часовой с винтовкой. Часовой держится свободно, но когда проходит Захаров, становится «смирно».

У лестницы в специальной подставке из белой жести — цветы. У барьера вешалки два диванчика, сбитые кожей. У входных дверей пушистый половик, и все входящие обязательно вытирают ноги. Забывчивых часовой знаком или словом приглашает к порядку.

У денежного шкафа Ключкин. Сверху спускаются Крейцер, Дмитриевский, Воргунов, Троян.

Крейцер: Совещание ни в чем меня не убедило. (Остановился.) У нас есть все: инженеры, рабочая сила, станки, материалы, инструменты, вот этот самый ваш технологический процесс. Все есть, понимаете, а продукции нет. Вы мне рассказываете: то не так, другое не так, это не выходит. А я вас не понимаю. Должно выйти. И Троян вот говорит.

Троян: Должно выйти.

Крейцер: А не выходит. Может быть, молебен отслужить нужно? Позовите попа, отслужите молебен. Святой водой покропить? Кропите все ваши агрегаты. Давайте делать то, что нужно, по вашему мнению. А что нужно? Ну? Что нужно, Петр Петрович?

Воргунов: Я так думаю, что поп и святая вода не помешают.

Крейцер (смеется): Видите?

В о р г у н о в: Получится полный ассортимент: головотяпство, лень, чудеса и попы. Попы определенно соответствуют. Стиль будет выдержан.

Д м и т р и е в с к и й: Петр Петрович по обыкновению шутит. Причины ведь более или менее известны, только вы не хотите назвать их серьезными. Я уже докладывал вам: производство у нас сложное, мальчики работать не умеют, и кроме того, как это ни неприятно признать,— крадут. Крадут инструменты, материалы. Я вот только сейчас узнал: у коммунара Собченко украли штанген, он стоит сто пятьдесят рублей, и без него работать нельзя. Штанген заграничный. И все это на самом ответственном участке, на выключателях.

К р е й ц е р: Что вы скажете, Петр Петрович?

В о р г у н о в: То же самое. Кражи тоже соответствуют: тоже стиль.

К р е й ц е р: Но нужно же бороться с этим стилем! Надо же принимать меры. Найти воров, наладить учет и ответственность. Ведь и на заводах могут красть. Никто из нас никогда не думает: вот он пролетарий, так и не украдет. Пролетарий тоже может спереть. Надо организовать дело, а вы сидите и руками разводите.

Т р о я н: Я думаю так: организм физически здоров, но наблюдаются, понимаете... так сказать, мозговые явления. Мальчики работой интересуются, к станкам относятся любовно, у нас все есть, это верно... Но вот — кражи, потом как бы это сказать: именно мозговые явления...

К р е й ц е р: В чем дело?

В о р г у н о в: Я вам скажу, в чем дело. Психическая установка не такая. Другая нужна психическая установка. Нужно более точное отношение к себе и к задаче. А у нас этого нет. Ведь сегодня целый скандал: диаметр штатива пять сантиметров, а диаметр пружины, которая на штатив надевается,— понимаете? — у нас вышел четыре с половиной сантиметра. Кто виноват? Виноватого, конечно, мы найдем, но это же не производственная работа — искать виноватого. Второе: выключатель. Вы говорите: мальчики виноваты. Не то, не то, Георгий Васильевич. *(К Крейцеру.)* Это сложная, довольно противная штука: всякие винтики, штифтики, осики, шарнирчики. У нас все это разлезается. Мы не знаем, как он собирается в Вене, а наш способ не годится...

Крейцер: Теперь понял, чего вам нехватает. Вам нехватает немца. До каких пор мы немцев будем целовать?

Воргунов: Еще долго будем целовать...

Крейцер: Глупости.

Воргунов: Будем...

Крейцер: А я говорю: глупости.

Воргунов: Ну, и говорите. А пока что мы выключатель делаем вручную и накладываем заклепки по методу Иванушки-дурачка. Делаем, а того нет, чтобы задуматься, напряжения нет, воли, всего такого...

Дмитриевский: Петр Петрович, вот бы вы сели и задумались.

Воргунов: А что же, и сяду.

Крейцер: Молодец!

Воргунов: Не молодец, а гадость. Я начальник механического цеха, почему я должен выполнять работу конструктора? Что это за организация? Все в расчете на случайность. И автомат загнали.

Крейцер: Автомат стоит?

Троян: Автомат испорчен?

Дмитриевский: Нет.

Воргунов: Загнали. Это ваш Белоконь...

Крейцер: Товарищи, вы просто не овладели техникой.

Воргунов: Вы еще скажете: болезни роста.

Крейцер: А что же, и скажу. (*Смеется.*)

Воргунов: Александр Осипович, простите меня, старика. В Европе давно нет холеры, сыпного тифа и этих самых болезней роста.

Крейцер (*взял за пуговицу, ласково*): Это потому, что Европа ваша старенькая. Из нее уже порох ¹ сыплется. У нее другие болезни: подагра, старческая немощь, артериосклероз.

Воргунов: Это, может, у дворян там таких. У техников этого нет...

Троян (*улыбается*): Вы замечаете, Петр Петрович, что вы делаете успехи в классовом подходе.

Крейцер (*хохочет*): Правильно!

Воргунов (*рассердился*): Вам угодно называть

---

¹ Укр. — пыль.

дворян классом, а я их называю просто дармоедами. Таких подагриков и у нас еще сколько хотите.

Крейцер (*хохочет*): Поддели, поддели Петра Петровича...

Выходит. Зырянский выглядывает из столовой в повязке дежурного.

Зырянский: Васька, скоро сигнал?

Клюкин: Через двадцать минут.

Зырянский исчез. Входит Лаптенко и останавливается у дверей.

Клюкин: Чего тебе?

Лаптенко: В коммуну.

Клюкин: Чего в коммуну?

Лаптенко: Примите меня в коммуну.

Клюкин: Как тебя зовут?

Лаптенко: Гришка, Лаптенко Гришка.

Клюкин: Ты откуда?

Лаптенко: Да откуда же? Мне негде жить

Клюкин: Давно на улице?

Лаптенко: Два года. Как ушел от мамки.

Клюкин: Сядь вот там, подожди. Нет, на диван не садись, на ступеньку сядь.

Лаптенко усаживается на ступеньку у дверей.

Сверху идут Григорьев и Белоконь.

Белоконь: Я сколько разов говорил главному инженеру: раз они набросали гвоздей в коробку шестеренок, пускай они и отвечают. Я за автомат определенно не отвечаю.

Григорьев: А кто набросал?

Белоконь: Да кто же? Я знаю разве? Народ тут такой. Они меня... (*оглянулся на часового*)

Клюкин заглядывает в столовую.

утопить готовы, потому что я с них определенно требую. Игорь Александрович, переведите меня на другой завод.

Григорьев: Глупости, работай здесь. Что тебе, плохо?

Белоконь: Оно не плохо, да народ здесь беспокойный здорово...

Григорьев: Ничего.

Белоконь: Народ здесь оскорбительный. А я такого не люблю. С автоматом этим прохожу нету... Вы скажите главному...

Григорьев: Хорошо.

Входит Торская. Белоконь уходит, здоровается с ней в дверях.

Григорьев: Здравствуйте, Надежда Николаевна.

Торская: Здравствуйте, здравствуй, Вася. Не знаешь, где Вальченко?

Клюкин: Кажется, на заводе.

Григорьев: Спасите мою душу, Надежда Николаевна. Уже не товарищ Вальченко вас ищет, а вы его ищите...

Торская: Товарищ Вальченко мне нужен, вот я его и ищу.

Григорьев: Кажется товарищ Вальченко вытеснил из вашей души даже коммунаров.

Торская: Ошибаетесь, в моей душе они уместятся, не мешая друг другу.

Григорьев: Только для меня нет места в этой любвеобильной душе.

Торская: Для людей вашей категории места нет. Верно.

Григорьев: Надежда Николаевна, обратите внимание, здесь часовой.

Торская: Ничего не могу поделать: в присутствии часового вы не умнеете.

Клюкин неожиданно взрывается смехом.

Григорьев: Так, Надежда Николаевна?

Торская: Да, так.

Григорьев: Хорошо. *(Ушел наверх)*.

Клюкин: Сцена ревности, да?

Торская: Нет, Вася, это сцена хамства...

Клюкин: И я так думаю.

Торская: Где Воргунов?

Клюкин: А вот.

Воргунов вошел.

Воргунов: Удивительное дело: для чего я вам могу понадобиться?

Торская: Идите сюда, мне надо с вами поговорить.
Садитесь.

Воргунов: А это что за персонаж?

Клюкин: В коммуну просится.

Воргунов: Смотрите, какой он смиренный. Ну, чего ты такой смиренный?

Лаптенко: Примите в коммуну.

Воргунов: Ага, практические соображения, значит?

Лаптенко: У меня соображение хорошее. Примите.

Воргунов: Я вижу: смиренный.

Торская: Так и нужно: он будет хорошим коммунаром, правда?

Лаптенко: Я буду все делать... А примете?

Торская: Я здесь человек маленький... Попросишь старших... Примут.

Воргунов: Ну, сел. Говорите, в чем дело?

Торская: Один коммунар, фамилия его Одарюк, сделал важное усовершенствование в выключателе. Об этом говорят все коммунары. Вам известно?

Воргунов: Ничего не слышал. В выключателе? Угу...

Торская: Знает о нем Григорьев. Григорьев объявил, что усовершенствование Одарюка ничего не стоит. Я хочу, чтобы вы проверили.

Воргунов: Где же этот молодой русский изобретатель?

Клюкин: Он сейчас на работе, я могу вам рассказать.

Воргунов: Оказывается, это уже достояние широких народных масс? Рассказывайте.

Клюкин: В выключателе есть пластинка, знаете?

Воргунов: Ну?

Клюкин: Там на двух углушках нужно высверливать две дырочки и заклепывать на них штифтики для контактов. Одарюк предлагает дырочек не сверлить, штифтиков не ставить, а штамповать пластинку наподобие ласточкиного хвоста, а потом загнуть два хвостика. Можно их загнуть во время штамповки. Получаются хорошие контакты.

Воргунов: Угу. Это он сам придумал?

Клюкин: Ну, а кто же?

Торская: Разве хорошо?

Воргунов (*в задумчивости подымается и направляется вверх*): Черт... Просто как... Ласточкин хвост...

Торская: Петр Петрович, куда же вы?

Воргунов (*остановился на лестнице*): Ах, да. Так его фамилия Одарюк? А не Одергейм?

Клюкин: Да нет, Одарюк.

Воргунов: Пошлите этого Одергейма ко мне.

Клюкин (*сдерживая смех*): Смотри ты!

Сверху спускается Григорьев.

Воргунов: Товарищ Григорьев, вам было известно предложение Одарюка — ласточкин хвост?

Григорьев: Дело в том...

Воргунов: Было известно?

Григорьев: Было...

Воргунов: Больше не имею вопросов.

Григорьев: Петр Петрович, спасите мою душу, — я же говорил о нем Георгию Васильевичу, и он со мной согласился.

Воргунов: С чем именно согласился?

Григорьев: Что это слишком наивно.

Воргунов: Угу. Замечательно!

Григорьев: И потом ведь немцы этого не делают.

Воргунов: Отправляйтесь к чертовой матери с вашими немцами, понимаете? Немцы за вас будут соображать? Ох ты, господи, когда это кончится? (*Ушел.*)

Григорьев: Это вы ему рассказали, товарищ Торская?

Торская: Я.

Григорьев: Это называется интригой, товарищ Торская.

Торская: Это называется борьбой, товарищ Григорьев. (*Ушла.*)

Григорьев: Что она ему рассказывала?

Клюкин: С часовым разговаривать строго воспрещается.

Григорьев: Ага, воспрещается? (*Пошел наверх.*)

Зырянский (*выходит из столовой*). А это что за птица?

Лаптенко: Дядя, примите в коммуны.

Зырянский: Из детского дома давно?

Лаптенко: Я не из детского дома.

Зырянский: А ну, покажи. *(Открывает ворот рубахи, осматривает белье.)* Когда ты убежал из детского дома?

Лаптенко: Три дня.

Зырянский: Так чего ты к нам пришел?

Лаптенко: На заводе хочу работать.

Зырянский: Ну, посиди, просохни малость. *(Уходит во двор.)*

Лаптенко: А кто здесь самый старший?

Клюкин: Обойдешься без самого старшего.

Клюкин смотрит на часы, заглядывает в столовую.
Вбегает Синенький.

Клюкин: Ты где это шляешься?

Синенький: Ты знаешь, что в цеху делается? Зырянский Вехова обыскивал. *(Снимает сигналку с денежного шкафа.)*

Клюкин: Ящик?

Синенький: Ага. Два французских ключа, которые у Гедзя пропали.

Клюкин: Ну, давай, давай.

Синенький дает сигнал «кончай работу» в вестибюле, в верхнем коридоре, во дворе. Зырянский и Вехов входят.

Вехов: На что мне эти ключи, у меня самого таких два.

Зырянский: Значит, продать хотел! Я тебя знаю!

Вехов: Алеша, честное слово, честное коммунарное слово, не брал.

Зырянский: Почему они в твоём ящике?

Вехов: Не знаю.

Жученко и Шведов входят.

Жученко: Я его сейчас выгоню на все четыре стороны. Ага, он здесь?

Шведов: Подожди выгонять, чего ты горячишься?

Жученко: Ты понимаешь, Шведов, по всему заводу и в городе уже растрепали: «Коммунары крадут», «Коммунары — воры, срывают завод».

Зырянский: Ты, Шведов, брось тут добрую душу разводите. Сколько инструмента пропало! А штанген у Собченко? Я вот тебя поддам в дверь!..

Шведов: Так не годится, Алексей. Вечером в бюро поговорим. Это дело темное. Ведь он не признался? Тут может быть ошибка.

Зырянский: Я его выгоню сейчас. А ты меня в бюро сколько хочешь разделявай.

Шведов: Я не позволю никого выгонять без разбора.

Жученко: И вечно ты, Шведов, усложняешь дело.

Шведов: Постой. Ты вот что, Алексей, скажи мне: почему ты у него производил обыск?

Зырянский: По праву дежурного командира.

Шведов: Да знаю. А почему именно у него?

Зырянский: А мне Григорьев сказал.

Жученко: Григорьев сказал?

Зырянский: Чего ты?

Жученко: Постой. Как он тебе сказал?

Зырянский: Просто сказал, что он подозревает Вехова.

Входят три-четыре коммунара, между ними Гедзь.

Шведов: Откуда же он знает?

Зырянский: Значит, знает.

Гедзь: А в самом деле интересно: как он может знать, что Вехов у меня украл ключи?

Зырянский: Разве вы коммунары? Вы бабы. Откуда знает? Что же, по-вашему, он крал вместе с Веховым? Значит, имеет какие-нибудь основания.

Шведов (*задумчиво*): Какие-нибудь... Это недостаточно.

Гедзь: Да, это верно. Скажи, Вехов, прямо: когда ты украл ключи?

Вехов: Я ключей не брал.

Шведов: Я ему верю.

Зырянский: Ну еще бы! Как это можно, чтобы Шведов кому-нибудь не поверил. Я удивляюсь, как ты попам не веришь? Ну, что с ним делать?

Шведов: Это дело завтра разберем. Завтра все равно день боевой. И комсомол и совет командиров. (*Вехову.*) Иди в спальню.

Задерживаются в вестибюле: Шведов, Жученко, Зырянский, Собченко, Деминская, Донченко, Гедзь. Другие коммунары в спецовках пробегают навстречу и влево по коридору.

Гедзь: Странная история!

С о б ч е н к о: Теперь у нас все истории странные. Вот смотри: мой штанген, эти самые ключи, сколько инструмента у всех пропадает. Откуда у нас столько воров? Откуда набрались, понимаешь?

Р о м а н ч е н к о (пробегая): Это не коммунары крадут.

Ж у ч е н к о: Вот мудрец тоже. Федя, а кто же крадет?

Р о м а н ч е н к о: Это черти завелись в коммуне.

Д о н ч е н к о: Вот я тебе уши надеру. Какие черти?

Р о м а н ч е н к о: Завелись в коммуне. Черти. С рогами и с хвостом. Штатив пять сантиметров, а пружина четыре с половиной. Все крадут. Много чертей. Мы вчера с Ванькой одного поймали.

Ш в е д о в: И что ты мелешь? Кого вы поймали?

Р о м а н ч е н к о: Я ж сказал тебе: черта, такой, знаешь. (Прикладывает рожки.)

Ж у ч е н к о: А ну, покажи.

Р о м а н ч е н к о: Э, нет! Это мы в подарок готовим с Ванькой.

Ж у ч е н к о: Кому?

Р о м а н ч е н к о: Совету командиров, кому же? Вот завтра поднесем. (Показывает, как он будет подносить. Удирает наверх.)

Ш в е д о в: Болтает пацан.

Ж у ч е н к о: Нет, здесь что-то есть. Федька — серьезный человек.

Ч е р н ы й (входит): О, целое совещание. Григорьева не видели?

С о б ч е н к о: Вот еще этот Григорьев, понимаешь ты... А зачем он тебе?

Ч е р н ы й: В коллекторе была прокладка из слюды. Обтачивали коллектор на шлифовальных. Теперь ставим прокладку бокелитовую.

Ж у ч е н к о: А бокелит на шлифовальных плавится.

Ч е р н ы й: Во, прокладку переменяли, а того не заметили, что бокелит жару не выдерживает. Ты знаешь, какое вращение на шлифовальных?

С о б ч е н к о: Ну?

Ч е р н ы й: Вот тебе и «ну». Бокелит расплавится, а снаружи этого не видно. Ставим коллектор на место, все

собираем, пробуем мотор — ничего не выходит. А черт его знает, в чем причина? Попробуй догадаться.

Собченко: А кричали все: «Девчата виноваты — обмотка неверная».

Черный: Валили на обмотку. Девчата уже и плакали, бедные.

Жученко: Да, это, брат, действительно. Кто же это наделал?

Черный: Да Григорьев же...

Шведов: Ну будет завтра день, постойте.

Жученко: Действительно, черти в коммуне.

Воргунов медленно спускается с лестницы, задумался.

Зырянский: Вот, может быть, товарищ Воргунов разъяснит?

Воргунов: Чего разъяснить?

Жученко: Говорят, черти в коммуне завелись

Воргунов: Этого только не хватало.

Жученко: Товарищ Воргунов, вы слышали сказки о штативе и пружине, о бокелитовой прокладке, об автомате, о ласточкином хвосте?

Воргунов: Слышал.

Гедзь: Так отчего это?

Коммунаров прибавляется.

Воргунов: Отчего? Ясно — отчего. Не умеем работать.

Шведов: А вот мы за это возьмемся по-комсомольскому.

Воргунов: Как же это — по-комсомольски?

Шведов: А вы не знаете?

Воргунов: Да, видите ли, я уже сорок лет, как в комсомольцах не был.

Шведов: Энтузиазм — вот что нужно!

Воргунов: Ах, энтузиазм?

Жученко: А вы в энтузиазм не верите?

Воргунов: Я ни во что не верю. Я могу только знать или не знать.

Собченко: Ну хорошо, так вы энтузиазм знаете?

Воргунов: Эта штука для меня трудная. Начнем с маленького. Вот вы рабфаковцы. Значит геометрию, скажем, знаете?

Г о л о с а : Знаем.

В о р г у н о в : Какая формула площади круга?

Г о л о с а : πr^2 квадрат.

В о р г у н о в : Как можно эту формулу изменить при помощи энтузиазма?

Молчание.

З ы р я н с к и й : Ну, так это само собой... Энтузиазм не для того, чтобы формулы портить.

В о р г у н о в : Вот человек хорошо сказал. А вся работа нашего завода состоит из одних формул. Куда не повернись — математика.

Ш в е д о в : И для того чтобы применять математику, нужен энтузиазм.

В о р г у н о в : Посмотрим. Возьмем того партача, который, скажем, проектировал бокелитовую прокладку. Сейчас он обтачивает на шлифовальных. Это без энтузиазма. А не дай господи, он станет энтузиастом, так он коллектор в горне обжигать будет.

Г о л о с а : Ну...

В о р г у н о в : Да. Ведь тут все дело в знании и честности. Если ты не знаешь свойств бокелита, не смей браться за конструирование бокелитовых деталей. Или посмотри в справочник. Вы понимаете, молодые люди? Это ведь халтура, это мошенничество, партачество. Люди не уважают ни себя, ни математики, ни работы, ничего. Какой энтузиазм может им помочь?

Молчание.

Вот и все. Можно продолжать мой путь?

С о б ч е н к о : Нет, минуточку. Вот бакинцы выполнили пятилетний план в два с половиной года. Разве это не энтузиазм?

В о р г у н о в : Да нет! Подобрались хорошие, честные, уважающие себя работники. Они всегда одинаковы и с энтузиазмом и без энтузиазма. А сволочь всегда есть сволочь, и нечего призывать ее к подвигам. Дать стрихнина — и все.

Ж у ч е н к о : А вот вы не правы, так не правы! Нас тогда всех стрихнином потравить нужно было...

В о р г у н о в : Почему ... вас?

Ж у ч е н к о (смутился) : Да... так. Мы тоже, знаете... всяко бывало.

Гедзь: Да это же известно, чего там скрывать. Мы, товарищ Воргунов, были, как бы это выразить... не так, чтоб очень честные...

Воргунов: На работе?

Гедзь: Нет, не на работе...

Воргунов: Меня интересует только работа, а если вы там от любви или от голода... ну так это... это другое дело, совсем другое дело... Ну, я плыву дальше... *(Он уходит несколько расстроенный и сгорбленный)*.

Гедзь: Здорово завернул.

Шведов: Он правильно сказал. Конечно, нужно прежде всего точность и освоение техники.

Клюкин: И энтузиазм!

Шведов: Вот для него как-то места не находится.

Клюкин: Жалко, что я на посту стою. А то я треснул бы тебя прикладом по голове за такие разговоры, хоть ты и секретарь.

Собченко: Давай я за тебя постою, а ты тресни...

Шведов: Пойдите, чем неправильно?

Клюкин: А ты понимаешь? Точность ему показали. А раньше он о точности не слышал? И у буржуев есть точность.

Гедзь: Ты точности дай волю... Они с тебя и шкуру стянут по всем правилам математики. Точность у них называется расчетом...

Собченко: А этот дед тоже, видно, такой... буржуазный...

Клюкин. Ты этого деда не знаешь, так и молчи...

Собченко: А что? Почему не знаю?.. Вот он говорит.

Гедзь: Он чудак.

Клюкин: Он чудак только снаружи... и бывает... такое закручивает. А на самом деле он у нас тут первый энтузиаст.

Собченко: О!

Зырянский: Ты тоже, Клюкин, закручиваешь...

Клюкин: А ты смотри. Мы вот с тобой смеемся, а он смотри, какой черный ходит. Думаешь, отчего это? Он душой болеет...

Собченко: Это еще ничего не значит.

Блюм входит.

Жученко: Соломон Маркович, энтузиазм нужен или не нужен?

Блюм: Ну, это как сказать... Если что-нибудь получить, так почему, пожалуйста, энтузиазм нужен, это хорошее дело... А то другой получит, а ты будешь стоять, как из кулька в рогожку. Ну, а если платить, например, так зачем тебе энтузиазм? Если тебе есть чем платить, так с тебя возьмут, не беспокойся, ну, а если тебе нечем платить, так нужно тихонько сидеть и не кричать, для чего тебе этот самый энтузиазм...

Смех.

Шведов: Вот это я понимаю. Ну, а если в работе?

Блюм: И в работе так: когда ты умеешь что-нибудь делать, так пожалуйста... А когда не умеешь, так кому ты нужен с твоим энтузиазмом. Не мешай другому — и все...

Шведов: То же самое.

Блюм: Что то же самое?

Жученко: И Воргунов так говорит.

Блюм: Ну, так он же образованный человек, потому так и говорит.

Собченко: Соломон Маркович, где вы были целый день?

Блюм: У Соломона Марковича нет письменного стола, так он целый день бегает. А тут еще эту старую столярную на меня набросили.

Гедзь: Соломон Маркович, вы эту столярную скорее разбирайте.

Блюм: Кого разбирать, что вы говорите? Я на ней еще заработаю полмиллиона.

Собченко: Не заработаете, она сгорит раньше.

Блюм: Ну, что вы!

Жученко: Все коммунары говорят, что сгорит. Дня такого нет, чтобы там что-нибудь не загорелось.

Блюм: Вы знаете, я и сам так думаю. Даже ночью спать не могу... Ой. *(Ушел наверх.)*

Зырянский: Ну, ребята, переодеваться, скоро буду ужин давать. *(К Лаптенко.)* А ты как, привык ужинать? *(Ребята расходятся.)*

Лаптенко: Три дня ничего не ел.

Зырянский: Какой же ты беспризорный после этого? Мы таких не принимаем.

Лаптенко: А как же?

Зырянский: А ты не знаешь как? Ты что сегодня спер на базаре?

Лаптенко: Я?

Зырянский: Ну да...

Лаптенко: Так... только подметки... пару.

Зырянский: Где же они?

Лаптенко: Кого, подметки?

Зырянский: Да.

Лаптенко: Прошамал.

Зырянский: То-то же. А то: «Три дня не ел». Дураком прикидываешься. Ты если в коммуны поступаешь, так брехать брось. *(Ушел в столовую.)*

Наташа *(входит)*: Здравствуй, Вася.

Клюкин: О, Наташа, здравствуй, как это ты?

Наташа: Пришла проведать. К девочкам некого послать?

Клюкин: Да ты иди прямо в спальню. Там все.

Наташа: А кто дежурный сегодня?

Клюкин: Зырянский.

Наташа: Ой, вот не повезло...

Клюкин: Да ты не бойся, иди, что он тебе сделает?

Зырянский с Синеньким выходят из столовой.

Зырянский: О, а вы чего пожаловали?

Наташа: Нужно мне...

Наверху Ночевная и Деминская.

Зырянский: Скажите, пожалуйста,— «нужно». Убежала из коммуны, значит, никаких «нужно».

Ночевная: Наташа, ой какая радость! Наташенька, миленькая! *(Обнимает.)*

Зырянский: Я вас всех арестую! Какая радость? Она убежала из коммуны!

Деминская: Убежала, что ты выдумываешь! Не убежала, а замуж вышла. Наталочка, здравствуй!

Синенький *(бросается на шею Наташе)*: Наталочка, ах, милая, ах, какая радость!!!

Наташа *(смеется)*: Убирайся вон, чертенок!

Зырянский: Нечего ей здесь околачиваться. Я ее

не пушу никуда. Раз убежала из коммуны, — конечно. И из-за чего? Из-за романа.

Наташа: Как это убежала? Что я — беспризорная, что ли? Я пять лет в коммуне.

Зырянский: Пять лет, тем хуже, что ушла по-свински... Для тебя Дон-Жуаны лучше коммунаров.

Наташа: Какие Дон-Жуаны?

Зырянский: Петька твой — Дон-Жуан.

Синенький: Дон-Кихот Ламанчанский!

Наташа: Какой он Дон-Жуан? Мы с ним в загсе записались.

Зырянский: В загс тебе не стыдно было пойти, а в совет командиров стыдно. Убежала и два месяца и носа не показывала. (*Клюкину.*) Я не позволю пропускать ее в спальню.

Клюкин: Есть — не пропускать в спальни.

Зырянский ушел в столовую.

Ночевная: Вот ирод. Что же делать? Вася, ты не пропустишь?

Клюкин: Что вы? Приказание дежурного не только для меня, а и для вас обязательно.

Сверху Жученко и Шведов.

Ночевная: Жучок! Вот пришла Наташа, а Алешка не пускает в спальни.

Жученко: А, Наташа, здравствуй! Не пускает? (*Кричит в столовую.*) Алешка!

Зырянский в дверях столовой.

Жученко: Надо же пропустить.

Зырянский: Наш старый обычай — беглецов в коммуну не принимать.

Жученко: Какой же она беглец? Ну, немного не так сделала.

Зырянский: Не пушу.

Жученко: В таком случае я тебе приказываю.

Зырянский (*вытянулся, поднял руку в салюте*): Есть, товарищ председатель совета. Пропусти ее, Вася, по приказанию председателя...

Клюкин: Есть пропустить!..

Жученко: Ну и черт же ты, Алешка.

Зырянский: Я черт, а ты... интеллигент...

Сверху спускаются Григорьев и Блюм.

Блюм: Хэ-хэ, какой же он механик, я же знаю...

Зырянский: Товарищ Григорьев, разрешите узнать, откуда вы получили сведения, что ключи украл Вехов?

Григорьев: Мне сказали.

Зырянский: Кто сказал?

Григорьев: Для вас, надеюсь, все равно. Ведь это оказалось правдой?

Зырянский: Нам не все равно. Почему вы скрываете?

Григорьев: Я не хочу подводить того коммунара под неприятности.

Клюкин: Это что за психология? Какие неприятности?

Григорьев: Спасите мою душу, часовые тоже могут разговаривать?

Клюкин: Если нужно, часовые могут даже стрелять... Ответьте, о каких неприятностях вы говорите?

Григорьев: Разумеется, этому коммунару будут мстить...

Зырянский: Ах, ты черт. Так вы что же думаете? Коммунары все воры, а если кто выдаст, так мечь? Вы имеете право это говорить?

Григорьев: Не забывайте, молодой человек, и не кричите.

Зырянский: Я вас отсюда не выпущу, пока вы не скажете...

Торская и Вальченко вошли.

Григорьев: Как же это? Арестуете?

Зырянский: А хотя бы и так...

Григорьев: Это издевательство над инженером!

Гедзь: А разве вы инженер?

Торская: В чем дело? Что это за собрание?

Зырянский: Товарищ Григорьев сообщил нам сегодня, что в ящике Вехова есть краденые вещи. Это верно, нашли, но товарищ Григорьев отказывается сказать, откуда он узнал сам...

Торская: Может быть, вы мне скажете, товарищ Григорьев?

Григорьев: Продолжайте ваши беседы с товарищем Вальченко...

Зырянский: Клюкин, не выпускать его отсюда.

Клюкин (*смеется*): Есть не выпускать...

Вальченко: Товарищ Григорьев, что с вами?

Григорьев: Что с вами, товарищ Вальченко? Вам не угодно замечать хулиганства по отношению к инженерам?

Вальченко: Я тоже инженер...

Блюм: Вас могут обвинить в соучастии...

Григорьев: В чем?

Блюм: Ну, в чем известно, в чем. Если кто-нибудь крадет, а другой знает, и не хочет сказать, так он тоже...

Григорьев хочет пройти.

Клюкин (*на дороге с винтовкой*): По распоряжению дежурного командира...

Вошел Воргунов.

Григорьев: Наплевать на ваших дежурных.

Гедзь (*засучивая рукав*): Ого! Не могу, честное слово, не могу.

Воргунов (*хватает его за руку*): Эй, вы, русский богатырь...

Гедзь (*конфиденциально Воргунову*): Надо, понимаете, стукнуть.

Воргунов: Давайте подождем...

Торская: Товарищи, успокойтесь. Это всегда успеем разобрать. Зырянский, вы же дежурный, наведите порядок.

Зырянский: Клюкин, выпустить арестованного.

Клюкин: Есть выпустить арестованного. Пожалуйста... ста...

Григорьев (*проходя между молча расступившимися коммунарами*). Хамство!

Гедзь (*Воргунову*): Видите? Нужно было стукнуть.

Воргунов: Слишком, знаете, старая форма...

Гедзь: Уже согласен. (*Спускает рукав.*)

Зырянский: Коммунары, через десять минут ужин.

Коммунары поднимаются по лестнице. Внизу группа: Торская, Вальченко, Блюм, Воргунов.

Блюм: Это он у папаши так научился разговаривать?

Торская: А вы знаете его отца?

Блюм: А как же — генерал-лейтенант Григорьев...

Торская: Он умер?

Блюм: Нет, он теперь трудящийся...

Воргунов: Блюм, что вы чепуху мелете?

Блюм: Блюм никогда не мелет чепухи. Их превосходительство сейчас продает газеты в Берлине. Дело, как видите, не солидное.

Торская: Откуда вы все это знаете?

Блюм: Живешь на свете — все видишь, а то и скажет какой-нибудь знакомый.

Воргунов и Блюм ушли наверх.

Торская: Иван Семенович, не грустите.

Вальченко: О нет, я прекрасно себя чувствую, но я не могу спокойно выносить такие сцены...

Торская: Что вас беспокоит?

Вальченко: Мне хочется... драться.

Торская (*берет его под руку, направляются вверх*): Морды бить? Правда?

Вальченко: В этом роде.

Торская: Это прекрасное, захватывающее желание. Я вас понимаю.

Сверху идут Наташа и Ночевная.

Наташа (*бросается к Торской*): Надежда Николаевна, а я вас все ищу...

Торская: Наконец-то... Как тебе не стыдно! Два месяца не показывалась...

Наташа: Зырянского боюсь...

Торская: Это верно, его многие побаиваются. Как же ты живешь?

Наташа: Хорошо, Надежда Николаевна! Хорошо! Петя, вы знаете, такой хороший...

Торская: У вас большая любовь?

Наташа: Такая любовь... ой! (*Смущается присутствием Вальченко*). Я вам потом расскажу...

Вальченко: Вы меня не бойтесь. Я...

Торская: Верно. Вы не бойтесь его, Наташа. Он тоже влюблен...

Вальченко: Откуда вы знаете?

Торская: «Живешь на свете — все видишь»...

Наташа: Это правда?

Вальченко: Я бы вам сказал, но я тоже... Зырянского боюсь...

Направляется вверх, откуда сбегает Деминская к Клюкину.

Деминская: Ну, сдавай. *(На Лаптенко.)* Этот чего здесь сидит?

Клюкин: Ждет совета командиров... *(Сдал винтовку, побежал вверх.)*

Деминская: Ты где живешь?

Лаптенко: Я нигде не живу.

Деминская: Как это нигде не живешь? Вообще ты живешь, или ты умер?

Лаптенко: Вообще? Вообще я живу, а так — нет.

Деминская: А ночуешь где?

Лаптенко: Вообще? Да?

Деминская: Что у тебя за глупый разговор? Где ты сегодня спал?

Лаптенко: Ах, сегодня? Там — в одном доме. В парадном. А когда меня примут?

Деминская: После ужина будет совет командиров. Только ты на совете ничего не ври.

Лаптенко: Я уже знаю. Мне уже говорил, этот — Алеша, чтобы не врал.

Воргунов проходит сверху, курит. Внизу размахнулся окурком, бросил его с гневом в угол.

Воргунов: Черт...

Деминская: Товарищ Воргунов!

Воргунов: Что такое?

Деминская: Поднимите окурки.

Воргунов: Как это поднять?

Деминская: Здесь нельзя курить и бросать окурки. Поднимите.

Воргунов: Да... черт... где я его буду искать? Завтра уборщица уберет...

Деминская: У нас нет уборщиц. Поднимите.

Воргунов: Да что вы на меня с ружьем?

В дверях столовой Зырянский и Синелький.

Зырянский: Что, опять скандал?

Деминская: Товарищ *(улыбается)* бросил окурок, а поднять не хочет.

Воргунов *(явно опасаясь Зырянского)*: Да, я его не найду.

Зырянский: Бросать нельзя.

Лаптенко: Вот. *(Подает окурок Воргунову.)*

Воргунов *(машинально берет окурок и выходит)*: Вот глупая история!

Зырянский: А ты чего стараешься? Сам поднял бы. Ты беспризорный?

Лаптенко: Беспризорный.

Зырянский: А не лакей, нет?

Лаптенко: Так жалко... этого... его зовут Вием? Да?

Зырянский: Что ты там?..

Лаптенко: Говорю, жалко... Вия.

Зырянский: Смотри ты: «Вия». Молодец Роза, наша берет. Будет знать старый, что такое энтузиазм.

Синенький: Он говорит: уборщица, а Роза — евик. *(Показывает, как стреляют.)* Битва котят и медведей.

Деминская: Сам ты котенок.

Романченко *(влетает со двора)*: Хлопцы, столярная... столярная горит... пожар.

Зырянский: Брешьешь!

Романченко: Да пожар!.. Горит крыша!..

Зырянский: Новый скандал! Вот дежурство! Синенький, давай тревогу.

Синенький: А как она?.. Смотри ты: забыл... Ага!

Играет тревогу в дверях, потом наверху и где-то далеко в спальнях. Немедленно с верхнего этажа врываются коммунары, некоторые из них с огнетушителями. Внизу появляется Воргунов и не понимает в чем дело.

Зырянский *(оглушительно кричит)*: Спецовки, спецовки гадевай, куда вас черт несет?

Часть возвращается. Большинство уже в спецовках вылетает лавиной в распахнутые двери.

Зырянский *(Шведову)*: Я туда, вызывай пожарную. Товарищ Воргунов, тушить... Шведов, пошлешь ко мне сигналиста.

Шведов: Есть...

Воргунов: Тушить так тушить...

Зырянский и Воргунов выбегают. С верхнего этажа пробегают Вальченко и Троян. Не спеша спускаются Дмитрийевский и Григорьев.

Шведов (*у телефона*): 5-50. Пожарная? Говорят из коммуны Фрунзе. У нас пожар. Столярная мастерская. Деревя много и сама деревянная. Есть обозначить гидранты.

Синенький спокойно спускается сверху.

Синенький, к дежурному.

Синенький: С сигналкой?

Шведов: Вот глупый вопрос. Куда ты годишься без сигналки?

Синенький вылетел.

Шведов (*у телефона*): 4-17-11. Товарища Крейцера. Александр Осипович? У нас пожар. Столярная мастерская. Только что... Вызвал только что... Еще не знаю. Коммунары уже все там... Да. Вы будете у телефона? Есть. Роза, Крейцер будет у телефона. Я побегу...

Деминская: Есть.

В окна пробивается отблеск пожара. Слышен неясный шум толпы.

Зырянский (*вбегает*): Вот везет... Воды нет в водопроводе. Где Шведов?

Деминская: Крейцер у телефона.

Зырянский (*у телефона*): Александр Осипович? Зырянский, да, дежурный командир... Воды нет в водопроводе, поганое дело. Хорошо, нажмите. Тушим, как же. Да как? Огнетушители, а то больше руками... Горит крыша и угол. Там, где сложены стулья... Знаете? Хорошо.

Сверху Блюм, поддерживаемый Торской.

Блюм: У меня сердце... Я не перенесу этого. Ох, боже мой! Мальчишки только сегодня говорили... Как они все хорошо знают... Как там дела? Если я сегодня не умру, так, значит, я еще здоровый человек.

Зырянский помог свести Блюма, направляется к выходу.

Торская: Не волнуйтесь так. Алеша, пришли ко мне девочку.

Зырянский. Есть.

Захаров и Шведов входят.

Шведов: Кто говорил с Крейцером?

Деминская: Дежурный.

Захаров: Звони в совхоз. Пускай срочно дают воду, а то совсем сгорит... *(Вышел.)*

Шведов *(у телефона)*: 30-89. У нас пожар, знаете? Так почему воды нет? Коров поили... Давайте немедленно. Вот черти: через десять минут. *(Выбежал.)*

Платова *(коммунарка лет тринадцати)*: Что такое, Надежда Николаевна?

Торская: Зина, в моей комнате есть нашатырный спирт. Тебе мама даст. Принеси сюда.

Платова: Есть. *(Побежала наверх.)*

Зырянский *(вбрасывает в вестибюль Болотова, у него в руках радиоприемник)*: Роза, он арестован. У кого пожар, а у него радио. *(Скрылся.)*

Деминская: Вот еще... людишки... Как же ты?

Болотов: Честное слово, не слышал сигнала. Я там в инструментальной работал, а там... примус... шумит...

Деминская: Ну, чего ты врешь: как это можно не слышать тревоги? Вот выгонят тебя — и правильно.

Собченко и Романченко вводят под руки Вальченко.

Торская: Что случилось?

Вальченко: Как замечательно удачно.

Собченко: Ушибли здорово.

Романченко: Балку вытаскивали, а эта штука... раскоряка такая, как треснет его по кумполу. Он только брык.

Вальченко: И не раскоряка, а стропильная нога.

Романченко: Нога... Хорошая нога.

Собченко и Романченко убегают.

Торская: Вы уже в сознании?

Вальченко: Да ничего... сначала оглушило.

Торская: Но у вас кровь?

Вальченко: Это ничего... ударило сильно. А как хорошо кончилось.

Погас свет.

Торская: Вот еще беда... Болотов, беги ко мне, там возле зеркала свеча и спички. Принеси.

Деминская: Он под арестом.

Торская: Ничего, не убежит, я отвечаю...

Болотов: Есть. *(Умчался наверх.)*

Платова *(сверху)*: Ой, и темно ж. Вот спирт.

Торская: Ну, как вы себя чувствуете, Соломон Маркович.

Блюм: Я себя никак не чувствую... Как там с пожаром этим? Для моего сердца нельзя такие пожары. Мне и доктор сказал: в случае чего у вас будут чреватые последствия...

Шведов *(входит)*: Провода порвали.

Торская: Света не будет?

Шведов: Одарюк уже на столбе. Будет. *(У телефона.)* 4-17-11. Товарищ Крейцер? Горим. Ого, тушим... Руками растаскиваем. Сейчас весь двор завален огнем: балки, стулья, доски... По всему двору разбросали... Да так благополучно: по башкам кой-кому досталось... Средне. Плохо с костюмами, испортили многие... Да, думаю, что потушим... Хорошо, ждем.

Болотов *(осторожно несет зажженную свечу)*: Насилу нашел.

Шведов: Смотри, тут целый лазарет. А я видел как вас стукнуло, товарищ Вальченко. Аж зазвенело.

Вальченко: У меня тоже впечатление было довольно сильное...

Блюм: Сильное впечатление хорошо, если у тебя здоровое сердце.

Торская: Зина, принеси бинт из больнички.

Платова: Есть. *(Убежала наверх.)*

Шведов: А знаете, кто хорошо работает? Воргунов. Он и Забегай, как черти. Мы их два раза из огнетушителя тушили. Старый, а с энтузиазмом...

Блюм: Голубчик, Шведов... потушим?

Шведов: Потушим, а как же...

По окнам вестибюля пробегает свет прибывших машин, шум моторов.

Шведов: О, пожарные приехали. *(Выбежал.)*

Платова *(сверху)*: Вот бинты...

Торская: Дайте, я вам перевяжу...

В а л ь ч е н к о: Это прямо замечательно. Я желал бы, чтобы меня каждый день... по кумполу.

Т о р с к а я: Через три дня от таких наслаждений никакого кумпола не останется.

З ы р я н с к и й (входит): Ффу... насилу одолели.

Б л ю м: Потушили?

З ы р я н с к и й: Не потушили, а растащили по бревнышку. Двор, как огненное озеро. Пожарные приехали. С бочками.

В а л ь ч е н к о: Это самый счастливый день...

Б л ю м: Ну, зачем вы так говорите... Вы знаете, чем это может кончиться?

В а л ь ч е н к о: А что?

Б л ю м: Я же знаю, чем это кончается. Пока у тебя голова разбита, так все хорошо. А когда голова целая и все на месте, так тебе говорят: я уезжаю...

В а л ь ч е н к о: Кто?

Б л ю м: Откуда я знаю кто? Каждая может уехать. Говорит, характерами не сошлись... Жены эти самые...

В а л ь ч е н к о: Нет... не может быть...

Т о р с к а я: Мне этот лазарет придется разогнать за то, что он занимается пустяковыми разговорами...

П о ж а р н ы й (входит): Где телефон? 5-50. Говорит связист. Коммуна Фрунзе. Пожар номер шесть. Воды не было. Да, ребята сами растащили. Во дворе много огня. Поливаем. Пришлите несколько бочек... (Вышел.)

В о р г у н о в и З а б е г а й входят обнявшись.

З а б е г а й: Пропустите старых партизан. Ой-ой-ой, что же они с нами сделали? Товарищ Воргунов?

В о р г у н о в: Да, здорово нас того. Стервецы, из огне-тушителя поливали.

З ы р я н с к и й: Вы еще спасибо скажите, а то из вас окорока были бы.

В а л ь ч е н к о: Жму вашу руку, Петр Петрович.

В о р г у н о в: А вы как?

В а л ь ч е н к о: О, я на верху блаженства.

В о р г у н о в: Кому что, а курице просо...

Т о р с к а я: Да вы весь мокрый, надо сейчас же переодеться.

З а б е г а й: Идем, сейчас идем. Я вам предлагаю, как старому партизану, мое галифе.

Смех. Зырянский и Синенький входят.

Зырянский: Хорошо, товарищ Воргунов?

Воргунов: Да, это по-нашему: все горит, никаких инструментов, шипит, гремит, валится, а они руками, голыми руками. Это все-таки картина....

Торская: Да ведь и вы с ними.

Воргунов: Да ведь и я такой же.

Зырянский: Синенький, давай отбой.

Сигнал во дворе. Толпой вваливаются коммунары. Большинство мокрые, черные, измазанные, обгоревшие, все бурно веселые. На секунду задерживаются возле Вальченко, Блюма, Воргунова и убегают наверх. Приходит на свое место и мокрый Лаптенко и, улыбаясь, заглядывает всем в лицо. Деминская спешит убрать в сторону бархатный коврик на лестнице. Ей кто-нибудь помогает.

Обрывки фраз: Товарищ Вальченко, как ваше здоровье?

— Что же теперь?

— Там стульев штук триста.

— Это я вас из огнетушителя тушил, товарищ Воргунов.

— Значит, и костюм за ваш счет.

— А может, он был старый.

— Вот кто хорошо действовал. Как тебя зовут?

— Лаптенко, Гришка.

— Он молодец.

— Ему хорошо, у него спецовка подходящая.

— Как раз для пожаров.

— Его надо сейчас принять.

— Идем купаться, корешок...

— Соломон Маркович, а я говорил вам.

— Это горел старый мир.

— Ишь ты какие: старый мир...

— Выходит так, что и тушить не надо было.

— А за что я вам пошью новые костюмы?

— Заработаем.

Троян (входит): Чему я больше всего поражаюсь, это что мои очки уцелели.

Торская: На кого вы похожи, Николай Павлович!

Троян: Горел.

Общий смех. Троян не столько сгорел, сколько изодрался.

В о р г у н о в: Где это вас так?

Т р о я н: Это мы разбирали маленькую кладовочку.

Ж у ч е н к о (*вводит толпу с огнетушителями. Уже и раньше многие приносили их*): Что же вы побросали? Ставьте здесь.

З а х а р о в: Ну, Соломон Маркович, ожили?

Б л ю м: Потушили. Ах, как я люблю этих коммунаров. Это же замечательно!.. Вы знаете?.. Пойдите, сколько же огнетушителей истратили? (*Поднялся с дивана. Начинает считать.*) Один, два, три...

Ж у ч е н к о: Да зачем считать, сколько их было?

Б л ю м: Сорок штук.

Ж у ч е н к о: Все истратили, сорок значит...

Б л ю м (*в ужасе*): Сорок штук? Не может быть... Алексей Степанович, как же так?

З а х а р о в: Что, много?

Б л ю м: Алексей Степанович, разве же так можно? Где же набрать столько денег? Сорок огнетушителей на такой маленький пожар... Это же безобразие.

Общий хохот. По окнам пробежали огни авто.

С и н е н ь к и й (*встает*): Крейцер приехал.

Все подтягиваются, как могут поправляют одежду. Встает и перевязанный Вальченко. Зырянский вытягивается на верхней ступеньке, за ним Синенький с сигналкой. Зажегся свет.

К р е й ц е р (*входит*): Ну, как? (*Принимая рапорт, прикладывает руку к козырьку фуражки.*)

З ы р я н с к и й: Председателю правления трудовой коммуны имени Фрунзе дежурный по коммуне командир второго отряда Зырянский отдает рапорт: в коммуне имени Фрунзе все благополучно. Коммунаров двести один, раненых... (*посмотрел на Вальченко*) один.

К р е й ц е р: Вот, дьяволы...

Смех, приветствия, рукопожатия.

Занавес.

Акт четвертый

Большая комната совета командиров. В левой стене два окна. В правой стене, ближе к заднему плану — двери. Под стеной бесконечный диван, обитый зеленым бархатом с низенькой простой спинкой. Этот диван проходит даже сзади двух письменных небольших столов: один у задней стены — Жученко, второй у левой стены — Захарова. Перед столами по два кресла, а перед столом Захарова небольшой столик. У правой стены на авансцене широкий турецкий диван, тоже обитый зеленым бархатом. На полу большой ковер.

На стенах портреты, диаграммы соцсоревнования, портреты ударников.

Комната совета коммунаров уютна, и нет нигде дешевых украшений, наклеенных кое-как бумажек. Все сделано солидно.

Вечер. Горят электрические настольные лампы и потолочный свет.

Жученко сидит за своим столом.

Шведов (*входит*): Мы сейчас кончаем, Жучок.

Жученко: Совет после ужина сделаем.

Шведов: Добре.

Собченко (*в повязке дежурного*): Как с ужином? После комсомольского или после совета?

Жученко: Как только комсомольское кончится, давай ужин.

Собченко: Только вот беда: инженеры и инструктора будут ожидать, пока мы поужинаем?

Жученко: Да чудак какой. Пригласи их поужинать...

Собченко: Правильно... А здорово сегодня!

Жученко: Ты, Шведов, молодец. Сегодня комсомол взял завод в руки...

Шведов: Да... Сколько сегодня машинок?

Жученко: Тридцать шесть.

Шведов: Хорошо. До пятидесяти близко. Вот тебе и ласточкин хвост.

Жученко: С воровством плохо. Ничего в руках нет.

Собченко: Забегай подозревает в краже масла Фельку и Ваньку Синенького.

Жученко: Не может быть...

Собченко: А вот я уверен, что на совете и воровство откроется. У пацанов есть какие-то намеки.

Шведов: Ну, идем на собрание, а то там Клюкин уже парится.

Шведов вышел. В дверях Воробьев и Наташа.

Воробьев: Жучок, задержись на минутку.

Жученко: Ну добре.

Собченко: А эти влюбленные все ходят.

Воробьев: Вот подожди, Санька, и ты влюбишься когда-нибудь.

Собченко: Чтобы я такую глупость мог на своем лице размазать? Да никогда в жизни. На тебя вот смотреть жалко. Что твоя физиономия показывает, так и хочется плюнуть.

Воробьев: А что?

Наташа: Смотри ты какой. А что она показывает?

Собченко: Да ты посмотри на него. Разве можно при всех такое показывать? Написано прямо: Наташа лучше всех, лучше солнца и месяца. Я на месте Алексея Степановича не поехал бы. Стоит, ты понимаешь, какой-нибудь телеграфный столб, а ему померещится, что это «ах, Наташа». Он и влипнется всем радиатором.

Воробьев (*хватает Собченко в объятия и валит его на диван*): Будешь вякать?

Собченко: Да брось, ну тебя, зайдут сюда. (*В дверях.*) Все-таки Жучок, ты с ним осторожнее. С ним только по телефону можно разговаривать. (*Ушел.*)

Жученко: А вид у вас в самом деле... на шесть дизелов.

Воробьев: Подумай, Жучок, кончаются наши страдания. Ты только помоги.

Жученко: Да чем тебе помогать?

Воробьев: Самое главное, чтобы Наташу не мучили. Она этих ваших командиров боится, как шофер пьяного...

Жученко: А ты сам приходи в совет, я дам тебе слово. Да ничего такого страшного и не будет. Против вас только Зырянский. Это уже известно.

Воробьев: Самое главное, Наташа, ты не бойся. Мы такого ничего плохого не сделали.

Уходят все. Пауза.

Входят Крейцер, Захаров, Дмитриевский и Троян. Крейцер и Троян усаживаются на широкое диване. Захаров разбирается в бумагах на столе. Дмитриевский ходит по комнате. Закуривают.

Крейцер: Здесь можно и покурить... Ну, я доволен. Молодцы комсомольцы. Замечательно правильная у них постановка. Хорошая молодежь...

Захаров: Да, горизонты проясняются...

Крейцер: Проясняются горизонты, Николай Павлович? А?

Троян: Наши горизонты всегда были ясными, Александр Осипович. Это, знаете (*улыбается*), на дороге пыль. Бывает, поднимаются вихри такие...

Крейцер: Вы прелесть, Николай Павлович, честное слово. Ну, а все-таки, еще и сейчас у вас есть темные тучки, места разные.

Троян: Да нет. Ничего особенного нет, темного такого. А если и есть, так и причины более или менее известны. (*Улыбается.*) Надо немножко ножиком... ланцетом. Потом перевязочку — и все.

Крейцер (*смеется*): Это хорошо. А разве раньше нельзя было... ланцетиком?

Троян (*улыбается*): Видите ли, всякая причина... она должна, так сказать, назреть...

Крейцер: Это не революционная теория.

Троян: Нет, почему, революционная. Накопление изменений, количество и качество и так далее... Диалектика.

Крейцер: А я вот не могу ждать. Всегда это хочется раньше ампутацию проделать... И, сколько я знаю, помогает...

Т р о я н: Возможно. Это уже дело практики. Вы, так сказать, опытный хирург, а я только философ, да и то беспартийный. Практика, она немножко дальше видит в отдельных случаях.

Д м и т р и е в с к и й: Я, пожалуй, согласен с Николаем Павловичем. Необходимо ланцетиком действовать. И сегодня же произвести повальный обыск.

К р е й ц е р: Повальный обыск? Что вы!

Д м и т р и е в с к и й: Да, повальный, в спальнях у коммунаров. Я уверен, что найдете много интересного. Вы посудите: каждый день кражи. Разве это завод?

З а х а р о в: Вы считаете возможным оскорбить двести коммунаров. Из-за чего?

К р е й ц е р: А вот мы спросим Николая Павловича. Вы тоже имели в виду повальный обыск, когда говорили о ланцете?

Т р о я н: Повальный обыск это не ланцетом, а столовым ножом и притом по здоровому месту.

Д м и т р и е в с к и й: Вы меня чрезвычайно поражаете, Николай Павлович, чрезвычайно поражаете. Я не могу допустить, чтобы вы не понимали, что кражи у нас — бытовое явление. Все случаи известны. Крадут все. Несколько дней назад украли флакон дорогого масла прямо из станкового шкафика у Забегая. Наконец, сегодня у Белоконя украли часы прямо из кармана, как в трамвае. Надо все же решить, будем мы бороться с воровством или примиримся с тем, что наш завод строится на воровской рабочей силе...

К р е й ц е р: Эх, зачем вы так: «На воровской рабочей силе»? Значит, вы очень далеки от коммунаров, какие же они воры?

Д м и т р и е в с к и й: Я привожу факты, а вы хотите их не видеть. Рекомендуете мне стать ближе к коммунарам. Если это поможет искоренению воровства, дело, конечно, хорошее. Но ведь согласитесь, это не моя задача, я не воспитатель, я главный инженер завода, а не воспитатель.

К р е й ц е р: Хорошо. Допустим, крадут. Произведем повальный обыск, все сделаем. Давайте все-таки о другом. Пятидесяти машинок нет? С выключателем засыпались, вывозит Одарюк, автомат прикончили, да и кроме

того, много разных анекдотов: штативы, пружины, бокелит и прочее. Вы это как будто смазываете, Георгий Васильевич.

Вошел. Блюм.

Дмитриевский: Новое производство без таких случаев не может быть. Везде так бывает.

Крейцер: Как это везде бывает? У моего соседа горб, почему у меня должен быть горб?

Дмитриевский: У одного горб, у другого нога короче.

Крейцер: С какой стати! А у меня вот все правильно, и у Трояна, и у Захарова, и у вас. Зачем так много калек? Ничего подобного. Правда же, Соломон Маркович?

Блюм: Я не слышал вашего разговора. Но я понимаю, что Георгию Васильевичу нужны калекки. Я, как заведующий снабжением, могу достать, но я думаю, что у нас и так довольно. Вот вам Григорьев. Это же калекка...

Крейцер: У него нога короче?

Блюм: Если бы нога... У него и совесть короткая и голова тоже недомерок. А скоро ему коммунары печенки поотбивают — к вашему сведению...

Дмитриевский: При вашем участии, вероятно.

Блюм: Я, что вы думаете? Я его два раза тоже ударю. И буду очень рад. Вы его лучше уберите, а то его побьют, и будет скандал. Это же не человек, а наследие прошлого.

Троян: Думаю, что при известном напряжении можно найти много людей, так сказать, с правильными ногами.

Крейцер: И без горба?

Троян: Да... горб тоже... не обязателен.

Блюм: А как же с Григорьевым? Я уже не могу на него смотреть. Разве можно в серьезном производстве иметь такой агрегат? Какой это эпохи, скажите мне, пожалуйста?

Дмитриевский: С каких пор вы стали интересоваться эпохами? Вы сами — какой эпохи?

Блюм: Ну, скажем, и я тоже — эпохи... эпохи Александра второго, это тоже неплохо... так у меня уже все

части новые, только сердце у меня старое, так теперь же сердце уже не имеет значения...

Собченко (*входит*): Товарищи, прошу в столовую... Чай и все такое.

Крейцер: Санчо, отчего у нас в коммуне так много воров развелось?

Собченко: А сколько у нас воров?

Крейцер: Говорят, много.

Собченко: Если и есть у нас вор, то, может быть, один, ну, пускай — два. А больше нет. Скоро он все равно засыпется. Скоро ему совет командиров (*показывает, как откручивают голову*)... и кончено. Пойдем чай пить.

Крейцер: Что это такое? (*Повторяет жест.*)

Собченко: Это?.. Ну, так... поговорить по-товарищески.

Крейцер (*направляясь к выходу, обнимает Собченка за плечи*): Ох, знаю, как вы нежно умеете разговаривать...

Захаров: Что же, товарищи, приглашают, пожалуйста.

Блюм: Они так умеют разговаривать...

Все вышли.

Вошла Ночевная и устало опустилась на диван. Входит Григорьев, закуривает, молчание.

Григорьев: Ваша фамилия — Ночевная?

Ночевная: Да.

Григорьев: Настя?

Ночевная: Настя. Почему вы знаете мое имя?

Григорьев: Я давно обратил на вас внимание. Настя.

Ночевная: Для чего это?

Григорьев: Не для чего, а почему?

Ночевная: Ну хорошо, почему?

Григорьев: У вас очень интересное лицо, вы красивая девушка, Настя.

Ночевная: Ох, ты, лышенько!..

Григорьев: И я очень удивляюсь, товарищ Ночевная. Вам уже, наверное, семнадцать лет, у вас есть потребность и запросы, правда же? Будем говорить прямо: вас уже занимают вопросы любви?

Ночевная: Вопросы?

Григорьев: Подумайте: самая лучшая пора жизни. Неужели вам никто не нравится? Вы вот так и живете в этой коммуне? Вам не скучно?

Ночевная: Нам некогда, а вас разве занимают эти вопросы?

Григорьев: Ну, как вам сказать... все люди... Нет, в самом деле: вы убиваете лучшие годы...

Ночевная: Убиваю? Ну, что ты скажешь!..

Григорьев: Убиваете. Надо оживлять свою жизнь. Надо искать людей, интересных людей. Почему вы никогда не зайдете ко мне?

Ночевная: К вам? Интересно. Дальше что?

Григорьев: Заходите вот вечером — сегодня-завтра. Я получил хорошую комнату в инженерском доме, знаете?

Ночевная: Так... дальше...

Григорьев: Попьем чайку, поговорим, у меня есть хорошие московские конфеты, журналы...

Ночевная: Вечерком?

Григорьев: Вот именно... Когда дела у вас кончены, коммунары отдыхают, заходите...

Ночевная: А дальше что?

Григорьев: Спасите мою душу, дальше, там уже будет видно, познакомимся.

Входит Ключкин.

Ключкин: Где Жучок? Комсомольское кончилось.

Ночевная: Вася, ты знаешь, что предлагает товарищ Григорьев?

Ключкин: А что?

Григорьев: Товарищ Ночевная...

Ночевная: Ах, нельзя говорить? Нельзя говорить, Вася, секрет.

Ключкин: Интересно. *(Вышел.)*

Григорьев: Вы меня испугали, Настя.

Ночевная: Вы еще не так испугаетесь. Вот сегодня на совете командиров...

Григорьев: Спасите мою душу, товарищ Ночевная! Что же я такого сделал, пригласил... Чай...

Ночевная: Скажу все равно...

Григорьев: Товарищ...

Ночевная (*в дверях*): Вот и хорошо. Ничего плохого? Чего же вы испугались? Совет командиров разрешит мне пить у вас чай... с московскими конфетами... (*Выбежала.*)

Григорьев: Товарищ Ночевная... (*спешит за ней, но наталкивается на Белоконя.*) Черт... Ну, чего нужно... Чего лезешь?

Белоконь: Игорь Александрович...

Григорьев: Ну, что такое?

Белоконь: Вы говорили Георгию Александровичу... насчет этого... вот, что гвоздей накидали...

Григорьев: Мало кто этому верит...

Белоконь: А что же? Я их набросал?

Григорьев: А пошел ты к черту, какое мое дело! Набросал, набросал...

Белоконь: Извините, Игорь Александрович, а только нехорошо это с вашей стороны... вызвали вы меня.

Григорьев: Тебе уезжать отсюда надо.

Белоконь: Это вы истинную правду сказали, что уезжать, потому я совсем не механик, одни неприятности. А только куда я поеду?

Григорьев: Куда хочешь.

Белоконь: Так не годится, Игорь Александрович. Как ваш папаша, так и вы сами много от меня имели помощи в делах ваших, а теперь на произвол течения жизни... так не годится...

Григорьев: Об этом приходи вечером поговорить.

Белоконь: Да вас вечером дома даже никогда и не пахнет.

Григорьев: Как у тебя часы пропали?

Белоконь: Да как пропали? Вытащили... Гедзь, наверное, вытащил.

Григорьев: Почему Гедзь?

Белоконь: Да он возле меня вертелся все время. Он и вытащил...

Григорьев: Когда?

Белоконь: Да утречком, наверное.

Григорьев: Ну, иди...

Белоконь: В совет меня ихний вызывали... с автоматом этим...

Григорьев: А ты не ходи...

Белоконь: Да от них не скроешься, следят проклятые!

Григорьев: Впрочем, все равно...

Белоконь: А как мне за часы, стоимость значит. Триста рублей...

Григорьев: Заявление подал?

Белоконь: А как же, самому главному инженеру. Он сказал, что полагается будто.

Григорьев: Ну, убирайся.

Дмитриевский (*входит*): Ты чего здесь?

Белоконь: Вызывали.

Григорьев: Интересно, Георгий Александрович, как в таких случаях полагается платить: вот часы пропали у Белоконя.

Дмитриевский: Я думаю... ведь мы все под угрозой.

Белоконь выходит.

Игорь Александрович, у вас все случаи воровства собраны?

Григорьев: Все до единого.

Дмитриевский: Я требую обыска, не соглашаются.

Григорьев: Они никогда не согласятся. Как же, оскорбление коммунаров!

Входят Воргунов и Шведов.

Воргунов: А я не вижу в этом никакого смысла. Простое воровство и при этом мелкое, провинциальное.

Шведов: Как это — мелкое? И смысл — ого! Вот увидите, какой будет смысл.

Воргунов: А я требую, чтобы немедленно сняли. И наказать того, кто это сделал.

Шведов: Наказать может только совет командиров.

Блюм вошел, слушает.

Воргунов: Ну, что же, доберусь и до совета командиров.

Входят Крейцер, Собченко, Забегай.

Блюм: Но это же шутка, что ж тут такого, на меня еще не такое вешали...

Воргунов: К черту! Или производство, или ба-
лаган!

Шведов: Это социалистический метод.

Воргунов: Глупости. Варварство! Здесь и не пах-
нет социализмом.

Крейцер: На кого это гром и молния, Петр
Петрович?

Шведов: Да мы снимем...

Воргунов: На станках рогожные флажки. Загра-
ничные драгоценные станки и... рогожки. Отвратительно.

Собченко: А если норма не выполнена?

Воргунов: Кто не выполнил? Станок не выполнил?
Вы не выполнили! Ну и надевайте на себя, что хотите,
а станков не трогайте! Это же некультурно.

Блюм: Ай, нехорошо, товарищи коммунары. Разве
так годится делать: ваш завод такой хороший, а вы на
него всякую гадость нацепили...

Крейцер: А мне это нравится, Петр Петрович.
Смотрите, как все заволновались.

Воргунов: Девка, которой ворота дегтем вымазали,
тоже волновалась, иные даже вешались. Может быть, и в
моей квартире двери дегтем вымажете? Старый мерзост-
ный быт. Благодарю вас. Решительно протестую.

Крейцер: Н-нет...

Забегай: И я протестую.

Воргунов (*удивленно*): А вы чего?

Забегай: На моем «Самсон Верке» тоже рогожный
флаг.

Воргунов: Ну, значит, вы виноваты.

Забегай: Честное слово, не виноват. Виноват
Вальченко, не подает приспособлений. А я все-таки про-
тестую. И знаете что? Вот садитесь. Мы, старые парти-
заны...

Воргунов: Ну что? (*Сел.*)

Крейцер: Интересная парочка.

Блюм: Они же друзья!

Дмитриевский: Легкомысленное какое-то...

Вышел, за ним — Григорьев.

Забегай: Знаете что? Давайте устроим демон-
страцию.

Воргунов: Как же это? Дурака валяете...

Забегай: Нет, серьезно. Попросим Жучка. Он командир оркестра и все может. Возьмем флаги и... демонстрацию. «Марш милитер» и лозунг «Руки прочь от трудящихся старых партизан». Насчет наших огнетушительных заслуг тоже можно выставить. Разобьем два -- три окна в комнате совета командиров, но, конечно, за наш счет. Красиво.

Шведов: Вы ему верьте, Петр Петрович. Он и сам флажки навешивал.

Воргунов: Как же вы?

Забегай: Среда заела, Петр Петрович.

Воргунов: Все равно, я вешаться не буду, ничего не добьетесь. А в цех не пойду.

Блюм: Товарищи коммунары, вы как хотите, а я пойду снимаю флажки. Мне жалко смотреть на товарища Воргунова. Такой человек, а вы с ним поступаете, как будто он кого-нибудь зарезал.

Воргунов: И формально неправильно: кто постановил, кто выбирал станки? Сам Забегай на своем станке навесил?

Шведов: Правильно. Снять...

Забегай: Смыть пятно позора с механического цеха.

Блюм: Идем.

Крейцер: Ну, ладно — идите.

Забегай: А старые партизаны идут чай пить. После победоносной демонстрации.

Воргунов: Вот это другое дело. Чай люблю.

Все вышли, кроме Собченко.

Торская (*заглядывает*). Санчо, скоро совет?

Собченко: Вот пойду посмотрю, как ужин, — да и на совет. (*Вышел.*)

Торская берет одну из книг на столе Захарова и усаживается за этим столом.

Вальченко (*входит*). Редкая удача: вы одни.

Торская: Дорогой Иван Семенович, я вас целый день не видела.

Вальченко: У вас в слове «дорогой» нет никакого выражения.

Торская: Это я нарочно так делаю.

Вальченко: Экзамен продолжается, значит.

Торская: Продолжается. Не можете ли вы сказать, Иван Семенович, что такое любовь?

Вальченко: Это я прекрасно знаю.

Торская: Скажите.

Вальченко: Любовь — это самое основательное предпочтение Надежды Николаевны всякому другому имени.

Торская: В вашей формуле любви Надежда Николаевна обязательно присутствует?

Вальченко: Непременно.

Торская: Садитесь.

Вальченко: Куда?

Торская: Садитесь. Единица.

Вальченко: Почему?

Торская: Не современно. Устаревшая формула, примитив. Это годится для феодального периода.

Вальченко: В таком случае я могу привести другое определение любви, которое более современно и даже злободневно.

Торская: Получайте переэкзаменовку. Пожалуйста.

Вальченко: Любовь — это бесконечное издевательство над живым человеком, наполнение экзаменами, переэкзаменовками и другими ужасами старой школы, вечно угрожающее оставлением на второй год.

Торская: Слабо и слишком пессимистично: оставление на второй год! Как и все школьники, вы воображаете, что очень большая радость возиться с вами еще один год. Не можете ли вы привести такую формулу любви, при которой приспособление для насадки якоря было бы сконструировано любящим человеком и сдано в сборный цех?

Вальченко: Любовь... это такая... удача для любящего человека, когда, наконец Соломон Маркович Блюм привозит настоящую сталь номер шесть, а не простое железо, и валик, сделанный из этой стали, не гнется во время насадки частей якоря, а это позволяет сборному цеху признать приспособление и любящему человеку избавиться от издевательства другого любящего человека.

Торская: Довольно сносно. Но в последних словах

некоторая неточность: вы сказали другого любящего человека, а нужно сказать — любимого человека. А вот и Соломон Маркович. Вы привозили железо вместо стали номер шесть?

Блюм (*вошел*): Новое дело... С какой стати? Я... железо? Кто это сказал?

Торская я: Это очень важно, и поэтому я запрещаю вам уклоняться от истины.

Блюм: Ну, раз вы запрещаете, так зачем я буду уклоняться. Привозил...

Торская я: Вместо стали номер шесть простое железо?

Блюм: Да, простое железо.

Торская я: Как же вам не стыдно?

Блюм: Я не виноват. Разве я могу пересмотреть каждый кусочек стали? Выписали сталь, а положили железо. Разве это люди? Это же дикари с острова Бразилии...

Торская я: Оказывается, и вас можно надуть...

Блюм: Извините... Разве это называется надуть? Я подойду сзади и ударю вас камнем по голове, так это разве — надуть? А скажите, пожалуйста, почему вас интересует какое-то железо?

Торская я: Мы с Иваном Семеновичем затеяли одну конструкцию...

Блюм: Господи, я же знаю, какая у вас конструкция. Так в этой конструкции не нужно никакого железа. И вообще это легкая промышленность, причем тут железо?

Торская я: Нам нужно не железо, а сталь, сталь номер шесть!

Блюм: Ну хорошо, хорошо, будет вам сталь номер шесть, только лучше я вам привезу что-нибудь другое... Разный текстиль, и цветы, и разные там кондизделия, ну, и само собою, нашатырный спирт, валерьяновые капли, цианистый калий...

Торская я: Вот я вам задам!

Входят Захаров и Забегай.

Забегай: И я прошу вас, Алексей Степанович, вы их построже допросите.

Захаров: Но ведь у тебя нет доказательств.

Забегай: Если бы были доказательства, я бы вас

не беспокоил, а прямо в совет командиров. А вы их хорошенько допросите. Масло украли они. Они работают рядом на «кейстоне» и сперли.

Захаров: Что же я могу сделать?

Забегай: Как что сделать? Их нужно в работу взять. Я приказал им придти сюда.

Захаров: Ну хорошо.

Забегай (*кричит в дверь*): Эй, вы, идите сюда.

Входят Романченко и Синенький. Романченко отвечает на вопросы, а Синенький больше разглядывает кабинет и направляет улыбку то к Вальченку, то к Торской, то к Блюму. Блюм в ответ на его улыбку грозит пальцем.

Захаров: Забегай вот обвиняет вас в краже флакона масла для смазывания станка.

Романченко: Мы украли масло? Чудак какой! Ничего мы не крали.

Забегай: А я говорю — вы взяли.

Романченко: Ну, посуди, Колька, для чего нам твое масло? У нас свое есть.

Забегай: У меня было особенное, дорогое.

Романченко: Ах, особенное? Очень жаль. А где оно у тебя стояло?

Забегай: Да что ты прикидываешься? Где стояло? В станке, в шкафике.

Романченко: Воображаю, как тебе жалко!

Забегай: Смотри, он еще воображает. Вы на это масло давно зубы точили.

Романченко: Мы и не знали, что оно у тебя есть. Правда, же, Ванька, не знали?

Синенький небрежно мотает головой.

Забегай: Вот распустили вы их, Алексей Степанович. Стоит и брешет: не знали. А сколько ты ко мне приставал: дай помазать. Приставали?

Романченко: Ну, приставали...

Забегай: Ну и что же?

Романченко: Ну и что же. Не даешь — и не надо.

Забегай: А сколько раз вы просили Соломона Марковича купить вам такого масла? Чуть не со слезами: купите, купите. Ну, что ты на это скажешь?

Романченко: А что ж тут такого? Просили. Ни с какими слезами только, а просили...

З а б е г а й: А вот уже четыре дня, как не просите и не вякаете. А?

Р о м а н ч е н к о: И не вякаем. А что ж...

З а б е г а й: А почему это?

Р о м а н ч е н к о: Да до каких же пор просить? Не покупает — и не надо. Тебе купил, а нам не покупает. Значит, он к тебе особую симпатию имеет.

Б л ю м: Ой, какой вредный мальчишка...

З а б е г а й: А мажете вы как?

Р о м а н ч е н к о: Обыкновенно как.

З а б е г а й: Я уже знаю. Встаете, еще вся коммуна спит — и в цех. Федька мажет, а Ванька на страже стоит. Что — не так?

Р о м а н ч е н к о: Мажем, как нам удобнее.

С и н е н ь к и й: И ты можешь раньше всех встать и мазать.

З а б е г а й: Вот ироды!

Б л ю м: Вы такие хорошие мальчишки...

З а х а р о в: Убирайтесь вон...

Федька и Ванька быстро салютуют и скрываются.

Вальченко, Торская и Блюм смеются. Улыбаются
Захаров и Забегай.

З а б е г а й: Ну, что ты будешь с ними делать?

Б л ю м: Я для вас, товарищ Забегай, куплю еще такого масла. А они пускай уж мажут. Они же влюблены в свой «кейстон».

С о б ч е н к о (*заглядывает в дверь*): Алексей Степанович, даю сигнал на совет.

З а х а р о в: Есть сигнал на совет.

В о р г у н о в (*входит и располагается на большом диване*): Выяснили с маслом, Забегай?

З а б е г а й: С ними выяснишь! Когда вымажут флакон, сами скажут, а теперь ни за что. Им масла жалко. И где они прячут?

В о р г у н о в: Шустрые пацаны. Станок у них: не у каждой барышни такая постель.

З а х а р о в: Согласитесь, Петр Петрович, это новая культура.

В о р г у н о в: Пожалуй, новая.

З а б е г а й: Социалистическая.

В о р г у н о в: Вы думаете?

Забегай: А как же?

Воргунов: Так. Ну, а я еще подумую.

В коридоре сигнал на совет командиров. Синенький, продолжая играть сигнал, марширует в кабинет. За ним, отбивая шаг, марширует Федька и еще три-четыре пацана одинакового с ними возраста. Кончив этот марш, они вдруг выстраиваются и начинают петь на мотив развода караула из «Кармен». Синенький подыгрывает на своей трубе.

Папа римский вот — вот — вот

Собирается в поход.

Видно, шляпа — этот папа:

Ожидаем третий год...

Туру — туру — туру,

Туру — туру — туру,

Туру — туру — туру,

Туру — туру — туру — туру,

Туру — туру — туру.

Воргунов живо аплодирует, мальчики собираются к нему.

Воргунов: Честное слово, хорошо. Вы были на «Кармен»?

Романченко: Аж два раза. И наш оркестр играет. Мы можем еще спеть для вас марш из «Кармен»: Петьки, Федьки, Витьки, Митьки.

Жученко: Эй, вы, музыканты, успокаивайтесь, пока я вас отсюда не попросил...

Романченко: Мы возле вас сядем, товарищ Воргунов. А то наша жизнь плохая: кто чего ни скажет, а Жучок на нас кричит.

Воргунов: Ну что же, садитесь.

Романченко: Вы у нас будете, как дредноут, а мы подводные лодки.

Синенький: Вы знаете как, товарищ Воргунов? Если Жучок будет нападать, вы правым бортом, а если Алексей Степанович, — левым бортом.

Воргунов: А вы меня тут нечаянно не взорвете? Подводная лодка, знаете, опасная вещь...

Синенький: Ого. Вот вы сегодня увидите: будет атака подводных лодок — прямо в воздух.

Крейцер: У вас такие серьезные планы, подводные лодки?

Романченко: Даже самим немного страшно.

Блюм: А почему вы говорите «подводные лодки»? Настоящие моряки так не говорят. Говорят: подлодки.

Синенький (*улыбается*): Так это мы для непонимающих, для разных сухопутных.

К этому времени в кабинете собрались все пять командиров, человек пятнадцать-двадцать старших коммунаров. Не нашедшие места на диване стоят у дверей. «Подлодки», разместившиеся было на диване, уступая места старшим и взрослым, постепенно опускаются на ковер, окружая большой диван со всех сторон. Прежде всего им пришлось уступить место на большом диване Крейцеру, потом Трояну, Торская и Вальченко устроились у стола Захарова, недалеко от них Блюм, Дмитриевский и Григорьев держатся особняком в самом дальнем углу. В кабинете стало тесно.

Жученко: Ну, довольно.

Пауза.

Первый!

Клюкин: Есть.

Жученко: Второй!

Зырянский: Есть, второй.

Жученко: Третий!

Донченко: Есть.

Жученко: Четвертый!

Забегай: Четвертый непобедимый есть.

Жученко: Пятый!

Собченко: Пятый на месте.

Жученко: Голосуют командиры, члены бюро, начальник коммуны и товарищ Крейцер, а также главный инженер. Могут присутствовать и брать слово все коммунары, но предупреждаю, в особенности компанию подводных лодок, что при малейшем, знаете (*улыбнулся*), выставляю беспощадно.

Синенький (*шепчет Воргунову*): Видите, видите, какая политика?

Жученко: Объявляю заседание совета командиров открытым. Слово члену бюро комсомола товарищу Ночевой.

Ночевная: Все уже знают, в чем дело. Я коротко. Положение на заводе неважно. Проектный выпуск пятьдесят машинок, а мы сегодня еле-еле собрали тридцать пять...

Романченко: Тридцать шесть.

Жученко: Федька...

Романченко (*Воргунову и Крейцеру*): Видите,

какая справедливость. Ведь на самом же деле тридцать шесть. А она не знает, а берется доклад делать.

Жученко: Федька, оставь разговоры.

Воргунов: Они нас взорвут, эти подлюдки.

Ночевная: Ну, хорошо, тридцать шесть. Недостатка у нас ни в чем нет, коммунары работают хорошо. Но все-таки дело как-то не вяжется, и техника нашего производства освоена слабо. Комсомол предлагает: прежде всего прекратить всякую партизанщину, вызовы коммунаров по вечерам. На всех опасных и важных участках мы предлагаем учредить коммунарские посты для изучения техники и для того, чтобы наблюдать за ходом всего дела на этом месте. Посты эти должны отвечать за свои участки наравне с администрацией. Бюро просит совет командиров провести это в жизнь, начиная с завтрашнего дня.

Жученко: Кому слово?

Романченко: Мне! *(Подскочил на ковре.)*

Жученко: Ты подождешь.

Синенький: Вот видите?

Воргунов: Давай и в самом деле подождем.

Клюкин: Дай мне слово.

Жученко: Говори.

Клюкин: Я два слова. Надо решить вопрос о Григорьеве. Ленивый, неспособный и чужой для нас человек. Второе: надо, чтобы товарищ Дмитриевский объяснил, на чем основано его особое доверие к Григорьеву и особое недоверие к коммунарам?

Романченко: Это — да...

Григорьев: Мне можно?

Жученко: Говорите.

Григорьев: Я всю эту компанию понимаю. Коммунары любят, чтобы их хвалили, а я требую от них честной работы.

Общий смех.

Гедзь: Когда вы сами приходите на работу?

Романченко: А сколько раз вас товарищ Воргунов гонял?

Жученко: Федька, ну чего ты кричишь?

Григорьев: Криком и смехом не возьмете, товарищи коммунары. А воровство?

Пауза.

Почему же вы не смеетесь?

Пауза.

Если сейчас произвести обыск?

Забегай: А кто будет обыскивать?

Григорьев: Вот только жаль, что обыскивать некому...

Крейцер: Все воры, значит?

Григорьев: Я этого не говорю. Но вы предпочитаете о воровстве молчать.

Романченко: Чего молчать? Дай слово, Жучок.

Жученко: Подождешь.

Романченко: Так смотрите же, товарищ Григорьев: я не молчу, а поджидаю.

Жученко: Ты дождешься, пока я тебя выставлю. Видишь, товарищ Григорьев не кончил?

Григорьев: Я все-таки предлагаю обыск. Вчера у Белокопя пропали часы из кармана. За что страдает этот человек? Только повальный обыск.

Блюм: Так надо же пристава пригласить?

Григорьев: Какого пристава?

Блюм: Эпохи Николая второго, какого?

Жученко: Соломон Маркович... постойте...

Блюм: Я не в состоянии больше стоять... У меня тормоза испортились...

Собченко: Дай, Жучок...

Жученко: Жарь.

Собченко: Григорьев прямо нас называет ворами, и выходит так, что мы помалкиваем. Почему? Мы так молчать даже и не привыкли. Так считают, беспризорный --- значит вор. Григорьев сколько здесь живет, а того и не заметил, что в коммуне нет беспризорных. Беспризорный кто такой? Несчастный, пропадающий человек. А он не заметил, что здесь коммунары, смотрите, какое слово: коммунары, которые, может быть, честнее самого Григорьева...

Дмитриевский: Не позволяйте же оскорблять.

Жученко: Ты поосторожнее, Санчо...

Собченко: А для чего нам осторожность? Кто это такое придумал? Таких, как Григорьев, нужно без всяких

осторожностей выбрасывать. Инструменты пропадают, надо обыскивать коммунаров? Почему? А я предлагаю: что? Пропали инструменты? Обыскивать Григорьева.

Григорьев: Как вы смеете?

Дмитриевский: Это переходит всякие границы.

Жученко: Товарищ Собченко.

Романченко: Ух, жарко...

Собченко: Нет, ты сообрази, Жучок, почему на всех коммунаров можно сказать «вор», устраивать повальные обыски, а на Григорьева нельзя? Мы знаем, кто такие коммунары: комсомольцы и рабфаковцы. А кто такой Григорьев? А мы и не знаем. Говорят, генеральский сын. Так если комсомольца так легко обыскивать можно, так я скажу: сына царского генерала — скорее. А возле Григорьева Белоконь. Откуда он? А черт его знает. Механик. А он долота от зубила не отличает, автомат угробил. Тут уже и товарищу Дмитриевскому ответ давать нужно: почему Белоконь, почему? А Белоконь денщик отца Григорьева. Какой запах, товарищи коммунары? Все.

Григорьев: Откуда это? Кто вам сказал?

Блюм: Это я сказал.

Григорьев: Вы?

Блюм: Я.

Григорьев: Вы знаете моего отца?

Блюм: А как же? Встречались.

Григорьев: Где?

Блюм: Случайно встречались: на погроме в Житомире...

Дмитриевский: Такие вещи надо доказывать.

Блюм: Это я в Житомире не умел доказывать, а теперь я уже умею, к вашему сведению.

Романченко: Вот огонь, так огонь...

Жученко: Товарищи, не переговаривайтесь. Берите слово.

Зырянский: Слово мое?

Жученко: Твое.

Зырянский: Прямо говорю: Григорьеву дорога в двери. У нас ему делать нечего. Только за женщинами. Ко всем пристаёт: и уборщицы, и конторщицы, и судомойки, и учительницы, коммунарок только боится.

Ночевная: Чего там? Сегодня и меня приглашал чай пить с конфетами.

Гедзь: Молодец!

Забегай: Ого!

Шведов: Воспитательную работу ведете, товарищ Григорьев?

Синенький: А нам можно?

Жученко: Чего тебе?

Синенький: Нам можно приходить на «чай с конфетами»?

Общий смех.

Жученко: Синенький, уходи отсюда...

Крейцер: Кажется, подлодка затонула...

Романченко: А что он такое сказал?

Воргунов: Просим амнистии.

Жученко: Смотри ты мне!

Григорьев: Я не могу больше здесь находиться. Здесь не только оскорбляют, но и клеветуют.

Жученко: Ночевная сказала неправду?

Григорьев: Да.

Общий смех.

Григорьев: Я уйду, всякому безобразию бывает предел.

Крейцер: Нет, вы останетесь.

Григорьев: Меня здесь оскорбляют.

Крейцер: Ничего, это бывает.

Романченко: Дай же мне слово.

Жученко: И чего ты, Федька, пристаешь?

Романченко: Дай мне слово, тогда увидишь.

Синенький: Зажим самокритики.

Жученко: Ну, говори...

Синенький: Вот: атака подводных лодок.

Жученко: Честное слово, я эти подводные лодки вытащу на берег.

Воргунов: Нырять скорей...

Романченко: Значит, приходим мы с Ванькой в цех. А еще и сигнала вставить не было.

Забегай: «Кейстон» смазывать?

Романченко: Угу.

Смех.

Романченко: Мы имеем право смазывать наш шепинг?

Забегай: А масло краденое.

Романченко: Товарищ председатель, мне мешают говорить, и потом этого... оскорбляют...

Смех.

Жученко: Да говори уже...

Романченко: Ну, вот... Только мы наладилась, смотрим — тихонько так Белоконь заходит. Мы скорее за Колькин «самсон-верке» и сидим. Он это подошел к ящику, к твоему Санчо. Оглянулся так... и давай... раз, раз... открыл и в карман. А потом к Василенку... Тоже. А ключей у него целая связка... Вот и все.

Белоконь: Врет, босак.

Общий шум.

Собченко: Похоже на правду.

Зырянский: Это да!

Клюкин: Вот где обыск нужно!

Одарюк: Гады какие...

Крейцер: Молодец Федька. Это, действительно, атака.

Воргунов: Тут целая эскадра может взлететь на воздух.

Синенький: Ого!

Жученко: Говорите по порядку, чего вы все кричите! Клюкину слово.

Клюкин: Мы давно об этом думали, да спасибо подлодкам, в самом деле черта поймали. Теперь все ясно: Белоконь крал и продавал инструменты, а чтобы с себя подозрение снять, подбрасывал кое-кому, вот, например, Вехову, ключи.

Голос: Ага, вот, смотри ты...

Клюкин: Я предлагаю: немедленно произгести в комнате Белоконя обыск.

Шведов: А мы имеем право?

Жученко: А мы с разрешения Белоконя. Вы же разрешите.

Белсконь: Я определенно не возражаю, но только и вы права такого не имеете. Это, если каждый будет обыскивать... И я протестую против всех оскорблений...

Гедзь: Тогда можно и без разрешения.

Зырянский: Какие еще там разрешения?

Крейцер: Я имею право разрешить обыск. Сейчас же отправьте тройку. Белоконь здесь живет?

Жученко: Здесь. Я предлагаю тройку: товарищ Воргунов, Забегай и Одарюк.

Воргунов: Бросьте, чего выдумали.

Романченко: Дредноут на такое мелкое дело не подходит. Давай я!

Шведов (*Воргунову*): Вы будете от руководящего состава.

Воргунов: Да ну вас, есть же более молодые...

Жученко: Ну, тогда товарищ Черный. Согласны?

Голоса: Есть. Идет. Добре.

Жученко: Отправляйтесь. Командиром Забегай.

Забегай: Белоконя брать?

Белоконь: Я никуда не пойду. Я решительно протестую.

Синенький: Не трать, кумэ, силы, та сидай на дно.

Крейцер: Идите Белоконь, не валяйте дурака.

Четверо вышли.

Жученко: Продолжаем. Слово Шведову.

Шведов: Завтра начинают работать наши посты. Сегодня мы их выделим. Особенно важен пост по снабжению, а то Соломон Маркович часто привозит всякую дрянь.

Блюм: Меня тоже, кажется, начинают оскорблять... Как это — дрянь?

Смех

Шведов: Привозите...

Блюм: Так надо раньше выяснить в общем и целом, что такое дрянь.

Шведов: Вальченко на вас очень жалуется. Хотя, правду сказать, и товарищу Вальченко нужно подтянуться. Он слишком много времени уделяет Надежде Николаевне.

Крейцер: Вот тебе раз...

Торская: Я его больше и на порог не пушу.

Вальченко: Собственно говоря, я...

Захаров: Молчите лучше.

Вальченко: Дайте мне слово, Жученко.

Жученко: По личному вопросу?

Вальченко: Нет.

Жученко: Пожалуйста.

Вальченко: Для нас, инженеров вашего завода, не нужно ожидать результатов обыска у Белокопя. Я говорю не только от себя, но и от Воргунова и Трояна, хотя они меня и не уполномочили. Мы всегда были уверены, что не коммунары крадут. У нас нет ни одной точки, на которой мы стояли бы против коммунаров. Развитие нашего завода для нас такое же святое дело, как и для вас. Мы такие же участники социалистического строительства, как и вы. И мы такие же энтузиасты, как и вы. Правда, Петр Петрович?

Воргунов: Вообще правда, но поменьше трогательных слов, очень прошу.

Вальченко: Но в одном отношении коммунары выше нас. У коммунаров прямее и сильнее действие. А мы иногда раздумываем и колеблемся. Я вот считаю: напрасно Петр Петрович не пошел с обыском. Я три месяца назад тоже не пошел бы. А сейчас пойду, если пошлете. Петр Петрович, это у нас остатки российской интеллигентщины...

Романченко: Это переходит всякие границы...

Синенький: Осторожнее, осторожнее...

Воргунов: Говорите, я тоже речь скажу.

Вальченко: И я заявляю: мы вместе с вами, и мы не сдадим.

Аплодисменты.

Торская: Наконец, вы экзамен выдержали...

Вальченко: Да что вы говорите? Так легко разве?

Жученко: Товарищи...

Воргунов: И я речь скажу. Вальченко, действительно, перешел всякие границы — я сам эту интеллигентщину не выношу. Не в том дело. Дело в другом: у коммунаров коллектив, а у нас нет. У них комсомол, вот совет командиров, а у нас что? Но ничего, мы уже входим в ваш коллектив. Это очень приятно чувствовать. А если это не почувствуешь, то ничего и не поймешь в новом. Я вот очень рад, что меня уже записали в дивизион подводных лодок.

Романченко: Вы дредноут.

Воргунов: Ну, вот видите, даже дредноутом.

У коммунаров мы прежде всего должны научиться прямо смотреть, прямо говорить, прямо действовать. Коммунары никогда не лгут, вот что удивительно. Даже Федька, безусловно стащивший флакон масла, даже он имеет право не считать себя преступником и с негодованием отбрасывать всякие обвинения. За него внутренняя глубокая правда: порученный ему «кейстон». Я теперь буду поступать по-Федькиному, хотя, конечно, от меня не нужно запираить все флаконы с маслом. А завод наш пойдет хорошо. Это точно.

Овации. Все что-то кричат, аплодируют.

Крейцер: Молодец, теперь вы настоящий молодец.

Романченко: Так корешки не поступают...

Воргунов: Что, напутал?

Романченко: Конечно, напутали. Теперь ему масло отдавать нужно.

Воргунов: А и верно. Вот, понимаешь, какая у меня непрактическая натура. Но знаешь что? Я тебе куплю флакон масла.

Синенький: Два флакона.

Воргунов: Хорошо — два.

Забегай, Черный, Одарюк, Белоконь
входят.

Жученко: Ну?

Забегай (*выкладывает на стол*): Вот, всякий инструмент, вот Собченка штанген; твоя метка, Санчо? Вот ключи и отмычки, а во... часы самого Белоконя.

Тишина.

Жученко: Что вы скажете, Белоконь?

Белоконь: Ничего не скажу.

Крейцер: С Белоконем мы будем разговаривать в другом месте. Алексей Степанович, дайте двух коммунаров, пускай отведут Белоконя по этой записке. Белоконь, скажите сейчас вот что: Григорьев знал о ваших кражах?

Белоконь: Нет.

Григорьев: Я не знал ничего, честное слово.

Крейцер: Вы все-таки ко мне зайдете, товарищ Григорьев.

Белоконь уходит с двумя коммунарами.

Жученко: Ну, что же, как будто все. Товарищ Григорьев вы у нас работать больше не будете?

Григорьев: Нет. *(Вышел.)*

Дмитриевский. Разрешите и мне уйти. Но на прощанье два слова. Я не буду оправдываться. Я попал в какую-то грязнейшую и отвратительнейшую яму. Я не могу простить себе свою слепоту и глупость. Но много я еще и сейчас не понимаю, и у вас я работать, конечно, не могу. Все-таки вы меня многому научили. Прощайте. *(Вышел.)*

Тишина.

Сипенький: И адмиральский корабль взлетел на воздух.

Смех.

Жученко: Ванька, ну что ты выстраиваешь? Слово Александру Осиповичу.

Крейцер: Все кончено, товарищи коммунары, мне и говорить нечего. Главным инженером назначаю товарища Воргунова.

Аплодисменты.

Ну вот, теперь только одного нехватает — пятидесяти машинок.

Воргунов: Ну, это пустяк...

Жученко: Все? Еще одно маленькое дело. Нестеренко Наташа подала заявление. Да она сама скажет.

Нестеренко: Да, я виновата, я не сказала товарищам и поступила плохо. Прошу меня простить и выпустить меня, как коммунарку.

Жученко: Кому слово?

Зырянский: Она поступила нехорошо. Из-за любви забыла и товарищей и дисциплину. Таких вещей прощать нельзя. Вышла замуж без...

Воргунов: Благословения родителей.

Зырянский: Что?

Воргунов: Без благословения совета командиров. За это раньше родители проклинали.

Зырянский: Проклинать не будем, а предлагаю посадить Наташу и Петра на пять часов под арест.

Романченко: Правильно.

Крейцер: Вот изверг!

Романченко: А то они все поженятся.

В о р г у н о в: Вы кровожадные звери.

Ж у ч е н к о: Есть другое предложение: амнистировать, выдать приданое, как полагается выходящему коммунару. Избрать для этого комиссию: Торская, Ночевная. Голосую. Кто за это предложение, прошу поднять руки. Девять. Кто против? *(Начинает считать.)* Один, два. *(Замечает поднявших руки подлодок.)* А вы чего голосуете? Против один.

Р о м а н ч е н к о: Конечно, если нас не считать.

В о р г у н о в: Довольно с тебя на сегодня крови...

Ж у ч е н к о: Все. Список постов будет объявлен завтра. Закрываю заседание.

Шум, группы расходятся.

З а б е г а й *(Шведову)*: Я на пост снабжения, смотри ж...

Б л ю м: Значит, ко мне? Замечательно. Завтра же едем. И без победы не возвращаться. Знаете как? Со щитом или под щитом.

З а х а р о в: Не под щитом, а на щите.

Б л ю м: На щите, что это значит?

З а х а р о в: Со щитом — значит с победой, на щите — значит убит. С победой или убитый.

Б л ю м: На щите нам как-то не подходит, правда, товарищ Забегай? Тогда скажем просто: со щитом или с двумя щитами.

К р е й ц е р: Где же вы другой возьмете?

Б л ю м: Мало разве дураков? Нужно уметь. Будут же убитые какие-нибудь?

К р е й ц е р: Лишних щитов тоже не натаскивайте в коммуну. А то вот навезли калиброванной меди на три года. Куда это годится?

Б л ю м: Калиброванная медь? Первый раз слышу... Ах, да... *(Уходит.)*

К р е й ц е р: Ну, до свидания, товарищи. Кого подвезти в город?

Т р о я н: Нам нужно еще с ребятами посты наметить.

Все вышли. Остались Вальченко и Торская.

Т о р с к а я: Что же, пора и нам. Бой кончен.

В а л ь ч е н к о: Мне не хочется никуда отсюда уходить, Надежда Николаевна.

Торская (*подходит к нему. Положила руку на его плечи, смотрит в глаза*) Милый!

Вальченко вдруг обнимает ее и целует в глаза. В дверях
Зырянский.

Торская: Ах... Алеша... Что? Без совета командиров? Алеша, а когда будет следующее заседание?

Зырянский: У вас всегда... совет командиров во вторую очередь.

Занавес.

ПРИЛОЖЕНИЯ

К ПЯТИЛЕТИЮ КОММУНЫ ИМ. Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО¹

ПЕДАГОГИ ПОЖИМАЮТ ПЛЕЧАМИ :

Педагоги — самые уважаемые работники у нас в Союзе. Задача педагогов самая почетная — создавать людские кадры для всех отраслей нашей жизни. Нашей педагогикой, советской педагогикой, мы уже можем гордиться.

И все-таки пожимали плечами по поводу работы нашей коммуны, представьте себе, педагоги!

Пожимали плечами не все педагоги. О, нет! В подавляющем своем большинстве это народ смелый, чуткий, интересующийся всяким хорошим почином. В таком же подавляющем большинстве это народ героический, во всяком случае работу он проделывает трудную и большую, и поэтому пожимать плечами по случаю нашего хорошего дела они никогда бы не стали.

Пожимала плечами небольшая кучка, самая маленькая. Эта кучка обитает на Олимпе. Эта кучка состоит из людей, которые, может быть, не воспитали ни одного живого, даже собственного ребенка, но которые зато сочинили много педагогических принципов.

¹ Коммуна им. Ф. Э. Дзержинского отмечала пятилетний юбилей 29—XII—1932 г. Юбилей был отпразднован торжественно в присутствии представителей партийных и общественных организаций, органов НКВД и Наркомпроса Украины. Активное участие в подготовке и праздновании приняла выездная бригада газеты «Комсомольская правда».

Бригадой «Комсомольской правды» был составлен и подготовлен к печати юбилейный сборник коммуны «Второе рождение» (Харьков, 1932). Книга вышла небольшим тиражом на правах ведомственного издания и в продажу не поступила.

В сборник вошли статьи и документы, принадлежащие перу А. С. Макаренко: «Педагоги пожимают плечами», «Перевернутые страницы», «Один день коммуны», «Конституция страны ФЭД».

² В статье «Педагоги пожимают плечами» А. С. Макаренко подытожил и обобщил пятилетний опыт своей работы в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. Многие из тех положений, которые в произведениях «Марш 30 года», «ФД-1» и «Мажор» выражены в художественной форме, здесь сформулированы теоретически.

Практика невозможна без теории, теория невозможна без практики, но пожимавшие плечами педагоги на существующую практику смотрели с презрением и осуждением, и поэтому старались завести свою собственную, так сказать, клиническую практику.

С другой стороны, и презируемая педагогическая практика волей-неволей должна была теоретизировать как-то свой опыт и выводы, должна была таким образом создаваться особая, так сказать, партизанская теория.

И недаром ЦК партии пришлось взять на себя и теоретическую и практическую заботу о нашем деле.

У нас в теории дошло, например, до того, что, с одной стороны, отрицали всякую биологическую предрасположенность моральной сферы, считали, что все от среды и воспитания, и одновременно с этим, с другой стороны, все воспитание человека хотели подпереть рефлексологией и рассчитывали дать нового человека исключительно на основании изучения условных рефлексов. У одного из подобных теоретиков коллектив, например, определяется так: «коллектив есть группа взаимодействующих лиц, совокупно реагирующих на те или иные раздражения». Для всякого непредубежденного человека очевидно, что это определение коллектива лягушек, обезьян, моллюсков, полипов, кого хотите, но только не коллектива людей.

Но и практика не всегда была лучше. Пролетарская педагогическая установка с боями прокладывала себе дорогу, пробивалась в жизнь, откликаясь на живые требования и потребности нашей промышленности нашей новой культурой. Разве не характерно, что лучшей школой воспитания является комсомол, производство, армия? Здесь пролегают пути подлинного классового воспитания, — здесь и в школе; так были созданы фабзавучи и рабфаки, многочисленные и разнообразные курсы. Здесь дело делалось самыми быстрыми темпами, часто без специально разработанного теоретического фундамента, без практических кадров, ошупью, со многими ошибками, но спасали классовое чутье и живые требования жизни.

Но в области собственно воспитания не было такой сильной живой струи. Кроме того, воспитательная область, так сказать, нежнее и неуловимее. А в нашей рабочей, комсомольской и партийной интеллигенции много еще существует воспитательных предрассудков, на веру воспринятых от старой педагогической теории и просто от бродячей интеллигентской мысли, от литературных образов и идеалов. Путь нового ленинского воспитания, путь воспитания коммунистического — это путь напряженной борьбы со многими врагами. Враги эти: осколки старой российско-интеллигентской идеологии, сильные толщи буржуазного индивидуализма. Эти враги на каждом шагу окружали нас, новых работников просвещения, хотящих воплотить требования, предъявленные к нам нашей эпохой и революцией, в живом, настоящем деле.

Самым удобным местом для борьбы был детский дом. Это был действительно новый тип детского учреждения, где меньше всего можно было бояться остатков старой практики. Это были выгоды стороны детского дома. Но были и неудобства. Первое: именно в детском доме оторванная от жизни начетническая теория стара-

лась организовать свою собственную «новую практику»; во-вторых, детский дом предлагал невероятно трудный состав детей, почти сплошь воспитанных улицей. Поэтому работа в детском доме всегда обращалась в боевой фронт.

В дни начала коммуны имени Дзержинского было уже много товарищей, знающих цену новой воспитательной пролетарской практике, много было людей, на опыте убедившихся в возможности большого прямого опыта,— поэтому коммуна начинала жить смелее, чем ее предшественники. Но бороться приходилось и тогда, а больше всего пришлось наблюдать недоверия и вот этого самого пожимания плечами.

Сейчас коммуна победоносно закончила пятилетие. Теперь нужно говорить о принципах нашего воспитательного опыта. Это именно те принципы, по поводу которых были пожимания плечами.

В 1927 году мы явились перед педагогическим Олимпом со своим скромным идеалом культурного советского рабочего. Нам ответили:

Культурного рабочего?.. А как? Самое главное как? Мы изложили свои взгляды на педагогическую технику, которую уже нам удалось испробовать в одном из медвежьих углов, далеко от больших педагогических дорог.

— Мы желаем воспитать культурного советского рабочего. Следовательно, мы должны дать ему образование, желательно среднее, мы должны дать ему квалификацию, мы должны его дисциплинировать, он должен быть политически развитым и преданным членом рабочего класса, комсомольцем, большевиком. Мы должны воспитать у него чувство долга и понятие чести, иначе говоря — он должен ощущать достоинство свое и своего класса и гордиться им, он должен ощущать свои обязательства перед классом. Он должен уметь подчиниться товарищу и должен уметь приказывать товарищу. Он должен уметь быть вежливым, суровым, добрым и беспощадным — в зависимости от условий его жизни и борьбы. Он должен быть активным организатором. Он должен быть настойчив и закален, он должен владеть собой и влиять на других; если его накажет коллектив, он должен уважать и коллектив и наказание. Он должен быть веселым, бодрым, подтянутым, способным бороться и строить, способным жить и любить жизнь, он должен быть счастливым. И таким он должен быть не только в будущем, но и в каждый свой нынешний день.

Олимпийцы ужаснулись:

— Наказание? Наказание воспитывает раба!

— Долг — буржуазная категория!

— Честь — офицерская привилегия!!

— Это — не советское воспитание!!!

Это происходило действительно так: у нас сохранился стенографический отчет.

Мы работали пять лет. Вместе с нами почти не работали педагоги, но с нами работали коммунары-дзержинцы. Они делали стулья, арматуру, сверлилки, новую свою жизнь, нового человека,— и они еще делали новую советскую педагогику. На нашем небольшом

участке мы были не в состоянии сделать много, и с нашим небольшим «участковым» опытом нас не пускали на страницы педагогических журналов. Но то, что мы сделали, — уже не страница журнала.

Коммуна им. Дзержинского за пятилетие отточила свои методы до достаточной точности. Только еще небольшие остатки идеализма и индивидуалистической педагогики до сих пор отравляют наше торжество. Но и с ними мы рассчитываем справиться в кратчайшее время.

Коммуна им. Дзержинского не знает пропасти между умственным и физическим трудом. Рабфак машиностроительного института подводит нашего коммунара непосредственно к вузу, но он входит в него не только подготовленным студентом — он уже и мастер высокой квалификации.

Поэтому вступление во вуз для коммунара может быть и необязательным. Уже сейчас на коммунарском заводе работает несколько инструкторов-коммунаров, путь которых, очевидно, путь младшего комсостава промышленности.

Давая коммунарам высокую квалификацию, связанную со средним образованием, мы в то же время сообщаем им многие и разнообразные качества хозяина и организатора. Нужно побывать на коммунарском общем собрании, чтобы в этом убедиться. Вопросы промфинплана, технологического процесса, снабжения, работы отдельных деталей, приспособлений, рационализации и контроля норм и расценок, штатов и качества персонала ежедневно проходят перед коммунарами, проходят не как перед зрителями, а как перед распорядителями, которые не могут отмахнуться ни от какого вопроса, иначе их дело на другой же день начнет давать перебои. В решении этих вопросов для коммунаров находится прежде всего место приложения их общественной энергии, но это не энергия людей, отказывающихся от личной жизни, это не жертва подвижников, это разумная общественная деятельность людей, понимающих, что общественный интерес это есть и интерес личный.

В этой общей установке, подчеркнутой во многих деталях нашего дела (например, в сдельной зарплате), мы находим все точки отправления и для принципов нашей педагогической техники.

В чем эти принципы?

Прежде всего, отстраняя воспитательную работу специально над отдельным лицом, над пресловутым «ребенком», составляющим заботу педагогики, мы усложняем воздействие на личность. Мы считаем, что влияние отдельной личности на отдельную личность есть фактор узкий и ограниченный. Объектом нашего воспитания мы считаем целый коллектив и по адресу коллектива направляем организованное педагогическое влияние. Мы при этом уверены, что самой реальной формой работы по отношению к личности является удержание личности в коллективе, такое удержание, чтобы эта личность считала, что она в коллективе находится по своему желанию — добровольно, и, во-вторых, чтобы коллектив добровольно вмещал эту личность. Коллектив является воспитателем личности. В практике коммуны им. Дзержинского, например, проступки отдельной личности, какие бы они ни были, не должны вызывать реагирования педагога предпочтительно

перед реагированием коллектива. Педагог в коммуне постольку может влиять на отдельную личность, поскольку он сам член коллектива.

Это вовсе не значит, что мы, педагоги и вообще взрослые руководители коллектива, стоим в стороне и только наблюдаем. Как раз нам приходится каждую минуту мобилизовать нашу мысль и опыт, наш такт и волю, чтобы разобраться в многообразных проявлениях, желаниях, стремлениях коллектива и помочь ему советом, влиянием, мнением, а иногда даже и нашей волей. Но как бы много мы ни работали, мы никогда не можем стать педагогическими авгурами, изрекающими законы воспитания. Законы эти вытекают из общей жизни Советского Союза и, в частности, из жизни нашего коллектива, и они настолько сами по себе убедительны, что мудрить над ними нам уже не может быть дано.

Таким образом, педагогическая установка коммуны в общем формулируется так: создание правильного коллектива, создание правильного влияния коллектива на личность.

Разрешая вопрос жизни коллектива, мы не можем рассматривать коллектив как «группу взаимодействующих и совокупно реагирующих индивидов». Мы видим не «сэвокупность» и не отвлеченный коллектив, а конкретный живой коллектив мальчиков и девочек — часть советского рабочего общества в эпоху строительства социализма, классовый борьбу и перехода нашего к бесклассовому обществу. И мы видим прежде всего, что наш детский коллектив решительно не хочет жить подготавливаемой жизнью к какой-то будущей жизни, он не хочет быть явлением только педагогическим, он хочет быть полноправным явлением общественной жизни, как и каждый другой коллектив. Отдельные члены коллектива не рассматривают себя как «зародыш будущих личностей». Естественно и нам стать на такую точку зрения и считать наших воспитанников полноправными гражданами советских республик. Как полноправные граждане, они имеют право на участие в общественном труде — по своим силам. Они и участвуют, и участвуют не в педагогическом порядке, а в рабочем, т. е. не портят материал, а производят нужные вещи, не из идеалистических соображений альтруизма и нестяжания, а из стремления к заработку и своему, и коллектива, и за свою работу они отвечают по всей строгости производства — отвечают прежде всего перед коллективом, который является поглотителем и частного вреда и частной пользы.

Из этого основного нашего взгляда на детский коллектив проистекают и все наши методы. Мы даем детскому или юношескому коллективу школу, рабфак, завод, инженеров, промфинплан, зарплату, обязанности, работу и право ответственности. А это значит — даем дисциплину.

Пожимающие плечами олимпийцы могут много говорить о необходимости дисциплины, могут с радостью наблюдать уже готовую дисциплину и даже умиляться по поводу ее красот, но совершенно не в состоянии без истощающего крика наблюдать процесс дисциплинирования. Дзержинцы ничего

особенного в самой дисциплине не видят, по их мнению, это естественное и необходимое состояние каждого коллектива. В самом факте дисциплины нет для них никакой проблемы. Они видят только процесс дисциплинирования и считают, что проблема именно в этом процессе.

Если коммунар не убрал станок, и он покрылся ржавчиной, коммунарское собрание, пожалуй, даже не подумает о том, что виновника нужно дисциплинировать, но все будут говорить и кричать:

— Ты испортил станок, понимаешь? Ты знаешь сколько станок этот стоит? А что завтра будем делать, если из-за тебя нехватит детали пятнадцатой? На тебя будем смотреть, — какой красивый, да?

И вовсе не решая проблемы наказания, а только оберегая заводское оборудование как общий коллективный интерес, такого коммунара снимут со станка и поставят на простую работу.

Это, может быть, и жестоко, но это жестокость необходимая. И только потому, что коллектив от нее не отказывается, нам почти не приходится ее применять.

Точно так же в коммуне почти не бывает воровства, потому что всем хорошо известен закон коммуны: украсть нельзя, за кражу можно в полчаса очутиться за бортом коммуны. Для коммуны это вовсе не проблема воспитания личности, это проблемы жизни каждого коллектива, и иначе жить коллектив не может. Педагогические теории, доказывающие, что хулигана нельзя выгнать в коридор, а вора нельзя выгнать из коммуны («вы должны его исправить, а не выгонять») — это разглагольствования буржуазного индивидуализма, привыкшего к драмам и «переживаниям» личности и не видящего, как из-за этого гибнут сотни коллективов, как будто эти коллективы не состоят из тех же личностей!

Коммуна им. Дзержинского запрещает воровство совершенно категорически, и каждая личность это хорошо знает и не станет рисковать ни интересами коллектива, ни своими собственными. Поэтому в коммуне почти не бывает воровства, во всяком случае, за воровство у нас уже не наказывают. Если случай воровства происходит с новичком, еще не способным ощущать интересы коллектива как свои собственные, новенькому скажут: «Смотри, чтобы это было в последний раз». А если воровство случится еще раз, коллектив обязательно поставит вопрос об увольнении.

Эта суровость есть самая большая гуманность, какую можно предъявить к человеку. Эта проблема решается с арифметической точностью. Оставить вора в коллективе, это значит обязательно развить воровство, это значит во много раз увеличить случаи краж, увеличить бесконечные конфликты, связанные с подозрениями невинных товарищей, это значит заставить всех членов коллектива запереть свои вещи и подозрительно поглядывать на соседа, это значит уничтожить свободу в коллективе, не говоря о том, что это означает еще растаскивание материальных ценностей.

Насколько падает и разлагается коллектив при узаконенном и допущенном воровстве, настолько он крепнет в другом случае, крепнет только от одного общего переживания силы коллектива и его права. Тот мальчик, который хоть один раз голодовал за изгнание товарища за воровство, с большим трудом сам идет на воров-

ство. Обращаем внимание и еще на одно обстоятельство: те, кого коллектив выбросил из своих рядов, испытывают чрезвычайно могучую моральную встряску. Обыкновенно коллектив не выгоняет в буквальном смысле на улицу, а отправляет в коллектор. И мы знаем очень много случаев, когда такой изгой приводил к положительным установкам в вопросах социальной нормы. Бывали случаи, когда он вторично присылался в коммуны и уже навсегда забывал о своем воровском опыте.

Категорическое требование коллектива применяется не только по отношению к воровству. В коммуне им. Дзержинского такое же категорическое требование предъявляется и к выпивке, и к картежной игре. За выпивку — безусловное изгнание. И именно поэтому, несмотря на то, что в коммуне есть много ребят 18 и 19 лет, что большинство из них имеет довольно большие карманные деньги, коммунары никогда не пьют и чрезвычайно нетерпимо относятся к пьянству взрослых.

Такая дисциплина вытекает как осознанная необходимость из условий всей жизни коллектива, из того основного принципа, что коллектив детей не готовится к будущей жизни, а уже живет. В каждом отдельном случае нарушения дисциплины коллектив только защищает свои интересы. Эта логика совершенно недоступна пониманию «олимпийцев» и вызывает с их стороны наибольший протест. А между тем эта логика больше направлена в защиту интересов личности, чем всякая другая. Защищая коллектив во всех точках его соприкосновения с эгоизмом личности, коллектив тем самым защищает и каждую личность и обеспечивает для нее наиболее благоприятные условия развития. Требования коллектива являются воспитывающими, главным образом, по отношению к тем, кто участвует в требовании. Здесь личность выступает в новой позиции воспитания — она не объект воспитательного влияния, а его носитель — субъект, но субъектом она становится, только выражая интересы всего коллектива.

Это замечательно выгодная педагогическая конъюнктура. Защищая каждого члена коллектива, общее требование в то же время от каждого члена ожидает посильного участия в общей коллективной борьбе и тем самым воспитывает в нем волю, закаленность, гордость. Уже без всякой специальной педагогической инструментовки в коллективе развивается понятие о ценности коллектива, о его достоинстве. Именно в этом пункте лежит начало политического воспитания. Коллектив дзержинцев осознает себя как часть великого классового пролетарского коллектива, связанную с ним в каждом своем движении. Это и есть политическое воспитание, отличное от политического образования.

В этом же ощущении ценности коллектива заключается и начало понятий чести и долга — категорий, которые «олимпийцами» назывались «офицерской» и «буржуазной привилегией».

Наше воспитание дает стране квалифицированного культурного рабочего, способного быть командиром в любой отрасли нашей работы, но способного и подчиниться го-вар-и-ш-у. Еще не так давно «олимпийцы» описывали ужасы, проистекающие от на-

шего командира (отряда, группы), который, по их мнению, обязательно душит инициативу, обязательно насильничает. А наш командир только выборный единоначальник, правда, обладающий большой властью и влиянием, но связанный по рукам и ногам во всех тех случаях, когда он начинает представлять личное начало. Отряд командиров — это тоже коллектив, и командир есть только его уполномоченный.

Насчет инициативы — коммунары никогда не станут слушать пустую болтовню, какой бы она ни казалась заманчивой, но без лишних слов примут всякое предложение, которое дает путь к решению поставленной общей задачи.

Мы также протестуем против воспитания деятельности, построенной только на «интересности». Любопытно послушать преия в совете командиров, когда разбирается заявление какого-нибудь новичка:

— Мне в этом цеху работать не интересно, переведите меня в механический.

Такому «ребенку» сурово отвечают:

— Может, собрать оркестр? Может быть, для тебя интересно послушать музыку?

— Где ты был, когда мы строили завод и целый месяц носили землю на носилках? Думаешь, нам было очень интересно?

— Может быть, для тебя и уборные убирать не интересно? Новый коммунар, впрочем, скоро начинает понимать, в чем дело. Он приобщается к «буржуазной категории» долга. Коллектив требует от личности определенного взноса в общую трудовую жизненную копилку. Рабочий класс, великая советская страна собирает личности не по договору, не по найму, не по интересу. И коммунары к вопросам долга относятся просто и уверенно — это естественная позиция пролетария по отношению к своему классу.

И если этот класс, и наш коллектив, и сам индивид представляют человеку ценностями, в которых он не сомневается, возникает понятие о классовой пролетарской чести. Нам остается коснуться одного вопроса, наиболее жгучего в наших педагогических спорах: а как же педагог? Выходит, что все делает коллектив, а педагог для чего? И что может гарантировать, что коллектив будет поступать как раз так, как нужно?

Вопрос уместный. Коммуна им. Дзержинского в 1930 году вовсе отказалась от воспитателей, но это не значит, что у нас их нет. Только здесь мы будем говорить о коллективе педагогов. Нашим воспитательским коллективом являются учителя, инженеры, мастера и инструктора, чекисты, члены нашего правления и в первую очередь и главным образом — партийная и комсомольская ячейки. И воспитание коммунаров достигается не путем чьей-нибудь проповеди или нравучений, а исключительно из жизни, работы, стремления самого коллектива. Эта работа и стремления определяются тем, чем живет коллектив, т. е. нашей революцией, нашими пятилетками, нашей борьбой за экономическую независимость, нашим стремлением к знаниям, нашим рабфаком, нашим упорядоченным, вымытым, вычищенным коммунарным бытом, нашей дисциплиной, каждой минутой нашего напряженного, полного усилия, смеха, бод-

рости, мысли дня. И поэтому — пусть педагоги пожимают плечами! Эта «физкультура» уже немного запоздала.

Мы смело глядим в будущее. Образованный, знающий, умеющий мастер-коммунар, сознательный «хозяин» Советской страны, комсомолец и большевик, организатор и командир, умеющий подчиняться и приказывать, умеющий бороться и строить, умеющий жить и любить жизнь, — вот наше будущее, наш вклад в грядущие кадры, какой дает коммуна им. Дзержинского.

А если нам удастся еще перевоспитать нескольких педагогов — это уже дополнительная, внеплановая победа...

ПЕРЕВЕРНУТЫЕ СТРАНИЦЫ¹

(Взхи, события, факты)

1927 год

Апреля 9. Заседание Коллегии ГПУ УССР, на котором постановлено увековечить память вождя и учителя Ф. Э. Дзержинского открытием Детской трудовой коммуны его имени.

Октября 20. Назначение первого персонала в коммуны. Этот персонал был невелик: заведующий коммуной А. С. Макаренко, воспитатель Т. Д. Татаринов, завхоз из Ахтырки — Опришко и из Ахтырки же повар.

Декабря 25. Прибытие в коммуны первой партии коммунаров из колонии им. Горького — 50 мальчиков и 10 девочек.

Декабря 28. Выборы первого созыва совета командиров. Секретарем был избран Митя Чевелий, человек черноглазый, энергичный в высшей степени. Первым делом совета командиров было организовать коммунарский быт, распределить коммунаров по мастерским. Это было сделано в течение часа. Сейчас Митя Чевелий учится в одном из институтов в Ленинграде.

Декабря 29. Посещение коммуны генеральным секретарем ЦК КП(б)У тов. Л. М. Кагановичем.

Декабря 29. Торжественное открытие Трудовой коммуны им. Дзержинского и вручение коммунарского знамени коммунарам от Коллегии ГПУ УССР.

1928 год

Января 9. Избрано первое правление коммуны.

Января 11. Прием из коллектора новых коммунаров, взятых с улицы, в количестве 40 человек. Коммунарскому коллективу пришлось истратить много сил на приведение их в порядок. В настоящее время все они составляют правящий актив коммуны, многие уже вышли в самостоятельную жизнь. В эту группу входят Фомичев, Миша Бондаренко, Ряполов и др.

Января 15. Организация оркестра коммунаров. Около 30 труб белого металла составили первое музыкальное богатство коммуна-

¹ Хроника «Перевернутые страницы» написана А. С. Макаренко специально для сборника «Второе рождение», изданного к пятилетию коммуны. Хроника охватывает период жизни и деятельности коммуны с 1927 по 1932 г.

ров. Появился и В. Т. Левшаков — несменяемый с тех пор капельмейстер. Первые звуки музыкантов причинили много страданий всему коллективу: некуда было спрятаться от душераздирающих звуков.

В настоящее время коммунарский оркестр один из лучших самодеятельных оркестров в Харькове и на Украине: исполняет Бетховена, Шуберта, Листа, Моцарта, Мусоргского.

Января 15. В коммуне организован комсомольский коллектив.

Января 15. Первое заседание новой комсомольской ячейки — коммунаров-дзержинцев. Всего комсомольцев организовалось 15 человек. Первым секретарем комсомольской ячейки был избран коммунар Крупов, ныне студент Инхоза в Харькове.

Первой заботой комсомольской ячейки было организовать пионеротряд. Большинство коммунаров принадлежало к пионерскому лагерю.

Января 16. Правлением трудкоммуны были утверждены план и программа учебно-воспитательной работы и правила приема в коммуну.

Января 16. Посещение коммуны членами правительства.

Февраля 4. Утверждение правлением «Конституции Коммуны».

Февраля 12. Посещение коммуны секретарем ЦК КП(б)У.

Апреля 27. Выборы совета командиров II созыва — секретарь Боков. Ваня Боков очень не хотел быть ССК, но общее собрание сильно на него обиделось: как это так не хочет. Ваня всегда был убежденным металлистом и «бюрократическая деятельность» вызвала у него презрение.

Мая 1. Первый поход коммунаров на майские торжества со своим оркестром. Оркестр играл 2 марша. Сейчас Левшаков уверяет, что он не играл, а «репихил». Это не мешало коммунарам в то время гордиться своим оркестром.

Мая 5. Посещение коммуны генеральным секретарем ЦК КП(б)У тов. Кагановичем.

Мая 9. Ваня Боков решительно подал в отставку, тем более, что и слесарная мастерская протестовала против слишком сильного оглобления слесарного фронта. А слесарная мастерская в это время уже выполняла сдельный заказ: делала ячейки для билетов городской станции железных дорог.

Общее собрание уступило просьбе Вани Бокова и на его место выбрало Нину Ледак. О, это был командир! Коммунарским неряхам и лежебокам с этого дня не стало простора в коммуне. Очень строгая была девочка, а на вид всегда веселая, улыбающаяся. Сейчас ни Нины, ни Вани в коммуне нет. Ваня во главе ремонтного цеха ф-ки «Динамо», а Нина Ледак заканчивает вуз в Ленинграде.

Мая 11. Правлением дана установка коммуне: воспитать классово-сознательного и грамотного пролетария со средней производственной квалификацией.

Мая 21. Коммуну посетили шахтеры Брянских и Первомайских рудников.

Июня 7. Постановление СНК об утверждении — по ходатайству ГПУ УССР — организации Детской трудовой коммуны имени Ф. Э. Дзержинского.

Июля 8. Встреча коммуной на Харьковском вокзале Максима Горького. Коммунары выстроились на перроне со знаменем и оркестром и заставили проследить Алексея Максимовича.

Июля 9. Посещение коммуны Максимом Горьким. Для встречи коммунары выстроились с большими интервалами по всей дороге, но не выдержали парадных поз и вслед за машиной просто побежали в коммуну. Алексей Максимович с любовью осмотрел коммуну и сказал ребятам, что он всегда с молодым поколением потому, что оно лучше всех идет вперед.

Июля 31. Коммуну посетила ленинградская пионерская делегация.

Августа 23. Коммуну посетила французская делегация Конгресса Коминтерна.

Сентября 1. Выборы совета командиров III созыва. ССК был избран Вася Дашевский — деревообделочник. Вася был покладистый человек, веселый, и его избрание обозначало усиление демократических начал. Сам Вася был убежденным демократом. Это обстоятельство уже по истечении его полномочий ССК толкнуло его на печальную историю: в компании с Севой Шмигалевым они залезли в фруктовый сад. Шмигалев остался настороже, но, увидев сторожа, позорно удрал, не выполнив своего задания, а Вася попался и был влком в милицию. Вася испытал большие неприятности и на общем собрании, и, в особенности, в пед. совете. Но... все прошло. Сейчас Вася работает на одном из заводов Харькова, бывает в коммуне и с улыбкой вспоминает о приключениях 1928 года.

Сентября 1—15. Прием в коммуну с улицы и из детских домов 50 новых коммунаров, из них 20 девочек. В коммуне стало гораздо теснее и веселее. Заметно прибавилось девочек, пришли самые основные «девчачьи» кадры — Харланова, Сторчакова, Вехова.

Октября 1. Посещение коммуны эстонской рабочей делегацией.

1929 год

Января 1. Комсомольская ячейка достигла 32 человек. Она уже развернула школу в подшефном хуторе Шишковке и начала руководить работой внутри коммуны. Секретарем избран коммунар Менде. Теперь он кинемеханик на юге Украины.

Января 23. Коммуну посетила делегация бакинских рабочих.

Февраля 1. Выборы совета командиров IV созыва. ССК — Теренин. Это было время упадка коммунарского самоуправления и общего тона жизни коммунарского коллектива. Производство коммуны — деревообделочная, слесарная и шейная мастерские топтались на месте. Делали какие-то шкафы, делали вручную; они выходили дорого и давали убыток. Слесарная мастерская просто не знала, что делать. Были тиски, фрезерный и револьверный станки. Коммунарский коллектив начинал уже скучать. Совет командиров Теренина был вялым и тащился в хвосте. Коммунарская энергия пошла больше на всякие игры, начали случаться кражи.

Мая 5. Выборы совета командиров V созыва. ССК — Таликов Петро. Таликов сразу повернул дело по-новому, да и совет командиров был с ним энергичный. На горизонте встало путешествие в Москву, и это сразу подняло дух коммунаров. На место зав. про-

изводством никого не прислали, но у нас был заказ на театральную мебель для нового клуба строителей в Харькове. Эту мебель — тысячу с лишним мест — мы делали напряженно и страстно. В мастерской деревообделочной работали все: столяры, слесаря, девочки и педагоги, работали по 8 часов в день, заказ подвигался к победоносному концу.

Июля 13. Приветствие коммуны слетом пионеров в Харькове. Это был прекрасный вечер. Было уже чем похвалиться перед пионерами.

Июля 16. Заказ строителей сдан благополучно. Коммунары получили наличными несколько тысяч рублей. Рассчитались с главными долгами и у нас осталось чистых 4 000 руб. Это — на московский поход.

Июля 17. Отпуск. Коммуна отбыла в Москву. У каждого коммунара есть карманные деньги, не больше, однако, 5 рублей, но с непривычки это огромная сумма.

Июля 20. И вот коммунары в Москве. Прежде всего посетили мавзолей Ленина. Притихли под сводами мавзолея. Этого момента давно с напряжением ждали.

Июля 30. Возвращение коммуны в Харьков.

Августа 9. Коммуну посетила китайская пионерская делегация.

Августа 14. Посещение коммуны американской пионерской делегацией.

Августа 25. Посещение коммуны делегацией жен рабочих Краснозаводского района Харькова.

Августа 30. Выборы совета командиров VI созыва. ССК переизбран Петро Таликов. Петро был хороший руководитель нашего самоуправления, бодрый, напористый и разумный. Но дни для коммуны настали трудные — новый зав. производством был человек ленивый, он продолжал производство клубной мебели, но все у него валилось из рук; как ни старались коммунары, а все убытки и убытки. Материала нет, мастеров хороших нет, договоры невыгодные, а спросить не с кого.

Сентября 1. Кризис в комсомольской ячейке. Менде был бездеятельным секретарем, и работа ячейки замерла. Секретарем избран в составе нового бюро Сергей Фролов. Это был очень добросовестный человек, но мало активный и без инициативы. Комсомольские дела все же скоро пошли лучше, благодаря назначению политуководителя коммуны.

Сентября 1. Открытие в коммуне вместо трудовой школы куст-промшколы. Это была пробная затея. Она не принесла хороших результатов и свидетельствовала только о нашей растерянности. Выходило так: производство кустарное, пусть уже и школа будет кустарная. Заниматься начали все же с завидным рвением, — всякое знание полезно.

Ноября 17. Выборы совета командиров VII созыва. ССК — Митя Анисимов, улыбающийся, добросовестный и всегда оптимистически настроенный. Митя и его командиры не могли улучшить положения коммуны. Комсомольская организация проявила в это время замечательную энергию, но нас заедала плохая организация производства. Зав. производством крыли на каждом общем собра-

нии, крыло бюро, а он твердил только одно: подождите, все будет прекрасно.

Декабря 24. Организация в коммуне пошивочного цеха и расширение деревообделочного цеха.

1930 год

Февраля 1. Выборы совета командиров VIII созыва. ССК — Разумовский Николай Павлович. Николай Павлович большой аккуратист и его правительство привело коммуну в идеальный порядок со стороны всякой чистоты. Но бедны мы были тогда, как мыши. Убытки становились все больше и больше, сплошь и рядом в коммуне нельзя было достать рубля. Это было время нашей бедности.

Февраля 15. Перевыборы бюро комсомольской ячейки. Секретарем бюро избран Алексеенко. Это был второй неудачный выбор. Это обнаружилось очень скоро, а между тем в это время от комсомола требовалась большая работа.

Марта 12. Выборы секретаря ячейки ЛКСМ коммунарки Сторчаковой. В это время комсомол достиг уже 70 членов организации. Сторчакова дала работе комсомола серьезное направление. Этому соответствовали и ставшие перед комсомолом задачи — появление в коммуне настоящих производственных установок. Главным видом работы комсомола в это время сделалось управление коммуной в момент очень трудного операционного поворота. Комсомол с этим делом справился во всех отношениях блестяще.

Марта 13. Коммуна приобрела 3 стареньких токарных станка, старенький литейный барабан. Начали делать кроватные углы и масленки, делали стандартную мебель, тысячами шили трусики — это во всяком случае было производство.

Апреля 10. Введение заработной платы для коммунаров. Это была большая реформа. Усилилась ответственность коммунара, усилилась производительность.

Апреля 10. Выборы совета командиров IX созыва. ССК — Вася Камардинов. Командиры IX созыва сразу начали борьбу с неполадками производства (за лучшее качество, за своевременное выполнение заказов и т. д.).

Июня 1. Переход коммуны на полную самокупаемость. В коммуне сразу появился капитал — необходимое следствие производительного труда.

Июня 1. Начало постройки сборного цеха деревообделочной мастерской. Он был выстроен из всякой чепухи — дикта, обрезок, тряпок и земли, но имел колоссальные размеры. Коммунары в шутку называли его «стадионом». В связи с этим цехом много драм было в коммуне. Но этот цех все же дал возможность выпустить массовую продукцию. Коммуна стала выбрасывать на рынок тысячи столов, стульев, чертежных столов и прочее. Ежедневный выпуск продукции достиг суммы в 3 000 рублей.

Июля 6. Выборы совета командиров X созыва. ССК — Харланова. Это был серьезный совет командиров. Он продолжал политику Камардинова, но борьба шла уже за лучшее будущее. На горизонте появился будущий завод — еще неизвестно какой, но не

кустарный. Ближайшая перспектива украсилась Крымским походом. Средства для этого у коммунаров уже были.

Июля 12. Посещение коммуны чехословацкой рабочей делегацией.

Июля 29. Выезд коммунаров в Крымский поход. Отправились тремя эшелонами.

Июля 30. Коммунары прибыли в Севастополь. Последний эшелон прибыл в Севастополь в 2 часа ночи; ночевать коммунарам было негде, поэтому построились и двинулись в ночной поход. В 7 верстах от города остановились в горах и заночевали.

Августа 1. Прибытие коммунаров в Байдары. Смычка с байдарским комсомолом.

Августа 2. Знаменитый переход коммунаров через Чертову лестницу и 40-верстный марш в Симеиз. В Симеиз пришли в 10 часов вечера и разбудили публику громом своего оркестра. Ночевали в рабочем клубе.

Августа 3. Прибытие коммуны в Ялту. Остановились в лагере на самом берегу моря.

Августа 31. Возвращение в Харьков, отдохнули, покупались, поправились и с новой энергией набросились на новую работу. Главным событием в коммуне в это время было открытие собственного рабфака.

Сентября 9. Перевыборы бюро комсомола. Секретарь ячейки ЛКСМ — Акимов. Акимов был хороший производственник и ударник. Производственный рост коммуны правильно выдвинул его во главу комсомола. Комсомол принял самое деятельное участие в производстве. Нужно отметить вообще большое оживление комсомольской работы в это время — по связи с селом и городом, по работе рабфака и политехучебе. Именно в это время комсомол в коммуне стал действительным руководителем коллектива.

Сентября 15. Торжественное открытие рабфака при коммуне. Это был чрезвычайно важный шаг вперед. Открытие рабфака машиностроительного института сообщало коммуне характер серьезного политехнически-гармонированного учебно-производственного комбината и открывало большие перспективы в поисках нового, более совершенного производства.

Сентября 25. Посещение коммуны пограничниками.

Октября 15. Начало постройки дороги к Белгородскому шоссе. Сейчас мы не замечаем этого блага, а тогда коммуна много страдала от отсутствия дороги. При малейшем дожде, особенно осенью и весной, добраться до коммуны было невозможно. От этого в особенности страдало производство, нельзя было доставить материалы, нельзя было просто поехать в город. Шоссе строилось при большом участии коммунаров.

Октября 16. Уничтожение в коммуне должностей воспитателей. Коммунары уже настолько выросли и настолько выросло их самоуправление, что они уже могли в дальнейшем сами поддерживать в коммуне установленный порядок и дисциплину.

Октября 17. Выборы совета командиров XI созыва. ССК — Дорошенко. Это был совет командиров, состоящий из интеллигентов. Полукустарное производство перестало удовлетворять коммунаров, они на нем добросовестно работали, но увлекались рабфаком. Школа

и образование стали наиболее притягательным приложением их энергии.

Декабря 3. Посещение коммуны красными фронтовиками Германии.

1931 год

Февраля 7. Выборы совета командиров XII созыва. ССК — Никитин. Началась эпоха реализации давней мечты о новом заводе. В коммуне появилась группа инженеров — началась напряженная работа мысли: какой нам нужен завод? Скоро мы решили, что будем строить завод электроинструментов. На многих заседаниях правления и совета командиров обсуждались детали этого завода, материальные возможности и возможности рабочие.

Марта 13. Утверждение проекта строительства нового завода, общежития, клуба и гаража.

Марта 22. Посещение коммуны делегацией рабочих-ударников харьковских предприятий.

Апреля 20. Организация комсомольских цеховых ячеек в коммуне.

Мая 1. Посещение коммуны коллективом ГПУ УССР.

Мая 10. Положено основание в коммуне парторганизации, основана партгруппа.

Мая 13. Торжественная закладка корпуса новых спален и завода электроинструментов. Коммунары выстроились при знамени и оркестре, и Ленька Алексюк, самый молодой коммунары, заложил первый камень.

Июля 14. Начало Кавказского похода. Кавказский поход давно значился в плане — еще осенью прошлого года. Сейчас нужно было выезжать поневоле. Все корпуса коммуны были разорены — началась перестройка и приспособление коммуны для нового большого коллектива коммунары. Коммунары после прощального вечера в ГПУ отправились ночью на вокзал и выехали утром на юг.

Июля 16. Прибытие коммуны во Владикавказ. Кавказ нас встретил проливным дождем. Нельзя было организовать обоз, нельзя было просто выйти из вагона. Только на другой день — *17 июля* коммунары выступили в поход по Военно-грузинской дороге, сопровождаемые обозом из 6 парных арб. На 8 километре вышли из дождя и весело зашагали по направлению к Тифлису. Ночевали в тесной школе, в Ларсе.

Июля 19. Уже подходили к станции Казбек, в 50 километрах от города, как вдруг обнаружилось, что дорога вконец размыта Терекон и переправиться через разлив невозможно. Общее собрание у замка Тамары небольшим большинством постановило направиться в Тифлис через Баку. Отошли к деревне Чми, в 25 километрах от города, и остановились на ночевку, а во Владикавказ послали разведку позаботиться о поезде.

Июля 21. Только на другой день нам обещали вагоны, но обещания не выполнили, и колонне коммунары со всеми вещами и провизией, заготовленной на всю дорогу до Тифлиса, пришлось садиться в переполненный поезд. Эта «трагическая», но славная история известна в коммуне под названием «Посадка в Беслане».

Июля 21. Утверждение проекта реорганизации производства. Утверждение нового набора в коммуну в 150 человек.

Июля 23—25. Коммунары в Баку. На промысле Биби-Эйбат коммунары хорошо познакомились с нефтяниками и их делом. Салютовали знамени Биби-Эйбата, подаренному Харьковским горсоветом. Вечером были в рабочем парке, где провели смычку с рабочими.

Июля 26—28. Тифлис. Древности Тифлиса, музеи, вечера в клубе ГПУ.

Июля 29. Коммунары в Батуме. Здесь нас особенно ласково приняли, угостили катаньем на озере. Ночь просидели на пристани, а утром были уже на борту «Абхазии», чтобы плыть в Сочи.

Июля 31. Прибытие коммунаров в Сочи; разбит лагерь; целый месяц коммунары купались, отдыхали, дружили с обитателями домов отдыха и санаториев, ловили медведей, лазили по горам и с горячим интересом читали письма из коммуны, в которых описывались дела строительные. Эти дела определенно затягивались, и коммунары уже начинали нервничать. Выходило так, что возвращаться в коммуну некуда.

Сентября 1. Месяц в Сочи кончился. Решили поехать в Одессу, пожить там недельку и познакомиться с этим городом. Ночью погрузились на теплоход и 3 сентября были уже в Одессе. Пребывание в Одессе было испорчено плохой столовой, а самое главное — плохими вестями из коммуны. Наконец, коммунары заявили, что они все равно едут домой, чтобы скорей помочь окончанию строительства.

Сентября 17. Возвращение коммуны в Харьков. Спать негде, есть негде, учиться негде; расположились прямо на полу столовой.

Сентября 17. Утверждение проекта строительства дома ИТР коммуны. Установлен срок выпуска первой электросверлилки на 1 апреля 1932 г.

Сентября 18. Объявлен первый коммунарский штурм окончанию строительства. Штурмовые колонны коммунаров бросились на непривычную работу: бетонирование, подписка кирпичей, разборка лесов, планирование площадок, устройство цветников. Конец работы был назначен на 7 ноября, но в успехе многие сомневались.

Сентября 22. Выборы совета командиров XIII созыва. ССК — Швед. Это был самый энергичный, самый боевой и самый победоносный совет. Очень трудная работа по строительству была еще более отягчена приемом новеньких, которых нужно было приготовить для работы на заводе.

Сентября 30. Посылка вербовочной комиссии по Украине для набора новеньких.

Октября 1—19. Прием в коммуну первой полусотни новых коммунаров.

Ноября 7. На торжественном заседании коммуна рапортует об успешном окончании строительства завода и спален и монтаже станков.

Ноября 13. Массовый набор беспризорных с вокзала. Ввод беспризорных стал в строй коммунаров и с маршем был приведен

в коммуны. Здесь было совершено торжественное сожжение их одеяний, и они вступили в коммунарский коллектив.

Ноября 27. Посещение коммуны председателем ВЦСПС тов. Шверником.

1932 год

Января 7. Торжественный пуск председателем ВУЦИК'а первого в союзе завода электросверлилок коммуны им. Дзержинского.

Января 11. Выпущена первая электросверлилка.

Января 18. Объявлен второй коммунарский штурм по случаю неудовлетворительного выпуска продукции.

Января 20. Число коммунаров достигло 300 человек.

Февраля 2. Утверждение годовой программы выпуска 7 000 штук электросверлилок.

Февраля 21. Посещение коммуны делегацией писателей, литераторов и поэтов Москвы и Ленинграда.

Мая 10. Выборы совета командиров XIV созыва. ССЖ — Землянский.

Мая 28. В первый раз заводом выпущено 50 электросверлилок в день.

Мая 29. Новый подбор на вокзале 30 новых воспитанников.

Июня 2. Начало проектирования производства фотоаппарата типа «Лейка» (ФЭД).

Июня 21. Введение в учебный план коммуны военизации коммуны.

Июня 21. Постановление правления о начале проектирования электрошлифовалки и более мощной электросверлилки типа «Блек и Деккер».

Организация специального экспериментального бюро по разработке пленочного фотоаппарата типа «Лейка».

Перевод завода на хозрасчет.

Утверждение строительства бани-прачечной.

Июля 6. Постановление о переходе цехов на хозрасчет.

Июля 16. Начало 3 коммунарского штурма за 1 000 сверлилок в июле.

Июля 30. Выпуск в июле 1 002 сверлилок.

Июля 31. Выезд коммунаров в отпуск в Бердянск.

Августа 31. Возвращение коммунаров из Бердянска.

Сентября 8. Перевыборы бюро комсомольского коллектива.

Секретарем избран Швед

Коммуна имела уже три цеховых ячейки, и общее число комсомольцев достигло 180 человек. Комсомольская организация уже имеет большой опыт производственной и организационной работы.

Сентября 15. Пять коммунаров вступили в военно-инженерные институты и 13 — в Харьковский машиностроительный институт.

Сентября 20. Выборы совета командиров XV созыва. ССЖ — Волченко. Этому созыву выпала честь праздновать 15-летие Октября и 5-летие коммуны. В коммуне снова большие планы впереди.

Октября 26. Выпуск первых трех фотоаппаратов.

Октября 31. Экспертизой профессоров и специалистов по фотоаппарату «ФЭД» признан хорошим, не уступающим заграничному

образцу, с некоторым преимуществом в оптической части» (исследование ГОИ).

Ноября 9. Начало постройки жилого дома для инженерного и рабочего коллектива завода фотоаппаратуры.

Ноября 9. Организовано управление строительством завода фотоаппаратуры «ФЭД» при коммуне.

Ноября 14. Начало изготовления технического проекта завода пленочного аппарата типа «ФЭД» производительностью 30 000 аппаратов в год.

Ноября 16. Утверждение новой схемы управления электронно-струментального завода.

Тогда же организация Оргбюро по постройке завода пленочной фотоаппаратуры.

Ноября 27. Утверждение контрольных цифр промфинплана на 1933 г.:

Электросверлилок «ФД-1» — 7 000 штук, электрошлифовалок «ФД-2» — 1 500, электросверлилок «ФД-3» — 1 000, штативов «ФД-1» — 1 750, штативов «ФД-3» — 250.

Декабря 13. Организация в коммуне ИТС.

Декабря 26. Закончена годовая производственная программа.

Декабря 28. Выпуск в СССР первой серии пленочных фотоаппаратов типа «ФЭД».

Декабря 29. Пятилетие коммуны.

За пять лет существования Трудкоммуны им. Ф. Э. Дзержинского, последнюю посетили 214 делегаций: СССР — 87, Германия — 37, Франция — 16, Англия — 17, Южная Америка (Перу, Чили, Мексика, Аргентина, Бразилия, Уругвай, Парагвай) — 11, САСШ — 8, Испания — 7, Чехословакия — 4, Бельгия — 3, Польша — 3, Галиция — 2, Швеция — 2, Дания — 2, Швейцария — 2, Венгрия — 1, Китай — 1, Индокитай — 1, Голландия — 1, Норвегия — 1, Австралия — 1, Филиппины — 1, Египет — 1, Эстония — 1, эсперантистов — 4.

ОДИН ДЕНЬ КОММУНЫ¹

Приказ по коммуне № 189

1 октября 1932 года

1

Дежурные командиры — Ширявский и Пихоцкая.

Дежурный член санитарной комиссии — Клеточкина.

Дежурный член клубного совета — Илюшечкин.

Дежурный сигналист — Пашенко Николай.

---

¹ Обзор «Один день коммуны» составлен А. С. Макаренко на основе принятой в этом учреждении документации. День 1 октября 1932 г. являлся обычным днем коммуны. Обзор дает представление об организации учебных занятий, труда и быта; о системе подчинения и отчетности.

С утра все по нарядам командиров.

Согласно постановлению совета командиров, распределение работ по уборке коммуны на октябрь месяц следующее:

1 отряд — математический кабинет, верхний коридор корпуса рабфака.

2 отряд — мостик АБ, лестница к больничке, верхняя уборная корпуса спален.

3 отряд — главная лестница корпуса спален, вестибюль и помещение вешалки корпуса спален.

4 отряд — физический кабинет, зрительный зал и сцена.

5 отряд — кабинет черчения и физкультурный зал.

6 отряд — балкон зрительного зала, лестница к уборной учебного корпуса и уборная.

7 отряд — кабинет языка и тихий клуб.

8 отряд — нижний коридор корпуса спален, утром, и вечером и нижняя уборная корпуса спален.

9 отряд — парадная лестница нижнего коридора и вестибюль корпуса рабфака.

10 отряд — кабинет природоведения и верхний коридор корпуса спален утром и вечером.

11 отряд — кабинет соцэка и уборные девочек.

12 отряд — класс подготовительных групп и цветники перед зданиями коммуны.

13 отряд — кабинеты начальника коммуны, учебной части и совета командиров.

Согласно постановлению совета командиров, назначаются на октябрь месяц:

Сторожевой сводный отряд под командой Михаила Бондаренко в составе: Шапошникова, Букреева, Братчина Николая, Строга 1, Соловьева.

Старшая хозяйка — коммунар Сычов.

Согласно постановлению совета командиров, коммунар Демченко переводится из литейного цеха в токарную группу — по его просьбе.

Согласно постановлению совета командиров, обращается внимание коммунара Костина на необходимость принять более активное участие в жизни коммуны, коммунарских органов самоуправления, в клубных и политических организациях.

¹ Сохраняем нумерацию подлинника (Ред.).

Согласно постановлению совета командиров, коммунару Сиякову выносится строгий выговор за то, что уклонился от участия в тушении пожара рабочего барака 18 сентября и во время пожара продолжал чинить свой радиоаппарат.

6

Предлагается всем командирам отрядов в течение двух дней подать ССК списки коммунаров, желающих участвовать в культурном походе в театр «Березиль» 6 октября.

7

Согласно постановлению комиссии по расценкам, утвержденному советом командиров, объявляются новые расценки по сборному цеху завода по сборке нижнего щита:

	Норма за 4 часа	Цена в коп.
Установка шпинделя в щит	25	12
Запрессовка втулок, райберовка и засверловка	60	5
Укладка смазки и установка крышек	50	5
Сборка комплекта промежуточных шестерен	35	10
Установка промежуточных шестерен	50	8

8

На довольствии коммунаров 333, из них девочек 86.

Секретарь совета командиров И. Волченко.

Утренний рапорт дежурного члена санкомиссии

Дежурному командиру 1 октября тов. Ширявскому
ДЧСК Клеточкиной.

Рапорт.

Утренняя уборка закончена своевременно. Плохо произведена уборка 13 отрядом в кабинете совета командиров.

ДЧСК Клеточкина.

Сводка механического цеха о выполнении плана за 1 октября

Сверлилок выпущено — 58.
Токаря по алюминию — 98,3%.
Токаря по железу — 104,8%.

Токаря по чугуно — 125%.
Токаря на эрликонах — 137,6%.
Револьверщики — 114,1%.
Фрезерные — 109%.
Строгальные и зуборезные — 127,3%.
Инструментальщики — 104,6%.
Шлифовальщики — 115,4%.
Штампы — 110%.
Сверлильные — 114,9%.

Начальник механического цеха Овчинников.

Выписка из журнала преподавателя

1 октября

I. Старшая подготовительная группа А.

Математика: метрическая система мер.

Украинский язык: чтение и пересказ.

Природа: скелет человека.

Обществоведение: понятие о классе и партии. Их взаимоотношения. Классовые интересы и классовая борьба.

Немецкий язык: формы глагола.

II. Первый курс Б.

Математика: коэффициент.

Соцэк: сентябрьский пленум ЦК ВКП(б).

Русский язык: суффиксы имен существительных.

Биология: ферменты, их особенности, алкалоиды, эфирные масла.

Физкультура: пять первых упражнений зарядки ГТО.

Метание гранаты.

III. Второй курс В.

Математика: уравнение с буквенными и дробными коэффициентами.

Физика: расширение жидких тел.

Химия: строение атома.

Черчение: проекция усеченного конуса на три плоскости.

IV. Третий курс А.

Математика: биквадратное уравнение.

Соцэк: экономизм и зубатовщина.

Автомобиль: части автомобиля.

Протокол заседания бюро комсомольского коллектива коммуны им. Дзержинского

1 октября 1932 года.

Присутствовали члены бюро: Швед, Пашенко, Мартыненко, Оноприенко, Богданович, Буряк, Черный, Вехова, Землянский, Мохарев. Комсомольцы: Боярчук, Прасов, Черников, Торский.

С л у ш а л и: О начале политехнического года (Культпромколлектива тов. Мартыненко).

П о с т а н о в и л и: а) намеченный план политехнической утратить; б) выполнить постановление ЦК ВЛКСМ о начале занятий 15 октября; в) немедленно развернуть соцсоревнование между группами; г) организовать вечернюю группу для комсомольцев подготовитель-

ных групп и рабочих; д) предложить «Дзержинцу» систематически освещать ход комсомольской политучебы.

Слушали: О выделении комсомольцев в состав БРИЗ'а.

Постановили: Выделить в состав бюро БРИЗ'а тт. Боярчука, Козыря и Шатаева.

Слушали: Заявление Торской об освобождении ее от командования 10 отрядом. Торская мотивирует свое заявление тем, что комсомолки Страхова и Жилина не слушают ее и мешают ей работать.

Высказывались тт. Оноприенко, Мохарев, Вехова, которые считают, что нет никаких оснований снимать Торскую с работы по командованию отрядом.

Постановили: Торскую оставить командиром 10 отряда. За некоммунарское отношение к командиру Страховой и Жилиной поставить на вид.

Слушали: О выделении командира в литейный цех.

Постановили: Ввиду того, что тов. Могиллин из литейного цеха переводится в механический, командиром литейного цеха рекомендовать тов. Черникова.

Слушали: Об общем комсомольском собрании 15 октября.

Постановили: 15 октября собрать общее собрание комсомольского коллектива.

Повестка дня: 1. Итоги сентябрьского пленума ЦК ВКП(б). 2. Значение шестого менделеевского съезда (докладчик т. Татарinov).

Секретарь бюро Ш в е д.

Рапорт командира 2 отряда (третий А курс рабфака).

Состав отряда: 1. Камардинов, 2. Ширявский, 3. Гонтаренко, 4. Буряк, 5. Бронфельд, 6. Файнергольц, 7. Волченко, 8. Куксов, 9. Панов, 10. Мельникова, 11. Сидоренко, 12. Илюшечкин, 13. Терентюк, 14. Водолажский, 15. Красная, 16. Конисевич, 17. Прасов, 18. Крымский, 19. Брацихин, 20. Семенцов, 21. Сторчакова, 22. Торская, 23. Бобина.

Командир Ширявский. Помкомандира Сидоренко.

В заседании совета командиров отряд получил задание:

I. Занятие в третьем курсе А рабфака.

II. Работа на заводе электросверлилок, кроме Камардинова, командированного в Москву по делам коммуны.

Нач. коммуны М а к а р е н к о.

Секретарь совета командиров В о л ч е н к о.

Рапорт командира 9 отряда (первый В курс рабфака).

Состав отряда: 1. Брицкий, 2. Виноградов, 3. Звягин, 4. Никитин Ш., 5. Новак, 6. Остапенко, 7. Романов М., 8. Яковлев П., 9. Якушин, 10. Октябрев, 11. Толстов, 12. Наконечная, 13. Страхова, 14. Малькова, 15. Карашевич, 16. Могиллин, 17. Редькин, 18. Андриевский, 19. Смиренин, 20. Длугач, 21. Деминская, 22. Лиф, 23. Федоренко, 24. Чевелий, 25. Куслий Ф., 26. Романов П., 27. Иванова, 28. Торский, 29. Сычов.

Командир Лиф. Помкомандира Наконечная.

В заседании совета командиров отряд получил задание:

I. Занятие на первом курсе В рабфака.

II. Работа на заводе, кроме Сычова, назначенного старшей хозяйкой на октябрь месяц.

Нач. коммуны Макаренко.
Секретарь совета командиров Волченко.

Рапорт старшей хозяйки

Дежурному командиру 1 октября тов. Ширявскому.

Старшей хозяйки Сычова. Все благополучно. СХ — Сычов.

Рапорт дежурного члена клубного совета

Дежурному командиру 1 октября тов. Ширявскому. ДЧСК Илюшечкина.

Проводились занятия в драматическом, украинском литературном и фотографическом кружке.

Библиотека работала нормально, выдано 66 книг.

В тихом клубе играли в шахматы и шашки, а также в новую игру «Путешествие вокруг света».

Коммунар Иванов громко разговаривал в тихом клубе, на сделанное мною замечание не обратил внимания и только по требованию присутствующих коммунаров прекратил.

Была сыгровка оркестра. ДЧСК Илюшечкин.

Рапорт командира оркестра

Дежурному командиру 1 октября тов. Ширявскому.

Командира оркестра Жмудского.

Рапорт.

Сыгровка состоялась по расписанию. Играли: Василенко, Фантазии из революционных песен Запада; Верди, Попурри из «Риголетто»; Богуславский, «По зри».

Коммунар Алексюк погнул свой корнет.

Командир оркестра Жмудский.

Вечерний рапорт дежурного члена санкомиссии

Дежурному командиру 1 октября тов. Ширявскому.

ДЧСК Клеточкина.

Во время ужина воспитанник Лазарев Петя пришел в столовую с грязными руками и был мною удален из столовой. Ужинал он после всех.

ДЧСК Клеточкина.

Рапорт командира сторожевого отряда

Дежурному командиру 1 октября тов. Ширявскому.

Командир сторожевого отряда М. Бондаренко.

Рапорт.

По сторожевому отряду все благополучно. Воспитанник Кидалов забыл в умывальной свое полотенце и заявил о его пропаже.

Необходимо обновить приборы для чистки ног на главном входе.

Командир сторожевого отряда М. Бондаренко.

Рапорт дежурного командира по коммуне

1 октября 1932 г.

Комотряда 2 Шириявского.

Тов. начальник коммуны, настоящим доношу, что в дежурстве по коммуне 2 отряда все благополучно, за исключением: воспитанник Карашевич уходил без отпуска в город и возвратился только ко второму ужину. В объяснение сказал, что прибыл из санатория его больной отец, и он спешил с ним увидеться.

Прошу обратить внимание на рапорт:

Дежурного члена клубного совета.

Командира сторожевого отряда.

Командира оркестра.

9 отряда.

Деж. командир Шириявский.

Протокол заседания совета командиров

1 октября 1932 г.

Присутствовали: Командиры всех отрядов и групп коммуны. Макаренко, Дидоренко, Шершнев.

Слушали: О поведении Карашевича, ушедшего в город без отпуска.

Выясняется, что отец Карашевича тяжело болен и находится на излечении в Сухуме. В Харьков он не приезжал и никаких свиданий с отцом у Карашевича быть не могло.

Карашевич наврал дежурному командиру Шириявскому.

Постановили: Принимая во внимание, что Карашевич живет в коммуне уже четвертый месяц и до сих пор не умеет достойно вести себя в коммуне, уходит без отпуска и бродит по городу, врет и ведет себя менее солидно, чем малыши 13 отряда, что он не имеет никакого понятия о чести быть коммунар-дзержинцем,— поручить командиру 13 отряда объяснить Карашевичу, как должен вести себя коммунар-дзержинец.

Слушали: О порядке культпохода в «Березиль» 6 октября.

Постановили: Так как на культпоход ассигновано по смете коммуны 750 рублей, а нужно 1400 рублей, ассигновать из фонда совета командиров 650 рублей.

Культпоход провести в таком порядке: до городского парка перебросить коммуну на грузовиках, от парка до театра маршем, обратный путь в таком же порядке.

Слушали: Заявление инструктора Базилевича о том, что воспитанник Яновский делает много брака на сверлильном станке.

Постановили: Принимая во внимание, что в заготовительном цеху нехватает кондукторов, считать Яновского невиноватым в браке. Поручить коммунару Землянскому нажать на администрацию.

Секретарь совета командиров Волченко.

КОНСТИТУЦИЯ СТРАНЫ ФЭД¹

На общих собраниях коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, в органах комсомола и самоуправления, в быту и практике в течение пятилетней работы коммуны выработались правила и нормы, которые составляют как бы неписанную нашу конституцию, они определяют весь распорядок и ход жизни в коммуне.

Основные из них состоят в следующем:

Каждый вновь прибывающий в коммуну товарищ впредь до особого постановления совета командиров не имеет звания коммунара и считается воспитанником коммуны.

Воспитанник по прибытии в коммуну не может быть допущен в спальни и на работу до осмотра его врачом, купанья в бане и получения свежего белья и коммунарской одежды.

Воспитанник вступает в отряд коммунаров, и командир отряда должен немедленно назначить к нему одного из старых коммунаров для ознакомления его с коммунной и правилами коммунарской жизни и для помощи новичку на первое время.

Независимо от этого, бюро комсомольского коллектива в свою очередь назначает к новичку товарища для руководства его поведением до получения новичком звания коммунара, для наблюдения за его первым ростом в коммуне и развитием.

Воспитанник в отличие от коммунара может уходить из коммуны только с письменным отпуском; он может получать деньги на руки из своего заработка каждый раз только с разрешения совета командиров; он не имеет права заходить в спальни в течение дня без письменного разрешения; он не может быть избран ни в один орган коммунарского самоуправления и не может быть членом сторожевого отряда в коммуне.

Однако в общем собрании коммунаров воспитанник участвует с правом решающего голоса.

Совет командиров или бюро комсомольского коллектива имеет право перевести в воспитанники товарища, уже имеющего звание коммунара, за проступки, лишаящие его доверия коммунаров, за грубое нарушение интересов коммуны, за всякий поступок, позорящий коммуну и звание коммунара.

Коммунар имеет право уходить из коммуны в отпуск в свое свободное время, но должен предварительно доложить об этом начальнику коммуны или его помощнику или ССК. Уход в отпуск без такого доклада считается самовольным оставлением коммуны.

На производстве, в быту, в школе, во всех видах работы и в поручениях начальника коммуны, его помощника, преподавателей, мастеров и начальника завода, ССК, своего командира и его помощ-

---

¹ В колонии им. М. Горького был разработан устав, определяющий правила внутреннего распорядка, права и обязанности колонистов и воспитанников и т. д. Этот документ, известный под названием «конституция», не сохранился.

«Конституция» коммуны им. Ф. Э. Дзержинского представляет собой дальнейшее развитие и углубление традиций колонии применительно к новым, более сложным условиям коммуны им. Ф. Э. Дзержинского.

ника каждый коммунар должен всегда быть исполнительным и точным, он должен всегда строго и точно выполнять правила коммуны и в каждом деле прежде всего отстаивать и наблюдать интересы всей коммуны, а потом уже свои собственные или отдельных товарищей. Всякое приказание, законно изданное, коммунар должен немедленно выполнить, в знак чего, получая приказание, должен салютовать в ответ «есть».

Получая на заводе зарплату, коммунар обязан вносить ежемесячно определенную часть ее за свое содержание в коммуне; половину остатка вносить в сберкассу на свое имя до окончания коммуны, а оставшиеся деньги, как карманные, он может расходовать по своему усмотрению, исключая покупку вина или покупку одежды, нарушающей коммунарскую форму.

Общее собрание, как правило, должно быть всегда открытым. Присутствие всех коммунаров и воспитанников на собрании обязательно. Председательствует на общем собрании секретарь совета командиров или его заместитель.

Каждый коммунар может возбудить на общем собрании любой вопрос, но обсуждение его может быть поставлено или не поставлено председателем, передано совету командиров или другой организации.

Ведению общего собрания подлежат все вопросы коммунарской жизни, его решения считаются окончательными и могут быть изменены только правлением коммуны.

Общее собрание имеет право накладывать на коммунаров в случае особенно тяжелых поступков взыскания: лишение отпусков, лишение звания коммунара, лишение карманных денег, выговоры, замечания, дополнительные работы, снятие с работы и с производства, снятие с командирской работы, наконец, ходатайствовать об увольнении из коммуны перед правлением.

Все коммунары делятся на отряды. Число отрядов и число коммунаров в каждом отряде, а также вопрос о принципе подбора коммунаров в отряде решается общим собранием по представлению совета командиров.

Отряду предоставляется несколько или одна спальня с точным по числу членов отряда количеством постелей и шкафов.

Отрядом командует командир отряда, у которого может быть один или несколько помощников. В каждой спальне должен быть один помощник на правах старшего по спальне.

Командир отряда избирается на шесть месяцев на общем собрании коммунаров (на специальном общем собрании). Каждый отряд выдвигает своего кандидата в командиры отряда.

Помощники командиров избираются советом командиров из состава отряда по представлению командира отряда на срок, равный сроку выбора командиров.

В случае надобности совет командиров имеет право отстранить командира от командования отрядом и избрать на его место другого коммунара с последующим утверждением этого на общем собрании коммунаров.

Командир отряда имеет право приказания в отряде в течение рабочего дня в школе, в спальне, в быту. Он отвечает за дисциплину в отряде, за чистоту спален, классов, постелей, одежды, лица, рук,

за проветривание помещений и за сохранность оборудования спален и классов.

Он заботится об отряде, следит, чтобы все полагающееся отряду было выдано в срок и нормального качества, представляет все требовательные списки по заказу хозяйственной части.

Он назначает в совете командиров на работу. Каждый командир состоит членом совета командиров. Каждый день он обязан сдавать рапорт дежурному командиру.

В начале месяца командир должен составить распределение труда коммунаров по общей уборке, в течение месяца следить за правильным выполнением этого распределения. Он должен наблюдать за поведением отдельных коммунаров, беседовать с ними в случае их ошибок, следить за успехами их в школе и помогать им не отставать путем личной помощи или назначения отдельных старших товарищей из отряда.

Отряд, если он избран по принципу школьной группы, отвечает за определенный класс, его чистоту и сохранность оборудования.

На производстве все коммунары разделяются на бригады согласно производственной расстановке коммунаров. Бригада объединяет коммунаров, работающих на определенной группе станков в первую и вторую смену.

Бригада выделяет из своей среды бригадира, согласовывая его избрание с администрацией завода. Бригадир является руководителем бригады на производстве в области порядка и дисциплины.

Группа бригад, объединяющих определенный отрезок завода, руководится командиром группы, избираемым на тех же основаниях, как и командиры отрядов, участвующих в совете командиров и сдающих ежедневные рапорты на общих основаниях.

Командир группы отвечает за работу группы и прежде всего за выполнение промфинплана.

Командир отряда и командир группы не освобождаются от производственной и школьной работы и несут свои обязанности дополнительно и бесплатно.

На каждый месяц совет командиров избирает сторожевой отряд с отдельным командиром.

В совет командиров, кроме избранных командиров, входят с правом решающего голоса: начальник коммуны, помначальника коммуны, начальник хозяйственной части, начальник завода, врач, секретарь комсомольского коллектива, члены правления коммуны.

Председательствует в совете командиров секретарь совета (ССК), избираемый общим собранием коммунаров вместе с командирами на шесть месяцев.

Совет командиров является главным руководящим органом коммунарского самоуправления, и все остальные органы обязаны перед советом отчетом и руководятся его указаниями и постановлениями.

Секретарь совета командиров (ССК) освобождается от работы на производстве и получает зарплату, равную его среднему заработку на производстве в момент его выборов.

ССК обязан приводить в исполнение все постановления совета командиров, наблюдать за работой дежурных командиров, издавать

приказы от имени совета командиров и участвовать в решении всех текущих вопросов вместе с начальником коммуны.

ССК имеет право единолично накладывать взыскания и давать отпуска коммунарам и воспитанникам, посещать уроки всех курсов, имеет право приказания в течение дня.

Все командиры отрядов и бригад дежурят по коммуне по порядку номеров своих отрядов по двое каждый день.

Дежурный командир (ДК) на день своего дежурства освобождается от работы на заводе и получает зарплату в размере среднего дневного заработка за данный месяц. ДК ведет весь рабочий день коммуны. ДК подымает коммуну от сна в 6 часов утра, принимает рапорт ДЧСК о проведенной уборке коммуны, проводит поверку коммунаров, дает распоряжение о сигналах «на работу», «кончай работу», «в столовую», «на рапорта», «в клуб» и пр.

Он следит за своевременным приготовлением пищи, в столовой наблюдает за порядком, за правильным распределением пищи и ее подачей на столы.

ДК наблюдает за поведением коммунаров в течение дня, принимает гостей и делегации, наблюдает за порядком вечером в клубах и в классных помещениях, принимает рапорты командиров отрядов и отдает рапорт начальнику коммуны или его помощнику о прошедшем дне.

Все распоряжения ДК должны беспрекословно выполняться всеми коммунарами. Он имеет право снять с работы, с классной группы и удалить из столовой, клуба и другого помещения коммунара, нарушающего порядок и не подчиняющегося его приказанием. ДК должен всегда находиться в парадной форме и иметь на левом рукаве красную повязку.

Санитарная комиссия избирается общим собранием коммунаров одновременно с советом командиров в составе семи членов. Она устанавливает правила поддержания чистоты в коммуне, чистоты одежды и тела коммунаров, порядок уборки, порядок смены белья и пользования баней, делает выводы о санитарном состоянии целых отрядов, отдельных коммунаров и помещений в коммуне. Все члены санкомиссии дежурят по очереди в течение одного рабочего дня. Дежурный член санитарной комиссии (ДЧСК) свое дежурство проводит вместе с ДК и является главным его помощником.

ДЧСК принимает утреннюю уборку коммуны и классов после конца занятий каждой смены, принимает станки после конца работы, наблюдает за сохранением чистоты в коммуне, в столовой, отдает вечером обычный рапорт ДК. ДЧСК носит повязку на левой руке с красным крестом. Утренняя уборка коммуны распределяется в совете командиров на месяц вперед между отрядами коммунаров; распределение ее между членами отряда производится самим отрядом.

Столовая комиссия избирается общим собранием коммунаров в составе трех коммунаров вместе с советом командиров сроком на шесть месяцев.

Столовая комиссия вместе с начальником хозяйственной части устанавливает сметы расходов на пищу, устанавливает меню на каждый день, следит за его выполнением. Руководство своей столовой комиссия проводит через старшую хозяйку, назначаемую советом.

командиров на каждый месяц. Старшая хозяйка освобождается от работы на производстве и получает зарплату по среднему сдельному за прошлый месяц.

На обязанности старшей хозяйки лежит: наблюдение за правильным получением продуктов на кухне, правильным их использованием и за выдачей пищи в столовую.

Каждый коммунар должен приходиться в столовую в свою смену и занимать принадлежащее ему место, ожидая, пока ему подадут пищу.

Хозяйственная комиссия избирается общим собранием коммунаров вместе с советом командиров сроком на шесть месяцев в составе трех командиров. Хозкомиссия вместе с начальником хозяйства, комендантом и кастеляншей ведет учет и ведает заготовлением и распределением одежды коммунаров, следит за правильностью ее носки и вынесением в расход. Она ведет учет мебели в коммуны, ведает ее распределением в помещениях коммуны, ее целостью и сохранностью, во-время отдает ее в ремонт или чистку.

Клубный совет, ведающий всей клубной самодеятельной работой, избирается общим собранием на шесть месяцев в составе пяти коммунаров. На каждый день клубный совет выделяет дежурного члена клубного совета, на обязанности которого лежит наблюдение за дневным течением клубной работы и отдача рапорта вечером ДК.

Оркестр выделен из ведения клубного совета и непосредственно подчиняется совету командиров. В оркестр коммунары входят по своему добровольному желанию, но, один раз записавшись в оркестр, коммунар не имеет права оставить его до своего выхода из коммуны. Во главе оркестра стоит командир оркестра, который отвечает за дисциплину в оркестре, за исправность инструментов, за порядок в музыкальной комнате и помогает капельмейстеру в его учебной и концертной работе.

Штаб соцсоревнования избирается общим собранием коммунаров сроком на шесть месяцев в составе трех лиц. Штаб соцсоревнования вырабатывает нормы измерения успехов соревнования по школе, быту и дисциплине и в постоянном согласовании с педагогическим советом, учетным аппаратом производства и советом командиров ведет учет показателей по всем линиям соревнования, отображает их на специальной диаграмме, вырабатывает модусы премирования и список премируемых лиц и представляет их в правление коммуны. Лучшие отряды по быту и школе в порядке премирования получают одно из двух коммунарских знамен. Каждого первого числа заканчивается цикл премирования и передача знамен.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЫПУСКНИКОВ¹

I. Группа Харьковского машиностроительного института

1. Клюшнев, Один из самых культурных и упорядоченных коммунаров, очень много поработавший в коммуны, между прочим,

¹ «Характеристики выпускников» написаны А. С. Макаренко как материал к отчету о работе коммуны им. Ф. Э. Дзержинского за 1932/33 уч. г. В тексте сохранены те фамилии, под которыми коммунары описаны в произведениях: «Марш 30 года» и «ФД-1». Во

исизменный командир первого взвода. Оказывает очень хорошее влияние на коммунаров, благодаря своему спокойному характеру и рассудительности. Политически и морально вне сомнений.

2. *Борисов*. Самый молодой из наших студентов, ему сейчас только 17 лет, но без сомнения самый способный. К сожалению, у него сильны элементы эгоизма, и поэтому в коммунарской общественной жизни мало принимал участия. Несмотря на это, был всеобщим любимцем благодаря хорошему характеру. Очень развит и абсолютно честен. Школу окончил отлично.

3. *Никитин*. Был в самом главном активе коммуны и одно время ССЖ. Человек, преданный коммуне, очень восприимчив к коллективным явлениям. Хорошая работоспособность. Есть еще остаток беспризорности в явлениях характера: некоторая недоверчивость к окружающим. Человек серьезный.

4. *Панов*. Исключительные способности, живой характер и искренность давно выдвинули его в первые ряды в коммуне. Совершенно честен, очень развит, интеллигент, что не мешает ему быть хорошим токарем. К недостаткам нужно отнести наклонность к резонерству. Политическое воспитание по отношению к Панову было не таким легким делом, сейчас он абсолютно устойчив в убеждениях.

5. *Похожай*. Умен, способен, хорошо дисциплинирован. Отличается замечательно бодрым постоянным настроением, вообще лучший тип коммунара. В коммуне и в комсомоле был всегда в ведущих рядах, одним из лучших командиров. Совершенно честен. За него можно ручаться во всех отношениях.

6. *Круксов*. Способен, не глуп, но очень часто у него бывают срывы мысли или характера, которые в коммуне назывались «круксизмом». Иногда бывает вздорным или резонером. Слабо поддавался дисциплине и часто был склонен противопоставить положениям дисциплины собственное рассуждение. Были небольшие срывы и политические. В последнее время заметно выровнялся и сделался более уверенным в себе комсомольцем, сохранив хорошие черты: способность к анализу, живой характер.

7. *Матвеев*. Еще молод, есть в характере черты легкомыслия, еще недостаточно развит. В институт пошел, потянувшись за другими. Уверенным в успехе еще нельзя быть, все будет зависеть от того, сохранят ли на него влияние старшие. Может и лениться. Грубоват, вообще не забыл некоторые следы беспризорности. При этом честен.

8. *Таликов*. Во всех отношениях примерный коммунар, способный, дисциплинированный, бодрый. В характере очень ровен, «улыбчив», возможно, что сознательно понимает пользу такого характера. Очень трудолюбив, умеет выбирать главную линию, не разбрасываясь по сторонам.

9. *Зотов*. Признанный вождь наших студентов, человек, обладающий наибольшей эрудицией, действительно много знающий, серьезен, культурен, очень вежлив, коммунар, почти не имевший

многих случаях А. С. Макаренко характеризует коммунаров, как будущих граждан и работников. Уместно подчеркнуть, что эти характеристики жизнь вполне подтвердила. «Характеристики выпускников» публикуются впервые.

проступков за пять лет жизни в коммуне. На него можно положиться в любом деле, как на взрослого культурного человека, обладающего большим достоинством, и умного. Идет в машиностроительный институт. Отличается большой работоспособностью. Без всякого сомнения, из него будет самый дельный инженер.

II. Группа университета

10. *Сokolov*. Очень трудолюбив и усидчив. Хорошо развит и совершенно культурен, серьезен. Принимал самое активное участие в жизни коммунарского коллектива и никогда не имел никаких срывов.

11. *Сторчакова*. Одна из самых серьезных коммунарок, активная комсомолка. Совершенно политически воспитана — кандидат партии, была секретарем комсомола в коммуне. Очень честный и культурный человек, но, к сожалению, в характере несколько излишняя сухость.

12. *Бобина*. Средних способностей, тиха, мало активна, но добросовестна и работоспособна. Отличается отсутствием сколько-нибудь ярких черт в характере.

13. *Сидоренко*. Хорошие способности, очень трудолюбива, но невыносимо тиха, застенчива, старается всегда быть в одиночестве или рядом с ближайшим другом. С большим трудом удалось выбрать для нее факультет, так как ей казалось, что нигде она не справится. Очень женственна, и это обстоятельство ей прямо мешает. Училась в школе отлично.

14. *Камардинов*. Самый боевой коммунар, умный, прямой, обладающий даром слова и умением руководить и вести за собой массу. Был всегда во главе коммунарского коллектива, даже в то время, когда не занимал официального поста. Сознательно посвящает себя политической работе и обещает быть незаурядным политическим работником.

15. *Ширяевский*. Друг Камардинова, но менее яркий, чем тот. Имел большой беспризорный стаж, но совершенно избавился от всех следов беспризорности, кроме некоторой отсталости в развитии. Серьезен и хорошо направлен.

III. Московский физкультурный институт

16. *Торская*. Хорошие способности, но неяркий характер. Идет в институт, не руководствуясь особенной преданностью к физкультуре. В данное время ей просто интересно, чему ее там научат. В этом отношении она не способна очутиться в тяжелом положении: не понравится в этом институте, перейдет в другой, заранее уверенная, что с пути не сойдет и что из нее будет полезный человек. Можно быть уверенным, что никаких неприятных осложнений в ее жизни не будет.

17. *Редько*. Человек странный. Во время собраний бывает остроумен и находчив, но вообще способности средние. Очень много следов беспризорности, главным образом, в мышлении, морально совершенно выправлен. Иногда склонен «побузить» из упрямства. Не уверен в своих силах, потому что чувствует некоторую отсталость. Идет в физкультурники и на самом деле физкультуру любит.

IV. Горьковский институт инженеров водного транспорта

18. *Конисевич*. Дисциплинирован, честен, способный и восприимчивый человек, прекрасный товарищ, горячо преданный коммуе. Обладает литературными способностями, но сознательно избирает дорогу инженера. К водному транспорту его привлекает некоторая романтичность натуры, сознательно отдающей себе отчет в эстетической ценности впечатлений и напряжений жизни — хочет обставить себя пароходом, рекой, берегами.

19. *Гочгаренко*. Почти противоположен по характеру Конисевичу, молчалив, скромен, обладает хорошими способностями. Смелый. Мечтатель, поэтому нашел общий язык с Конисевичем. Ему хочется более новой, красочной обстановки, чем обыкновенный завод.

V. Медицинский институт

20. *Иванов*. Единственный не комсомолец. Был исключен из комсомола три года назад и с тех пор в комсомоле не восстановился. Коллектив до конца не перестал относиться к нему подозрительно и имеет для этого основания.

Иванов с внешней стороны очень культурен, вежлив, развит, не глуп и работоспособен. Но это в существе не честная натура, и положиться на него нельзя. Мы и теперь не уверены, что у него все окончится благополучно. Можно надеяться только на то, что Иванов очень осмотрителен, осторожен и дипломат. Может быть, в силу осторожности удержится. Но... когда он будет уже врачом, с ним возможны всякие случаи.

VI. Московский авиационный институт

21. *Илюшечкин*. Очень способен, уживчив, вежлив и хорош собой, напоминает девочку, но на самом деле мужественен и может быть даже грубоватым. Давно интересуется аэропланами и интеллектуально предан идее конструкции аэроплана, увлечен новостью этого дела и большими перспективами его развития. Культурен. Можно на него положиться.

22. *Салько*. Культурен. Совершенно честен, имеет большие способности и отличается напористостью и умением добиться цели. Будет прекрасным инженером, потому что имеет очень ясно выраженные способности конструктора и возможности дальнейшего роста. Дисциплинирован, коллективист, прекрасный товарищ, вежлив и прямодушен. В руках у него работа всегда ладится еще лучше, чем в тетради.

23. *Герентюк*. Окончил первым студентом, но во время вступительных испытаний заболел и поэтому мог поступить только на последний курс рабфака. Безусловно, его переведут на первый курс. Большие способности, принадлежит к типу спокойных башковитых людей. Серьезен, но в характере есть еще остатки беспризорности: бывает угрюм, недоверчив.

24. *Файнер*. Способен, но с ленцой. Будет тем не менее тянуться за другими потому, что прекрасно понимает необходимость учиться. Личность интересная. Математические способности, музыкален.

25. *Бронфельд*. Способный мальчик, но еще молод. Будет хорошо идти потому, что не представляет себе другого пути, как учебы. Хотя характер еще не совсем определился, но он коллективист, смел, активность пока средняя, склонностей к преобладанию нет. В школе был среди лучших.

26. *Буряк*. Способный, спокойный, хорошо настроенный юноша, активный комсомолец, очень рассудителен и с неплохим анализом. Честен и культурен, несмотря на внешнюю неповоротливость.

VII. Московский институт иностранных языков

27. *Беленкова*. В коммуне с самого начала, очень добрая девочка, склонная к бодрости, но всегда отличалась неуживчивым характером и часто участвовала в ссорах с товарищами. Долгое время не имела никакого авторитета среди коммунаров и считалась образцом легкомыслия, но в последний год доказала, что обладает незаурядными способностями, в особенности к языкам. Была в коммуне лучшим знатоком немецкого языка и давно избрала себе путь языковеда. Хорошо выдержала испытания в Москве. В коммуне значительно улучшила свой характер и недавно с успехом отбыла командирский стаж.

VIII. Вольская азиатехническая школа

28. *Пивень*. Один из самых способных коммунаров, но в то же время больше других принес с собой остатков беспризорности и висел в коммуне на волоске. Очень скоро, впрочем, принял на себя все полезные влияния коллектива и сделался одним из активных и передовых комсомольцев. В особенности отличился горячим участием в ноябрьском штурме 1931 г., с тех пор был в большом почете у коммунаров. Окончил школу одним из первых учеников.

29. *Агеев Александр*. В коммуне с самого начала, был представителем интеллигенции, писателем и поэтом, руководителем литературного кружка. Учился в школе хорошо. С постройкой нового завода постепенно переключился на технику и неожиданно выбрал себе работу авиационного техника. Хороший комсомолец и товарищ. Очень культурен и совершенно честен.

30. *Дорошенко*. Обладает способностями, но имеет вялый характер, что мешало ему быть в первых рядах коммунаров. Обладает здравым смыслом и спокойной уверенной формой высказывания.

31. *Каплуновский*. С большим беспризорным стажем, но вконец избавился от остатков беспризорности. Культурный и честный человек, к сожалению, чрезвычайно застенчив и поэтому в коллективе был в тени. Тем не менее нельзя его назвать пассивом, он никогда не отказывался ни от каких нагрузок и все, что ему поручали, выполнял хорошо. Школу окончил хорошо.

IX. Ленинградская школа совторгфлота

32. *Козырь*. В коммуне с самого начала. При средних способностях был одним из самых страстных людей, преданных коммуне и участвующих в работе с полной преданностью. В характере еще и теперь много остатков беспризорности: грубоватость, недоверчивость. Один из лучших производственников. Человек с воображе-

нием, поэтому давно мечтает о карьере моряка, чтобы много видеть, много ездить. Очень возможно, что морская действительность, на самом деле, не такая эстетическая, как воображает Козырь, покажется ему не столь привлекательной, и поэтому возможны у Козыря еще перемены пути.

33. *Студецкий*. В коммуне пользуется некоторым авторитетом. Человек вообще честный и с хорошими намерениями, но с склонностью к неполноценным рассуждениям. Внутренне озлоблен и завистлив, но старается быть хорошим товарищем, это ему отчасти и удается. Хороший шлифовальщик, но на производстве активным себя не показал. В глубине его натуры можно рассмотреть хорошо спрятанный крепкий эгоизм. В морскую школу идет из соображений практических.

34. *Богданович*. Очень добропорядочная, честная и благородная натура. Мало верит в свои силы. Коммунар всегда был хороший, и его любили. На производстве работал с средним успехом, на рабфаке поленивался, поэтому боится идти в ВУЗ, выбрал морскую школу как такую, в которую легко поступить. Моряком будет хорошим. Политически безупречен, дисциплинирован.

35. *Лучий*. Хорошо настроенный, но малоспособный и малокультурный человек с недостаточным развитием. Есть склонность к лени, преодоленная коммуной только отчасти. Попробовал в прошлом году учиться в машиностроительном институте, но бросил. Убежденный футболист, но и в этой области особых успехов не обнаружил. Хороший, спокойный характер. Многое будет зависеть от окружения.

Х. Московский геолого-разведочный институт

36. *Черный*. Большие способности, культурен, абсолютно честен, не осталось никаких следов беспризорности. С внешней стороны очень нескладен и некрасив, тип интересный: способен к большим напряжениям и в глубине очень живая и цельная натура. Интересуется разведочной работой, мечтает исколесить весь Союз.

XI. ГПУ УССР

37. *Швед*. Признанный политический деятель и оратор коммуны. В самом деле обладает незаурядными способностями оратора, политически развит и умен. Но значительно избалован в коммуне и мало работает над собой, почти отвык от неинтересного делового напряжения. Необходимо восстановить у него трудовую дисциплину и приучить к работе над деталями.

38. *Красная*. Способная, честная, культурная девочка. Училась прилежно и хорошо. Хорошо воспитана, но в характере попадаются капризные нотки. Развитие среднее, на эту сторону нужно еще обратить внимание. Политически развита выше, чем другие девочки.

39. *Харланова*. Серьезный, культурный и честный человек. Большая работоспособность и значительное политическое развитие. Кандидат партии. Способности средней величины, но это значительно улучшается активной способностью к работе.

ХII. Работают в коммуне

40. *Скребигов.* Один из способных коммунаров, учился в школе прекрасно, член коммунарской верхушки, доказавший не раз способности организатора. Очень работоспособен, культурен. Прославился у нас как художник револьверщик, на работу которого можно смотреть, как на зрелище. Сейчас инструктор револьверной группы и незаменим на нашем заводе. Учиться в ВУЗе будет, но в настоящее время и он и руководство коммуны находят возможным отсрочить это до следующего года, так как он необходим сейчас на заводе.

41. *Долинный.* Замечательно добродушен, великан, но способности к учебе небольшие. Предан коммуне. Попытка попробовать ВУЗ кончилась печально. В коммуне будет хорошим мастером, добросовестный и исполнительный.

42. *Боярчук* Слесарный и конструкторский «гений» коммуны. Замечательно любит всякую работу и совершенно не способен сидеть без дела. Никогда в коммуне не отдыхает и никогда не сбрасывает спецовки. Он и слесарь, и электромонтер, и шофер, и по хозяйству. При этом никогда не интересуется заработком и часто по три месяца не получает его. Точно так же может забыть и об обеде. Учиться не хочет.

ХIII. Финансово-коммерческая сеть

43. *Семенов.* В коммуне считался коммунаром с склонностью к хулиганству, лентяем. В школе учился хорошо. Советом командиров был снят с производства и назначен в хозяйственную часть. Здесь показал себя прекрасным работником и совершенно исправил свой характер. Сейчас общий любимец коммунаров. Честен, вежлив, культурен и по натуре очень добр. Переходит на работу агента снабжения. Энергичен, напорист и любит всякое дело кончать.

ХIV. Армия

44. *Волченко.* Самый старший коммунар, родился в 1912 г. В коммуне был самым лучшим коммунаром, передовым комсомольцем, постоянно активным, преданным и честным руководителем коммунарской массы. Имеет замечательный характер: с внешней стороны очень мил и приветлив, но обладает большой волей и способен очень легко применить эту волю в массовых явлениях. В коммуне его очень любят все: «Волчок». Был секретарем совета командиров и секретарем комсомольского коллектива.

**ЖИЗНЬ КОММУНЫ
ИМЕНИ
Ф.Э.ДЗЕРЖИНСКОГО
В ФОТОИЛЛЮСТРАЦИЯХ**

В связи с пятилетием коммуны им. Ф. Э. Дзержинского был подготовлен альбом фотоиллюстраций. Тематика альбома, монтаж принадлежат А. С. Макаренко. Из фотоиллюстраций альбома здесь публикуются 30 фотоснимков.

Большой педагогический интерес представляют фотографии №№ 3 и 4, названные А. С. Макаренко «Дистанция 5 лет». На первой фотографии (1928 г.) группа ребят, которые были переведены в коммуну из колонии им. М. Горького. Это часть того организационного ядра, о котором пишет А. С. Макаренко в «Марше 30 года». Вместе с ребятами их руководитель — В. Н. Терский. На столе военная игра, изобретенная и изготовленная в коммуне изокружком в свободной мастерской.

На фотографии № 4 те же ребята, в тех же позах, но уже через пять лет (1932 г.). Они возмужали, выражения лиц изменились. На столе уже не игрушки, а электросверлилка, выпуск которой освободил страну от импорта.

Фотография № 13 запечатлела «Строй коммунаров в Харькове». Как и в каждом организованном марше — впереди 1-й взвод, а малыши располагаются далеко позади длинной колонны в 50—60 рядов.

Фото № 14 — «Драматический кружок» со своим «художественным руководителем», автором многих пьес и ревью — А. С. Макаренко. Кружковцы засняты в костюмах действующих лиц политически острого ревью — «Путешествие коммунаров по Европе». Кружок выступал с этим ревью в Харьковских рабочих клубах.

Фото № 25 «На пляже в Бердянске» — старшие со своими «коRESHКАМИ». В первом ряду два коммунара уже студенты, к ним по-братски доверчиво прислонились малыши.

Фото № 27 «В колхозе им. Блинова». Во время похода в Сочи коммунары завели дружбу с местным колхозом и помогли ему в прополке табачных плантаций.

Фото № 30 (из личного архива). А. С. Макаренко с группой воспитанников, окончивших юридический факультет Харьковского университета. Фотография снята в марте 1939 года в последний приезд А. С. Макаренко в Харьков. На обороте карточки написано: «Дорогому Антону Семеновичу, учителю-другу пламенный комсомольский привет».

1. Сигналіст

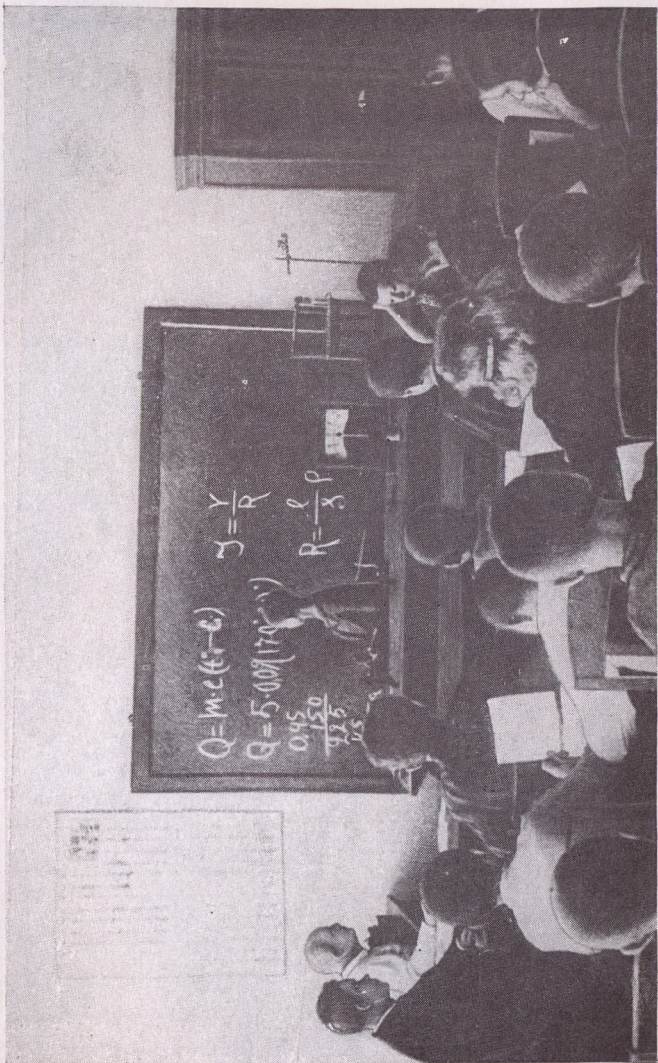
2. Група педагогов коммуну

3. Дистанция 5 лет, 1928 г.

4. Через 5 лет, 1932 г.

5. Испытания по физике

6. Бюро комсомольского коллектива

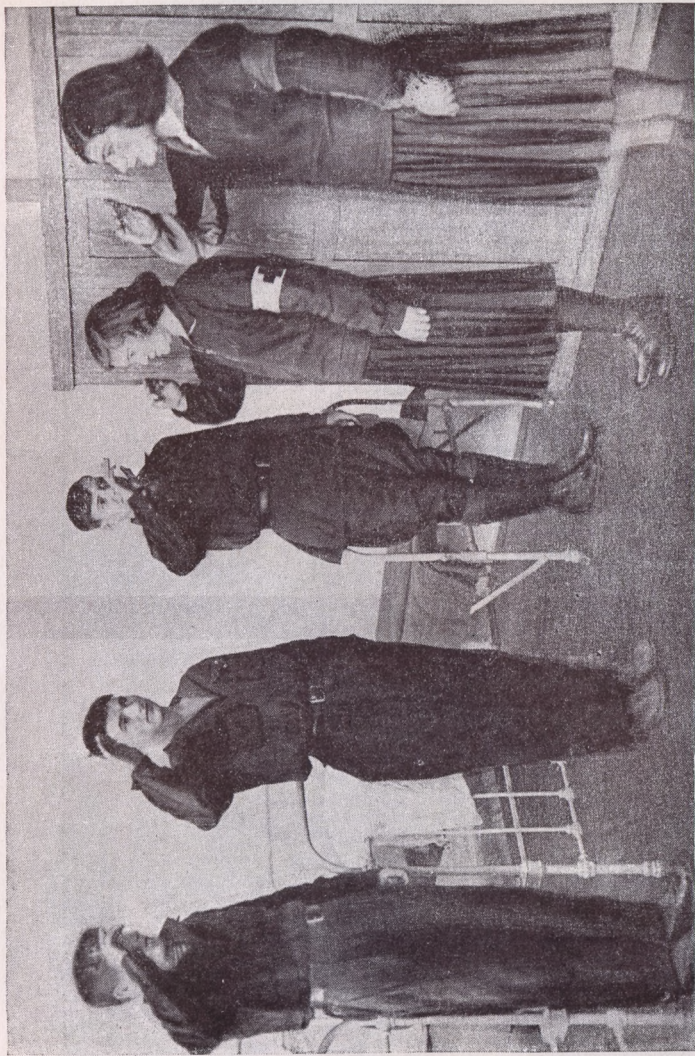
7. Заседание Совета командиров

8. Рапорт командиров

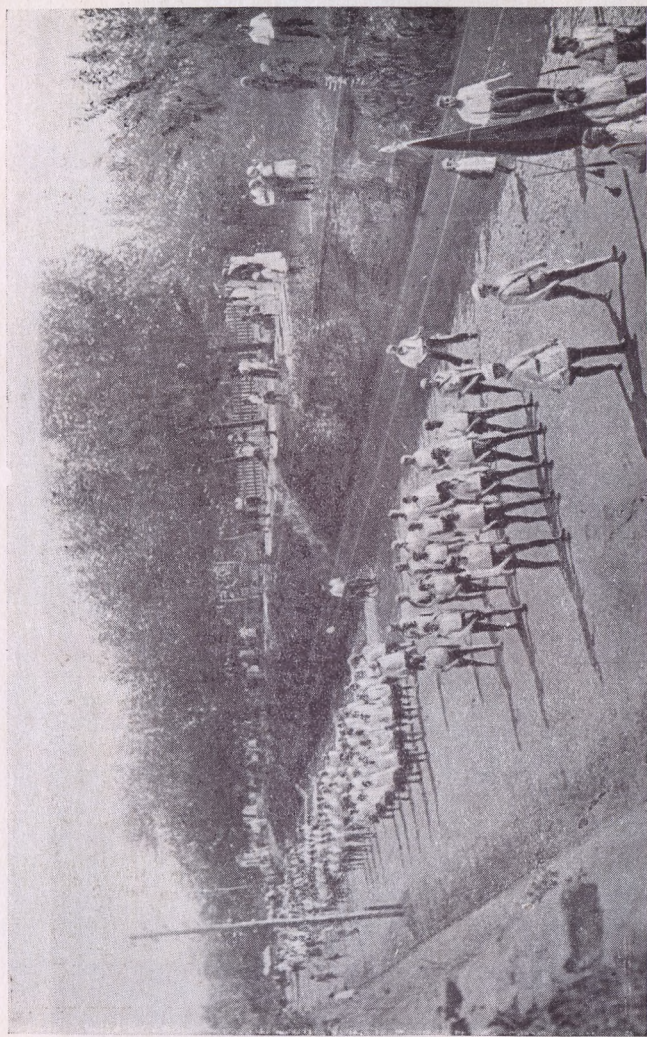
9. Знаменосцы

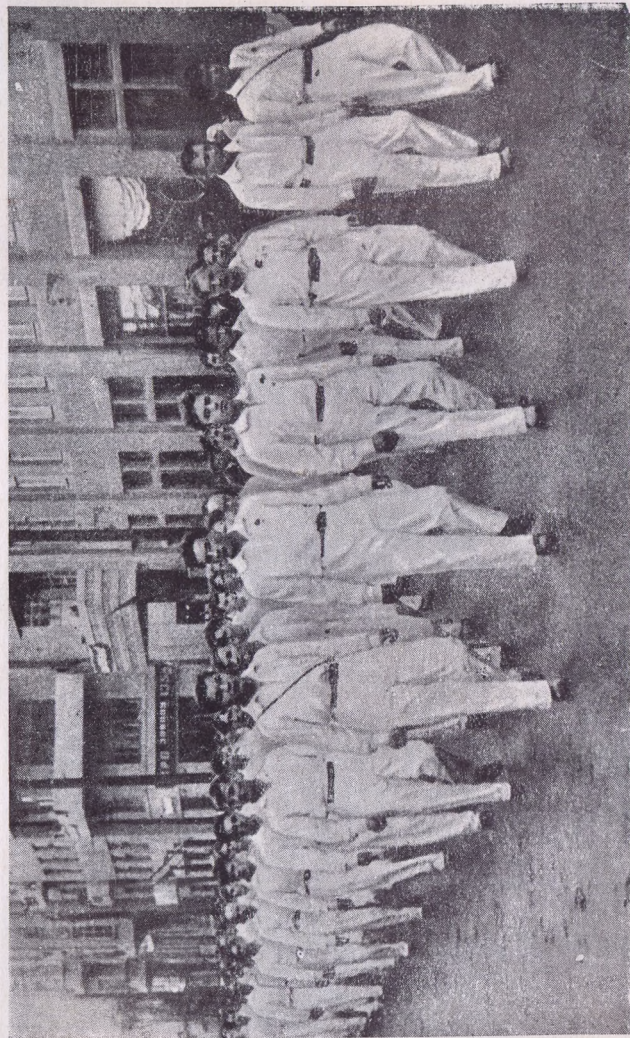
10. Утренняя поверка

11. «Марш 30 года» (коммунары в Ялте)

12. Строй коммунаров в Сочи, 1931 г.

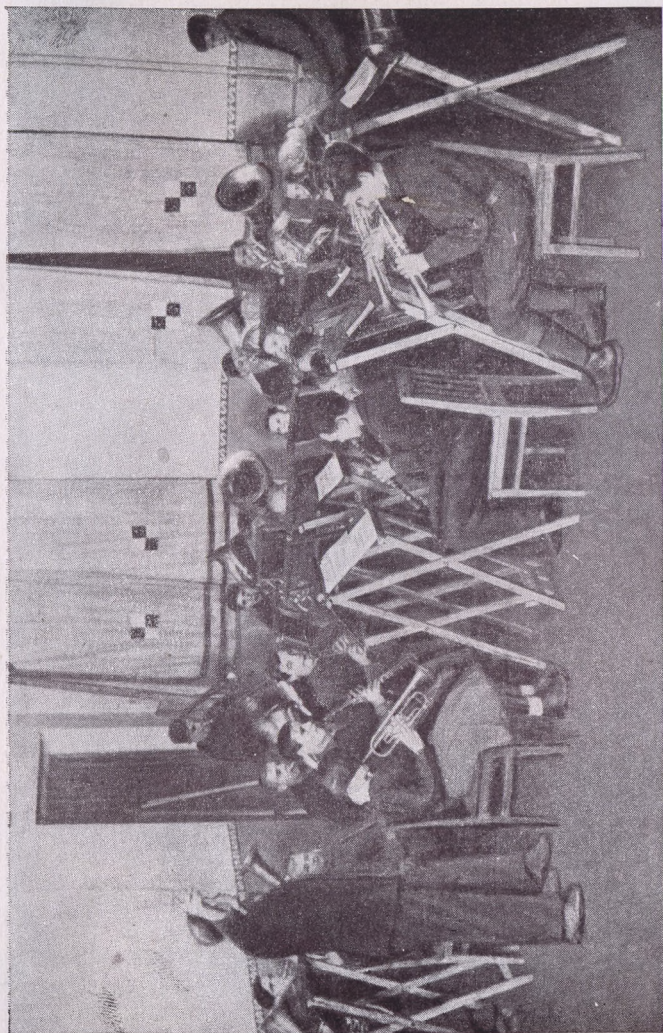

13. Строй коммунаров в Харькове, 1932 г.

14 Драматический кружок

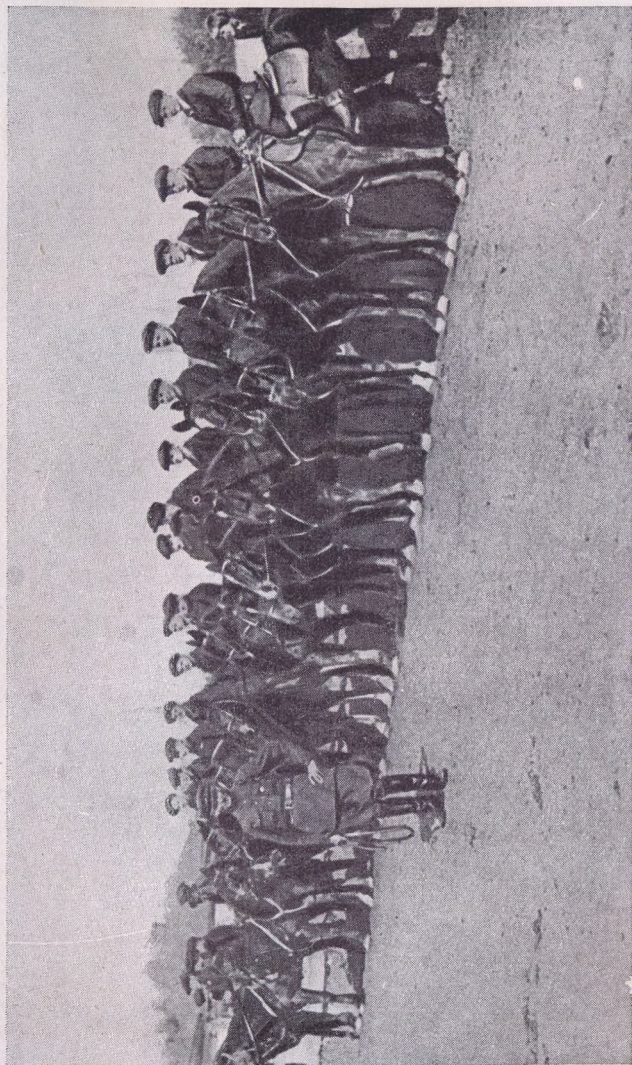

15. Сыгровка оркестра

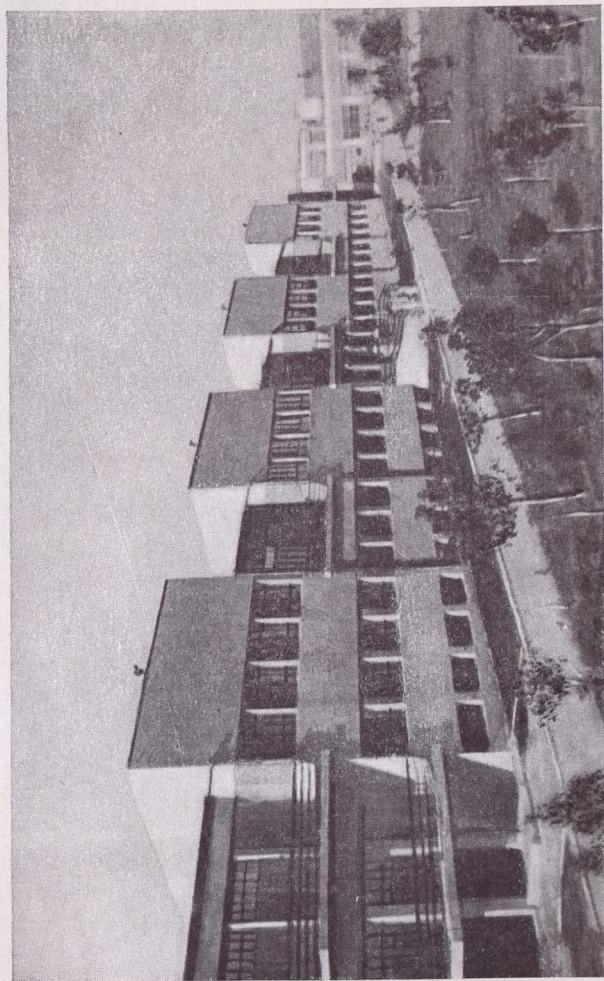
16. Фотокружок

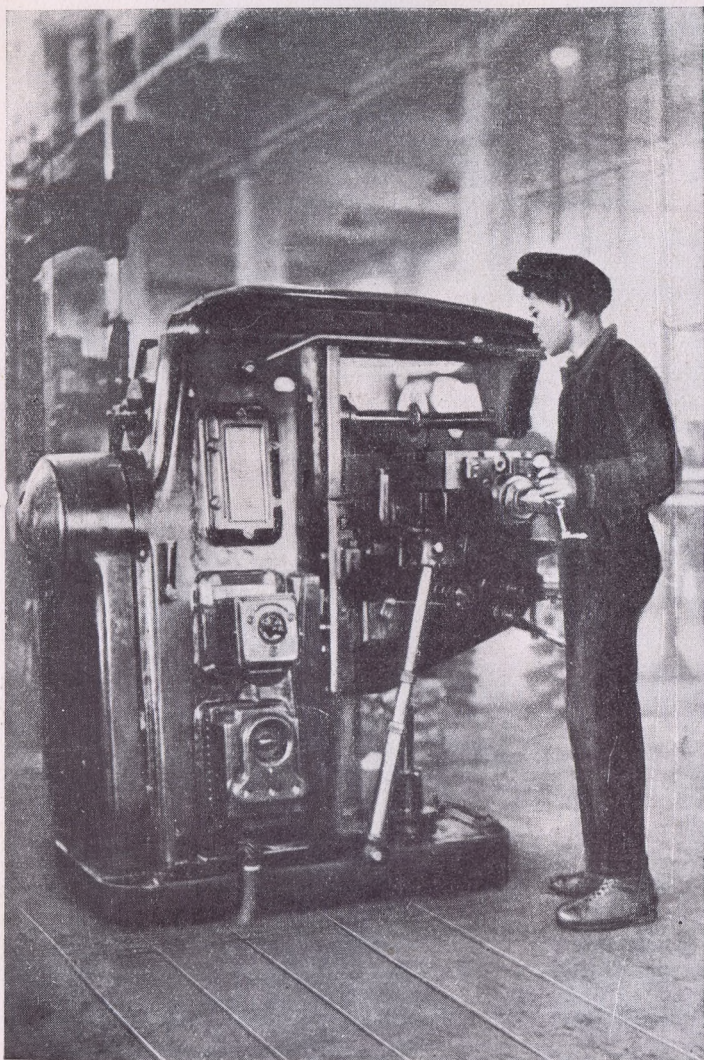
17. Кавалерийская секция

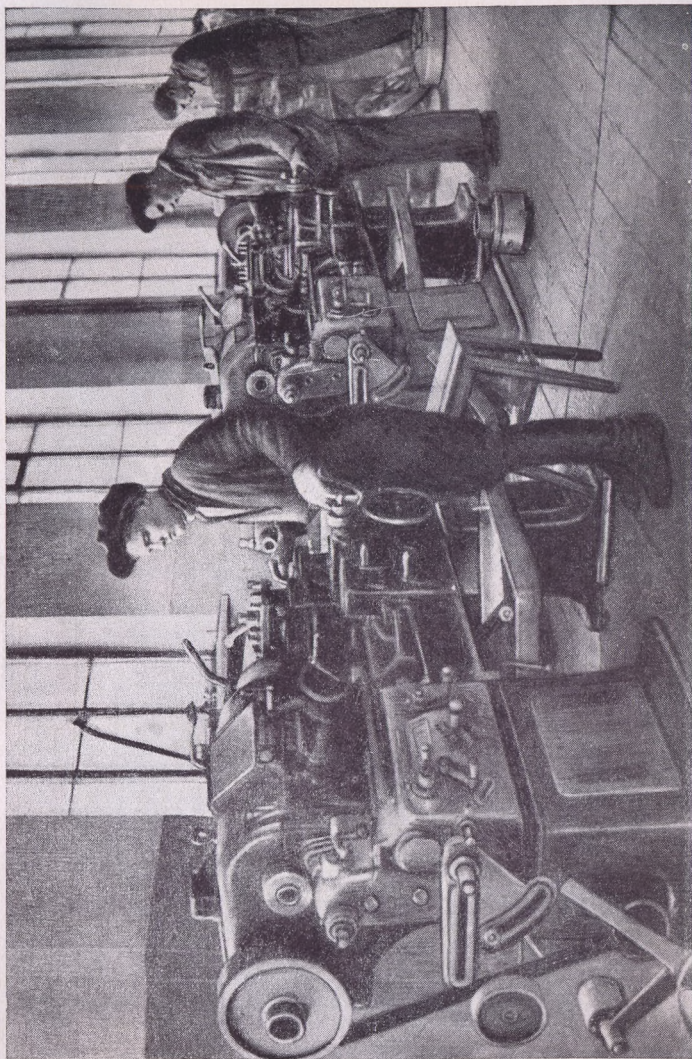
18. Хоккей на коммунарском катке

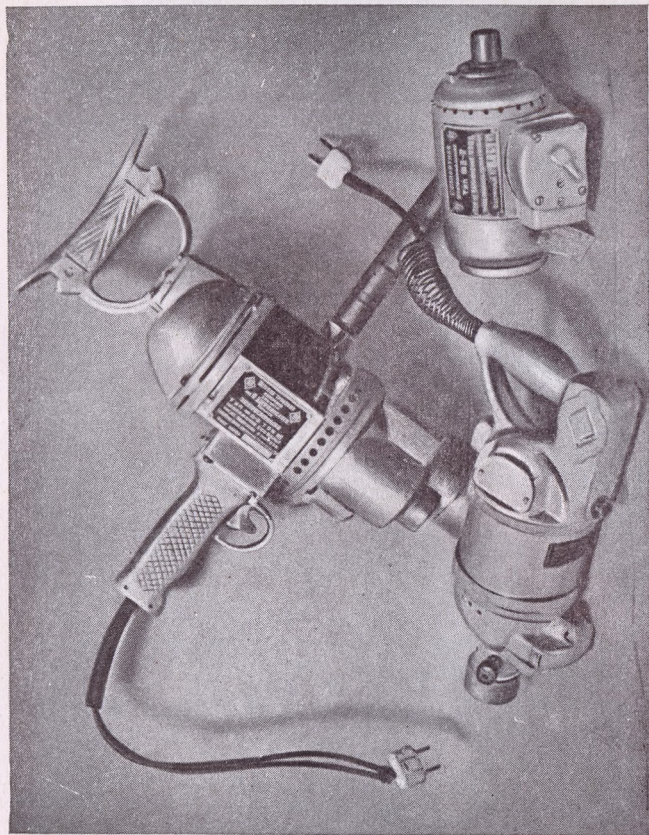
19. Корпуса завода фотоаппаратов

20. Коммунар у фрезерного станка

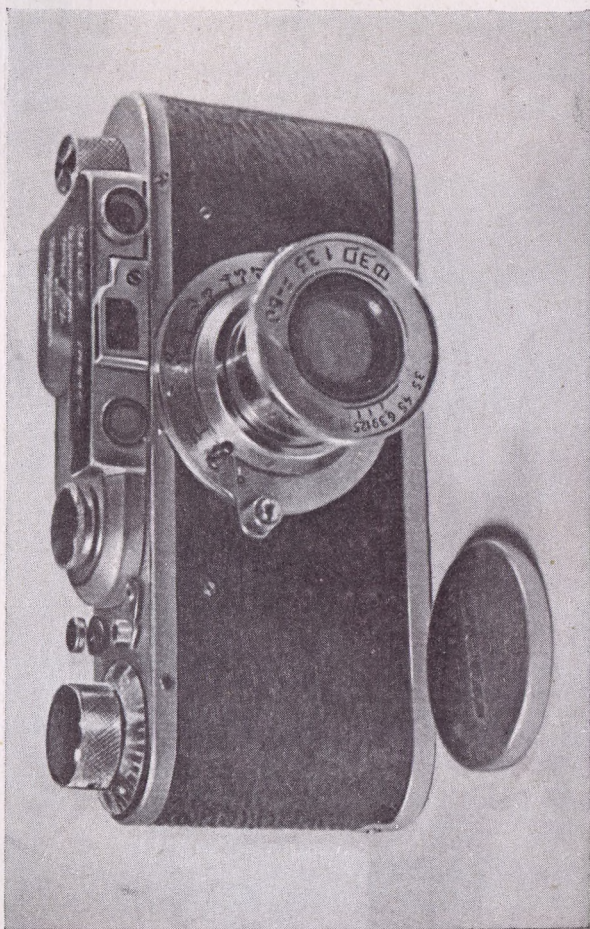

21. Група ерликонов

22. Электросверлилка типа ФД-3 и сулпортная
электросверлилка типа ФД-2

23. Фотоапарат марки ФЭД

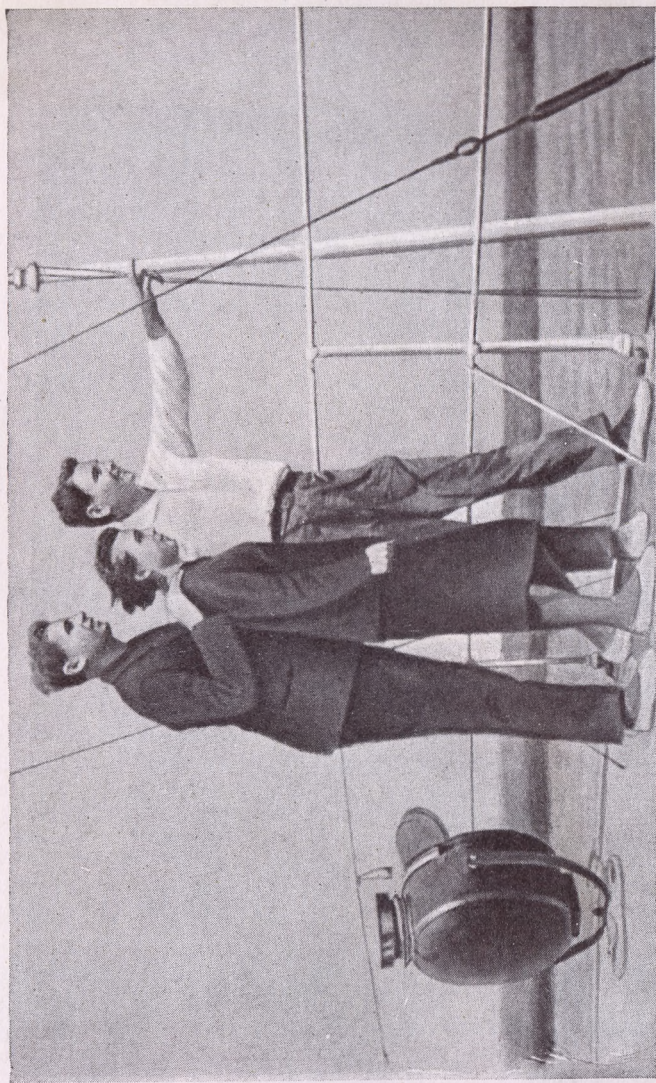

24. Волейбол в лагере, 1932 г.

29а*

25. На пляже в Бердянске, 1932 г.

26. Коммунары на волжском пароходе «Кашгар», 1933 г.

27. В колхозе им. Блинова. Кавказ, 1933 г.

28. Наши малыши

29. Студенты

30. А. С. Макаренко с группой коммунаров, окончивших юридический факультет Харьковского университета, 1939 г.

**КОММЕНТАРИИ
И
ПРИМЕЧАНИЯ**

МАРШ 30 ГОДА¹

Описывая в «Педагогической поэме» события 1927 г., А. С. Макаренко рассказывает: «В середине лета в колонию прикатил автомобиль, и человек в малиновых петлицах сказал мне:

— Пожалуйста, если у вас есть время, поедem! Мы заканчиваем дом для коммуны имени Дзержинского. Надо посмотреть... с педагогической точки зрения.

Поехали.

Я был поражен. Как? Для беспризорных? Просторный солнечный дворец? Паркет и расписные потолки?

Но недаром я мечтал семь лет. Недаром мне снились будущие дворцы педагогики».

С этого времени в дальнейшей организации коммуны им. Ф. Э. Дзержинского А. С. Макаренко принимает непосредственное участие, а с 1928 г. работает только в коммуне, оставив колонию. Знакомство с организаторами коммуны и с первой же встречи определившийся деловой контакт с ними раскрывали перед А. С. Макаренко самые широкие возможности. Коммуна действительно была дворцом педагогики. Здесь А. С. Макаренко мог организовать быт, учебно-воспитательный и производственно-трудовой процессы на основании разработанных им теоретических положений, педагогического метода и техники колонии им. М. Горького, мог продолжить и углубить свой «педагогический эксперимент».

Действительность оказалась богаче самых оптимистических перспектив. Когда летом 1928 г. А. М. Горький посетил коммуны, он познакомился с ребятами и педагогами, со все возрастающим вниманием осмотрел школьные помещения, мастерские, спальни, библиотеку и сказал:

«Коммуна — это окно в коммунизм».

Решающее значение для дальнейшего роста и развития коммуны имели исторические годы первой сталинской пятилетки. С июня 30-го года это, небольшое тогда, детское учреждение перешло на полную самокупаемость. Производственные и педагогические успехи коммуны были уже настолько значительны, что писатель-педагог считал своим долгом рассказать об этом «окне в коммунизм» широкой общественности. А. С. Макаренко усиленно работал над «Педагогической поэмой» и предполагал закончить ее описанием жизни коммуны им. Ф. Э. Дзержинского.

---

¹ Составили В. Е. Гмурман и Г. С. Макаренко.

В 1929—1930 г. коммунары совершили два летних «похода» в Москву и Ялту. Дисциплинированность детского коллектива, стройность и четкость организации дзержинцев в этих походах проявились особенно ярко и наглядно. Это новое подтверждение силы принятых в коммуне методов воспитания побудило писателя приступить к работе над книгой, специально посвященной коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. Возвратившись осенью 1930 г. из Крыма в Харьков, А. С. Макаренко пишет «Марш 30 года». Название это символично, так как в повести коммуна показана «в марше» — в постоянном движении вперед к дальнейшим успехам.

В конце 1930 г. книга «Марш 30 года» была закончена, и А. С. Макаренко отправил ее в Москву, в Государственное издательство художественной литературы (ГИХЛ).

Незадолго перед выходом книги в письме от 5 октября 1932 г. Антон Семенович писал А. М. Горькому: «На днях выйдет в ГИХЛ моя книга «Марш тридцатого года», которая о коммуне много расскажет интересного». А. М. Горький прочел «Марш 30 года» после выхода книги в свет и писал о ней из Сорренто:

«Дорогой Антон Семенович —

Вчера прочитал вашу книгу «Марш 30 года». Читал с волнением и радостью, Вы очень хорошо изобразили коммуны и коммунаров. На каждой странице чувствуешь Вашу любовь к ребятам, непрерывную Вашу заботу о них и такое тонкое понимание детской души. Я Вас искренно поздравляю с этой книгой. Вероятно немножко напишу о ней. Колонисты Куряжа не пишут мне. Не знаю о них ничего. Прискорбно, какие хорошие ребята были там.

Крепко жму Вашу руку.

Передайте ребятам привет мой, скажите, что я страшно рад был прочитать, как они живут, как хорошо работают и хорошо, дружески по-настоящему — относятся друг к другу.

М. Горький

17. XII. 32.
Сорренто».

Получив такой теплый и волнующий отзыв А. М. Горького о книге «Марш 30 года», А. С. Макаренко 1 января 1933 г. писал ему:

«Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Ваше письмо о моей книге — самое важное событие в моей жизни, к этим словам я ничего уже не могу прибавить, разве только то, что я просто не понимаю, как это можно иметь такую большую душу, как у Вас. А я о своем писании был очень плохого мнения. Писательский зуд просто оказался сильнее моей воли, а по доброй воле я не писал бы. Ваш отзыв перепутал все мои представления о собственных силах, теперь уже не знаю, что будет дальше. Впрочем, к писательской работе меня привлекает одно — мне кажется, что в нашей литературе (новой) о молодежи не пишут правдиво, а я очень хорошо знаю, какая это прелесть — молодежь, нужно об этой прелести рассказывать. Но это очень трудно, для этого нужен талант и еще... время».

Первоначальная рукопись «Марша 30 года» не сохранилась. Имеется машинописная копия с небольшой авторской правкой, пови-

димому, сделанная А. С. Макаренко с печатного экземпляра в 1935 или 1937 г.

«Марш 30 года» — единственное произведение А. С. Макаренко, подвергшееся перед опубликованием значительной стилистической правке редакторов, в которой А. С. Макаренко участия не принимал. Это объясняется обстоятельствами, при которых издавалась книга. А. С. Макаренко в статье «Максим Горький в моей жизни» пишет по этому поводу следующее: «...я написал небольшую книжонку о коммуне им. Дзержинского и... тоже побоялся послать ее своему великому другу, а послал в ГИХЛ. Она два с лишним года пролежала в редакции, и, вдруг, даже неожиданно для меня, ее напечатали».

Подробности столь необычного выхода книги в свет таковы: в ГИХЛ из Харькова поступила рукопись от неизвестного тогда автора (дебютанта). Тематика и стиль произведения были для того времени необычными. И хотя книга признана была интересной, она переходила от одного редактора к другому, каждый вносил свои исправления. Когда почти через год (в начале 1932 г.) рукопись получил редактор Ю. Б. Лукин, то, по его свидетельству, он начал свою работу с трудной задачи восстановления авторского текста и запросил у А. С. Макаренко копию рукописи. Копии у автора не оказалось, а приехать для работы над книгой в Москву он не имел возможности. В 1932 г. коммуна осваивала производство электроинструмента, параллельно шла напряженная работа по проектированию завода пленочных фотоаппаратов. Соединение в системе коммунистического воспитания полного среднего образования с производительным трудом А. С. Макаренко считал задачей первостепенного значения и оставить этого дела не мог. Только в конце лета он поехал на несколько дней в Москву прочесть верстку «Марша 30 года». В сентябре 1932 г. книга была подписана к печати.

Все эти осложнения сказались на художественной форме произведения. Свежесть и характерное для А. С. Макаренко своеобразие языка в процессе правки рукописи пострадали. Однако на содержании книги это сколько-нибудь заметно не отразилось.

В «Марше 30 года», в первой своей книге, А. С. Макаренко в очень простой и доступной форме рассказал о новых принципах советской педагогики, о безграничной силе коммунистического воспитания, о высоких нравственных качествах наших людей.

В «Марше 30 года» показаны стиль и тон отношений в коммунистически направленном коллективе, даны методические указания по многим вопросам организации детского коллектива, технике управления и руководства коллективом.

Эта книга имеет также ценность исторического документа. «Марш 30 года» — подлинная история организации и жизни детского учреждения, которое могло быть создано только в нашей стране.

* * *

Стр. 13, строка 18 сн.: «Клифтами, штанами, рукавами и плечами вытирался мел». Клифт — ватная куртка.

Стр. 24, строка 1 сн.: «Он чрезвычайно активен и вполне заслуженно носит сейчас звание дежурного заместителя».

А. С. Макаренко усложнял и совершенствовал систему воспитания, исключал отжившие, включал новые элементы, в иных случаях только как временную меру. К их числу относится созданная в 1929—1930 гг. специальная коллегия «дежурных заместителей» начальника коммуны, сокращенно «ДЗ». Коллегия состояла из 9, а затем 15 членов, старших коммунаров — комсомольского актива, которые ежедневно несли дежурство по коммуне. Каждому приходилось, таким образом, дежурить три, а позже — два раза в месяц. Это была особая форма делового использования старших коммунаров. Таким активом А. С. Макаренко очень дорожил и считал необходимым использовать его силы на самой ответственной работе. (Со времени введения ДЗ педагоги в коммуне не дежурили.) Почетное звание заместителя начальника коммуны ДЗ имел только в день своего дежурства. Как только он сдавал дежурство и снимал позвук, он становился рядовым коммунаром и никакими дополнительными правами не пользовался. Коллегия ДЗ очень подняла авторитет дежурного и сыграла положительную роль в становлении коллектива. В 1931 г. соотношение сил в коллективе изменилось: многие старые активисты уже были выпущены из коммуны, коллектив в целом достаточно сложился. Обязанности дежурных по коммуне — ДК — несли в это время все командиры отрядов по очереди, но они не имели звания и прав «дежурных заместителей».

Стр. 25, строка 9 св.: *«Фомичев хмуро стоял посреди зала...»* Вызов «на середину» на общем собрании или заседании совета командиров был одной из форм воздействия коллектива на личность. А. С. Макаренко, характеризуя этот вызов, говорил в одной из лекций: «Почему боялись общего собрания? Нужно выйти на середину комнаты, встать и отвечать на все стороны... Это не позор, а ответственность перед коллективом».

Стр. 27, строка 11 св.: *«...предоставляли им возможность работать в изокружке».*

Изокружок объединял две организации: кружок изобразительных искусств и кружок изобретателей. Изокружок имел в своем распоряжении «свободную мастерскую». Устройство свободной мастерской А. С. Макаренко более подробно рассматривает в «Методике организации воспитательного процесса» (глава «Культурбота»). «Такая мастерская, — замечает А. С. Макаренко, — привлекает большей частью малышей, которые еще не доросли до более серьезных кружков и у которых всегда имеются конструкторские мечты и способности».

Стр. 35, строка 8 св.: *«Всех дежурных по коммуне девять».* См. об этом примечание к стр. 24.

Стр. 37, строка 6 св.: ДЧСК — дежурный член санитарной комиссии.

Стр. 50, строка 12 св.: *«...бахнул по коммуне ежедневной «Шарошкой».* Шарошка — название сложного резца для обработки металла. Коммунары выбрали это название для стенной газеты и уже названием определили ее боевой характер. А. С. Макаренко был главным редактором «Шарошки» и иногда ночи просиживал, переписывая статьи на машинке (машинистки в коммуне в то время не было). В архиве сохранилась только небольшая часть одного номера этой газеты.

Стр. 69, строка 15 сн.: *«Нередко у нас бывают экскурсии из города. Но больше всего бывает иностранных делегаций».*

В архиве А. С. Макаренко сохранилась книга отзывов о коммуне им. Ф. Э. Дзержинского, которая велась со дня открытия коммуны — с 29 декабря 1927 г. В книге около 360 записей на всех важнейших языках мира. Среди отзывов о коммуне — записи тт. Н. Шверника, Л. Кагановича, писателей: Ф. Гладкова, А. Безыменского, Юлиуса Фучика, Анри Барбюса, многочисленные восторженные отзывы рабочих делегаций.

Стр. 70, строка 3 св.: *«...в поисках сноской дороги в коммуну».*

В октябре 1930 г. была построена дорога длиной в 1 км с четвертью, соединяющая коммуну с Белгородским гудронированным шоссе. Значительная часть земельных работ для этой дороги была выполнена силами коммунаров. (См. стр. 219—222 данного тома).

Стр. 76, строка 16 сн.: *«Кабинет» в коммуне имени Дзержинского — место, о котором необходимо поговорить серьезно, потому что эта небольшая комната имеет в коммуне огромное значение».*

А. С. Макаренко рассматривал работу в кабинете, как один из методов шлифовки личности, «доведения ее до совершенства».

В кабинете Антона Семеновича, в этом педагогическом центре, воспитанники совершенствовали свои манеры, они учились сочетать почтительность и уважение к старшим с собственным достоинством.

А. С. Макаренко писал об этом: «Стиль поведения воспитанников в кабинете педагогического руководителя и совета командиров должен стать определенной традицией в коллективе: сдержанность, вежливость, расположенный деловой тон. Какая бы то ни была фамильярность недопустима в такой же мере, как и излишняя сухость, официальность или развязность».

Стр. 81, строка 4 сн.: *«Коммунары, очевидно, считают кабинет своим центром».*

Вопрос о педагогическом центре А. С. Макаренко подробно осветил в «Методике организации воспитательного процесса». (Глава «Центр».) Он писал: «Если педагогический руководитель куда-нибудь отлучается надолго, вместо него должен оставаться в кабинете заменяющий его на это время. Центр не может бездействовать. В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского в таком случае в кабинете остается кто-нибудь из педагогов, секретарь совета командиров (ССК) или дежурный по коммуне командир (ДК). Эти товарищи не заменяют педагогического руководителя, они только представляют его во время отсутствия. В коммуне все знают, что в кабинете всегда есть лицо, к которому можно обратиться в экстренном случае».

Стр. 84, строка 19 св.: *«Он всегда голосует, хотя его руку давно уже привыкли не замечать под вешалкой».*

В кабинете А. С. Макаренко в углу у двери была небольшая стенная вешалка, где висела его шинель.

Стр. 95, строка 19 сн.: *«Начинается церемония рапортов».* Уже указывалось, что А. С. Макаренко видоизменял организационные формы и вводил новые приемы в соответствии с изменяющимися условиями жизни. Изменялся, в частности, порядок отдачи рапортов командиров. В 1929—1930 гг. коллектив коммунаров был неболь-

шим: — 150 человек: из них 60 «старых коммунаров» и 90 новичков, стаж которых в коммуне не превышал 1—1½ лет. Такой коллектив требовал особенно тщательной и внимательной педагогической заботы. Поэтому были периоды в 2—3 месяца, когда рапорта командиров происходили на общих собраниях всего коллектива. Именно об этом времени и пишет здесь А. С. Макаренко. И в колонии им. М. Горького и в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского позже, когда сложился коллектив, командиры отдавали рапорта в кабинете А. С. Макаренко, и на это уходило 10—15 минут. Нужно подчеркнуть, что изменения, которые вносились в организацию жизни коллектива, поддерживали необходимый мажорный тон — новизна возбуждала энергию, даже если это был только новый оттенок или деталь.

Стр. 99, строка 15 сн.: *«Наложить взыскание имеет право и сам ДЗ единолично».*

Дежурные заместители — ДЗ имели право наложить взыскание за незначительный проступок. Это было их особой привилегией, так как и до организации этой «коллегии» и после того, как окончились ее полномочия, право налагать наказание принадлежало А. С. Макаренко и совету командиров в присутствии А. С. Макаренко или замещающего его лица (совет собирался только при участии педагога).

Стр. 101, строка 15 св.: *«...возможности у них ограничены: «два наряда», «без киносеанса», «без отпуска».*

Наказания, которые могли налагать ДЗ, определялись характером проступков, а в известной степени и возрастом наказуемых — они налагались главным образом на малышей и «средняков» от десяти до четырнадцати лет.

Стр. 101, строка 20 сн.: *«Наиболее легко отделяются назначенные «без кино».*

А. С. Макаренко обычно «амнистировал» воспитанников, оставленных «без кино». Но это нельзя расценивать как простое проявление добросердечия. Кино в коммуне — два раза в неделю — было частью воспитательно-образовательной работы, поэтому очень тщательно подбиралась тематика картин. Новые картины обсуждались. Как правило, сейчас же после сеанса А. С. давал краткий анализ просмотренной картины, указывал, над чем надо подумать, чему поучиться у героев. Любимыми картинами были: «Чапаев», «Броненосец Потемкин». Кино служило продуманной школой политического и культурного роста коммунаров, хотя сами они относились к нему, как к развлечению.

Стр. 108, строка 11 сн.: *«Когда об этих сказках услышали в соцбесе, началось чуть ли не целое следствие...».*

Лженаучная теория, утверждающая, что сказки вредны для детей, была одно время широко распространена.

А. С. Макаренко считал, что сказки воспитывают воображение и чувство реального. Он особенно высоко ценит воспитывающее значение народных сказок. Педагогически неприемлемы так называемые «страшные» сказки.

Стр. 112, строка 13 сн.: *«Горлёт — это наша игра, которую мы считаем самой интересной и самой нужной пролетариату игрой».*

Автором этой игры был организатор и руководитель клубной работы в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского В. Н. Терский.

Стр. 113, строка 15 св.: «*Форма одежды парадная*».

У девочек платья были из хорошей, шерстяной синей материи простого изящного покроя, над выбором которого не мало потрудились пока пришли к общему решению: юбка плиссированная крупной складкой, простая блузка с кармашком и таким же, как у мальчиков, белым воротником, черный лакированный пояс и синий берет. Летняя парадная форма была сшита из белой ткани, различной для одежды мальчиков и девочек. Покрой платьев девочек такой же, как зимняя форма, у мальчиков блузы заправлены в длинные брюки навывпуск. Золотые тубетейки и белая обувь. Левый рукав зимней и летней формы украшали черные бархатные ромбики с вышитой золотом монограммой — «ФД». Кроме парадной формы, коммунары имели костюмы: школьные, домашние, спортивные зимние и летние, а также рабочие комбинезоны — спецовки на производстве. А. С. Макаренко не настаивал на строгом соблюдении единообразной формы в домашней обстановке, что видно из фотографий, но неукоснительно требовалось, чтобы костюм был в полном порядке — вычищен и отглажен, волосы тщательно причесаны, и до блеска начищена обувь.

В особые дни, когда было необходимо, в приказе по коммуне указывалась для всех обязательная форма одежды на день. В лекциях А. С. Макаренко говорил об этом, как об одном из элементов дисциплины.

Стр. 113, строка 15 сн.: «*Уже в феврале предлагает ССК на общем собрании избрать первомайскую комиссию*».

А. С. Макаренко считал важнейшим методом коммунистического воспитания «организацию завтрашней радости» и систематически создавал у воспитанников перспективные пути (близкую, среднюю и далекую перспективы).

Относя «проект коллективного события, несколько отодвинутого во времени» к средней перспективе, он писал: «Средняя перспектива будет иметь значение только в том случае, если к этим дням готовятся задолго, если им придается особенное значение, если к их основному содержанию присоединяются самые разнообразные темы: отчеты, прием гостей, премирование, новые помещения и оборудование, результаты годового соревнования».

Подготовка к такому дню (их не должно быть больше 2—3 в году) должна чувствоваться сначала только в форме коллективной мысли, бесед, соображений. Задолго нужно приступить к выбору различных комиссий, в которые привлечь как можно больше воспитанников. Эти комиссии чаще должны делать отчеты перед общим собранием. Полезно, если по поводу проведения такого праздника возникает в коллективе 2 проекта и весь коллектив занимается решением вопроса, какой проект лучше».

ФД-1¹

Закончился летний марш 30 года, коммунары возвратились в Харьков. Учебный 1930/31 год прошел в напряженной работе в школе и мастерских. Весной 1931 г. в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского началось строительство завода электроинструмента. В 1931/32 уч. г. предстояло освоить это новое производство. Коммунары нуждались в отдыхе.

Чтобы обеспечить новый завод рабочей силой, необходимо было с осени значительно увеличить число коммунаров. Это потребовало полной перестройки и переоборудования бытового корпуса и школьных помещений.

Учитывая все эти обстоятельства, решили провести весь двухмесячный отпуск в походе.

Летний поход, возвращение в Харьков, а затем участие всего коллектива дзержинцев в завершении строительства завода, учебных и бытовых корпусов и составляют главную сюжетную линию «ФД-1».

«ФД-1» — это заводская марка первой в Советском Союзе переносной электросверлилки, производство которой освоил электроинструментальный завод коммуны им. Ф. Э. Дзержинского с целью освобождения советской промышленности от иностранного импорта. Буквы «ФД» означают инициалы Феликса Дзержинского, а цифра 1 — номер модели.

Этим заглавием А. С. Макаренко подчеркивает, что основная и важнейшая «продукция» коммуны им. Ф. Э. Дзержинского — воспитанные ею новые люди «советской марки». Люди, способные, по его словам, «бороться и строить, жить и любить жизнь».

«ФД-1» представляет первоначальный вариант 3-й части «Педагогической поэмы», о чем свидетельствует подзаголовок, сделанный автором на титульном листе машинописи. Но несмотря на это, рассматриваемое произведение является оригинальной работой А. С. Макаренко, не совпадающей как по содержанию, так и по развитию действия с текстом третьей части «Педагогической поэмы».

Ближе всего «ФД-1» стоит к повести А. С. Макаренко «Марш 30 года». Оба произведения написаны в стиле документальной записи. Их объединяет, кроме того, строгая хронологическая последовательность. «Марш 30 года» охватывает жизнь коммуны в период с 1927 по 1930 г., «ФД-1» — с 1930 по 1932 г. Эта последовательность

---

¹ Составили В. Е. Гмурман, Г. С. Макаренко, А. Г. Тер-Гевондян.

отмечена самим автором на первых же страницах «ФД-1», где подведен краткий итог так называемому Крымскому походу дзержинцев — маршу 1930 года.

«ФД-1» А. С. Макаренко написал в Москве, во время отпуска, в марте и апреле 1932 г., примерно в течение полутора месяцев.

Работал он с большим воодушевлением, горячо желая сделать достижения коммуны достоянием всего советского общества. Но обстоятельства сложились крайне неблагоприятно для этого произведения.

А. С. Макаренко предложил «ФД-1» Государственному издательству художественной литературы.

Судя по письму к А. М. Горькому от 5 октября 1932 г., А. С. Макаренко сначала предполагал, что книга принята к печати. Он сообщил в упомянутом письме:

«Кстати о моей литературной деятельности: в ГИХЛ'е принята и вторая рукопись «ФД-1», большой очерк листов на двенадцать...».

О задержке с изданием книги Антон Семенович сообщает А. М. Горькому в письме от 1 января 1933 г.: «Сейчас в ГИХЛ'е лежит моя рукопись «ФД-1» из истории последних лет коммуны Дзержинского. В редакции относятся к ней очень сдержанно, паверное она будет издаваться тоже два года, как и «М. 30 г.».

«ФД-1» так и не был издан.

В 1938 г., когда А. С. Макаренко приступил к работе над повестью «Флаги на башнях», он воспользовался многими страницами готовой рукописи «ФД-1». Этим и объясняется некоторое текстуальное сходство между «ФД-1» и «Флагами на башнях». Таким образом материал, предназначенный для третьей части «Педагогической поэмы», послужил, в силу расширения творческих планов автора, для повести «Флаги на башнях». Писатель смог это сделать, так как «Педагогическая поэма» и «Флаги на башнях» — едины. Они отражают деятельность А. С. Макаренко, которая последовательно протекала в двух воспитательных детских учреждениях: сначала в колонии им. М. Горького, затем в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского.

На авторской рукописи нет пометки о форме произведения. В цитированном выше письме А. С. Макаренко к А. М. Горькому автор скромно называет «ФД-1» очерком. Однако по своей форме «ФД-1» ближе всего к повести, его сходство с «Флагами на башнях», названными А. С. Макаренко повестью, позволяет отнести его к этому литературному жанру.

Сохранившаяся авторская рукопись, повидимому, собрана из двух различных комплектов, написанных на пишущей машинке: первый комплект — от страницы 1-й до страницы 125, с которым приложенное к рукописи оглавление не совпадает; второй комплект — от страницы 152 до страницы 363, последней, с которым оглавление совпадает. При объединении двух комплектов страницы во втором комплекте не были заново пронумерованы. Поэтому разрыва между последней страницей первого комплекта и первой страницей второго комплекта, то-есть между 125 и 152 страницами, на самом деле не существует. Об этом свидетельствует непрерывающаяся сюжетная линия. На странице 125 общее собрание коммунаров отмечает выполнение плана в арматурном цехе на 86%, а на странице 152 ком-

мунары гневно обрушиваются на металлистов за невыполнение плана на 14%. Следовательно, страница 152 рукописи на самом деле является 126-й страницей, 153-я стр.—127-й, 154-я стр.—128-й и т. д.

Таким образом авторская рукопись повести «ФД-1» должна состоять не из 363, а из 337 страниц. В ней отсутствует 146 страниц, что составляет 43% всей рукописи. Это объясняется тем, что А. С. Макаренко, как об этом говорилось выше, работая над повестью «Флаги на башнях», пользовался в качестве первичного материала рукописью «ФД-1». Не сохранились страницы 43, 44, 54, 59, 78—103, 107—111, 121, 122 — из первого комплекта, 153—156, 163—185, 245—247, 253—255, 263, 264, 274, 275, 278—289, 291—310, 342—359 — из второго комплекта. Из 27 глав рукописи в 19-ти недостает того или иного количества страниц. В этом смысле дефектными являются главы: 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26 и 27. Вовсе отсутствуют главы: 10. И трагедии и комедии; 14. Положение на фронте; 25. Симфония Шуберта; 26. Поворот оверштаг.

Заголовки этих глав, а также тех глав, которые сохранились частично, восстановлены и приводятся в данном издании по оглавлению, приложенному к авторской машинописи.

К этим главам относятся: 8. Чудеса техники; 11. Праздник; 15. 14 июля; 21. В Харьков; 23. Первые атаки.

Пропуски там, где отсутствуют те или иные страницы или абзацы, обозначены многоточиями.

В рукописи встречаются небольшие поправки, чаще рукою автора, реже посторонней рукою, исправившей описки.

На обороте четырнадцати страниц рукописи сохранился ранее написанный автором текст, впоследствии им измененный.

Повесть «ФД-1» проникнута патриотической идеей воспитания образованных, активных и жизнерадостных строителей коммунизма.

Читатель найдет здесь многие принципиальные положения Макаренко о связи педагогики с политикой, о воспитательной роли обучения и производительного труда, о воспитании советского патриотизма. Большое место отвел автор вопросам дисциплины.

«Нас живет здесь сто пятьдесят шесть человек, наша жизнь вся построена на стальном скелете дисциплины, многих правил, обязанностей, само собой понятных положений. Но этот скелет так для нас привычен, так привычно удобен, так органично связан с нами, что мы его почти не замечаем, или замечаем только тогда, когда гордимся им».

В этих словах выражена идея сознательной, свободной и вместе с тем железной дисциплины в социалистическом обществе, проявляемой советскими гражданами в повседневном сознательном труде.

Чтобы добиться такой дисциплины в детском коллективе, необходимо создать соответствующий «дисциплинарный опыт». А. С. Макаренко показывает в «ФД-1», что процесс воспитания совершается не только от сознания к поведению, но и от поведения к сознанию. Словесное воспитание, — пишет он, — без сопровождающей гимнастики поведения есть самое преступное вредительство».

Безусловный педагогический интерес представляет описание Кавказского похода дзержинцев. Следя за этим описанием, читатель видит, как во время путешествия по родной стране, расши-

ряется общий кругозор воспитанников, как рушатся их наивные, во многом еще детские, представления и понятия, как на основе организованного общения с трудящимися различных республик и национальностей развивается чувство морально-политического единства, углубляется общественно-политическое мировоззрение воспитанников, воспитывается действенный советский патриотизм.

* * *

Стр. 147, строка 12 св.: *«Только вчера мы были в Севастополе...»* Повесть «ФД-1» начинается с возвращения коммунаров из Крымского похода, описанного в книге «Марш 30 года».

Стр. 148, строка 7 св.: *«Мы салютуем встречающим нашим маршем — маршем Дзержинского»*. Музыка этого марша написал капельмейстер оркестра коммуны В. Т. Левшаков.

Стр. 148, строка 13 св.: *«...а на нее налетает первый взвод»*. В коммуне была принята сложная система деления на первичные коллективы в зависимости от изменяющейся обстановки: в быту и производственной жизни такими первичными коллективами были отряды и бригады, в школе — классы, в походах (независимо от их продолжительности) — взводы.

Стр. 156, строка 8 св.: ЦКПД — сокращенно: Центральная комиссия помощи детям.

Стр. 157, строка 3 св.: *«Очень жаль, что Ильф и Петров истратили по пустякам прекрасный термин: «великий комбинатор»*. Персонаж произведения Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев», авантюрист Остап Бендер иронически охарактеризован авторами как «великий комбинатор».

Стр. 163, строка 16 св.: *«...наш общий корешок, именуемый обычно Колькой»*. В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского старшие дзержинцы являлись шефами младших и называли последних «корешками».

Стр. 165, строка 17 св.: *«Дворцом этим нам кололи глаза наробразовские диогены»*. Диоген из Синопа (403—323 до н. э.) — знаменитый греческий философ. Считал, что высшее благо человека заключается в отказе от всех потребностей, привитых культурой. Следуя своему учению, Диоген отказывался от всех жизненных удобств и, по преданию, жил в бочке.

Стр. 165, строка 6 св.: *«Именно в эту эпоху произошло нечто, напоминающее Ваграм, с Энным институтом»*. В сражении под селом Ваграм (на Дунае) 6 июля 1809 г. Наполеон разгромил австрийскую армию и взял с Австрии многомиллионную контрибуцию.

Стр. 181, строка 7 св.: *«А с Болотовым ничего не вышло»*. Далее в авторской машинописи отсутствуют две страницы (стр. 43—44).

Стр. 181, строка 13 св.: *«...Болотов вместе со всеми»*. Коммуна перевоспитала Болотова. В школе он был среди первых учеников, получил среднее образование и с отличием окончил институт. Болотов имел специальность инженера-подводника, погиб, защищая Родину, в дни Великой Отечественной войны.

Стр. 188, строка 1 сн.: «...что мы не совсем здоровы». В авторской машинписи отсутствуют шесть страниц, включающие конец гл. 7 и начало гл. 8 (стр. 54—59).

Стр. 192, строка 14 св.: «В литейном цехе...» Аналогичное описание литейной дано в повести «Флаги на башнях», ч. II, гл. 5 «Литейная лихорадка».

Стр. 194, строка 4 сн.: «Привешенная к потолку трансмиссия вместе с потолком сотрясалась и визжала, коммунары к трансмиссии относились с предубеждением и боялись ее». Материал этой главы о технических неполадках в токарном цехе использован в повести «Флаги на башнях», ч. II, гл. 21 «Механические слезы».

Стр. 202, строка 17 св.: «У Орлова пропало пальто с вешалки». По материалам этой главы о краже рассказано в повести «Флаги на башнях», ч. II, гл. 30 «Кража».

Стр. 204, строка 15 св.: «В кабинете уже не полдесятка коммунаров, а целая толпа, и кто...» Здесь рукопись обрывается и далее отсутствуют двадцать шесть страниц, включающие конец гл. 9, всю гл. 10 и начало гл. 11 (стр. 78—103).

Стр. 206, строка 3 св.: «Закончил он шуткой». Эта шутка описана также в повести «Флаги на башнях», ч. III, гл. 4 «Первое мая».

Стр. 207, строка 9 св.: «Сперва пойдет пролог». Здесь в машинписи отсутствуют пять страниц, где были даны пролог в стихах и содержание сатирического обозрения «Постройка стадиона», написанного А. С. Макаренко (стр. 107—111).

Стр. 207, строка 11 св.: «Все гонят, все клянут меня...» Приведенными здесь стихотворными строками заканчивалось обозрение «Постройка стадиона». Текст этот читал Соломон Борисович Левенсон, который был в обозрении одним из действующих лиц. Некоторые эпизоды из обозрения вошли также в повесть «Флаги на башнях», ч. II, гл. 29 «Борис Годунов».

Стр. 208, строка 21 св.: Беседа Крейцера с коммунарами по поводу строительства нового завода дана подробно в повести «Флаги на башнях», ч. II, гл. 20 «Крейцер».

Стр. 210, строка 14 св.: О производственной программе рассказано в несколько измененном виде в повести «Флаги на башнях», ч. II, гл. 28 «Плакат-план».

Стр. 211, строка 19 св.: «Соломон Борисович оживился в январе, забыл громы Декина...» Имеется в виду ревизия законченного С. Б. Левенсоном строительства. Председатель назначенной Правлением коммуны ревизионной комиссии фигурирует в повести «ФД-1» под фамилией Декин. Комиссия составила акт о неудовлетворительном состоянии построек и особо отметила, что они не соответствовали требованиям противопожарной охраны.

Стр. 215, строка 3 св.: «Коммунары не позволяли Соломону Борисовичу сосредоточиваться...» Две страницы авторской машинписи не сохранились (стр. 121, 122).

Стр. 215, строка 16 сн.: Весь последующий материал этой главы вошел в повесть «Флаги на башнях», ч. II, гл. 22 «Слово».

Стр. 218, строка 8 св.: «Я работал двенадцать часов в сутки, разве я отдыхал когда...» Последующие четыре страницы авторской рукописи отсутствуют (стр. 153—156).

Стр. 222, строка 15 св.: «...потеряли Воленка...» Весь эпизод с Воленко и уход его из коммуны Ф. Э. Дзержинского даны в повести «Флаги на башнях», ч. III, гл. 11, 12, 13.

Стр. 223, строка 16 св.: «...во-вторых, Никитин знает все». Здесь машинопись обрывается, последующие двадцать четыре страницы, включающие конец гл. 13, всю гл. 14 и начало гл. 15, не сохранились (стр. 163—185).

Стр. 228, строка 17 св.: «...пролетел Алексюк со своим флагом на место». Строй коммунаров так же, как и строй колонистов-горьковцев, замыкал один из малышей с небольшим флажком в руках. Алексюк был таким флаженером в коммуне.

Стр. 232, строка 11 св.: «...не имели командировки Курупра». Курупр — сокращено: Курортное управление.

Стр. 233, строка 12 св.: ОПТЭ — сокращенно: Общество пролетарского туризма и экскурсий.

Стр. 235, строка 3 св.: «Есть коммунары, изучившие Анисимова на-ять». Имеются в виду путеводители С. С. Анисимова.

Стр. 267, строка 20 св.: «Она охотно вступает в спор и в таком положении, но это...» Последующие три страницы авторской машинописи отсутствуют (стр. 245—247).

Стр. 267, строка 14 св.: «...вокруг памятника Фабрициусу». Фабрициус Ян Фрицевич (1877—1929), коммунист, активный участник гражданской войны 1917—1922 гг.

Стр. 271, строка 3 св.: «Тогда хозяева орут ура и бегут за нашей колонной в свой...» Машинопись обрывается, три страницы не сохранились (стр. 253—255).

Стр. 272, строка 8 св.: «Время от времени возле церкви собирались старушки, старички, парочки и вообще потребители «опиума». Имеется в виду известное выражение Маркса: «Религия — опиум народа».

Стр. 272, строка 4 св.: «Коммунары, слышавшие о религии: только на антирелигиозных вечерах, обратились ко мне с вопросом». Весь эпизод с церковью, начиная от этих строк до стр. 274, кончая словами «...ну, я и ушел, что мне...» впоследствии с некоторыми незначительными изменениями был использован автором в «Педагогической поэме», ч. III, гл. II «Первый сон».

Стр. 276, строка 19 св.: «Это з-за два наряда с-с-считается? — спрашивает Колька придирчиво». Дальше две страницы авторской машинописи отсутствуют (стр. 263, 264).

Стр. 283, строка 10 св.: «...меня поймал на крыше Соломон Борисович и смущенно зашептал:» Две страницы машинописи не сохранились (стр. 274, 275).

Стр. 284, строка 11 св.: «...как командиры за это дело возьмутся?» Далее отсутствуют двенадцать страниц авторской машинописи, включающие конец гл. 22 и начало гл. 23 (стр. 278—289).

Стр. 285, строка 17 сн.: «По возвращении из похода мы получили из Наркомпроса разверстку семидесяти пяти мест между детскими домами, большею...» Последующие двадцать страниц авторской машинописи, включающие конец гл. 23 и начало гл. 24, не сохранились (стр. 291—310).

Стр. 294, строка 1 сн.: «И уходит, цепляясь за дверь...» Здесь авторская машинопись обрывается, последующие тридцать шесть страниц, включающие полностью главы 25 и 26 и начало гл. 27, отсутствуют (стр. 324—359).

Стр. 295, гл. «Поворот оверштаг». Поворот, при котором парусное судно переходит линию ветра носом к нему, т. е. поворот против ветра, обозначается термином «оверштаг».

Стр. 298, строка 2 св.: «Нет, не напрасно коммунары подставили ножку Петравицу в Австрии и Блек и Деккеру в Америке». Здесь названы имена владельцев иностранных фирм, выпускавших электросверлилки. Нужно отметить, что наш отечественный электроинструмент производства завода коммуны им. Ф. Э. Дзержинского стоял по качеству и разнообразию ассортимента значительно выше зарубежного.

М А Ж О Р¹

Первый вариант пьесы «Мажор» был написан А. С. Макаренко в конце 1932 или в начале 1933 г.

Рукопись этого первого варианта была украдена в поезде (по дороге в г. Новороссийск) во время похода дзержинцев в 1933 г. Обстоятельства, при которых это случилось, подробно описаны А. С. Макаренко в рассказе «Случай в поезде».

Осенью 1933 г. А. С. Макаренко вторично написал пьесу и представил ее под псевдонимом Андрей Гальченко на Всесоюзный конкурс. Жюри конкурса «Мажор» одобрило.

Весной 1934 г. А. С. Макаренко передал пьесу А. М. Горькому. Алексей Максимович указал на некоторые недостатки пьесы и посоветовал автору после их исправления предложить «Мажор» Московскому Художественному театру.

В письме к А. М. Горькому от 14 июня 1934 г. Антон Семенович, рассказывая о своей литературной работе, писал:

«Сдал я и «Мажор» в МХАТ товарищу В. Около месяца поработал над пьесой, считаю, что она теперь лучше, чем была раньше, но бабы прибавить не сумел — я еще очень слабый техник. В. сказал, что с Вами будут советоваться. Здесь в Харькове есть симпатичный и культурный театр русской драмы. Коллектив этого театра очень воодушевленно и красиво шефствует над коммуной им. Дзержинского. Просили дать им «Мажор» к постановке, но я не хочу ставить пьесу в том городе, где так хорошо знают коммуны — будут копировать, а это совсем не то: в «Мажоре» есть много от мечты о ближайших будущих днях».

А. С. Макаренко предложил «Мажор» нескольким театрам, но желание автора увидеть «Мажор» на сцене так и не осуществилось; писатель передал пьесу в ГИХЛ. Обо всем этом Антон Семенович сообщал в письме к А. М. Горькому 26 января 1935 г.

Он писал:

«Дорогой Алексей Максимович!

Если Вы помните, весной прошлого года я был принят Вами и представил Вам свою пьесу «Мажор», которая перед тем побывала на конкурсе Совнаркома и удостоилась даже рекомендации.

В общем Вы пьесу мою одобрили, предложили кое-что исправить. Я драматург молодой, и мне легче написать новую пьесу, чем

---

¹ Составили В. Е. Гмурман и Г. С. Макаренко.

исправить старую. Я все-таки еще поработал над «Мажором» и передал ее для печати в Гос. Изд. «Художественная литература». Оттуда я получил очень хороший отзыв, скоро она должна выйти в свет. Ваше положительное отношение к моему драматургическому дебюту и потом успех пьесы в «Художественной литературе» меня настолько окрылили, что я даже пренебрег полной неудачей моих попыток пристроить ее в театре (МХАТ отозвался отрицательно, все другие даже не ответили), тем более, что эти попытки не отличались особенной энергией».

В 1935 г. пьеса была издана. (Андрей Гальченко, «Мажор». Пьеса в 4-х актах, Государственное издательство «Художественная литература», Москва, 1935.)

Сопоставление этого издания и авторской рукописи показывает, что при подготовке к печати первоначальный вариант несколько сокращен. Мы воспроизводим здесь пьесу по опубликованному тексту. Он сверен нами с авторскими рукописями.

Основываясь, повидимому, на заключении жюри (заключение это не разыскано), издательство снабдило книгу следующей аннотацией: «Одобренная на Всесоюзном конкурсе пьеса Гальченко «Мажор» знакомит зрителя с жизнью Харьковской трудкоммуны им. Ф. Дзержинского. В пьесе показано, как вчерашние беспризорники становятся подлинными новыми людьми нашего времени и влияют на скептически настроенных инженеров коммуны, заражая их своим энтузиазмом.

Пьеса для постановки сложная, с большим количеством массовых сцен, доступная лишь профессиональным театрам».

«Мажор» рассказывает о периоде постройки и освоения завода электроинструментов в коммуне им. Ф. Дзержинского. В пьесе нет выходящих за пределы коммунарского быта коллизий, драматических эффектов. Ее герои все время заняты прозаическими делами, они в буквальном смысле этого слова *действующие*, а не рассуждающие лица. И все же на каждом шагу педагоги, коммунары, инженеры — сотрудники коммуны обсуждают и решают сложные вопросы морали. Новая жизнь неизбежно рождает новую мораль. Вот почему самые различные стороны советской этики волнуют и педагогов и воспитанников.

К спору Шведова, Клюкина и Воргунова об энтузиазме и точности Антон Семенович неоднократно возвращался впоследствии. В публичной лекции «Коммунистическое воспитание и поведение», прочитанной в 1939 г. в г. Москве, он доказывал, что в нашей стране точность становится моральной категорией.

Полушутливая полемика между Крейцером, Трояном и Вальченко возникает в связи с вопросом о недостаточности убеждения и необходимости принуждения, а то и «хирургического вмешательства». «Надо немножко ножиком... ланцетом. Потом перевязочку — и все», — говорит инженер Троян.

В лекции «Коммунистическое воспитание и поведение» и в ряде других публичных выступлений Антон Семенович настойчиво доказывал, что распространенный взгляд, будто каждый человек имеет право на недостатки характера, неприемлем для советской этики, вреден.

Эту мысль А. С. Макаренко выдвигает в пьесе устами Крейдера. На реплику Дмитриевского: «Везде так бывает... у одного горб, у другого нога короче...» Крейцер отвечает с возмущением: «С какой стати! А у меня вот все правильно, и у Трояна, и у Захарова, и у вас. Зачем так много калек? Ничего подобного!».

Проблемы этики ставятся в пьесе без дидактизма, они влетены во всю ткань действия, возникают в беседах, выражаются в отдельных репликах. Многие из этих реплик звучат как своеобразные афоризмы: «Жизнь должна быть лучше книжки», «Человек всегда сначала не умеет», «У коммунаров мы прежде всего должны научиться прямо смотреть, прямо говорить, прямо действовать» и т. п.

Некоторые действующие лица так задуманы, что заставляют читателя разобраться в противоречивых этических характеристиках персонажей и поступков. Особенно примечательны в этом отношении Соломон Маркович Блюм (его прототипом был зав. производством коммуны им. Ф. Э. Дзержинского), инженер Воргунов, коммунары Синенький и Романченко. Рисуя поступки и характеры этих персонажей, писатель изображает столкновение старого с новым, борьбу этики коллектива с пережитками индивидуализма.

С помощью различных средств А. С. Макаренко показывает, что решающим фактором формирования человека является его самочувствие в коллективе, его отношение к советскому обществу, к социалистическому труду. Именно это отношение служит для советских людей критерием этической оценки поступков.

Материалом для пьесы «Мажор» послужила жизнь коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, однако это не значит, конечно, что выведенные в произведении персонажи списаны «с натуры». Только для Захарова (в котором нетрудно рассмотреть штрихи автопортрета) и для Блюма могут быть указаны прототипы. Остальные действующие лица — синтетические литературные образы.

Скупое, но выразительно нарисован облик инженера Воргунова. Это требовательный и знающий специалист, но его своеобразный скептицизм иногда переходит в неоправданное критиканство. Общение с коммунарами, мажорный стиль коммуны, уроки классовой борьбы многому научили Воргунова, к концу пьесы его самочувствие в коллективе, его, употребляя выражение Макаренко, «жизненная поза» изменяются. Так подчеркиваются воспитывающая сила коллектива, победа новой коммунистической морали.

Показывая подлую работу «инженера» Григорьева, его гнусное отношение к работникам коммуны, к женщинам, разоблачая рабское преклонение Григорьева перед всем заграничным, писатель обнажает вместе с тем убожество его взглядов на воспитание. Ведь это именно Григорьев третирует коммунаров как «беспорядочных», как «зверенышей».

Всем своим содержанием «Мажор» утверждает иное: «Они не беспорядочные, а коммунары», «Они не только люди, они еще и коммунары».

В конце четвертого акта Собченко говорит: «Григорьев сколько здесь живет, а того и не заметил, что в коммуне нет беспорядочных. Беспорядочный кто такой? Несчастный, пропадающий человек. А он

не заметил, что здесь коммунары, смотрите, какое слово: коммунары...»

Эта гордая реплика звучит как авторское резюме, обоснованное внутренним развитием действия.

Необходимо сделать несколько замечаний по поводу названия пьесы. Антон Семенович нашел его не сразу. Составленный писателем список возможных названий включал 120 вариантов.

Термин «мажор» в педагогике не употреблялся; А. С. смело используя слово, принятое в музыке. Повидимому, он стремился в данном случае возможно более точно охарактеризовать не столько содержание, сколько самый *стиль* советского воспитания.

Рассматривая вопрос о стиле детского коллектива, А. С. в лекции на эту тему разъяснял, что важным признаком советского стиля является, по его мнению, мажор.

«Я ставлю во главу угла это качество. Постоянная бодрость, никаких сумрачных лиц, никаких кислых выражений, постоянная готовность к действию, радужное настроение, именно мажорное, веселое, бодрое настроение»... («Избранные педагогические произведения», Учпедгиз, 1946, стр. 149).

Отметим, что крупнейший деятель театра, воспитатель советских актеров К. С. Станиславский также требовал от своих учеников развивать в себе силы «легко, весело, увлекаясь»...

«В студию,— говорил он,— не должен был бы идти тот, кто не умеет смеяться, кто вечно жалуется, кто всегда уныл»... (см. «Беседы К. С. Станиславского», 2-е изд., Всероссийское театральное общество, Москва, 1947, стр. 28).

Это почти текстуальное совпадение, разумеется, не случайно.

Наше молодое, побеждающее все трудности, общество, безграничная вера советского человека в успех общего дела, светлая перспектива нашего общественного развития обусловили новый стиль деятельности, а тем самым и воспитания, стиль, которого не знали дореволюционные педагоги, не знает и не может знать современная буржуазная педагогика, педагогика пессимизма и упадка. Это стиль, рожденный победами коммунизма, оптимистической перспективой будущего. Это мажор.

* * *

Стр. 303, строка 5 сн.: «Как правило, все коммунары подтянуты, собраны в движениях, не опираются на стены, сходя по лестнице, не держатся за перила».

В докладе «Из опыта работы» (29 марта 1939 г.) А. С. Макаренко говорил: «...в коммуне Дзержинского запрещалось держаться за перила. Стало обычаем не ходить возле перил. Командир говорит новеньким: отвечайте так-то, ведите себя так-то. А теперь запомните: за перила не держитесь. И я видел, как люди уже пожилые пробовали сходить по лестнице, не держась за перила, и как они от этого молодели, становились грациознее. Попробуйте вы так сделать и вы станете грациознее».

Стр. 303, строка 2 сн.: «Все причесаны, небольшие нарушения этого правила у младших».

А. С. Макаренко писал в книге «Методика организации воспитательного процесса»: «Ношение причесок очень желательно, но с

необходимым условием, чтобы они содержались всегда в полном порядке и чистоте и имели вполне культурный и соответствующий возрасту вид. Аккуратные, красивые прически улучшают общий внешний стиль коллектива».

Стр. 305, строка 9 сн.: «Блюм: *Как же не волноваться, Георгий Васильевич? Вот-вот должны приехать коммунары*». События, описанные в пьесе «Мажор», относятся к тому времени, когда дзержинцы возвратились из похода на Кавказ (1931 г.).

Стр. 308, строка 8 сн.: «Белоконь: *Побелку кончили, а убрать некому. Собственно говоря, это не моя обязанность*. Воргунов: *Не ваше призвание, хотите сказать?*»

Если этого требовали интересы общего дела, каждый сотрудник коммуны, независимо от должности, считал своей обязанностью выполнить любую работу, так называемую «черную работу» в том числе Это отношение к труду было одной из традиций коммуны.

Стр. 318, строка 2 св.: «*Вестибюль главного здания коммуны*». Здесь фотографически точно описан главный вход в коммуны им. Ф. Э. Дзержинского.

Стр. 323, строка 8 сн.: «Воргунов: *Да? Это было бы хорошо. Наши люди совершенно неспособны провести черту: здесь дело, а здесь любовь*».

Реплика Воргунова затрагивает вопрос, которому А. С. Макаренко придавал большое значение. В лекции «Коммунистическое воспитание и поведение» (1 марта 1939 г.) он говорил: «...мы должны учиться, как надо любить. Мы обязаны быть сознательными гражданами в любви, и мы поэтому должны бороться со старой привычкой и взглядом на любовь, что любовь это нечто свыше, налетела вот такая стихия и у человека только его «предмет» и больше ничего. Я полюбил, поэтому я опаздываю на работу, забывая дома ключи от служебных шкафов, забываю деньги на трамвай. Любовь должна обогащать людей ощущением силы, и она обогащает. Я учил своих коммунаров и в любви проверять себя, думать о том, что будет завтра».

Стр. 340, строка 7 св.: «*У денежного шкафа часовой с винтовкой*». Охрана коммуны им. Ф. Э. Дзержинского была организована с воспитательной целью. В одном из докладов А. С. Макаренко говорил об этом: «Вы думаете, что коммуны надо было охранять? Коммуна была НКВД, кто посмел бы ее ограбить. А мы нарочно денежный ящик, сейф держали в вестибюле при входе, и часовой с винтовкой дежурил день и ночь...»

Что такое храбрость? Человек боится, но делает то, что нужно делать. Я прихожу в 12 часов ночи в вестибюль, стоит мальчик с винтовкой. Спрашиваю его: боишься? — Нет. Да и бояться нечего, потому что вблизи есть старшие коммунары. Это игра, но ответственная игра. Человек учится преодолевать страх».

Следует также учесть, что вестибюль коммуны, где стоял часовой, был ночью освещен.

Стр. 345, строка 9 сн.: «Клюкин: *Там на двух ушках нужно высверливать две дырочки и заклепывать на них штифтики для контактов. Одарюк предлагает дырочек не сверлить, штифтиков не ста-*

жить, а штамповать пластинку наподобие ласточкиного хвоста, а потом загнуть два хвостика. Можно их загнуть во время штамповки. Получаются хорошие контакты».

Здесь рассказано об усовершенствовании, которое было осуществлено в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского по предложению одного из коммунаров и дало значительную экономию. Стремление к рационализации труда в коммуне всячески поощрялось. Коммуна систематически воспитывала умение рационально организовать труд.

Стр. 356, строка 19 сн.: «Григорьев: *Разумеется, этому комунару будут мстить...*»

Этот «довод» Григорьева не имел под собой никаких оснований. В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского каждое нарушение встречало отпор со стороны коллектива. Было принято открыто критиковать товарища, не обижаясь, выслушивать критику.

А. С. Макаренко считал, что если этих качеств нет, если среди воспитанников — круговая порука и они скрывают проступок от педагога во имя ложной этики («не выдавать товарища»), то нет и подлинно советского воспитания.

Стр. 367, строка 2 св.: «*Большая комната совета командиров*». Приведенное далее описание комнаты воспроизводит обстановку в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. Был период, когда из-за недостатка помещений в коммуне начальник коммуны и совет коммунаров находились в одной комнате.

Стр. 375, строка 7 сн.: «Шведов: *Наказать может только совет командиров*». А. С. Макаренко считал, что право наказания должно принадлежать только педагогическому руководителю, и в коммуне это право действительно являлось его прерогативой. Однако был период, когда для того чтобы повысить авторитет и ответственность совета командиров, А. С. передал право наказания совету командиров. На заседаниях совета А. С. Макаренко или замещающий его педагог обязательно присутствовал.

Стр. 376, стр. 9 св.: «Воргунов: *На станках рогожные флажки*». Первое время освоение производства на заводе в коммуне им. Дзержинского требовало больших усилий и напряжений. Рогожные флажки на станках были кратковременной мерой воздействия на тех, кто систематически не выполнял плана. Позже эта мера в коммуне не применялась.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

А

- Авторитет — 94, 180, 207—208.
Аккуратность — 81, 102, 187.
Актив воспитанников — 42—46,
85, 161, 186, 187, 222, 286.
Активность — 18, 24, 97, 107,
109, 124, 132, 187.

Б

- Беседа — 127—128.
Библиотека — 12, 15, 263.
Бригада знаменная (см. также
«Знаменщики») — 113, 115, 148,
205, 227.
Бригада производственная — 29,
48—49.

В

- Вежливость (см. также «Культура поведения») — 67—68,
71, 82, 117—118, 188.
Взвод — 113, 119, 123, 148, 187,
227—229, 233, 235, 237, 244,
243—251, 283.
Влияния вредные — 19, 129—130,
179, 182, 202—204.
Внимание — 33, 57.
Военизация — 32—34, 113—117,
119—122, 147—149, 227—228.
Возраст — 11, 17, 27, 29, 42,
45—46, 48, 52, 124, 302.
Воля — 17—18, 45, 130, 150, 155,
185.
Воспитание — 9, 179.
Воспитание антирелигиозное —
74, 272—274, 348.

Воспитание идейно-политическое — 71—72, 76, 91, 93, 101,
109, 112—118, 121, 123, 149,
169, 182, 226, 231, 386.

Воспитание коллективизма —
54—55, 67, 166, 184.

Воспитание коммунистическое —
55, 90.

Воспитание коммунистической
нравственности — 68, 134, 371,
391.

Воспитание культурных навыков (см. также «Культура быта», «Культура поведения», «Культурная внешность») —
65—69.

Воспитание организатора — 17,
23—24, 86, 114, 119, 221, 235,
247, 250, 262, 279, 284, 328,
338, 363, 384.

Воспитание половое (см. также «Отношения между мальчиками и девочками») — 102—
106.

Воспитание советского патриотизма — 33, 53, 66—67, 72,
109, 112—118, 121, 123, 150,
226, 255—256, 386.

Воспитание совместное (см. также «Отношения между мальчиками и девочками») — 102—
106.

Воспитание хозяйна — 9—10, 26,
49, 56—60, 66, 75, 77, 79, 83,
137, 138, 154, 164, 167, 168,
196—197, 215, 217—218, 243,
252, 280, 310, 324, 329, 360,
384.

¹ Указатель составлен Е. Альтшулер.

Воспитание эстетическое — 9—10, 16, 204—207, 226.
Воспитатели (см. также «Учитель») — 23, 34, 41, 43, 44, 48, 61, 74—75, 92, 94, 99, 102, 106—109, 129, 169, 232, 286.
Выбор профессии — 52, 125—126.
Выпуск — 105, 392—393.

Г

Гордость — 46, 117, 127, 149, 181, 203, 263.

Д

Девочки — 9, 11—12, 17, 40, 77—79, 97—100, 102, 131, 184, 217, 221, 227—228, 235—237, 249, 258—259, 263, 279, 285, 302.

Дежурный заместитель (ДЗ) — 22, 25, 39, 40, 49, 70, 99, 101.

Дежурный командир (ДК) — 33, 35, 37—41, 46, 66, 70, 77, 82, 88, 94—96, 98, 101, 115—116, 118, 124, 128, 186—187, 205, 222, 230, 242, 259, 261—262, 266—267, 276, 281, 289, 303, 324, 327, 343, 348, 354, 355, 357, 360—361, 366—367.

Дежурный по кабинету — 76.

Дежурный сигналист — 35, 95, 119, 138, 266, 347, 360.

Дежурный член санитарной комиссии (ДЧСК) — 28, 37—39, 66, 95, 236, 289.

Дежурство — 38, 67, 94, 119, 186.

Деликатность (см. также «Культура поведения») — 129.

Деловитость — 71, 137, 187.

Дети (Общие высказывания о детях) — 16, 77, 103, 107, 124, 186.

Дисциплина — 32—34, 54, 56—59, 84, 86, 89, 102—103, 112, 120, 127, 130, 159, 179, 182, 185, 206, 263, 266—267, 287—288, 332, 355, 392.

Дневальный (см. также «Часовой») — 24, 27—28, 32—34, 45,

67—68, 87, 118, 133, 138, 140, 142, 212, 289.

Добросовестность — 26, 185.

Доверие — 33.

Достоинство — 71, 119, 132, 154.

Дружба — 18, 26, 42, 47, 83, 179, 251.

З

Закалка — 18, 122, 225—226, 238.

Зарплата (см. «Труд. Зарплата»).

Звание коммунара — 45, 71, 81, 295.

Знаменщики — 116—117, 227, 327.

Зная — 23, 46, 69—70, 115—117, 120, 123, 142, 147, 149, 205, 227—229, 234—235, 246, 253, 255—256, 261, 278, 282, 327.

И

Игра — 27—28, 30—31, 112, 162, 184, 277.

Игра военная — 27, 110.

Игра настольная — 12, 80, 94—95.

Игра спортивная — 112, 134.

Изобретательность — 205, 271—272, 345.

Инициатива — 27, 50, 94, 112, 240, 248, 254.

Искренность и открытость — 17, 45, 180, 203.

К

Кабинет — 39, 76—82, 88—89, 94, 140, 152, 161, 200, 203, 204, 287, 290—294.

Кино — 10, 49, 74, 76, 101, 106, 114.

Клубная работа — 74—75, 104, 106—112, 125.

Коллектив — 15, 77, 141, 179, 181, 183, 302, 390.

Коллектив единый — 18, 33, 45—46, 52, 54, 56, 61, 67, 69, 102—103, 123—124, 129, 150, 154, 155, 159, 165, 180, 182, 187—188, 263, 287, 297, 390.

- Коллектив первичный—21.
 Коллектив. Воздействие коллектива на личность—18, 26, 42, 45, 66, 103, 131—134, 165, 179—181, 186, 266—267, 376.
 Коллектив. Движение коллектива—54, 102, 149—150, 164, 297.
 Коллектив. Индивидуальные особенности коллектива—17.
 Коллектив. Организация коллектива—11, 17, 19, 20, 22.
 Коллектив. Органы коллектива (см. также «Собрание общее», «Совет командиров», «Комиссии») —23, 35.
 Коллектив. Преемственность поколений в коллективе—17.
 Коллектив. Связь с другими коллективами и окружающим населением—27, 51, 69—76, 226, 254—257, 269—270, 276—278.
 Коллектив. Соревнование в коллективе—22—23, 46.
 Коллектив. Структура коллектива—32, 35, 43, 51, 54, 222.
 Коллектив. Тон и стиль работы в коллективе—43—46, 52, 57, 59, 71, 75, 91, 94—95, 102, 116, 129, 266.
 Коллектив. Уполномоченные коллектива—20, 32—35, 43, 49, 137—138, 143, 147, 255, 295.
 Коллектив. Эстетика коллектива—116, 120—121, 148, 150, 228, 257, 335.
 Командир (см. также «Совет командиров») —22—24, 26—29, 33, 38—40, 48, 51, 55, 57, 59, 94—96, 98—101, 117, 132, 138, 143, 165, 181, 202, 217, 222—223, 227—230, 245, 247, 262, 274, 284, 389.
 Командир взвода—113, 116—117, 119, 148.
 Командир школьных групп—43.
 Комиссии—45, 59, 86, 92—93, 105, 114, 132, 140, 152, 205, 286.
 Комиссии производственные—49, 51—52, 54, 62.
 Комиссия вербовочная—287.
 Комиссия избирательная—28.
 Комиссия культурная—114, 231.
 Комиссия маршрутная—142, 223—225, 233, 246, 253, 261, 276, 280.
 Комиссия одежная—78, 114.
 Комиссия парадная—114.
 Комиссия праздничная—113—114, 295.
 Комиссия санитарная—22, 39, 66, 68—69, 88, 230.
 Комиссия столовая—77, 114, 118, 119.
 Комиссия хозяйственная—114, 227, 230, 233, 237—238, 247, 274—276.
 Комиссия художественная—205.
 Комсомол—11, 18—19, 22, 38—39, 51—52, 56, 68, 73, 75, 82—86, 90—93, 99, 101, 132, 139, 149, 152, 188, 222, 286—287, 298, 315, 335, 348, 350, 367, 373, 383, 386, 390.
 «Конституция» коммуны—244.
 Концерт—74, 276.
 Кружки—104, 106, 112.
 Кружок библиотечный—184.
 Кружок драматический—74—75, 106, 109, 112, 125, 184, 226—227.
 Кружок. Изокружок—27—28, 94, 109—111, 184.
 Кружок литературный—106, 112, 184.
 Кружок натуралистов—183—184.
 Кружок фото—236, 257.
 Кружок художников—104, 106, 112.
 Кружок эсперантистов—112.
 Культура быта—74—76, 89, 106—112, 114, 182—184.
 Культура быта—10, 16, 28, 33—36, 39, 43, 67, 71, 75, 81, 86, 95—96, 114, 120, 122, 165, 192, 226, 230, 287, 340, 343, 359, 365.
 Культура поведения—70—71, 82, 97, 99, 118, 130, 256, 266, 288, 303.

Культура социалистическая — 65—69, 99, 256, 288, 314, 381.
Культурная внешность — 18, 22, 43, 46, 65, 71, 102, 113, 115, 122, 130, 165, 187, 256, 303.
Культпоход — 74.

Л

Лагери — 87, 134, 172, 223—227, 244, 258, 260—276.
Личность — 103, 181.
Любовь — 105, 311—312, 325, 330, 333, 336, 358, 368, 378, 392.

М

Мажор — 50, 56, 94, 109, 118, 120, 147, 154, 159, 165, 184, 228, 236, 244, 256, 263, 281.
Мастерство педагогическое — 96, 100, 242—244, 247—248, 267.
Материальная часть. Внутреннее оборудование — 9—12, 15, 19, 66, 76, 227, 304.
Материальная часть. Здания — 9—12, 15, 143, 148—151, 163, 165, 171—172, 178, 218, 281—282.
Материальная часть. Мастерские — 10, 12, 19—21, 27, 45, 52, 60, 73, 149—150, 158, 162.
Материальная часть. Оборудование производственное — 20, 22, 41—42, 49—51, 53—60, 89, 110, 158, 160—164, 193—200, 221, 268, 284, 297, 304—305, 307, 326, 330, 338.
Материальная часть. Одежда — 11, 17, 19, 28, 40, 63, 65, 77—79, 113—115, 122, 151, 166, 168, 190—191, 227—228, 233, 239, 253, 257, 259, 267, 274, 287—288, 302—303, 311, 324.
Материальная часть. Питание — 102, 113—114, 169, 230, 233, 236—237, 244, 265—266, 367.
Материальная часть. Продукция — 29, 41, 47, 53, 55—56, 66, 76, 144, 149, 152, 159, 161, 164,

175, 199—200, 208, 210—211, 217, 297, 307, 367.
Материальная часть. Финансы — 12, 41, 48, 52, 54, 63, 84, 89, 96, 110, 144, 153, 156, 158—160, 164—170, 174—175, 189, 191, 208—211, 218, 221, 243, 247, 330.
Материальная часть. Цехи — 41, 42, 47—52, 55—56, 89, 140, 143, 150, 151, 161, 163, 172—178, 192—202, 210—211, 307.
Метод «взрыва» — 130, 155—156.
Метод педагогический — 15—16, 90.
Мужество — 45, 180.
Музей школы — 43.
Музыка — 22—23.

Н

Наказание — 25—26, 39, 49, 99—101, 267, 276, 375.
Настойчивость — 69.
Новички — 11, 17, 19, 21, 32, 39, 40, 60, 81, 83, 97, 114, 130—132, 179—180, 209, 232, 286—294.

О

Образование — 55.
Организация коллектива (см. «Коллектив»).
Организация труда (см. «Труд»).
Органы коллектива (см. «Коллектив»).
Ориентировка — 17, 33, 50, 56, 67, 86, 231, 243, 254, 257.
Оркестр — 22—23, 25, 35, 58, 69—70, 73—74, 83, 94, 111, 113, 115—118, 120, 122—123, 141—142, 147—148, 172, 183, 185, 205—206, 227—228, 234—235, 242, 245—246, 249, 253, 255—256, 260, 261, 269, 279, 295, 314, 316, 319, 325, 327.
Ответственность — 9—10, 33—34, 40, 46, 88, 103, 132, 139, 288, 329.
Отдых — 93, 183, 269.
Отношение воспитанников к коммуне — 17, 18, 26, 44, 103, 168, 203.

Отношение воспитанников к общественной собственности—26.
Отношение воспитанников к педагогам—44, 94.
Отношение воспитанников к персоналу—41, 61, 89.
Отношение воспитанников к труду—43, 341.
Отношение воспитанников к учебе—17.
Отношение к прошлому воспитанников—129, 134, 310.
Отношения внутриколлективные—18, 22—23, 23, 45—46, 52, 54, 56, 67, 81, 116, 130, 168, 187—188, 262, 328, 331, 352.
Отношения между мальчиками и девочками—18, 77—79, 102, 115, 124, 185, 233, 262.
Отношения между педагогами и воспитанниками—38—39, 80—81, 85, 154, 236—267.
Отношения между старшими и младшими—28, 68.
Отряд—11, 17, 20—24, 26—29, 35—38, 40—41, 46, 52, 59, 60, 66, 71, 82—83, 86, 95, 102, 108, 113, 129, 133, 142, 164, 181, 185, 203, 205, 217, 221—222, 227—228, 283, 298, 328, 334, 337.
Отряд дежурный—67, 139.
Отряд комендантский—114, 117, 119.
Отряд сводный—44.
Отряд сводный. Сторожевой—27, 32—34, 45, 87, 93, 138, 202, 238.
Отряд хозяйственный—20.
Отряды производственные—19, 21.

П

Педагогика—55, 179.
Педагогика параллельного действия—37—38, 66, 96, 98—100, 102.
Педсовет—23, 54, 143, 155, 286.
Персонал—12, 41, 77, 79.

Перспектива—29, 102, 126, 140, 155, 159, 164—165, 183, 209, 219, 232, 243.
Пионеры—31, 93, 288.
Планирование (см. также «Труд. Организация труда и производства») —107, 109.
Поверка—37—41, 88, 183, 230.
Политика как основа педагогики—33, 90.
Помощник командира—23, 37, 46, 83.
Походы—86, 112—124, 133, 141—143, 147—150, 165, 175, 226—282, 311.
Праздники—204—208, 295, 297.
Праздники революционные—112—118.
Премия—111.
Преодоление трудностей—130, 150.
Прием педагогический—11, 16.
Приказ по учреждению—25—26, 37, 82, 86, 87, 96, 113—114, 186, 201, 227, 233, 257.
Принуждение—242, 314.
Принципиальность—17—18, 180.
Производство—52—54, 171, 200—201, 220—221, 341.
Промфинплан—63, 201, 209—211, 217, 220—221, 227, 297.

Р

Рабфак—18, 22, 41, 51, 105, 143—144, 151—156, 164, 182, 183, 188, 286, 298, 315, 350, 386.
Рапорт—23, 28, 29, 31—32, 34, 37—40, 43, 45, 57, 59, 66, 83, 94—97, 101, 131, 139, 202, 217, 245, 280—281, 328, 366.
Ребусник—111.
Режим—34—35, 37—38, 41, 51, 65, 93, 182, 230, 263, 265, 343, 353.
Руководство—63, 77, 108—109, 129.

С

Салют—38, 70, 83—89, 95, 97, 99, 101, 118, 127, 148, 288.

Салют знамени — 116, 123, 149, 205, 223, 255, 262, 270—271, 279, 281, 326.

Самообслуживание—23, 35—39, 99—100, 119, 182, 245, 328, 331, 333, 337.

Санитария — 28, 34, 114, 287.

Секретарь совета командиров (ССК)— 20, 34, 36, 58—62, 65, 70, 76—77, 80, 82—84, 83—89, 91, 91, 113, 129, 135, 143, 152, 185—186, 223, 235, 355.

Сигнал — 19, 35, 38—39, 41, 82, 89, 95, 113, 115, 119—120, 133, 205, 207, 226, 245, 257, 288, 347, 360, 362, 381.

Сказки — 108.

Собрание общее—18—20, 25—26, 23—29, 31, 34—35, 38—40, 43—45, 51, 57—59, 66, 69—71, 73, 75, 80, 85—86, 90, 92—101, 105, 112—114, 131—134, 136, 139, 164—169, 183—184, 187—189, 190, 202—203, 209, 215—218, 220, 222—224, 227, 242, 214, 266—267, 273—274, 280, 289, 329.

Совет командиров — 11, 17, 20, 23, 23, 31—32, 35—37, 42—46, 52, 54, 58, 60, 62—66, 74, 78, 82—87, 92—93, 102, 109, 113, 123, 133—134, 152—155, 157, 161—162, 164, 166, 180, 184—186, 190, 197, 203, 219—224, 226, 227, 234, 264—267, 272, 283—284, 286, 289—294, 324, 355, 359, 375, 382—393.

Сознание — 103, 181—182.

Спорт (см. «Физкультура и спорт»).

Стенгазета — 46, 50—51, 74, 76, 80, 288.

Строй — 69—70, 86, 113—114, 117—118, 120, 123, 147—149, 187, 227—228, 233, 242, 244—246, 253, 257, 261, 262, 274, 281—282.

Счастье — 255.

Т

Театр — 75, 109, 114, 226, 314.

Теория педагогическая—15—16, 34, 102, 179, 181.

Тон и стиль (см. «Коллектив. Тон и стиль работы в коллективе»).

Торложение — 18, 30, 148, 197.

Точность — 49, 58, 95, 185, 215, 218—219, 253—254, 352.

Традиции — 35, 49, 59, 70, 77, 86, 103, 123, 355.

Требование — 28, 34, 61, 69, 130.

Труд — 17, 23—24, 27, 44, 86, 107, 115, 149, 183, 197, 219, 221, 236, 333.

Труд производительный — 22, 27, 29, 41—42, 44—62, 70, 76, 87, 89, 93, 144, 152, 164, 167—169, 182, 194—200, 211, 215, 217—218, 220—221, 226, 263—267, 286, 297—298, 349—350, 331, 384.

Труд. Воздействие труда на личность — 6—47.

Труд Зарплата — 29, 53—55, 62—63, 89, 164—165, 200.

Труд. Квалификация — 22, 43, 47—49, 55—56, 93, 160, 194, 211, 297—298.

Труд. Организация труда и производства—19—20, 23—24, 35—36, 43, 47—48, 53, 60—64, 92—93, 140, 164, 201, 235.

Труд Производственные совещания — 48—49, 51—52, 57, 60, 90, 92, 187.

Труд. Соцсоревнование и ударничество — 48, 54, 92.

У

Уважение — 102, 130, 132.

Умение приказать и подчиниться — 17, 23, 46, 57, 84, 86—87, 222, 288.

Уполномоченные коллектива (см. «Коллектив. Уполномоченные коллектива»).

Упражнение — 33, 181.

Учеба — 41, 47, 93, 107, 115,
132, 138, 149, 169, 182, 221, 226,
287.
Учет — 43, 109, 132.
Учитель — 41, 180.

Ф

Физкультура и спорт — 9, 94,
111—113, 169, 184—185, 233,
269.
Флаги — 115—116, 142.

Х

Характер (см. также «Аккуратность», «Активность», «Вежливость», «Внимание», «Воля», «Воспитание ангирелигиозное», «Воспитание идейно-политическое», «Воспитание коммунистической нравственности», «Воспитание организатора», «Воспитание советского патриотизма», «Воспитание хозяина», «Гордость», «Деликатность», «Деловитость», «Дисциплина», «Добросовестность», «Достоинство», «Забота», «Изобретательность», «Инициатива», «Искренность и открытость», «Личность», «Мажор», «Мужество», «Настойчивость», «Ориентировка», «Ответственность», «Принципиальность», «Торможение», «Точность», «Характеристика», «Целеустремленность», «Честность») — 23, 179—180.
Характеристики персонажей — 17—18, 22—26, 29—30, 37—38, 42—46, 49—50, 83, 91, 94,

97, 99, 104, 106—107, 124, 125,
132, 143, 149, 153—154, 157,
166—168, 179—180, 183—185,
189, 198, 203, 205, 215, 223,
225, 239.

Ц

Цветы — 9, 28, 120, 172, 204,
285, 340.
Целеустремленность — 42, 46,
150.
Цель воспитания — 54.
Центр педагогический — 81.

Ч

Часовой (см. также «Дневальный») — 71, 192, 246, 262, 295,
303, 340, 343, 346, 352, 356—
357, 359.
Честность — 17, 180, 385.
Четь — 25, 33, 46, 103, 132,
255, 310, 317, 356.
Чтение — 12, 39, 80—81, 93, 141,
182, 184—185, 231, 259, 269.

Ш

Школа — 22—23, 28, 30, 43, 65—
66, 87, 92, 106, 151, 155, 197,
227, 286.
Штаб отряда — 286—288.
Штаб соревнования — 51—52,
54.

Э

Экскурсии — 76, 83, 85, 253—254,
274, 280.
Энтузиазм — 307, 350—352, 350,
363.
Эстетика (см. также «Воспитание эстетическое» и «Коллектив. Эстетика коллектива») — 165.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
От редакции	5
Марш 30 года. Повесть	
Памятник Феликсу Дзержинскому. Вступление	9
Как мы начали	12
Первые дзержинцы	17
Первый отряд	21
Пацаны	27
Утро в коммуне	32
В машинном цехе	41
Сборный	47
Куда мы идем?	51
Хозяева	56
Копейки и мальчики	60
Из книги о культурной революции	65
„Делегации“	69
„Окружающее население“	73
Кабинет	76
Совет командиров	82
Наши шефы	87
Дела комсомольские	90
Общее собрание	93
Половая проблема	102
Клубработа	106
Походы	112
Москва	118
Филька	124
Сявки	126
Юхим	134
Вечер	133
Заключение	141
ФД-1. Повесть	
1. Похоже на вступление	147
2. Переход количества в качество	150
3. История производственного фона	156
4. Арифметическая поэзия	165
5. Дело при Ваграме и другие дела	171
6. В пучине педагогики	179
7. Часы и дни	186
8. Чудеса техники	189

9. Трагедия	199
10. И трагедии и комедии	204
11. Праздник	—
12. Пожары и слабости	208
13. На дороге	217
14. Положение на фронте	223
15. Четырнадцатое июля	—
16. Первые километры	229
17. Тоже первые километры	238
18. Почти туристы	250
19. Лагери	258
20. Люди и медведи	267
21. В Харькове	276
22. Кое-что о коэффициентах	280
23. Первые атаки	284
24. На боевых участках	285
25. Симфония Шуберта	295
26. Поворот оверштаг	—
27. Похоже на эпилог	—

Мажор. Пьеса в четырех актах

Действующие лица	301
Акт первый	304
Акт второй	318
Акт третий	340
Акт четвертый	367

Приложения

К пятилетию коммуны им. Ф. Э. Дзержинского

Педагоги пожимают плечами	397
Перевернутые страницы	405
Один день коммуны	414
Конституция страны ФЭД	421
Характеристики выпускников	425

Жизнь коммуны им. Ф. Э. Дзержинского

в фотоиллюстрациях	433
-------------------------------------	------------

Комментарии и примечания к текстам

„Марш 30 года“	467
„ФД-1“	474
„Мажор“	481
Предметный указатель	487

Редактор *Н. А. Сундуков*
Переплет, титул и заставки
худ. *И. Д. Кричевского*
Художественный редактор *Г. З. Гинзбург*
Технический редактор *В. П. Гарнек*

☆☆☆

A02255. Подписано к печати 24/III-1950 г.
Уч.-изд. л. 26. Тираж 50 000 экз. Цена 15 руб.
Бумага $82 \times 108\frac{1}{3}$ = 7,75 бум. — 24,8 печ.
лист. Заказ № 2363.

☆☆☆

Набрано в Первой Образцовой типографии
имени А. А. Жданова Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР. Москва,
Валовая, 28.

Отпечатано в 3-й типографии
«Красный пролетарий» Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР. Москва,
Краснопролетарская, 16.

А.С.МАКАРЕНКО

СОЧИНЕНИЯ

2

АКАДЕМИЯ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ
НАУК РСФСР